

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2013 ГОД

ПРОЗА

АНТИПИН Андрей. **Горькая трава.** Повесть (№ 4)
БАЙБОРОДИН Анатолий. **Белая степь.** Повесть (№ 2)
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. **Между трёх огней.** Рассказ (№ 2)
БЕСЕДИН Николай. **На чужой земле.** Рассказ (№ 3)
ГОФМАН Владимир. **Далеко-далеко за морем.** Рассказ (№ 4)
ЕВСЕЕНКО Иван. **Нетленный солдат.** Рассказ (№ 4)
ЕСЬКОВ Михаил. **Наречённая.** Рассказ (№ 10)
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Неприкаянность.** Рассказ (№ 10)
ЗАРЕЦКАЯ Юлия. **Живая вода.** Рассказ (№ 7)
ЗВЯГИНЦЕВ Александр. **Неуловимая.** Рассказы (№ 2)
ИВАНОВ Николай. **Брянский рейд.** Повесть (№ 10)
ИГУМНОВ Дмитрий. **Лихие годы.** Картинки с натуры (№ 11)
ИСАЕВ Валерий. **Доктор Фая.** Быль (№ 7)
КАРПУНИН Геннадий. **Птицы вольные.** Повесть (№ 12)
КАРЫШЕВ Альберт. **Воздвижение креста.** Рассказ (№ 12)
КОСТЮК Наталья. **Про любовь.** Рассказ (№ 7)
КРАСАВИН Юрий. **Двадцать девять праздников.** Повесть (№ 1)
ЛЕБЕДЕВ Александр. **Милейший.** Рассказ (№ 11)
ЛИХАНОВ Альберт. **Непрощённая.** Роман (№ 5)
ЛУЦКИЙ Сергей. **Межсезонье.** Повесть (№ 12)
МАЛЬКОВ Виталий. **Дом.** Рассказ (№ 4)
МАЛЬЦЕВ Пётр. **Ямщик, не гони лошадей...** Рассказ (№ 4)
МАРЧУК Георгий. **Трагики и комики.** Рассказ (№ 7)
МЕЛЬНИКОВ Виктор. **Лава.** Рассказ (№ 1)
МИХЕЕНКОВ Сергей. **Солдатский маршал.** Роман-биография (№ 5, 6)
ОВЧИННИКОВ Николай. **Час сиесты.** Рассказы (№ 12)
ПОЛЯКОВ Эдуард. **По любви.** Рассказы (№ 11)
ПРОХАНОВ Александр. **Время золотое.** Роман (№ 6, 7)
РОГОВ Анатолий. **Мой гений, мой ангел, мой друг.** Роман (№ 3)

САВИЦКИЙ Алесь. **Вспаханное поле.** Роман (№ 7)
СЕМЁНОВ Юрий. **Пуля каску проби- ват...** Рассказ (№ 12)
СЕРОВ Алексей. **Хозяин.** Рассказы (№ 10)
СИТНИКОВ Владимир. **Урочище.** Рассказ (№ 3)
СУПРУНЧУК Виктор. **Для тебя я готов на всё...** Рассказ (№ 7)
ТАРАСОВ Александр. **Святая.** Рассказы (№ 4)
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Топор – к бою!** Рассказы (№ 1)
ТРОХИН Геннадий. **Предательство.** Рассказ (№ 11)
ФЕДАРЕНКО Андрей. **Дикий луг.** Повесть (№ 7)
ХАЙРЮЗОВ Валерий. **Капитан летающего сарая.** Повесть (№ 1)
ЧУГУНОВ Владимир. **Плач Адама.** Повесть (№ 12)
ЩЕПОТКИН Вячеслав. **Крик совы перед концом сезона.** Роман (№ 8–10)
ЮЖАНИНОВ Леонид. **Цепи Романова.** Повесть (№ 2)

ПОЭЗИЯ

“Мы стоим за Россию, и значит, стоим на краю...” Поэтическая мозаика (№ 10)
АВРУТИН Анатолий. **Что-то вздрогнет в душе...** (№ 11)
АГЕЙКО Вероника. **Мы – славяне** (№ 7)
АЛЕШКОВ Николай. **Поэма о матери...** (№ 3)
БАРТОШ Георгий. **Вид из окна** (№ 7)
БЕЛОВ Виктор. **И сердцу сладко, радостно, тревожно** (№ 4)
БРЫКСИНА Татьяна. **Размалывая зёрна бытия...** (№ 8)
БУРМИСТРОВ Борис. **Душа с душой не расстаётся...** (№ 2)
ВАСИЛЬЕВ Сергей. **Зеленоглазая ласточка** (№ 3)
ВАСИЛЬЕВ Ярослав. **Отпеваю позднюю любовь...** (№ 7)
ГОЛУБКОВ Кирилл. **Потерянный рай** (№ 12)
ГОРБУНОВ Анатолий. **Любовь земная** (№ 7)
ДМИТРИЕВ Николай. **Это знак подаётся о встрече...** (№ 1)

- ДРОЗДОВА Наталья. **А у нас навсегда – жизнь** (№ 4)
- ЕГОРОВА Наталья. **И от слова живого колеблется мрак!..** (№ 9)
- ЕРШОВ Максим. **Боль щемящей родины** (№ 12)
- ЗУЛЬФИКАРОВ Тимур. **Здесь всякий лес – сад Гефсиманский** (№ 4)
- ИВАНОВ Валерий. **Сложная жизнь** (№ 6)
- ИГНАТЬЕВ Олег. **Эти нежные пути** (№ 12)
- КАЛЮЖНЫЙ Григорий. **Весть о будущей весне** (№ 12)
- КАН Диана. **Августейший дождь** (№ 4)
- КАРЯКИН Александр. **У Сызрана** (№ 12)
- КИРЮХИН Сергей. **Мы возвращаемся к истокам** (№ 12)
- КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Выбравший суровое Отечество... Отчий край, берёзово-сиреневый...** (№ 10)
- КОРНЕЕВ Вадим. **И торжествует человек** (№ 9)
- КОРОТАЕВ Денис. **Вехи и пути. С предисловием Ст. Зотова** (№ 8)
- КОТЮКОВ Лев. **Эхо вечного света...** (№ 1)
- КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **Правду о жизни сказать** (№ 7)
- КУЛЕШОВА Лилия. **Для исповеди просится душа...** (№ 3)
- КУЛИЖНИКОВ Михаил. **Заветное слово** (№ 4)
- ЛЕЙКО Татьяна. **Нам Земля открывала свою красоту** (№ 7)
- ЛОГВИНОВ Андрей. **Будет Пасха** (№ 4)
- ЛУКЪЯНОВ Игорь. **Дымки Отчизны** (№ 6)
- МАКЕЕВ Василий. **“Я дни мои, как листья, обрываю...”** (№ 8)
- МАТВЕЕВА Новелла. **Война за пространство** (№ 9)
- МЕТЛИЦКИЙ Микола. **Вот и лето доспело...** (№ 7)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Наливаю жизнь до края** (№ 9)
- МОЛЧАНОВ Владимир. **Я – веточка берёзки таволжанской** (№ 4)
- МОРОЗОВ Геннадий. **Память прощального счастья...** (№ 1)
- НЕВСКАЯ Лидия. **Ах, какая благодать!** (№ 12)
- НИКОНОВА Любовь. **Звучит пространство музыкой простою. С вступлением С. Донбая** (№ 3)
- ОБЪЕДКОВ Анатолий. **Вёрсты родимой земли...** (№ 5)
- ПАСТУХОВ Виктор. **Но как нам нужен корень жизни** (№ 2)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Вся наша жизнь – в любви...** (№ 3)
- ПОЗДНЯКОВ Михаил. **Какая сладость в тишине!** (№ 7)
- ПОМОЗ–ЛАЙКОВА Марина. **Земле исповедуются колосья** (№ 7)
- ПОРТНЯГИН Олег. **Назначены судьбой простор и воля** (№ 12)
- ПОШЕХОНОВ Александр. **Хочется в рай и в тюрьму...** (№ 2)
- Поэтическая мозаика** (№ 6, 11)
- РАЧКОВ Николай. **Источник любви и страдания** (№ 12)
- РУМЯНЦЕВ Андрей. **“Я пришлю тебе помощь!” С послесловием Кима Балкова** (№ 9)
- САВИНЫХ Марина. **Мы воспарили над бездной...** (№ 3)
- СЕМИЧЕВ Евгений. **Дети священной Победы** (№ 5)
- СКАРЛЫГИН Геннадий. **У заветной ветлы, у заветного дольного камня...** (№ 12)
- СТРУКОВА Марина. **Генокод** (№ 11)
- ТЕРЁХИН Вадим. **Слово и музыка вечны...** (№ 1)
- ТРЕНАС Вика. **Найди меня** (№ 7)
- ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Русский марш** (№ 6)
- УРУСОВ Владимир. **Кому-то надо воевать...** (№ 11)
- ФРОЛОВ Геннадий. **Не в своё время** (№ 7)
- ХАРИТОНОВ Вячеслав. **Воспеть Самарскую луку** (№ 12)
- ХАТЮШИН Валерий. **По опавшим листьям...** (№ 11)
- ХВОРОВ Валерий. **Восторгом полнится душа...** (№ 4)
- ЧВАНОВА Надежда. **Грусть моя исповедальная...** (№ 12)
- ЧЕКАНОВ Евгений. **В раздумье о самом высоком...** (№ 1)
- ЧЕРНЯВСКАЯ Ирина. **Кольцо** (№ 4)
- ШАЦКОВ Андрей. **Верши молитвы праведное слово** (№ 11)
- ШПАРТОВА Татьяна. **Чем не благодать?** (№ 7)
- ЩЁЛКОВ Иван. **Пробьётся срединная Русь...** (№ 5)
- ЩЕРБАКОВ Александр. **И отзвук сердца своего** (№ 5)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- “Россия – судьба”** (№ 10)
- АБРАМЫЧЕВ Алексей. **“Ты проснёшься ль, исполненный сил...”** (№ 5)
- АЛЕКСЕЙЧИК Яков. **Подкидной с чертями** (№ 5), **Варшава и белорусский вопрос – век XX** (№ 7), **Сентябрь, решивший судьбу** (№ 9)
- БАЙБОРОДИН Анатолий. **Мать сыра земля** (№ 11)

- БАТЫРОВ Ким. **Государство и монополии: кто кого?** (№ 12)
- БОБРОВ Александр. **Олимпийская ошибка** (№ 4)
- БОНДАРЕНКО Владимир. **Росс неутомимый** (№ 8)
- БРОНШТЕЙН Виктор. **Браконьерские сети интернета** (№ 9)
- ВАСИЛЬЕВА Лариса, ЖЕЛТОВ Игорь. **Противостояние брони и снаряда** (№ 6)
- ВДОВИН Александр. **Мировое правительство и будущее русского народа** (№ 1)
- ВИТЯЗЬ Пётр. **“Сотрудничество никогда не прекращалось...”** (№ 7)
- ВОДОЛАГИН Александр. **Битва за Сталинград в войне мировоззрений** (№ 1)
- ВОЛОДИХИН Дмитрий. **Земский собор 1613 года (№ 3), “Третий Рим” или “Дом Пречистой”?** (№ 11)
- ВОРОНЦОВ Андрей. **Восхождение в победе** (№ 5)
- ГАНИЧЕВ Валерий. **Русское слово – национальное достоинство (№ 3), Русскому Собору – 20 лет (№ 4)**
- ГАРЕЕВ Махмут. **Г. К. Жуков в Курской битве** (№ 5)
- ГЛАЗЬЕВ Сергей. **Политика развития** (№ 7)
- ГРИБАНОВА Татьяна. **“Смиренные, родимые черты!”** (№ 4)
- ДЕЛЯГИН Михаил. **Падение в смуту: опасения и надежды** (№ 6)
- ДРОНОВ Иван. **Русские и капитализм (№ 1–2, 6, 8)**
- ДУШЕНОВ Константин. **Ремесло океанное** (№ 4)
- ЖЕЛТОВ Игорь, ВАСИЛЬЕВА Лариса. **Противостояние брони и снаряда** (№ 6)
- ЗОРЬКИН Дмитрий. **На принципах православной симфонии** (№ 12)
- ИЗЮМОВ Юрий. **Параллельная жизнь** (№ 1)
- КАРА-МУРЗА Сергей. **О соблазнах** (№ 2)
- КИРИЛЛ, Святейший Патриарх Всея Руси. **Слово на XVII Всемирном Русском Народном Соборе** (№ 12)
- КЛЮЧНИКОВ Борис. **Интернационал национал-патриотов** (№ 1)
- КОКОРЕВ Андрей, РУГА Владимир. **Сыщики и воры** (№ 2)
- КОМАРОВ Юрий. **Новая Москва: градостроительный план или пипар?** (№ 2)
- КОРНИЕНКО Олег. **Первая любовь Алексея Толстого** (№ 12)
- КРИШТАПОВИЧ Лев, ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег. **Миф о “белорусской” шляхте** (№ 7)
- КРУПИН Владимир. **Шанхайский “Мандарин”** (№ 1)
- КУРАСОВ Виктор. **Судьба самоуправления в Москве** (№ 10)
- МАЛИНОВСКИЙ Александр. **Красносамарские родники** (№ 11)
- МАРЧЕНКО Анатолий. **О Чернобыле, Фукусиме и о многом другом** (№ 4)
- МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Читайте Хаксли!** (№ 3)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Ночник** (№ 1)
- МИРОНОВА Татьяна. **Русская душа – сплав язычества и христианства** (№ 8)
- МОЧАЛОВА Елена. **Фильм о Сызранской иконе потряс зрителей** (№ 12)
- ПАРПАРА Анатолий. **“...Когда имеешь предводителем гения”** (№ 4)
- ПОПОВ Михаил. **Час молитвы** (№ 5)
- ПРИЛЕПИН Захар. **Сортировка и отбраковка интеллигенции (№ 2), Почему я не либерал (№ 11)**
- ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег, КРИШТАПОВИЧ Лев. **Миф о “белорусской” шляхте** (№ 7)
- РУГА Владимир, КОКОРЕВ Андрей. **Сыщики и воры** (№ 2)
- РУДАЛЁВ Андрей, ШАРГУНОВ Сергей. **Народ, взломавший систему** (№ 12)
- РУМЯНЦЕВ Андрей. **Драма Байкала** (№ 3)
- РЫЖКОВ Николай. **О национальной идее (№ 10), Социальная справедливость** (№ 12)
- САВЧЕНКО Евгений. **Макроэкономическая политика России: проблемы и решения** (№ 10)
- СВЕРДЛОВА Ольга. **Раздельное обучение. За и против (№ 3), “Дай мясо!”** (№ 8)
- СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **Судьба элиты – судьба нации. Со вступлением А. Казинцева (№ 5), Полюбил либерал националиста...** (№ 9)
- ТИТАРЕНКО Михаил. **Китай – наш сосед** (№ 5)
- УБОГИЙ Андрей. **На счастливой земле** (№ 1)
- ФУРСОВ Андрей. **Ситуация в Евразии сквозь призму истории** (№ 9)
- ЦАГОЛОВ Георгий. **ВТО: то или не то? (№ 3), Тайны Малого дракона** (№ 11)
- ШАПОВАЛОВ Владислав. **Очарованный родной землёй** (№ 6)
- ШАРГУНОВ Сергей, РУДАЛЁВ Андрей. **Народ, взломавший систему** (№ 12)
- ШИШОВА Татьяна, МЕДВЕДЕВА Ирина. **Читайте Хаксли!** (№ 3)
- ШИШОВА Татьяна. **Вера и верность** (№ 8)

ШОРОХОВ Алексей. **Невинность Орды** (№ 3)

КРИТИКА

АУШЕВ Валерий. **Звёздная дорога** (№ 1)
БЛУДИЛИНА Наталья. **“Все неизреченные миры говорят во мне...”** (№ 6)
БОНДАРЕНКО Владимир. **Отъявленный русоман Лермонтов** (№ 7), **Русский европеец Есин** (№ 12)
БОРОВИКОВА Раиса. **Небо Михаила Пташука** (№ 7)
ВОДОЛАГИН Александр. **“Ночная гостя” Тургенева** (№ 11)
ВОРОНЦОВ Андрей. **Маяковский и его железные книги** (№ 7, 8)
ГУМИНСКИЙ Виктор. **Пушкин: смерть и слава** (№ 6)
КАЛЮЖНЫЙ Григорий. **Слово и дело Вадима Кожинова** (№ 9)
КОЖЕМЯКО Виктор. **Русская любовь** (№ 1)
КОЛОДЯЖНЫЙ Илья. **“И внял я неба содроганье...”** (№ 6)
КОРНИЕНКО Олег. **Первая любовь Алексея Толстого** (№ 12)
КОТОВСКОВ Владлен. **Иным он быть не мог** (№ 2)
КУРКИН Борис. **Перечитывая “Игроков”** (№ 4)
МОНАХОВА Ирина. **“Неподвижно стою я, а уже голову осенило грозное облако...”** (№ 4), **Живой идеал правды и чести** (№ 10)
НОВИКОВА-СТРОГАНОВА Алла. **“Деятели на все руки”** (№ 11)
ОБОТУРОВ Василий. **Становление** (№ 3)
ОРЕХАНОВА Галина. **Тревожное “минувшее”** (№ 11)
ПАВЛОВ Юрий. **СМИ о смерти Василия Белова** (№ 3), **Андрей Вознесенский: неюбилейные заметки** (№ 5)
ПЕТРОВ Михаил. **Чёрная весна** (№ 2)
ПЕТУХОВ Бажен. **Честный поэт** (№ 7)
РАЗУМИХИН Александр. **Что делать с романом Чернышевского?** (№ 4)
РОСТОВЦЕВА Инна. **Воображение сердца** (№ 3)
РУДАЛЁВ Андрей. **Возвращение мужчины** (№ 10)
РУМЯНЦЕВ Андрей. **Избранник духа** (№ 12)
СКАТОВ Николай. **“Пора литературных моих трудов настает...”** (№ 1)
СМЕЛЯКОВ Ярослав. **Я обвиняю** (№ 7)

СТАРЧЕНКО Николай. **Тучи над Бежиным лугом** (№ 11)
СТРУКОВА Марина. **На русском лихом порубежье** (№ 4)
ТВОРОГОВ Олег. **Пушкинский Дом в лицах и судьбах. В беседе с И. Колодяжным** (№ 10)
ТКАЧЕНКО Пётр. **Русский поэт советской эпохи** (№ 1)
ТРОИЦКИЙ Всеволод. **Политика духовного геноцида в школьных программах по словесности** (№ 4)
ШАМЯКИНА Татьяна. **“Неба колокол бьёт надо мной...”** (№ 7)
ШАПОВАЛОВ Егор. **100 лет просвещения** (№ 4)
ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Сыновнее приношение** (№ 3)

ПАМЯТЬ

“Большое видится на расстоянии...” С предисловием Ст. Куняева (№ 3)
АРЦИБАШЕВ Александр. **Святыня за тремя волоками** (№ 12)
БАРАКОВ Виктор. **Лад и разлад** (№ 12)
БУРОВ Юрий. **Он любил Россию...** (№ 6)
ГАНИН Алексей. **К мёду и сладким пирогам** (№ 8)
ЗАБОЛОЦКИЙ Анатолий. **Вослед Василию Ивановичу Белову** (№ 12)
ЗНАТНОВ Александр. **Погодой луною** (№ 11)
КРОТОВА Дарья. **Народная вера и христианская символика в поэзии Алексея Ганина** (№ 8)
КУДРЯШОВ Василий. **Главным для меня было служение Родине** (№ 2)
КУЗЬМИЧЁВ Иван. **Последние дни М. Горького** (№ 9)
КУНЯЕВ Станислав. **Из литературного дневника третьего тысячелетия** (№ 11)
ЛОЩИЦ Юрий. **Кирилл и Мефодий: страницы жизнеописания** (№ 2)
ПАНФЁРОВ Рудольф. **Забыть нельзя!** (№ 10)
Письма, переполненные жизнью. Из переписки М. Вишнякова и Ст. Куняева. Предисловие и комментарии Ст. Куняева (№ 8)
ПУЛАТОВ Тимур. **Младобухарец против младотроцкистов** (№ 3–6)
РОЗОВ Виктор. **На крючке позолоченном. Публикация беседы с В. Кожемяко** (№ 8), **Сеются зубы дракона. В беседе с В. Кожемяко** (№ 10)

СЕМАНОВ Сергей. **Сталин. Уроки жизни и деятельности** (№ 3)
ТРОФИМОВ Владимир. **Расстрел** (№ 10)
УБОГИЙ Юрий. **Овраг** (№ 10)
ФАДЕЕВ Михаил. **Незабываемый октябрь** (№ 10)
ФУРСОВ Андрей. **Сталин и ветер истории** (№ 3)
ЦВЕТКОВ Анатолий. **Эхо Сталинграда** (№ 2)
ЧИВИЛИХИН Владимир. **Горный Алтай** (№ 3)
ЯРЦЕВ Вадим. **Никто уже так не сподёт**. С предисловием Владимира Скифа (№ 9)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

ЗЛОБИНА Екатерина. **Слово как дело** (№ 11)
ЗОТОВ Станислав. **Опыт разума и души** (№ 1), **Русский голос с Дальнего Востока** (№ 11), **Человек добра** (№ 12)
КУДРЯВЦЕВ Владимир. **“Что вспомню я?..”** (№ 8)
ОРДЫНСКАЯ Ирина. **Пути подлинной свободы** (№ 10)
РУДНЕВ Александр. **Два столпа русской литературы XX века** (№ 2)
ХОМЯКОВ Валерий. **К познанию Сибири** (№ 11)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Любовь в борьбе со злом. *Послесловие Ст. Куняева* (№ 3)
Читатели против лжецов (№ 4)
“Должна быть осуществлена справедливость” (№ 5)
Письма читателей (№ 8)
“От народа зависит всё” (№ 12)

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОКА

КАЗИНЦЕВ Александр. **Поезд убирается в тупик** (№ 2, 4, 6, 9)

НАШИ НАДЕЖДЫ

ЛУКИН Антон. **Бессонница**. Рассказы (№ 10)
НИЗОВЦЕВ Алексей. **Дед**. Рассказ (№ 10)
ОБОДЗИНСКАЯ Валерия. **Не тигр**. Рассказ (№ 10)
ПАСЕЧНИК Владислав. **Максим**. Рассказ (№ 10)
ТИМОФЕЕВ Никита. **Пока стоят холода**. Рассказ (№ 10)

ПАРНАС СМЕЁТСЯ

ГАНИЧЕВ Валерий. **Гоголь бессмертен** (№ 10, 11)

В КОНЦЕ НОМЕРА

Поздравления Ст. Куняеву с вручением Патриаршей премии (№ 7)
БОНДАРЕНКО Владимир. **Без литературы** (№ 12)
КУНЯЕВ Станислав. **Над пропастью во лжи** (№ 10)

ПИСЬМО В НОМЕР

КАНАВЩИКОВ Андрей. **Встать рядом с Маяковским** (№ 10)

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Наш великий Глазунов** (№ 11)
ПЕТРОВА Марина. **“Художник правды без прикрас...”** (№ 11)

ЭХО ЮБИЛЕЯ

“У Вас всё всерьёз”. Поздравления Александру Казинцеву (№ 11)

.....
Информируем читателей, что в номерах 1—12 за 2013 год редакцией реализуется разработанный ею социально значимый проект “Моя суровая, сырая, мне наречённая земля”.

Проект осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

ЭТИ НЕЖНЫЕ ПУТЫ

* * *

Тополя по колено в листве,
И равнинная осень, как будто бы
У коней на вечерней заре,
Паутиною ноги опутаны.

Как же! Степь широка для гнедых.
Только пути и выручат... Иначе
Можешь встретить залётных своих
На какой-нибудь площади рыночной.

Уведут или сами уйдут,
Неровён час — и это случается!..
Налетающим ветром продут,
Я смотрю, как листва осыпается.

Видно, стоило дать кругалья,
Чтобы здесь оказаться, где поровну
Ветер делит пустые поля —
И лисице хватает, и ворону.

ИГНАТЬЕВ Олег Геннадиевич родился в 1949 г. на Южном Сахалине. Детство и отрочество прошли в г. Игарке на Енисее. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы (1989–1991, семинар Ю. П. Кузнецова). Автор пяти поэтических книг. Печатался во многих центральных изданиях и антологиях. Автор исторических повествований «Сын России, заступник славы», «Детство императоров» и романа «Пекинский узел». Член СП России. Живет и работает в Москве.

Нелегко сознавать, что для нас
Небеса и равнина — спасение,
Да ещё паутина подчас —
Эти нежные пути спасение.

* * *

Осенний просёлок. Извозчик
Устал понукать лошадей
И нехотя встряхивать вожжи
По ходу повозки своей.

Клеёнчатый плащик потёрся,
Но он его ценит, видать,
Как ценит народ без притворства
Умение жить-поживать

И слушать во мгле птичий оклик,
И чувствовать след колеи,
Когда всюду грязь и намокли
Прошитые дратвой шлеи.

* * *

Вроде сам был молод, а не кто-то,
Сам на слух не верил ничему,
Отчего же, выйдя за ворота,
Я былое вижу, как в дыму?

Как теперь ни вглядывайся зорко,
Загустели сумерки села,
И слышнее стали на задворках
Коростели и перепела.

* * *

Скошен клевер. Смётан стог.
Вот и клонят в сон
Прогоревший костерок
Да уздечки звон.

А в руках от тяжких вил
Странный лёгкий гуд,
Ровный, как избыток сил,
Тех, что пути рвут.

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

ПЛАЧ АДАМА

ПОВЕСТЬ

1

Ты страдаешь, ты мучаешься, мой мальчик, оттого что та, которой ты дышал год, чьи фотографии занимали половину стены твоей комнаты, с кем говорил с такой ранимой откровенностью, которая невозможна даже с родителями, ради которой оставил всё, которую с юношеской горячностью готов был назвать женою, — словом, та единственная и неповторимая, казалось, без особо видимых причин ушла, прикрыв свой ничем необъяснимый поступок не просто нелепым, а даже кощунственно звучащим в данном случае словом “друг”. “Останемся друзьями”, — сказала она.

Видишь ли, мой мальчик... Ах, тебе не нравится это обращение. Ты уже взрослый, тебе скоро девятнадцать, ты занимаешься спортом, берёшь на соревнованиях первые места, ровесницы от тебя без ума и такое обращение кажется тебе не только старомодным, но и обидным, — понимаю. Но поверь, даже если тебе будет столько же, сколько теперь мне, и тогда ты останешься для меня всего лишь “моим мальчиком”, как для твоей бабушки я. Менья, кстати, она до сих пор зовёт “сынком”. И в твои годы мне так же неприятно было это слышать. Ещё бы! Тогда я, как и ты, считал себя взрослым, а твоя бабушка, как назло, продолжала звать меня “сынком”.

ЧУГУНОВ Владимир Аркадьевич родился в 1954 году в Нижнем Новгороде (тогда город Горький). После службы в армии работал на Горьковском автозаводе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Нижегородский педагогический университет (курс практическая теология). С 1990 года в священном сане. Автор книг прозы: романов “Русские мальчики”, “Мечтатель”, “Молодые”, “Невеста”, “Наши любимые”, книг очерков о святых и подвижниках благочестия “Церковь воинствующая”, “Авва” и других. Член Союза писателей России. Живёт в селе Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области.

Теперь трудно это представить, но тогда не было компьютеров, а стало быть, общедоступных форм передачи информации на необозримые расстояния. Мы даже не подозревали, что простое письмо может достичь любого континента буквально за несколько секунд, что с друзьями можно переписываться в режиме реального времени и даже разговаривать, созерцая друг друга на экране монитора. Не было также возможности “качать” из интернета фонограммы любимых песен или, как их теперь называют, “хитов”, записывать их на “си-ди”, “флешки” и даже простой сотовый телефон, о появлении которых мы тоже не подозревали (и простых-то было раз, два — и обчёлся), и которые делают влюблённых хотя и доступнее для общения, но вряд ли ближе, чем в часы свиданий.

А сколько трепетных минут проходит в ожидании назначенного часа, в предварительных сборах, наведении утюгом стрелок на выходные брюки с помощью пропитанной стиральным порошком марли, верчении перед трюмо и, конечно, пути к месту свидания, когда мир вокруг представляется сказкой не только в дни очаровательного цветения в садах сирени, но и во времена поздней осени, и даже в беспросветные выюжные вечера. Твоё сердце поёт, и твой восторг изливается на всё, отчего мир кажется таким прекрасным, что ты даже удивляешься, почему раньше этого не замечал.

Но всё это, разумеется, только присказка. И я по блеску твоих глаз вижу, что это так. И, однако же, хочу начать именно с присказки.

А всё начинается после того первого удивления, которое однажды испытываешь после школьных каникул при взгляде на совершенно не узнаваемых одноклассниц. Другим в них кажется всё: походка, манера держать себя, иначе сидящая форма, — и ты не можешь уже, как прежде, проходя мимо, дёрнуть кого-нибудь из них за косу, сказать колкость, даже просто, как задавке, показать язык. Это для тебя так же немислимо, как ходить по потолку. С этого момента ты начинаешь стыдиться неглаженных брюк, нечищенных ботинок, засаленного ворота рубашки, нестриженных грязных ногтей, тайком от родителей принимаешься скоблить безопасной бритвой идеальной чистоты подбородок. И если буквально год назад ты хихикал над письмом Татьяны к Онегину и глумился над его письмом к ней, то теперь ты обмираешь от одной только мысли проводить её после уроков домой. Отныне одно только “это” занимает тебя. До того, что там, где ты живёшь, начинаю удивляться наступлению непривычной тишины в твоём углу и даже интересоваться, не заболел ли ты, почему не бежишь, как прежде, сломя голову гулять. Дружки-приятели, особенно те из них, что вышли из пьесы Горького “На дне”, не узнают тебя, по-прежнему при встрече вздыхая, прежде чем сунуть натренированную эспандером или до желтизны ногтей прокуренную пятерню. И даже удивляются, когда ты, не обращая внимания на эти фокусы, тиснув, как и полагается, по кругу все до одной длани, говоришь, что занят, спешишь, словом, на этот и на все последующие вечера “полный пас”. Более того, ты начинаешь постигать, что все люди, хотя и сделаны кем-то недоказуемым и непроверяемым из одной и той же глины, однако начинены далеко не одинаковым содержанием, о чём даже в Писании сказано: “Иная плоть у скотов, иная у рыб, и звезда от звезды разнится в славе”.

Иначе это можно было бы назвать пробуждением Адама. И начинается оно с тоски по чему-то большему, чем дворовая компания, к общению с которой ты прежде так тянулся, принадлежностью к которой дорожил. Твой отход задевает их:

— Забываешь старых друзей? Зазнался?

О, эти упыри, эти жуки навозные не успокоятся до тех пор, пока не увидят тебя в своей навозной куче. Что делать, путь малодушного раболепства проходит всякий подросток, но далеко не каждый находит в себе силы пробудиться от этого наркотического сна. Но если в тебе пробудился Адам, ты спасён, хоть и ожидает тебя впереди море слёз. Но об этом после...

Теперь, когда тебе плохо, ты ищешь спасения в случайных знакомствах, и даже клянёшься “им всем” за себя отомстить.

Если б ты знал, как всё это мне знакомо до самой последней мелочи!

И всё-таки я рад, что когда-то “это несчастье” отучило меня от игры в свару на деньги, правдой и неправдой добываемых из трудового родительского кошелька, отвело от того лишь поначалу кажущегося невинным озорства, которое многих из тогдашних приятелей если не довело до тюрьмы, то до пьяной нищенской жизни — точно.

И этому спасению, этому чуду я обязан ей, скажем, Еве, ибо для каждого из сынов Адама существует на свете своя Ева.

Мне почему-то думается, что первую любовь правильнее было бы считать выходом в иную реальность очнувшегося от кошмара животных инстинктов Адама. С иными ничего подобного не происходит никогда. И в данном случае первую любовь можно понимать и как спасение, и как дверь, и даже, говоря косноязычно, как “путёвку в жизнь”.

2

А начну, пожалуй, с того памятного летнего вечера, когда ощущал в себе ту особенную лёгкость от избытка жизненных сил, которая и бывает только тогда, когда мы молоды и чисты, а ещё — нежность к трепещущей зелени лип нашего парка, к свежему воздуху, к ясным сумеркам. Нарядные толпы шли к танцплощадке отовсюду.

Я никогда бы не мог объяснить — почему, но её приближение я почувствовал ещё до того, как увидел. Тревога, волнение вдруг охватили меня. Не понимая, что происходит, я невольно оглянулся: пять или шесть девушек приближались к нам. За дальностью и сгущающимися сумерками лиц практически не было видно, но сердце моё взволновалось. Я отвернулся — и уже никого и ничего не видел. Когда девчата поравнялись с нами (ещё двое или трое ребят стояли со мной), я невольно обернулся: Ева смотрела прямо перед собою, но в тот миг она вдруг сама повернула голову, мы встретились взглядами, как и все, друг другу кивнули, прошла всего секунда, а я словно выпил яду. Только приличия ради не побежал следом.

Когда же, наконец, поднялся на тускло освещённую полупустую танцплощадку, сразу увидел её. И с этой минуты уже никого не замечал.

Когда заиграла музыка, чтобы не перебили, я поспешил пригласить Еву на медленный танец. Пстой, что же пели тогда? Ну, конечно же!

*Песни у людей разные.
А моя одна на века:
Звёздочка моя ясная,
Как ты от меня далека.*

Едва сдерживая нервный озноб от непривычной близости, я был абсолютно убеждён, что песнь эта про кого угодно, только не про нас. Тогда я даже и предположить не мог, какими убийственно пророческими окажутся эти слова, этот раздирающий душу припев:

*Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоём вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на Земле.*

Меж тем, песня продолжалась:

*Облако тебя трогает,
Хочет от меня закрыть.
Чистая моя, строгая,
Как же я хочу рядом быть!*

Какие слова! “Чистая, строгая”. Именно такой — чистой и строгой — она только и могла быть. Так ли было на самом деле, не знаю, но я испытывал перед ней благоговение, как перед самым строгим, взыскательным и вместе с тем самым любимым учителем.

А знаешь, о чём она меня тогда спросила? “Тебе холодно?” Представляешь? И знаешь, что я ответил? Заплетающимся языком стал мямлить что-то про шёлковую рубашку, которая по вечерам холодит. Когда же она предложила сходить за пиджаком, я наотрез отказался. Даже если бы окоченел, разве мог бы я оставить её теперь одну? Что ты! Уйти... Нет, я уже ни с кем не желал делиться ни одним танцем, ни одним словом, ни одним взглядом и умоляюще попросил: “Давай уйдём отсюда?”

Согласись, нечто неприличное могло показаться со стороны в нашем уходе. Только пришли — и вдруг, как заговорщики, куда-то потихоньку уходят. Куда бы это, а?

Но вот мы, наконец, вдвоём, вокруг — ни души, только звёздное величие над нами.

Всю дорогу я нёс какую-то чепуху. Что именно, не помню. Зато хорошо помню, что как-то уж очень быстро дошли мы до её дома. Классически остановились у калитки. Ещё слышны были звуки музыки, свет из боковой комнаты выхватывал из тьмы цвет акаций. Пахло сиренью. Стояли молча, глядя то по сторонам, то себе под ноги. И оттого, что где-то поблизости, может быть, за открытой форточкой находились её строгая на этот счёт, как обмолвилась она, мать, я не мог продолжать прежний разговор, и она ни о чём меня не спрашивала.

Но вот, наконец, она подаёт руку, говорит, что ей пора, мы поворачиваемся, чтобы расстаться, но ещё не решаемся разнять едва коснувшиеся друг друга пальцы, как вдруг одновременно бросаемся друг к другу в объятия. Неумело целуемся раз, другой, после каждого поцелуя стыдливо отводя глаза в сторону. А потом прощаемся и никак не можем проститься, пока, наконец, не доносится из открытой форточки властное: “Е-эва-а, до-мо-ой!” Она роняет на ходу: “До завтра? Ты придёшь? Я буду ждать. Очень!” — и скрывается за калиткой.

3

Наутро просыпаюсь самым счастливым человеком на свете. От обилия залившего комнату солнца долго не могу открыть глаз. Я прихожу в восторг от одной только мысли, что такая ни на кого во всём свете не похожая девушка любит меня. Именно так я расценил наше вчерашнее поведение, её прощальные слова. И теперь, перебирая в памяти прошлое, вспоминая школу, пытаюсь, ищу (не могло же всё начаться только вчера, верно?), но так и не могу найти признаков её любви. И это походя меня задевает.

Я поднимаюсь, принимаю душ, завтракаю, сажусь за учебник истории. Читаю параграф, другой, но ничего не запоминаю. Читаю сначала и опять ничего не могу понять. И тогда, закрыв книгу, опять начинаю думать о Еве. И так тягостно, так невыносимо становится мне наедине с моими чувствами, тогда как она, может быть, ни о чём не подозревая, совсем обо мне не думает.

Поднявшись из-за стола, подхожу к зеркалу и придирчиво рассматриваю своё лицо. Лицо как лицо, ничего особенного. И что она в нём нашла? Даже нос, кажется, как-то вкось, и одно ухо вроде выше другого. А это что, глаза, что ли?.. Эх! И я отхожу в досаде. И так ещё несколько раз, пока, наконец, не выдержав, беру ключ от сарая, где скучает велосипед, и лечу за разрешением своих недоумений к Еве.

Однако, подъезжая к её дому, начинаю трусить. Появиться на пороге среди бела дня не у невесты даже, а у простой знакомой, — это много могло значить в те, да, пожалуй, и в нынешние времена, и ко многому обязывало. А вдруг что не так — и что тогда? Но чувство невыносимого страдания заглушает благоразумные доводы.

Я слезаю с велосипеда, на минуту задумываюсь, где его оставить. Если на улице, украдут или нет? А если везти в калитку, вдруг скажут, ты что, тут уж и пропался? Но в следующую минуту глубоко стыжусь своего частнособственнического чувства. Тут, можно сказать, судьба решается, а я про какой-то велосипед!..

Дверь открывает покоцанная временем и обстоятельствами копия Евы. Ответив на приветствие, ведёт меня через веранду в дом и кричит, отворив дверь в зал:

— Ева, к тебе!.. Ступай. Там она. За уроками.

Я вхожу в просторный, блестящий чистотой полов и утренней свежестью зал, толкаю глянцевиной белизны дверь справа и застываю на пороге небольшой спальни комнаты с аккуратно застеленной кроватью, горой подушек, комодом справа и письменным столом, за которым сидит у занавешенного марлей, открытого настежь окна Ева, что-то спешно дописывая в тетради. В простом светленьком домашнем платье без рукавов, с забранными назад в пучок тёмно-русыми волосами, открывающими шею и уши, она мне кажется ещё необыкновеннее. Краем глаза у комода, на стуле, я замечаю баян.

— Я так и знала, что это ты! — говорит она, отрывая взгляд от тетради, и я вижу, как она рада моему внезапному появлению.

— Да вот, на велосипеде катался, дай, думаю, заскочу посмотреть, как ты тут живешь, чем занимаешься... — безбожно вру я и, чувствуя, что краснею, подхожу к столу и деловито заглядываю в открытую тетрадь: — Ну, и чего тут у нас?

Тетрадь закрывается перед моим носом.

— Ничего особенного.

Я не настаиваю, и чуть-чуть кое в чём признаюсь:

— А я с утра самого учил-учил, а запомнил только, как отец Ивана Грозного заточил жену Соломонию в монастырь за неплодность, чтобы жениться на другой. В результате чего и появился на свет гой еси царь Иван Васильевич. Помнишь, у Лермонтова? “Песнь про купца Калашникова”?

— Ещё бы! Особенно то место, когда купец сказал царю: “А убил я его вольной волею, а не нехотя”. Вот так настоящий мужик!

— Да уж... — соглашаюсь я и, чувствуя неловкость, отхожу от стола, снимаю на пол баян, присаживаюсь на стул. Я не понимаю, что происходит со мной, но я решительно не могу смотреть Еве в глаза.

Она, видимо, всё понимает, легко встаёт из-за стола и закрывает дверь, которую я так и не решился закрыть за собой. Походя хлопает крышкой шкатулки на комод, садится на прежнее место, плавно опускает руку на стол и сладко заглядывает в самую глубину моих нечаянно поднятых глаз.

“Вот сейчас взять и сказать”, — решаюсь я, но вместо этого киваю на баян:

— Чей?

— Папин.

Минута была упущена, и, злясь на себя за это, я говорю:

— У нас, когда на разводе “Прощание славянки” играли, весь дивизион в открытые окна ревел “Ура!” — И тут же корю себя: ну что я всё не о том? Подымаясь, прохожусь по комнате, делая вид, что рассматриваю её. Ева сидит неподвижно, не оборачиваясь.

— Я тебе мешаю заниматься, — говорю я, не понимая, зачем это говорю. — Прогони меня.

Она пожимает плечами и обескураживает:

— Уходи.

— Правда?

Она оборачивается и, склонив голову набок, опять заглядывает в самую глубину моих глаз волнующе, тревожно.

“Вот сейчас взять и сказать! — думаю я. — Да-да, надо сразу сказать! Да что сказать-то? — сомневаюсь в следующую минуту. — Будь моей женой? Или выходи за меня замуж? Неужели и так не понятно и об этом обязательно надо говорить?”

И опять минута была упущена. Но я даю себе слово, что рано или поздно обязательно об этом скажу, хотя бы вечером, да-да, именно вечером, днём об этом как-то не говорилось, чего-то было совестно, что-то мешало.

Но ни в тот, ни в другой, ни в третий вечер и даже через неделю я так и не решился сказать ей об этом, сначала оправдывая себя тем, что и так всё ясно, без слов, а потом просто боясь связать свою свободу обещанием хоть и желанным, но которого я почему-то побаивался. Нет, я был убеждён, что люблю Еву, и другой жены себе не желал, но что “всё случится” так скоро и, главное, так “обыкновенно”, — с этим я примириться не мог.

А ещё мне хотелось как можно дольше продлить то очарование, в котором я находился все эти дни.

Всё шло, как в сказке.

В два часа Ева приезжала из кулинарного училища, а в четыре я уже стоял на пороге её дома. Домой возвращался поздно и спал до обеда. Если было жарко, шёл на озеро с учебником, но, как правило, читая, почти ничего не запоминал. Всё не мог сосредоточиться, постоянно отвлекаясь и думая о Еве. Я мог думать о ней часами. Лежать на спине, заложив руки за голову, и смотреть в небо: на лёгкие облачка, на летящий по воздуху тополиный пух, на трепет листы, — и как-то через всё это любить Еву. Когда приходило в голову, что нужно заниматься, открывал учебник, читал несколько строк — и сразу же представлял себя на экзаменах, как я бойко отвечаю и получаю “отлично” по всем предметам, а потом учусь лучше всех, поступаю в аспирантуру, защищаю диссертацию, меня посылают за границу на симпозиумы, я привожу оттуда Еве подарки. Ева, разумеется, счастлива, гордится мной. И я горжусь, но виду не показываю, всегда прост и скромн, умом не кичусь, а даже, напротив, в простой компании родственников могу и пошутить, и спеть, и даже сплясать. Надо обязательно научиться петь и плясать. Во всяком случае, если не стану академиком, можно прославиться на сцене. Хотя лучше всё-таки стать академиком. Работать, не покладая рук, до зари. Всякий раз, когда наступает утро, Ева приносит мне чашку кофе. В знак благодарности я целую ей руку, Ева улыбается и говорит, что у меня прибавилось несколько седых волос, но что седина мне идёт. А я говорю: “А ты совершенно не переменилась, всё такая же, лучше всех!..”

А потом...

Потом какая-нибудь пушинка залетала мне в нос. Я чихал, трезвел. Брался за учебник, зевал. И, наконец, откладывал учёбу до другого раза, на потом, на завтра, на послезавтра, время терпело, садился на велосипед и летел в прохладу знакомой светлой комнатки. Снимал баян, садился и, как в забыт, следил за пером, бегущим по листу тетради, за тем, как Ева, задумавшись, мило хмурила брови, при этом думал: “И на меня она так же будет хмуриться, когда я буду неправ”. Она кусала ровными зубками конец авторучки и невидяще смотрела на меня, наконец, “замечала”, протягивала руку, горячую, лёгкую, с испачканным чернилами пальчиком, и говорила:

— Я такая эгоистка! Совсем не думаю о том, что тебе надо готовиться к экзаменам. Я знаю, сам ты не уйдёшь, а мне так хорошо, так спокойно заниматься, когда ты рядом.

И я молча трус щекой о горячую ладонь её до локтя обнажённой руки, и все эти заботы о Киевской и Московской Руси кажутся мне чем-то совершенно посторонним, не имеющим ничего общего с моей влюблённостью, с её нежностью, вниманием ко мне, с тёплым вечером за распахнутым окном, яркой зеленью сада, жужжанием зацепившейся в паутине мухи.

— Разве утопающий думает о еде?

— Утопающий? Ты?

— А то кто же! Особенно, когда ты так смотришь на меня. Послушай, как бётся.

Она прикладывала ладонь к моей груди, улыбалась. А я говорил, что с ума схожу от её улыбки. И тогда она начинала улыбаться как-то театрально, неестественно, и я уже ругал себя за то, что сказал ей об этом. И хотя теперь мне не нравилась её улыбка, приятно было видеть, что улыбалась она затем, чтобы нравиться мне.

Все эти дни, всё это время я был счастлив. И так продолжалось почти месяц, до Евиных именин.

Тогда, помнится, выходя вечером из квартиры, глянув на себя в зеркало с волнением, я вдруг отчего-то ощутил стыд.

“Нехорошо!” — попробовал я усовестить себя. Но мне не было нехорошо на самом деле. Как очарованный, смотрел я вокруг. На озеро, дремлющее в вечерней прохладе. Солнце только что зашло, но ещё горело над плотиной небо. Блестел тонкой полоской месяц. Сады погрузились в безмолвие. Редко где чирикнет воробей, кинется через дорогу, задрожит под ним ветка, зашуршат листья — и опять тишина, давящая, словно и впрямь что-то обещающая.

Стол был накрыт на веранде. Из гостей пока никого не было, я пришёл первым, но, как успел заметить, был гостем самым желанным. Ева сама казалась чем-то взволнованной: щёки пылали, глаза блестели тревожной радостью. Приняв букет, она потерянно улыбнулась и ушла в дом за вазой.

Стали подходить гости: сначала две девушки-соседки, затем старшая Евина сестра с мужем, и последними вышли родители, отец — с баяном в руках.

После обычных поздравлений и пожеланий выпили, стали закусывать. Мне совершенно не хотелось есть. От водки заложило уши, и я словно погрузился в другой мир, как из-под воды улавливая обрывки разговоров. Умом, например, понимал, что между тещей и зятем натянутые отношения, что-то и между женой с мужем неладно, но это меня ничуть не задевало. Подружки весело щебетали о своём. Отец семейства, прижавшись щекой к баяну, играл “Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути” и отрешённо плакал. Но вдруг принялся рвать меха и выкрикивать, как, должно быть, в войну (фронтовик всё-таки) на корме катера, когда шли в атаку: “Я Васька-а-а!” И тут же был удалён из-за стола. Но без гармониста что за сиделки? У зятя, меж тем, всё больше и больше косолю на сторону рот, но он, очевидно, ещё не окончательно созрел для скандала и, понимая это, жадно искал глазами бутылку. Но все бутылки (их и было-то всего две — с “беленьким” да с “красеньким”) давно были под столом, напоминая о себе при всяком неосторожном движении ногой.

Когда, наконец, мы очутились на улице, было уже темно. Подружки шли впереди, мы с Евой, крепко взявшись за руки, — сзади. Стараясь попать в ногу, раскачивая в такт мою руку, Ева забавно пародировала сказочного короля из “Бременских музыкантов”:

— Така-ая, сяка-а-ая покинула отца... Така-ая, сяка-ая сбежала из дворца...

И заразительно смеялась.

В парке было полно народу — на танцплощадке и вокруг. Знакомые и незнакомые, весёлые и печальные девушки и ребята, кто-то разговаривал, кто-то смеялся, одни танцевали, другие сидели. Всё это мелькало, как во сне, перед моими глазами отдалённо и незначительно, а самыми близкими и значительными казались Евины глаза, её похорошевшее от возбуждения лицо, улыбка...

Ночью я проснулся от безысходного страдания. Приснилось, что по какой-то роковой ошибке я женился на толстой, обрюзгшей женщине с неестественно большой грудью, огромным животом и толстыми круглыми коленями, отчего жизнь моя огненные погублена навеки. Мне стыдно не только показаться с этой развалиной на людях, но даже признать это дебелое существо собственной женой. Меня отвращает от неё всё: улыбка, с которой она смотрит на меня, как на собственность, с животным сладострастием, заплывшие жиром щёлочки кошачьих глаз, мясистый чувственный рот, цветное ситцевое платье, из которого чуть не вываливается массивная грудь. Я ненавижу её всею силою души и в то же время понимаю, что связан с нею порочной близостью навеки. И страдаю, мечусь от безысходности положения, пока, наконец, не просыпаюсь.

Но и по пробуждении не сразу доходит до меня, что это всего лишь сон, что я на своём диване, что за окном полощут зарницы, выхватывая из мрака серебряную листву тополей. И долго лежу с открытыми глазами, вспоминая вчерашнее, как-то соединившееся с ужасом кошмара.

Когда просыпаюсь в другой раз, в комнате не по-летнему сумеречно. Серое низкое небо за окном. Надо ли добавлять, что день прошёл в муках, и вечером впервые я шёл на свидание с такою тяжестью на душе, какой не испытывал ещё никогда? Как глянуть после случившегося вчера в глаза ей, что говорить?

Дверь открыла тёща. Посмотрела недружелюбно, с затаённой досадой, которую против желания должна была сдерживать теперь.

Когда, наконец, увидел Еву, поразился: такую она показалась мне подурневшей за эту ночь! В лице ни кровинки, болезненные розовые пятна на щеках, подглазины, как у чахоточной, нос распухший.

Никогда я не произносил с такой неизбывной горечью её имя. А произнеся, пронзённый жалостью, прибавил:

— Ева, я не знаю... Что хочешь... Я всё...

Сделав нерешительный шаг, остановился, не зная, можно ли после всего, что произошло вчера, обнять её, не будет ли это выглядеть очередным оскорблением.

Быстро на меня глянув, Ева опустила глаза и предупредительно коснулась моей руки ледяными пальцами.

— Не надо.

— Ты не прогонишь меня?

Она опять подняла глаза. Но горели они уже непривычно сухо, словно что-то пропало в них после вчерашнего навсегда.

— Представляешь? Я вчера чуть не отравилась димедролом. Я не могла заснуть. Я не думала, что это так опасно. Я не сказала маме, но она, кажется, догадывается.

И с заботливостью жены стала обирать невидимые ниточки с моего пиджака, вымученно улыбнулась, любяще, как-то до жалости преданно заглядывая в глаза. И было что-то ужасное в этой её покорности, в отсутствии прежней девичьей гордости, но что надо было принять покорно, как наказание за то, что произошло вчера. И я принял это покорно, как должное, уверяя себя, что люблю Еву по-прежнему, и ничего для меня не переменялось.

Но это было не так. И хотя я любил её всем существом своим, любовь моя казалась чем-то состоявшимся, о чём не стоило много заботиться. Всё чаще и чаще стала охватывать меня тоска по чему-то несостоявшемуся в моей жизни, словно бы променял что-то возможное осуществиться в будущем, великое и славное, на что-то обыденное, тусклое и невзрачное. Тоска сосала сердце и в минуты свиданий. Я ощущал в себе силы, которые, думалось, были скованы вынужденным бездействием. Ева не переменялась ко мне, но я чувствовал, как что-то переменялось во мне. Свидания наши час от часу становились тягостнее. Несмотря на то, что я продолжал ходить к ней каждый день, ходил уже не как прежде, не как на праздник, а словно по обязанности. Ева понимала это. Всё чаще я стал замечать на себе её внимательный, задумчивый взгляд. Спрашивал, о чём она думает, почему так странно смотрит на меня. Ева встряхивалась, растерянно улыбалась и отвечала, что ни о чём не думает, а просто на неё иногда находит. Я, скуки ради, допытывался, что же это такое на неё находит, о чём мне знать нельзя, и однажды нарвался на объяснение.

— Мне кажется, ты переменялся ко мне.

— Я?

— Да. Словно вовсе и не ко мне ходишь, а просто посмотреть телевизор или поиграть с папой в шашки. Как войдёшь, сразу берёшься за программу.

— Ты стала мнительной? — спросил я не без досады, задетый за живое, и подумал: «Если всё этим кончается, что же тогда — любовь?»

— Хорошо, пусть я мнительная, — сказала она и демонстративно замолчала, отчего у меня, как в тот день, после именин, невыносимой жалостью схватило сердце.

И тогда, коснувшись её руки, я стал просить прощения, уверяя, что больше этого не повторится, что больше не прикоснусь ни к программе, ни к пашкам, вообще ни к чему на свете...

Но прежнее, увы, не возвращалось. Подобные объяснения стали случаться чаще, превратившись в забаву для меня и в муку для Евы. Любовь моя, лишившись тайны, утратила привлекательность. Я чувствовал себя скорее зависимым, чем влюблённым. Мне было жаль Еву, и только. Что-то безвыходное было в наших отношениях. А тут ещё эта история...

Но прежде, чем рассказать её, я вынужден сделать экскурс в предысторию. Знаешь, как плакал Адам по изгнанию из Рая? Сказано об этом прониновенно: “Сидел прямо Рая”. Что означает — напротив. Но именно так “сидит” всякая душа “прямо” мучащих её воспоминаний, плача о невозвратимой потере. Слезы души, дорогой мой, — особенные слёзы. Их не видит никто. А есть ещё и другие, не доступные твоему пониманию слёзы, о которых я тебе, конечно же, расскажу. Ты думаешь, легко было Адаму перенести убийство любимого сына? И кем — своим же родным братом! Я имею в виду убийство Каином Авеля. Об этой скорби умалчивает Писание, но вспомни, как горько плакал Давид, как непрестанно восклицал: “Авессалом, Авессалом, сын мой” И если идти по Ветхим страницам дальше, то можно встретить ещё более неприглядные истории, которые способны заставить содрогнуться самое чёрствое сердце. Но это уже другая история. Я же хотел сказать тебе всего лишь, что и душа сынов Адама долго не может смириться с потерей собственного рая, и хотя чувствует, что сама всему виной и ничего не вернуть, как мотылёк на огонь, слепо летит на очередную приманку, всё чудится ей, может, там, на другом краю света, она вновь обрящет его?

А теперь о том, что произошло...

7

В тот день с утра по обыкновению я пошёл с учебником на озеро. Однако, подходя к своему месту, обнаружил его занятым. Иначе — узрел перед собой на расстеленном покрывале двух обнажённых до купальников девиц в широких белых панамах, в одной из которых узнал свою одноклассницу, соседку по площадке, а в другой...

И тут никак нельзя обойтись без очередного экскурса в историю, и я опять принуждён вернуться к тому восхищению, которое впервые испытал после школьных каникул. И с этой, скажем, Ноемой (раз уж мы начали пользоваться библейскими именами) мы познакомились поздней осенью, когда, выйдя из больницы, куда я попал благодаря эпидемии дизентерии, остывшую землю прихватывали утренники, а в школе давно отзвенел первый звонок. Познакомились через эту самую одноклассницу, приходившуюся ей какой-то дальней родней. А приехала она аж из Петропавловска-Камчатского к бабушке на всё лето и по причине внезапного карантина, из-за эпидемии дизентерии опять же, осталась учиться у нас на всю первую четверть.

Не поверишь, но тогда ко мне, как, впрочем, и ко многим моим ровесникам, явилась муза, и я каждый вечер выходил на площадку, к окну, с новым выстраданным, как правило, втайне от всех творением. Что же Ноема? Читая, она мимоходом делала неприемлемые для авторского самолюбия замечания, вроде: “А “не” с глаголами пишется раздельно... а тут надо поставить запятую... а “девчонка” пишется через “о”... а последняя строка вообще выбивается из ритма, а...” Но я уже не мог выносить дальнейшего издевательства и, выхватив из её рук, мял листок.

— Зачем?! — в свою очередь возмущалась она. — Ну, и что, что с ошибками, это же не школьное сочинение! Главное — талант, а он у тебя есть! — Я надменно усмехался. Она продолжала настаивать: — А я говорю — есть! Как у Есенина! Или нет! Как у Асадова! Асадов же — это ва-а-бще-э!

И вот мы втрём бредём через наш лес в сторону аэродрома. Ноема с моей одноклассницей впереди, я, чуть поотстав, следом. Где-то неутомимо сту-

чит дятел. Лес по-осеннему прозрачен и тих. Я, как и полагается в подобных ситуациях, печален, оттого что влюблён.

“Мне грустно потому, что я тебя люблю, / И, зная молодость цветущую твою, / Слезами и тоской заплачешь ты судьбе, / Мне грустно потому, что весело тебе”, — мстительно читаю про себя подходящее к моему положению стихотворение Лермонтова.

У Лермонтова на этот счёт много чего подходящего. У Есенина — ещё больше. Но ничего подходящего к своему состоянию из Есенина в тот день я подобрать почему-то не смог. Словом, я был сама грусть и печаль, Ноема же, напротив, будто назло, была беспечна и весела, как дитя. Увлечённо разговаривала с одноклассницей, а на меня если и оборачивалась, то лишь затем, чтобы проверить, не подслушиваю ли я их секреты. И тогда я специально отстал, прячась за стволами сосен. И когда, наконец, они меня стали аукать, я вышел к ним с видом человека, занятого разглядыванием обыкновенной сосновой шишки. Потом я фотографировал их на фоне стога сена, затем попросил меня сфотографировать возле сосны и принял серьёзный вид. Когда же от меня потребовали, чтобы не воображал и улыбнулся, я ответил, что терпеть не могу легкомыслия.

Ну, а потом она уехала. Я, скучая, писал ей письма в стихах. Она отвечала мне регулярно, но писала об учёбе, о погоде, о книгах, которые прочла. Чего только я не выдумывал, чтобы возбудить в ней хотя бы каплю ревности. Даже послал, помнится, как-то стихотворение, которое заканчивалось примерно такими словами:

*Позабыть тебя хотел с другою,
Но и это не под силу мне.
Как же быть, что делать мне с собою,
Для меня покоя нет нигде?*

Недели через две (увы, мой мальчик, таковы были времена, столько приходилось ждать и томиться в ожидании письма) или даже больше в ответ на моё пылкое признание приходит довольно длинное, аккуратным почерком Евы написанное назидательное послание, что, мол, она “ещё маленькая”, что ей не о глупостях надо думать, а об учёбе, что и мне самому не мешало бы подумать об этом. Словом — учиться и учиться. Нетрудно догадаться, что письмо это было написано под диктовку. И тогда, в обиду на весь белый свет, прощаясь, так сказать, навеки, я послал ей стихотворение, которое оканчивалось такими примерно горестными строками: “Но не пойму никак я, почему / Письмо ты мне писала не сама?” Хотя — что же тут непонятного?

В общем, переписка наша прекратилась.

Кстати, о переписке...

В твоих глазах я читаю сожаление к нам, несчастным. Куда, мол, теперь лучше и удобнее: купил компьютер, создал почтовый ящик — и переписывайся. Если же нет компьютера, можно по сотовому телефону обмениваться “эсмэсками” — дёшево и сердито. Но не спеши с выводами, дорогой мой, умоляю тебя, не спеши. Действительно, письма в ту пору были единственным способом общения на расстоянии. Кроме междугородки, разумеется, которой редко кто пользовался. А вот эпистолярный жанр процветал. Нынче, похоже, он умер. И если я, например, теперь не могу заглянуть в твой почтовый ящик, то прежде трудно было скрыть от родителей, от соседей или от сослуживцев (в армии, например) приход письма. А если всё-таки удавалось, приходилось прятать его подальше. Но куда дальше дома или казармы спрячешь? Ты скажешь: “Какой ужас!” Как знать, мой мальчик, как знать...

И я, пожалуй, расскажу тебе, как это происходило.

Нет, не просто сел и написал. А в первую очередь, заметь, идёшь на почту и покупаешь конверт, и не какой попало, с красной звездой, Днём Победы или каким-нибудь Первомаем, а непременно с намёком, скажем, с розочкой, гвоздиками или пейзажем. Потом подбираешь бумагу. Обязательно не шершавую, чтобы при написании никакие плохо спрессованные махры не

мешали скользить перу, а чернила не расплывались от рыхлости бумаги подобно кляксам круглых двоечников. Разумеется, это был тетрадный листок, чаще всего — в клеточку, а не в линейку, потому что красную линию справа я физически не переносил: видите ли, кто-то смеет разливу моих чувств устраивать какие-то границы. А что ты удивляешься? Ты же не носишь у себя на лбу пароль своего почтового ящика? А, спрашивается, почему? Да всё по той же причине: что хочу, сколько хочу, каким интервалом и кеглем хочу, так и пишу. И потом, на листе в клеточку текст выглядел намного солиднее и — главное — не походил на школьные сочинения, от одних названий которых тошнило. “Луч света в тёмном царстве”, например. Или: “Роль Ниловны в романе Горького “Мать”, “Платон Каратаев как олицетворение народной правды в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”. Ещё перечислять? Достаточно? Тогда продолжим.

Итак, лист аккуратно вынут, а не выдран из общей, специально приобретённой для этой цели тетради, перо авторучки тщательно промыто, и направлена она свежими чернилами, качество работы опробовано на полях черновика. Увы, дорогой мой, но сначала создавался черновой вариант. Весь исчерканный и перечёрканный. Сто раз при этом приходилось заглядывать в орфографический словарь и в синтаксический раздел учебника, чтобы правильно расставить запятые и тем избежать некорректных замечаний по поводу малограмотности. Когда эта работа была закончена, всё аккуратно переписывалось начисто — иногда по несколько раз. Затем творение с затаённым дыханием перечитывалось, складывалось вдвое и запечатывалось в конверт. Географическое соотношение адресов при этом тоже заставляло волноваться. Ты представляешь, что такое Камчатка? Впрочем, о ней речь впереди.

Ты одеваешься, прячешь в нагрудный карман пальто или пиджака письмо и бежишь к ближайшему почтовому ящику. Они, как тебе известно, до сих пор синие. Отворяешь вечно спящее, как у кукол, веко и проталкиваешь в щель письмо. Всё! Теперь наступает самое мучительное и самое приятное время.

Ты воображаешь, как через половину Валдая, Урал, Сибирь и Дальний Восток летит на транспортном самолёте твоё письмо сначала до Владивостока, затем до Камчатки и, наконец, попадает в потонувший в морозной дымке военный гарнизон Петропавловска-Камчатского. На рейде, как неоспоримое могущество великой державы, дрейфуют эсминцы, авианосцы и сторожевые катера. Военный городок неподалёку. Едва приметное, невзрачное среди других домов гарнизона или даже встроенное в одно из них небольшое здание почты, куда приходит твоё, хочется верить, долгожданное послание. То, как она его будет читать, я пытаюсь вообразить ещё при его написании.

Но вот проходит неделя, подходит к концу вторая. Я весь в ожидании, я не нахожу себе места, несусь из школы как угорелый, чтобы первым заглянуть в почтовый ящик. Но, как правило, первой обнаруживает письмо мама, проходя с работы на обед. Был у нас тогда, мой мальчик, коммунизм, и во всех подъездах висели простые деревянные ящики с нишами, которые открывались фанерной задвижкой без замков. Казалось бы, бери и читай чужие письма. Трудно ли их умеючи распечатать? Подержал над кипящей водой конверт — и читай. Прочитал — заклеил, назад положил. Всё, теперь ходи да над чужой тайной ухмыляйся. Так нет же, никто, при нашем тогдашнем коммунизме, этого себе делать не позволял, даже если по ошибке письмо попало в чужой ящик. Если не посмотрят сразу на адрес получателя, то, обнаружив дома ошибку почтальона, сразу отнесут по назначению, да ещё с извинениями, что, мол, такая вот оказия приключилась. А всё потому, ещё раз повторяю, что жили мы тогда при коммунизме. Как — куда делся? Закончился, как и всё на этой грешной земле. При чём нынче живём? А я почём знаю? И потом — какая разница? Главное — живём! А как — это уже другая история.

В общем, прихожу я домой, а твоя бабушка встречает меня известием, что мне письмо. Я с разгону спрашиваю: “От кого?” И тут же по её улыбке догадываюсь, от кого именно, краснею, снимаю пальто, ботинки, а портфель зачем-то уношу в ванную комнату и там оставляю на стиральной машине. Сognaв в ванной комнате усилием воли младенческую красноту, иду,

заметь, сначала на кухню, а не несусь, как ненормальный, читать письмо. При этом делаю вид, что оно меня совершенно не интересует: ну, письмо и письмо. За обедом же и суп, и макароны солю до тех пор, пока мама не вырвет из моих рук солонку: “Ты с ума, что ли, спятил?” Предательская краснота опять начинает подпалывать мои уши. Но я, подобно голодному псу, не жуя, проглатываю всё, говорю “спасибо” и, забыв о портфеле, закрываюсь в спальнной комнате *делать уроки*.

Ты даже не представляешь, что такое долгожданное письмо “от неё”. Уж поверь, это далеко не то же самое, что у тебя в компьютере. Дрожащими руками ты распечатываешь конверт, вынимаешь письмо, разворачиваешь, и первое, что поражает тебя, — почерк. Почему-то именно он в первую очередь говорит о том, кого и за что ты любишь. Сначала письмо пробегаешь глазами, как будто пропускаешь стакан водки залпом, затем начинаешь цедить и смаковать по капле, как хорошее вино, и долго ещё тянешь из него этот сладкий нектар, сопровождаемый буйством воображения и разнообразных переживаний. Носишь у сердца, как святыню. Даже целуешь или скачешь с ним вокруг стола, если один в квартире. Ну, понял теперь, что такое письмо? И кто после этого несчастнее? То-то же, брат.

Так на чём мы остановились?

Ну, да, переписка закончилась. Затем служба в армии с её скучными, однообразными буднями, медленно текущее от подъёма до отбоя время, тоска по дому. И вдруг — письмо! Да, от неё, от Ноемы. Пишет, что адрес узнала через одноклассницу, просит извинения за “то глупое письмо”, спрашивает, как мне служится, не переписываюсь ли я с кем-нибудь, и если нет и не возражаю, то она будет писать мне и посылает фото на память. Такое, надо сказать, уж очень любительское фото, как будто затуманенное, ужасно нечёткое, но даже и такое, стоило только показать, тотчас пошло по рукам и буквально у всех сослуживцев вызвало зависть и море приставаний, в смысле, где такую отхватил, спроси, нет ли у неё такой же подружки или сестрёнки. Сестрёнка, кстати, была, но по сравнению с ней — земля и небо. Письмо же пришлось как никогда кстати. Трудно служивому без весточки с родимой сторонки, а тем более без писем от “девушки”. Ведь каждый день в тридцать лужёных глоток ревели: “Не плачь, девчонка, пройдут дожди, / Солдат вернётся, ты только жди, / Пускай далёко твой верный друг, / Любовь на свете сильней разлук”. Не слышал? А эту? “Через две, через две весны, / Через две, через две зимы, / Отслужу, как надо, и вернусь”. Тоже не слышал? Жаль... Но к делу.

Короче, завязалась переписка. Ничего, разумеется, особенного — о том, о сём и ни о чём конкретном с её стороны, и прямо какая-то необузданная фантазия с моей. Даже муза опять посетила. И кое-что я тебе сейчас даже воспроизведу. Что-то там...

*Захлебнувшись страницей в скат,
На сосёнке, снежком овеванной,
Читает письмо солдат.
Пишет девушка строчки нежные,
Вспоминает цветущий сад,
Старый пруд, окаймлённый вербою,
Сердцу милый, родной фасад.
И усталость услодою кажется,
Холод — летнего полдня жарой.
Это с голосом девушки вяжется —
Той единственной, дорогой.*

Как тебе? По-моему, неплохо. Не Бог весть что, но состояние моё тогдашнее вполне передаёт. Но, как водится, под “дембель” — её неожиданное признание в предостыдном замужестве, выпадение из поля зрения и, наконец, как снег на голову — эта встреча.

За три года, что не видел её, она из наивной девочки превратилась прямо-таки в настоящую, знающую себе цену красавицу. В первую минуту да-

же что-то вроде сожаления о потерянном счастье шевельнулось под сердцем. Однако же спешу прикрыть смущение напускной весёлостью.

— А я слышал, кто-то выходит замуж за военного?

— Только не я, — стонет соседка.

— Что так?

— Закомплексованный народ: отбой, подъём — скучища!

— Жестоко, но возразить нечем.

— И я про то же.

Что Ноема? Без тени стыда смотрит прямо мне в глаза. И это бы ничего. Но именно с того момента меня начинает неудержимо тянуть к ней, но — не прежнее, а вызванное этим её прямым, без стыда, взглядом.

Надо ли говорить, что весь оставшийся день прошёл в ожидании этого чего-то. Я ушёл домой, как только сошла утренняя роса, сказав, что не могу заниматься в жару. Дома повалился на диван в возбуждённом состоянии. Мама несколько раз звала обедать, я отвечал: “Иду”, — а сам не трогался с места.

Уже под вечер через входную дверь я услышал на лестничной площадке “их” голоса. И хотя пытался убедить себя, что это меня не касается, на самом деле это было не так. Я был во власти владевшего мною чувства.

Когда за окнами сгустилась тьма, я оделся и вышел во двор, уверяя себя, что иду к Еве, на самом же деле решил “в случае чего” не ходить.

А через пять минут и сам “случай” представился: дверь подъезда распахнулась и на пороге появилась Ноема. Увидев меня, понимающе улыбнулась. И я точно сорвался с горы: “Пройдёмся?” И, словно заранее сговорившись, мы повернули к дамбе. Следуя на некотором расстоянии сзади, я словно старался показать этим кому-то, что Ноема сама по себе, а я — сам по себе, хотя было темно и вокруг — ни души. И таким образом мы перешли на другую сторону озера. И там, в сокрытом от посторонних глаз месте, я позволил себе обнять и поцеловать Ноему.

Слава Богу, ничего, кроме этих воровских поцелуев, между нами тогда не произошло. И вовсе не оттого, что я этого не хотел: в ту минуту я был, как послушный ягнёнок, и до сих пор не понимаю, почему вдруг остановилась она, хотя прекрасно знаю, что после замужества сменила пару мужей. Откуда про это знаю? Да подкузьмил лукавый свидетель ещё раз, о чём, само собой, речь впереди, а пока о том, что произошло тогда. Что же относительно её тогдашнего поступка, мне видится в нём довольно банальная причина: похоже, она ещё раз хотела убедиться, что обаяние её сильнее моей любви. И всю дорогу назад я в душе поносил её и себя за непростительное малодушие.

И почти до утра я промучился без сна. Как после всего этого взглянуть Еве в глаза? Что сказать, почему я у неё не был? Казалось, начни врать, и Ева сразу обо всём догадается.

8

К утру я забылся тяжёлым сном и проспал до полудня. Поднялся разбитый. Вчерашнее представлялось тяжкой изменой. Это был первый день, когда я не пошёл к Еве, и впервые ожидал вечера со страхом. Отправился, словно на каторгу, в калитку вошёл, точно вор, на крыльцо поднялся, как на эшафот. И, словно ножом по сердцу, полоснула меня счастливая Евина улыбка, любящий взгляд, а затем беспокойство, когда без тени сомнения выслушав ложь о “солнечном ударе”, она спросила:

— Теперь ничего? Говорят, от этого даже умирают. У нас одного мальчика, помнится, еле спасли. Как же ты не заметил?

Что я мог ей на это ответить?

Была суббота и, выйдя на улицу, мы по обыкновению пошли на танцы. Всю дорогу недобрые предчувствия терзали меня. На что, собственно, я надеялся? Зачем надо было врать? Когда и что в нашей деревне оставалось тайной? Так и вышло.

Стоило нам войти на танцплощадку, буквально тут же рядом очутилась

Ноема. Приветливо кивнула мне, презрительно смерила с ног до головы Еву. Ева с недоумением спросила:

— Кто это?

— Это? А-а... Я тебе не говорил разве? В армии с ней переписывался. Замуж выходит.

Ева внимательно посмотрела мне в глаза, и тогда я с деланным удивлением выдал:

— Ты мне не веришь?

И чего никак не ожидал, поставив меня в неловкое положение, Ева вдруг пошла с площадки. Из одного самолюбия я не кинулся тут же следом, а вышел немного погодя, как бы уже сам по себе, небрежно сунув руки в карманы брюк. Но стоило скрыться за клубом, припустил со всех ног.

Я догнал Еву уже на половине пути, схватил за руку, остановил.

— В чём дело?

Ева молча высвободила руку.

— Нет, ты скажешь, наконец, какая муха тебя укусила? — тоном оскорблённой невинности продолжал настаивать я. И тогда она спросила прямо:

— Зачем ты меня обманул?

— Я-а?

На моё притворное удивление Ева даже ногой топнула. Такого с ней ещё не бывало.

— Да мне уже всё рассказали! Зачем же ты врешь?

Что было говорить?

Ева опять пошла. Но я, догнав её, остановил.

— Ты можешь меня выслушать или нет? Ну, ничего у меня с ней не было! Ну, честно тебе говорю!

— Почему тогда сразу не сказал?

— Чтобы не расстраивать.

— А почему она на меня так посмотрела?

— Мне почём знать? Мало ли! Из вредности, может.

И я стал рассказывать Еве всё (ну, не совсем всё), что произошло вчера и что было прежде.

Она внимательно выслушала. Выдержав томительную паузу, спросила:

— И почему бы тебе на ней не жениться?

— Почему это я должен на ней жениться?

— Ну как... Ты же любил её... Письма писал, стихи...

— И что? — взорвался. — Мало ли кто и кого когда-то любил! Да я... Я, может, всю ночь не спал после того!

— После чего?

И в этом, дорогой мой, все женщины. Мне ничего не оставалось, как в обиде на весь белый свет демонстративно замолчать. Ева тоже весь оставшийся путь прошла молча. На прощание даже не обмолвились о встрече. И я впервые ушёл с мыслью, что всё кончено навеки, и жизнь для меня потеряла всякий смысл и радость.

9

На следующий день я не пошёл к Еве, чтобы наказать её за холодность, с которой она простилась со мной. Не пошёл я и во второй день, в случае чего думая отговориться наступившим ненастьем. И всё это время провалился на диване, как в летаргическом забвении, словно сквозь сон, улавливая накрапывание по жестяному сливу дождя, унылый шелест листвы за окном.

Когда приходила с работы мама, я убирался в спальную комнату, садился за письменный стол и тупо смотрел в учебник. Меня охватывал ужас от одной только мысли, что дальнейшая моя жизнь может продолжаться без Евы.

В третий день я был в парке на встрече с одноклассниками, пришедшими со службы и, захмелев, кричал, что никогда не женюсь или, по крайней мере, после тридцати, и то "от усталости", а "не из любопытства". И всё хохотал, острил, стараясь казаться безнравственным, в то время как умом и сердцем был у Евы.

Вернувшись домой, плюхнулся на диван и проспал до вечера. Поднялся с тою же тяжестью на душе. Ненавидяще глянул на себя в зеркало, долго стоял под душем, ещё дольше растирался полотенцем. Легче не стало. Я постоянно с тревогой посматривал на часы, на улицу. Не пойти сегодня — значило не просто не пойти из-за дождя. Дальше тянуть было некуда.

“Всё равно уж... — решил я в отчаянии, злясь на себя за то, что ничего не могу с собой поделать. — Схожу — а там будь что будет!”

На улице не было дождя, но воздух насквозь пропитался влагой. Деревья шумели на ветру тоскливо, тревожно.

Дверь открыла Ева — усталая, грустная. Глянула на меня как на пустое место, равнодушно. Запахнувшись в бордовую кофточку, поёжилась и молча пропустила на веранду. Это равнодушие и подхлестнуло меня.

— Вот что, подруга, — заявил я не терпящим возражений тоном. — Или нам надо поскорее пожениться, или я не знаю...

— Что ещё за “подруга”? И что за тон? И потом, к чему такая спешка? — возразила она, по-прежнему на меня не глядя.

— Почему бы нет?

— Не будем об этом.

— Почему?

— Там видно будет.

— Где это — там? — не отступал я. — Ты можешь ответить прямо? Согласна ты или не согласна? — Я замер в ожидании. Прошла минута, другая. Я был весь на взводе. Казалось, ещё чуть-чуть и взорвусь. Ева, наконец, выдавила из себя:

— Сам знаешь.

Я тут же уцепился за подачку, как за соломинку.

— Тогда я не понимаю. Ты согласна выйти за меня и в то же время говоришь, что не можешь выйти теперь. Почему?

— Мама говорит, когда ты поступишь в университет, найдёшь себе образованную.

— Что за чушь! — взорвался я. — И при чём тут образованная? И вообще! Какое мне дело до того, что думает по этому поводу твоя мать? Сама ты как думаешь?

— Я без маминого согласия не пойду. И потом... Я не хочу стеснять тебя, — продолжала она упрямо, как по писаному, отчего я ещё больше выходил из себя. — Разве нельзя подождать со свадьбой? Если только мы действительно любим друг друга...

— Прекрати! Ты понимаешь, что говоришь?! — перебил я. — Что значит — если только? Что за предосторожности? А обо мне ты подумала, наконец? Я, может, не могу и не хочу больше ждать! Плевать, в таком случае, на университет! И потом я, может, сам боюсь, что ты меня разлюбишь или что-нибудь случится.

— Что же может случиться?

— Мало ли! Жених какой-нибудь богатенький подвернётся! — выпалил я желчно, не владея собой.

— Эх, ты-ы! — вдруг выдохнула она дрогнувшим голосом, с укором, не выдержав игры в благоразумие взрослых людей. — Неужели ты не видишь, как я тебя люблю? Неужели ты слепой? Посмотри! Да я на себя не похожа! На меня и не глянет теперь никто, какая я стала! И всё — из-за тебя! А ты!.. Я всю ночь после того плакала! И потом, и вчера! И мама видела! Почему ты не приходил два дня?

Она отвернулась к стене. Я кинулся её успокаивать, просить прощения, клясться, что не сойти мне с этого места, чтобы я хоть ещё раз...

Разумеется, она простила. Мы помирились. Свадьбу всё же решили отложить до осени. Я не настаивал. Несмотря на горячность, мне все-таки хотелось поступить в университет, а там можно было перевестись на заочное отделение.

Но примирение принесло облегчение ненадолго, а потом всё вернулось опять. Любовь наша день ото дня превращалась в какую-то муку. Ева прекрасно это понимала, страдала, мучилась, но ничего не могла поделать. Разрыв казался неизбежным. Так оно и вышло.

Однажды, вернувшись с работы, я обнаружил в почтовом ящике письмо. «Пишу только потому, что никогда бы не смогла сказать это тебе в глаза, а надо. Зачем притворяться и делать вид, что ничего не произошло, когда мы оба прекрасно понимаем, что прежней любви нет. Только пойми меня правильно и, прежде чем сердиться, подумай хорошенько, стоит ли. Из создавшегося положения выход только один — расстаться. Ева».

Казалось бы, чего лучше, не этого ли я ждал? Но что бы ты думал — сунув письмо в карман, я пошёл разбираться — из самолюбия, не больше. Меня, видите ли, гонят. И кто!

Но в дом меня не пустили. И я ушёл оскорблённый, свободный от всех обещаний и обязанностей.

Впрочем, ожидаемая свобода не принесла мне ничего, кроме новых мучений. Да ещё каких! Не прошло и недели, как я почувствовал себя одиноким и никому не нужным. Появилось сомнение, потом сожаление, затем страх, что прохожу я мимо своего счастья. Чего, собственно, я ждал? Что со мною будут носиться, как с писаной торбой? Попытки возобновить отношения ни к чему не привели — с Евой и впрямь что-то творилось.

В университет я не поступил, чуда не случилось, счастливых билетов мне не досталось, я устроился слесарем на завод. И всё это время, весь этот год до моего отъезда на Камчатку я жил с постоянной мукой в сердце, желая как-нибудь нечаянно умереть, чтобы уж ничего больше не видеть, не чувствовать, не знать.

За это время мы виделись всего несколько раз и то случайно.

Первый раз встретились в электричке, когда я возвращался с работы, а Ева — из своего кулинарного училища. Войдя в полупустой вагон, я увидел её сидящей у окна, и не сразу понял, что, прислонившись головой к стеклу, она спала. Сев напротив, я стал смотреть на неё. Казалось, ничего не изменилось в ней, ничего не выдавало тайных страданий. И тогда я понял, что люблю Еву какую-то сплошной болью. На минуту опустив глаза и подняв опять, я заметил, что Ева осторожно улыбается, но не во сне, это было понятно, хотя глаза были закрыты. Очевидно, проснувшись и увидев меня, она притворилась спящей. Я даже думаю, она специально улыбнулась, зная, как я люблю её улыбку.

Наконец, она решила проснуться, открыла глаза. Мы разговорились. И я назло ей постарался сделать вид, как хорошо мне живётся, что на работе у нас полно молоденьких девиц, которые не прочь выйти замуж. Ева ответила, что была бы этому только рада. Проводив её до дома, я ушёл с твёрдым намерением больше не приходить к ней никогда.

Но вторая встреча ошеломила меня. В тот вечер мы встретились на проводах в армию её двоюродного брата, с которым в последнее время крепко зашибали. Был всего лишь конец ноября, а снега легли основательно, и морозы стояли градусов под десять.

В тот вечер Ева сама усадила меня рядом с собой на лавку, не отпускала ни на шаг, танцевала только со мной. А потом мы шли совершенно пустой улицей вместо двадцати минут почти два часа до её дома и всю дорогу целовались. Снег искрился вокруг, мелкие снежинки летали по воздуху в свете редких уличных фонарей, на улице — ни души, только я и она. Ева, дурачась, кидалась снегом, пыталась меня уронить, я нарочно поддавался, и мы вместе летели в сугроб. И тогда под великим секретом она шептала, что любит только одного человека, хотя никогда и ни за что не выйдет за него замуж, а если узнает, что он женится, убьёт и его, и себя. В ту минуту я был истинно счастлив, думая, что всё вернулось. Прощаясь, мы даже договорились о встрече, но когда я пришёл на другой день, Ева прогнала меня, заявив, что никогда меня не любила, а вчера на неё просто нашло.

До глубины души оскорбившись, я хлопнул дверью и ушёл, как думалось тогда, уже навсегда.

Ближе к весне я стал ездить на выходные к армейскому другу. И там, бродя по улочкам небольшого окского городка, с сердечной болью стал осо-

завать, что теряю Еву. Ни одному её слову, будто она меня не любит, я, конечно, не поверил.

Валяясь по вечерам на скрипучей кровати, я подолгу рассматривал Евиную фотографию, которую втайне от домашних носил в нагрудном кармане пальто. Никто и не подозревал о моих мучениях. Я всегда старался казаться беспечным, шутил. Здесь же, в чужом городе, вдали от Евы, я не мог разыгрывать роль легкомысленного человека, хотелось хотя бы немного побыть самим собой. Когда же показал фотографию другу, то удивился, что она не произвела на него никакого впечатления.

II

А потом я умотал на Камчатку. Перед отъездом мы виделись с Евой последний раз. Я не мог уехать, не попрощавшись. Не зная, когда она вернётся из своего училища, я почти два часа просидел на лавочке у дома напротив, в закуске из акаций, где, бывало, прятались мы по вечерам, но так и не дождался её.

Был свежий вечер начала мая, с той обычной тишиной, какая наступала у нас с сумерками, изредка нарушаемой шумом проносающихся мимо поездов.

Когда кто-нибудь шёл по дороге, я выглядывал из укрытия — не она ли? — и садился на место, с тоской поглядывая на окна её дома. О чём только не передумал я в эти два часа. Мне шёл двадцать второй год, но я был убеждён, что жизнь моя погублена навеки, и хотя давно мечтал поколесить по свету, уезжал с неохотой. И как уехать? Всё это время я жил в каком-то полуживотном прозябании. Похоже, Ева и впрямь разлюбила меня, но я не переставал надеяться. Всё было как-то неопределённо.

Темнело на глазах. Глянув на часы, я вошёл в калитку и позвонил ещё раз. Опять вышла бледная копия Евы и категорически заявила, что если я не оставлю их в покое, она заявит в милицию.

— Неужели вы не понимаете, хотите вы или нет, рано или поздно Ева будет моей?

— Это мы ещё посмотрим!

Она хотела закрыть дверь.

— Да выслушайте же меня!

Дверь на мгновение остановилась.

— Что ещё?

— Скажите, сердце у вас или кусок гранита?

Дверь колыхнулась.

— Уезжаю я, на Камчатку, на рыбные промыслы... совсем... — прибавил для весу. — Да поймите вы, наконец, если я не увижу её, утоплюсь там в первый же день с тоски. Вам это надо?

Она недоверчиво покосилась на меня.

— Уезжаешь, говоришь? Когда?

Я глянул на ручные часы и безнадёжно вздохнул.

— Через двадцать минут. Скажите хоть, где она? Может, успею заскочить по пути на такси.

— Сейчас позову...

Боже, она дома, и я увижу её! Где же она прошла? Неужели задами, через соседей, как делала это иногда, чтобы избежать встречи со мной?

Я вошёл на веранду. Всё тут мне было знакомо: стол у большого, во всю стену окна, выходившего в соседний сад, два стула с той и другой стороны, на которых мы частенько сживали в былые времена по вечерам, и я с восхищением замечал, как с сумерками становились прелестней черты её лица. Никогда я не мог смотреть на Еву спокойно. Скажи она сейчас “останься”, и я бы ни минуты не сомневался.

Но когда она вышла, я понял, что радовался напрасно. Мой отъезд ничего для неё не значил. В светлом ситцевом платьице без рукавов, до боли любимая в своей неприступности, она остановилась поодаль, обняв себя руками.

Что было говорить? Я повторил, что уезжаю на Камчатку до зимы, а возможно, останусь навсегда.

— Счастливого пути, — отозвалась она с убийственным равнодушием, не глядя на меня.

— Конечно, я не заслужил большего, Ева.

— Не будем об этом.

— Нет, будем! Ты знаешь, что я не могу уехать, не выяснив всего до конца. Скажи, наконец, зачем ты держишь меня в этом унижительном неведении? Ответь прямо: надеяться мне или?..

— Я тебя не держу.

— Опять?! — не выдержал я. — Знаешь, как иногда мне хочется тебя убить?!

— А что? И убей! Да-да, убей! — выдохнула она вдруг с такою решимостью, что я даже испугался.

— Да что, в самом деле, с тобой происходит, скажешь ты, наконец?

— Да-да, убей! Туда мне и дорога! — продолжала она, не слушая меня, и вдруг, чего я не ожидал, подошла, прижалась и с какою-то неистовостью поцеловала три раза в губы. Тут же оттолкнула, отпрянув назад, прижав к груди руки точно в испуге за то, что произошло.

У меня даже в глазах помутилось.

— Я знал, я чувствовал, что ты всегда любила меня, Ева. Зачем же ты это делаешь? Я никуда не поеду после этого... — и хотел подойти, но в ту же минуту точно ушат ледяной воды выплеснули на меня.

— Нет! Нет! Уходи! Ненавижу! — как будто опомнившись, закричала она и убежала в дом.

Я вышел на улицу и, точно пьяный, оступаясь на каждом шагу, пошёл по дороге.

“Вот и отлично! И поговорили! И хорошо!” — успокаивал я себя, невидяще глядя на редкие огни фонарей. Пахло сиренью, чирикали на заборах воробьи, вокруг была самая чудесная пора, и только я, несчастный, должен был ехать куда-то на край света к ветрам, океану и мукам, которые заранее предчувствовал.

Дома уже волновались. Твоя бабушка, за всю жизнь никуда ни разу не опоздавшая, начала выговаривать мне, что такой-де я несерьёзный человек, что в первый же день меня погонят с путины в шею, что деньги просто так не даются...

— Ну, всё! Хватит! — оборвал я, берясь за чемодан.

— Чай, я тебе ма-ать, не чужая!

Она заплакала, а я нахмурился, тупо глядя вокруг. Всё, буквально всё напоминало о Еве — и тишина прозрачного вечера, и мерцание далёких звёзд.

12

С тем я и уехал.

Путину я оттянул от звонка до звонка. Не так уж и много, до зимы-то. Но за это время случилось непоправимое: Ева вышла замуж.

Как я это пережил?

А так вот и пережил. И ещё несколько лет подряд, как ты теперь мечтаешь, мстил “им всем” за себя, пока не повстречал твою маму. Мама, в таком случае, кто? Жена. Не к Еве, заметь, сказано, прилепится человек, а к жене, и будут “два в плоть одну”.

Как случилось, что мы поженились, спроси у неё самой. Хотя вряд ли она тебе расскажет. И я ничего не скажу. Знаешь, есть такие особенные родительские тайны, о которых детям лучше не знать.

Почему не мог не полюбить?

Только в моей любви на этот раз было столько предупредительной осторожности, приобретённой горьким опытом мудрости, что всё время женихества на этот раз прошло без сучка и задоринки. И потом, обрати внимание на свою маму, полистай альбом с её юношескими фотографиями и подумай: как можно было не влюбиться в неё?

А потом родились вы, твоя старшая сестра и ты, мой мальчик. И всё время, пока ты рос, росла вместе с тобою и моя любовь к твоей маме.

Что стало с Евой? Конечно, знаю. Она стала хорошей женой и матерью. Нет, не здесь, не у нас, а где именно, не всё ли равно?

И вот ещё что хотелось мне тебе сказать как бы в доверок: никогда не верь своему сердцу, не иди у него на поводу. И хотя говорят, сердцу не прикажешь, опыт подсказывает, что можно если не приказать, то занять его чувством не менее сильным, которое откроет для тебя новый путь. Об этом пути я и хотел бы, если не возражаешь, с тобой теперь поговорить.

Короче говоря, я женился. Но прежде надо сказать, что этого могло бы не произойти, поскольку буквально за месяц до встречи с твоей мамой в наши палестины неожиданно-негаданно нагрянула Ноема. Да, та самая. И я даже сначала подумал, что, может быть, она как раз и есть та, которую я все эти годы искал. Да ещё первая любовь к тому же.

За то время, пока мы не виделись, она успела родить дочь, помыкаться по воинским частям, развестись с первым мужем. Всё это я узнал от неё, когда мы столкнулись у входа в наш продовольственный магазин.

Был метельный февраль, тёмный вечер, снег пылил с крыш.

— Привет! — радостно воскликнула она и заговорила со мной так, как будто мы расстались только вчера.

Была она в лисьей шапке, в коротенькой лисьей шубке, в чёрной шерстяной юбке, короче, шик, а вот на ногах — уже явно местные валенки. Какой-то непривычно маленькой показалась она мне без каблучков.

Я ответил на приветствие. Скорее по инерции спросил, какими судьбами. Она тут же бегом-бегом всё и рассказала.

— Понятно. А к нам чего?

— Тебя соблазнять... — понизив голос, как бы шутейно заявила она.

— Нет, серьёзно.

— А если, — отвечает, — серьёзно, жажду настоящей любви!

Я делаю вид, что не понимаю намёка, желаю удачи на “данном поприще”. Мимо проходят люди, некоторые здороваются, иные оборачиваются, с любопытством поглядывая на нас, мы же никого и ничего не замечаем. И это наше стояние и впрямь могло показаться на что-то намекающим. И надо было извиниться и уйти, а я не двигался с места.

— Домой? — спрашивает она. Я киваю. — Жена, дети?

Говорю, ни тем, ни другим пока не обзавёлся.

— Я слышала, дом купил. Куркулём, говорят, таким заделался.

— Да подвернулась по дешёвке избушка, ну, и взял, можно сказать, для того только, чтобы деньги сохранить. Всё равно промотал бы.

— И много ты их промотал?

— Да на пару бы “Волг” хватило.

— Ух, ты! И не жаль?

— Денег? Не смейся, пожалуйста. Пришли — ушли.

— Показал, что ли, дом бы, в гости, что ли, пригласил бы? — как бы в шутку начинает напрашиваться она.

И тут я дрогнул. Стал мямлить, что ночую у матери, а так приходи, мол, смотри, жалко, что ли, только чего там смотреть, снаружи развалина, внутри бардак.

— Ладушки, загляну как-нибудь!.. А я дядьку ублажаю. Неделями не просыхает. Не нальёшь — люгый зверь, а плеснёшь — ласковее не бывает, вот, несу, — шевельнула она сеткой, в которой вместе с буханкой ржаного хлеба, батоном, пачкой сахара, банкой селёдки, какими-то кульками торчала бутылка водки.

— А знаешь что? Приходи к нам. Приезд отметим. Старину помянем. А что? Через часик примерно и приходи. А я пока картошки нажарю. Приходи. Придёшь?

И, не дожидаясь ответа, ушла.

Разумеется, не к родителям я пошёл, а к себе. Ты этот дом не видел. Мы продали его, когда надумали перебраться сюда. А так — дом как дом, газовое отопление, кухня, она же прихожая, слева вход в довольно простор-

ный зал. Мебель? Какая у холостяка мебель? Обеденный раскладной стол, четыре стула, тахта у стены, старенький шифоньер — у другой, телевизор с проигрывателем в углу на тумбочке, на окнах — простенькие задержушки. Всякое ненужное тряпье, старые газеты, журналы на столе, на стульях, на полу. Короче, бардак.

Придя домой, поставил на газовую плиту чайник, включил телевизор. За окнами по-прежнему метёт. В такую погоду на улицах ни души, и в гости никто ни к кому не ходит, а в голову лезет и лезет: а она возьмёт и придёт. Долго ли ей, ненормальной? А что? Шла, скажет, мимо, гляжу, свет, ну, и зашла, сам же приглашал, и вообще, погреться по пути заскочила, пустишь? И что я должен на это ответить? Уходи? О, Боже! Я выключил телевизор, свет и в тихом безумии опустил на тахту. Надо бы уйти к родителям и всё это поскорей заспать! А сам — ни с места. “Ну, ты чего”, — подзадориваю я себя. Или жениться на ней собрался? А что бы, чай, и не жениться — вон какая она! Это какая же? Да уж такая...

Наконец, подымаюсь, одеваюсь, выхожу из дома.

На улице буря. Правда, и топать недалеко, да при таком ветре, казалось, шагу нельзя ступить, не задохнувшись. Помнится, ещё подумал: а может, не ходить? И чего, собственно, выдумал? В такую-то жуть! Она, может, сидит себе с окосевшим дядькой в тепле и в ус не дует, а я насочинял. И уж хотел вернуться, да мелькнул в свете одиноко мотавшегося на ветру фонаря силуэт. Приглядываюсь — женщина. Да неужели она? Поспешно забегаю за угол. Замираю. Мысленно иронизирую над собой: может, и не к тебе вовсе, по обе стороны улицы домов — прорва, и автобусная остановка в той стороне, а ты... Но в следующую минуту слышу стук калитки.

Да, это была она... Как поступил? А ты бы как поступил? Ах, ты бы не вышел. Судя по твоим поездкам за Волгу, что-то сомневаюсь я. В общем, вышел я в тот момент, когда она, не дозвонившись, собиралась уходить. Выбежал, знаешь, в распахнутом овчинном тулупчике — этакий ухарь. Банку, кричу, затопить хотел, да там сам чёрт ногу сломит, и дымоход, поди, снегом забит.

— А ты дом посмотреть?

— Ну-у... можно, конечно. А так — за тобой. Прихожу к вам, говорят, поди, у себя. И дали адрес. Прихожу — темно. Думала, спать лёг. Звоню, стучу. А ты, оказывается, в бане копошился... Ну, что, пошли? Да пошли же! Идём. Ты не представляешь, какой я шикарный стол накрыла. Ахнешь! А потом... если, конечно, хочешь, не подумай только, что набиваюсь, можно и к тебе пойти. Если, конечно, ты захочешь.

Надо ли говорить, что именно этого я и хотел? Но, разумеется, держу марку. В гости? Так что ж, можно и в гости. И она меня сразу же под руку взяла. Как бы шутейно опять же плечом толкнула.

Ну, а потом...

Что было потом, рассказывать, понятно, не буду. Скажу только, что сначала с её разведённым дядькой-забулдыгой (бабушка года три назад умерла) мы пили, закусывали, травили анекдоты, ну, а потом пошли ко мне. Дядьке, правда, сказали, что пошли прогуляться. Непутёвая же скотина, как известно, только в такое ненастье и гуляет.

Приходим ко мне...

Пожалуй, хватит. Знаешь, всё-таки я твой отец, а стало быть, должен блюсти меру. Скажу только, что это была единственная наша ночь. Точнее, всего около двух часов из всей длинной, зимней ночи, при воспоминании о которой мне до сих пор стыдно.

Ночевать её у себя, разумеется, я не оставил. Она и сама прекрасно понимала, что остаться нельзя. Помнится, вышли мы с ней на тихую после вьюги улицу часу, может быть, в третьем или в четвёртом, я на часы не глядел, и пока шли, она, как будто уже имеющая на то право, планировала нашу будущую совместную жизнь. Я же с какою силою страсти её совсем недавно желал, ровно с такою же, если не большею силой теперь ненавидел. И если бы не эта случайная связь, я бы и сомневаться не стал, а так получалось, был если не обязанным, то повязанным по рукам и ногам. Даже если никто не

видел, разве это меняет дело? Самому себе, скажем, своей совести, как всё это объяснить? Что — не любил? Тогда зачем вступал в связь? Нет, мой мальчик, всё не так просто, как кажется, и я, идя рядом с ней, молил судьбу, чтобы пощадила, чтобы всё это как-нибудь разрушилось само по себе.

И, знаешь, разрушилось. На другой день пришло письмо от одноклассника, и я, недолго думая, укатил к нему как бы в гости. Остановился на частной квартире. Денег было достаточно. Так что почти три месяца, до очередного вызова на пугину, я там, как жулик, отсиживался. Нет, правда, всё это время и даже потом чувствовал я себя преступником, скрывающимся от правосудия. Даже родителям из предосторожности не писал. Потом уж узнал, что с месяц она донимала их своими посещениями: не приехал, не написал ли?

И вот тогда, в этом небольшом городке, я и познакомился с твоей мамой. Где? На танцах. Стоит ли говорить о том, что, когда поближе узнал её и полюбил, я так оплакивал своё смрадное прошлое. Тогда каким-то седьмым чувством я понял, что твоя мама — моё единственное спасение. Не веришь, но с ней я словно переродился.

А примерно через три месяца после нашего знакомства, наплевав на все заработки, я женился.

13

Ты, может быть, спросишь: и что? Что в этом особенного? Действительно, со стороны глядя, ничего. Но это только со стороны.

Всего минут пять, как умолкли все эти бесконечные, набившие оскомину: “Миленький ты мой, возьми меня с собой...”, “А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...” и прочее, и можно было погрузиться в благодатную тишину семейного уюта. Я был счастлив тем особенным душевным и телесным счастьем законной супружеской близости, с которым проснулся утром после первой брачной ночи. И в этом была не только своя прелесть, но и какое-то неведомое мне доселе спокойствие совести, сладкая тишина души, девственная, ни от кого не скрываемая на этот раз свежесть и чистота постели. И у меня просто не хватает слов, чтобы передать всё то, что я испытал в то утро. Но определённо, я был уже не я, а кто-то совершенно другой. Чувство, которое влекло меня прежде к Еве, потом к Ноэме и, наконец, к твоей маме, это болезненно-жаждущее чувство души было напоено и наполнено до краёв. И теперь что бы я ни делал, что бы ни чувствовал, я делал и чувствовал за двоих. И это продолжалось весь наш медовый месяц, во время которого мы ни разу не поссорились, хоть и дурачились, особенно по утрам или перед тем, как лечь в постель, ужасно.

Дурачились как?

А насмерть бились подушками, я умирал, а твоя мама воскрешала меня поцелуем. Иногда, просыпаясь раньше, я подолгу смотрел на твою маму. Эти минуты, дорогой мой, незабываемы. И я, помнится, всё недоумевал, каким образом два совершенно чужих человека становятся друг другу ближе самых близких родных. В такие тихие минуты меня восхищало в твоей маме всё. Каждая чёточка лица, её ровное дыхание, положение руки, изящный изгиб тела... Тебе приходилось когда-нибудь видеть иллюстрацию спящей Венеры? Видел? Одень в сорочку, и ты получишь точный портрет твоей мамы. Но дело даже не в этом. В созерцании спящей Венеры, думается, есть нечто от райского восхищения Адама. Какое совершенство линий, пропорций, какое чудное творение Божие, какая удивительная красота! И потом, что такое удивление? Это же восхищение новизной, а Ева была последней новизной в мире. В такие минуты я ни о чём и ни о ком не жалел. Я был истинно счастлив.

А знаешь, какую радость доставляет известие о первой беременности?

Я, конечно, понимаю, как на физиологическом уровне это происходит, но, дорогой мой, если бы это была только физиология, чем бы мы отличались от обезьян, пусть даже и самой высшей организации? Теперь много говорят о пришельцах из космоса, о затонувшей Атлантиде, НЛО, иных ми-

рах, исчисляя возраст планеты миллионами лет, но что это доказывает и, главное, какое отношение имеет ко мне, к тем минутам утренних созерцаний, которые безмолвно говорят гораздо о большем, куда более важном и значительном, чем все эти сказки о пришельцах из космоса, иных цивилизациях, Атлантиде и миллионах подготовительных лет, когда какие-то динозавры и ихтиозавры с питекантропами, нещадно пожирая друг друга, закладывали фундамент нашей цивилизации?

Но вернусь к разговору о первой беременности или, по-старинному, о зачатии. Хотя и зачатие зачатию рознь. И для подтверждения этих слов вернусь к тому, с чего начал, — к чувству законной супружеской близости, хотя бы над молодожёнами ещё и не довел никакой священный закон. Официальное, если так можно выразиться, освящение может состояться и позже (или не состояться совсем), к свершившемуся событию можно что-нибудь добавить, скажем, снять остроту отношений или возвести их на более ответственную высоту, всё это вполне может быть и иметь место хотя бы для спокойствия совести, но повторяю, не в этом суть, не это главное, это лишь покров над той ничем не объяснимой и непостижимой тайной первой законной супружеской близости, когда вы положили любить друг друга и быть верными друг другу до гроба. Я не говорю о соблазнах, которые, конечно, будут вас подстерегать на каждом шагу и перед которыми, может быть, кто-нибудь из вас даже и не устоит, но тут же и отринет их, как мерзость, после чего станет любить свою вторую половину ещё сильнее, ещё преданнее, потому что из горького опыта поймёт, что нет ничего чище, серьёзнее и сильнее того единственно возможного и только однажды даруемого чувства первой законной супружеской близости. К этому непостижимому, но живо переживаемому чувству относится, на мой взгляд, и зачатие — не имеет значения, какое: первое, второе, третье... Тут происходит, говоря высоким слогом, общение с вечностью, которая, как известно, есть Любовь.

14

Дни ожидания первенца так же удивительны и неповторимы!

Всё эти страхи, тревоги, походы к врачу, вставание на учёт, сдача анализов... Первые три месяца внешне практически ничего не заметно, и только разные приходы свидетельствуют о том, что внутри будущей матери кто-то есть и не просто сидит там, а таким странным образом заявляет о своих правах. Потом начинает расти живот, что-то особенно тёплое и трепетное придавая прежде стройной фигуре, отчего ты начинаешь любить свою жену ещё больше, точнее, как-то пронзительно нежнее.

Затем первые шевеления малыша. Живот продолжает расти, становится большим, упругим, его тяжело носить, вы оба крайне осторожны, ты предупредителен во всём.

Последние дни перед рождением, по выходе в декретный отпуск, так же ни с чем несравнимы.

Твою маму начинает страшить предстоящее событие, она всё чаще и чаще начинает повторять, что боится. И когда приходят первые схватки, не хочет верить, что роды начались. “Погоди, может неудобно повернулась, может, сейчас пройдёт”, — говорит она. И мы дотягиваем до последнего момента, как правило, до глубокой ночи, когда она, наконец, решается разбудить меня, чтобы я вызвал “скорую”. А в те времена, особенно же в нашей относительной глуши, это было и хлопотно, и, главное, не так скоро приезжала машина. Сначала нужно было добежать до коммутатора, в такой поздний час дозвониться; услышав равнодушное “ждите”, в тревожном ожидании, как правило, нерасторопной “скорой”, казалось бы, целую вечность сходить с ума, глядя на то, как корчится от боли, как стискивает зубы, чтобы не закричать, твоя мама. Потом наблюдать всё это весь путь до роддома и, прошившись в приёмном покое, проводить твою маму долгим взглядом, как провожают разве только на войну или на смерть. А ты разве не знал, что роженицы ходят по краю могилы? А я и тогда знал. А ещё знаю, какие трудности были у мамы при твоих родах.

Но вот, проводив, ты возвращаешься на такси или на попутке домой, но не находишь себе места. Ты ничего не можешь делать, ты как чумной. Ты каждые десять минут звонишь в роддом, ты там всем уже надоел, но ты всё равно звонишь. И даже если ты совсем не умеешь молиться, ты истинно молишься в эти минуты, дорогой мой, без слов.

Когда подходит момент наивысшего напряжения, тебе кажется, если это продлится ещё немного, ты умрёшь. Но в самый критический момент долгожданное событие всё-таки происходит. И ты, узнав об этом, совершенно иначе начинаешь воспринимать мир. Он для тебя — абсолютная благодать, он весь светится. И с кем бы ты ни встретился, все поздравляют тебя, все рады, на всех лицах одобрительные, понимающие улыбки.

Что же это, если не любовь, но уже совершенно другая?

15

Ты скажешь, любовь — да, но при чём тут плач? И я опять принуждён совершить экскурс в историю, чтобы поведать тебе о самом горьком плаче Адама. Этот плач называется плачем о потерянном Рае. И хотя начинается он с момента рождения, однако нет горше плача при выпадении из мира, который ты, однажды перестав плакать, полюбил раз и навсегда и в котором, как в Раю, долго не видел никакого зла, который казался тебе неописуемо прекрасным.

Не понимаешь?

Хорошо, скажи, какие самые яркие впечатления твоего детства?

Пасха, Рождество...

Продолжаю вместо тебя: нарядная ёлка, Дед Мороз, мешок с подарками за его спиной, вы поёте песни или рассказываете наперебой стишки, проглатывая от волнения слова. О Рождестве, кстати, я в своём детстве не знал, и в моей памяти остался лишь Новый год с его разноцветными, бегущими снизу вверх по нарядным лапам сначала “детсадовской”, а потом школьной ели огнями после дружного скандирования: “Ёлочка, зажгись”, ватными бородами и женскими голосами дедов морозов, молоденькими снегурочками, новогодними подарками, в которых вперемежку с конфетами на всякий вкус лежало по одному необыкновенно сочному мандарину. Само собой — хороводы, песни, стишки: “Здравствуй, Дедушка Мороз, ты подарки нам принёс?” Блеск серебряного дождя, разноцветные конфетти, вместе с огненным облачком вылетающие из хлопушек и осыпаящие всех. Завораживающее горение бенгальских огней. Дома — звон бокалов с шампанским, по телевизору всю ночь транслируют новогодний “Огонёк”. Хотя вру, телевизора в то время у нас ещё не было. Только у соседки, одной-единственной во всей округе, был “КВН” — этакое, знаешь, чудище с лупоглазым экраном. Раза два, помнится, ходил я через линзу на это седьмое чудо света смотреть. И новогодние “Огоньки”, кажется, тогда ещё не транслировали, да и глупо было бы в такую ночь сидеть перед лупоглазым уродцем, когда по обеим сторонам радиолы, стоявшей на нашем комод, громоздились две огромные стопы пластинок, звук с которых снимался при помощи металлической иглы, которая постоянно тупилась, и её надо было менять. “Какой ужас”, — скажешь ты. Но не спеши с определением, сначала послушай.

Ты представить себе не можешь, какой праздник бывал в доме, когда твой дедушка приносил очередную пластинку. Были они, как мотоциклы, трёхскоростными, и если одни, самые медленные, проигрывались на скорости 33 оборота, то другие — на 45 и на 78. При этом пластинки, поскольку мы с них не слезали, быстро выходили из строя и, будучи исцарапанными, при проигрывании не только хрипели, но игла на них постоянно перескакивала через одну, две и даже десять дорожек. В варварстве этом были повинны мы двое — я и твой дядя, а ещё наша совместная с ним любознательность: при заучивании песен постоянно приходилось подымать и опускать рычаг. Ну, и сами по себе были они недолговечны и вскоре летали по воздуху вместо бумерангов во время игр во дворе или шли на слом, крошимые каблучками в труху. Это, кстати, относилось к нашим с твоим дядей спорам,

что песни лучше, и в то время, когда он крушил пятой “плохие” мои, я с не меньшим усердием крушил “плохие” его.

Но вернёмся к тому, что твой дедушка приносил очередную пластинку. Мне даже думается, он покупал всё, что выкидывалось в пятидесятые и в начале шестидесятых на музыкальный прилавок. Кого у нас только не было! Шаляпин, Русланова, Шульженко, Козловский, Лемешев, Марк Бернес, Утёсов, Любовь Орлова, Радж Капур, вся современная эстрада... Кто такой Радж Капур? Актёр, сыгравший популярного индийского “Бродягу”. Ты можешь смеяться, но я до сих пор помню эти песни. На каком языке? На индийском, разумеется. Хочешь послушать? Пожалуйста.

“Барбарнани, сансарнани, мусэниэ копьярнани, абараму-у, абараму-у. / Я гартэсмэму насмаму, абараму-у, абараму-у”.

Перестань! Совсем не для того я тебе спел, чтобы ты смеялся. Пели же мы это все вечера напролёт до тех пор, пока твоя бабушка не выходила из себя:

— Вы прекратите или нет?

Тебе смешно, а между прочим, всё это в их фильмах пелось со слезами на глазах. И я ещё несколько таких песен знаю. Про что — не знаю, но как петь, знаю. А вы разве не тем же занимаетесь, воспроизводя на слух песни на так называемом английском языке? Так что будем считать, что квиты.

Что исполняла тогдашняя эстрада? Чего она только не исполняла! Но из всего тогдашнего багажа, кроме знаменитых песен Бернеса, Утёсова и Орловой — “Тё-омная ночь”, “У Чё-орного моря-а”, “Нам песня строить и жить помогает”, — какие-то два типа пели про официантку Манечку. И знаешь, как это вы теперь выражаетесь, так прикольно: слов начальных не помню, а только мотив и припев.

“Тра-татата-татата, Ма-анечка, тра-татата-татата, Манечка! Ох, Ма-анечка!”

И ещё безумно нравилась нам пластинка про “заело”. Чего-то там “зае-зае-зае-заело”. А мы с твоим дядей катались по полу от смеха.

Так что принесённую пластинку мы буквально за неделю заслушивали до летального исхода. А теперь прибавь к этому лучшие застольные песни, которые мы слушали во время праздников.

И это тоже забываемо.

На столе, как и во всей России, нельзя сказать, что шаром покати, потому что стоит огромная миска варёной картошки, такая же миска мелко рубленной и уложенной слоями капусты, сверху — яркая, как напояженные губы деревенских дур, “помидора”, сморщенные солёные, но очень сочные огурцы — всё из дубовой кадки, ржаной хлеб толстыми ломтями, свиное сало — тонкими дольками, и если его сразу не съедали, становилось оно самым отвратительным на вкус, само собой — гранёные стопки, пара бутылок “Московской” — и это ли не великолепие? Да это, брат, роскошь по тем, да, пожалуй, и по нынешним временам. Ты ел когда-нибудь всё вышеперечисленное, засоленное в дубовой кадучке, срезанное с собственного поросёнка? Не-ет. Вот и молчи.

А теперь представь себе такую картину. Все без исключения веселы, довольны дальше некуда и после очередной выпитой стопки аппетитно и смачно хрустят солёной капустой, огурчиками, с шумом высасывают внутренность из помидоров, как будто их век не кормили. Мы, понятно, под кроватью, до взрослого стола нас не допускают, но мы всё видим, всё слышим, мы — незримые участники торжества. Иногда озоруем. Как? Дядя твой однажды, например, на спор, вроде как водички попить захотел, подбежал и хлопнул стопку водки. Что тут началось! Разумеется, твоему дяде поверили, что только водички попить захотел, да нечаянно ошибся. И чтобы не опьянел, давай в рот ему хлеб со сливочным маслом да и всё, что на столе было, пихать. И он послушно, как желторотый птенец, разевал рот, нежёванные куски эти один за другим с усердием глотал, а потом, забравшись к нам под кровать, заставлял нас исходить сопливой завистью.

По какой причине собирались? В день рождения моей бабушки, после заклания поросёнка, после сажания и копания картошки. Дядьки и тётки

вместе с родителями, надо заметить, больше пели, чем пили. Что пели? Ну, например: “Миленький ты мой, возьми меня с собой. / Там, в краю далёком, буду тебе женой”. И ведь главное, сколько ни умоляла она его, не взял, поскольку в краю далёком была у него и жена, и сестра, ну, а “чужой” она ему там была без надобности. Ещё пели: “Вот кто-то с горочки спустился. / Наверно, милый мой идёт / На ём защитна гимнастёрка. / Она с ума меня сведёт”. И далее про погоны золотые, орден яркий на груди, и кончалось всё одним и тем же: “Зачем, зачем я повстречала / Его на жизненном пути”. Не правда ли — если не в конкретных выражениях, то в самой сути всё это так знакомо? И ещё много других весёлых и грустных песен, которые, конечно, я помню. Разбуди в час ночи — и без запинки спою. Но особенно волновали меня такие слова в одной из них: “Его я видеть не должна, / Боюсь ему понравиться. / С любовью справлюсь я одна, / А вместе нам не справиться”. И это непреложная истина. Вместе — не справиться никогда, о чём я тебе уже и рассказал, и, как понимаю, ты сам постиг на своём горьком опыте. Ну, вот, ты и опускаешь глаза. Стало быть, я прав.

Видишь, как далеко занесли меня новогодние воспоминания? У тебя, разумеется, они не такие, но, согласись, очень похожие.

Увы, и о Пасхе в те годы мы не знали практически ничего. Знали только, что раз в году бывает Пасха, что попадает она всегда на воскресенье, но почему в разные числа и в разные месяцы — не понимали. Знали ещё, что в этот день какой-то Христос воскрес, а зачем и для чего — не ведали. При наличии кладбища событие это могло бы вызвать всеобщий интерес, если бы, скажем, по воскресении из мёртвых Христос этот до сих пор ходил бы по земле. Пришёл бы, например, к нам однажды домой и сказал:

“Ребята, я Христос, который воскрес, мне уже почти две тысячи лет, а я всё такой же молодой, каким умер и в третий день воскрес. Так с тех пор и хожу по всей земле, заглядывая в каждый дом, чтобы все увидели и уверовали, что Я воскрес, а то несправедливо как-то получается: кто-то видел Меня воскресшим, а кто-то — нет. Верно? Ну, и решил — буду ходить до скончания века, чтобы все Меня видели. Ну, всё, братцы, пора мне, побегу, сколько ещё домов обойти надо, бывайте, до встречи на том свете”.

Это было бы да! И потом, что это за выражение — “на том свете”? Про тот свет мы не раз слышали в разных вариациях, что-то вроде: “На том свете сочтёмся”. Есть, мол, где-то, кроме этого, ещё какой-то “тот свет”, как некое сказочное царство, куда никто попадать не желает и, однако же, все без исключения попадают, но что это за “свет” такой и почему его все пуще огня боятся, не понимали, конечно. Почему — не спрашивали? Спрашивали. Что отвечали? Известно что: “Отвяжись”. И если тебе раз, другой, третий скажут: “Отвяжись”, — ты поневоле отвяжешься, верно? А, мол, махнёшь рукой, придёт время — узнаю. И в этом отношении, мой мальчик, вы с сестрой счастливец нас.

Ибо воистину воскрес Христос!

А помнишь, как ты, закрывшись в туалете, думая, что тебя никто не слышит, после Светлой заутрени и всю Пасхальную неделю с каким-то восторженным привизгиванием пел: “Пасха священная нам днесь показася... Пасха святая, Пасха таинственная...” А мы с мамой и твоей старшей сестрой стояли возле двери и не могли наслушаться. Так, наверное, даже ангелы на небесах не ликуют, как ты тогда ликовал.

А помнишь, как ты однажды спас нас от неминуемой гибели? А всё оттого, что с раннего детства навывк непрестанной молитве. Я не могу передать, как удивительно ты её читал, с каким-то исходящим от звука твоего голоса действием, даже во сне, мороз по коже шёл, когда я это слышал.

Так в тот день, как ты, наверное, помнишь (неужели забыл?), мы мчались на нашей новенькой “Таврии” с жигулёвским двигателем (то есть зверь, а не “Таврия”!) по трассе. Была зима, по обе стороны шоссе — высокие борта сугробов, небольшой поток встречных машин, а впереди всего одна — грузовик, фургон. Я издалека по фонарям и по стремительному нашему приближению к нему вижу, что фургон тормозит, включает правый поворот, хочет повернуть на заправку, и поэтому я, не сбавляя скорости, ле-

чу, абсолютно уверенный, что пока доеду, он уже повернёт. И вдруг в последний момент водитель передумал и опять выворачивает на дорогу.

Я начинаю тормозить, но мы так близко, что я понимаю: не успеть. Машинально уожу влево, но прямо перед моим лицом вырастает кабина “КамАЗа”. Всё это происходит, как в замедленном кино, на самом же деле всё произошло в несколько секунд, а последнее — в доли секунды.

Вижу скованное ужасом лицо водителя “КамАЗа”, мы идём в лоб, слева — борт снега, справа — грузовик, я на скорости — столкновение неизбежно. Ты же в это время, очевидно, не понимая, что происходит, стоя за моей спиной (ты всегда ездил стоя, чтобы созерцать своими огромными глазами дорогу), методично, размеренно тянешь и тянешь Иисусову молитву. Твоя мама и сестра — в оцепенении, ещё немного — и они закричат, а я зажмурюсь.

Но в это мгновение чьи-то властные руки ложатся на мои, выворачивают руль влево, затем вправо, и мы почти впритирку, шаркая боком о сугроб, проходим рядом с огромными колёсами “КамАЗа” и благополучно избегаем аварии.

Я останавливаю машину, долго не могу прийти в себя. Ты спокойно продолжаешь молиться, твоя мама, наконец, тяжело вздыхает и крестится, твоя сестра улыбается и поочередно смотрит на нас и на тебя.

Неужели не помнишь?

А помнишь, когда мы только купили машину, я, собираясь по своим делам, не хотел брать тебя, потому что мне показалось, что ты плохо одет, и как горько ты тогда плакал? А твоя мама потом пронзила моё сердце, сказав, что ты надел всё самое лучшее?

Неужели тоже не помнишь?

Впрочем, что же тут удивительного? Я тоже много чего, связанного с такими детскими обидами, не помню. Поссорились — помирились. Обидели — пожалели. Действительно, сколько всего в детстве бывает — и всё помнить?

Но одного случая забыть не могу. Потому именно, что связан он с плачем Адама.

16

Говорю о выпадении из детства.

Как это было?

Знаешь, до сердечной боли глупо и обиденно.

Однажды пришла в гости соседская девочка, с которой мы частенько вместе играли, пришла, когда родителей не было дома, и показала мне, что надо делать, чтобы стать папой и мамой. Прежде, когда она приходила, я, например, строил из кубиков какой-нибудь великолепный замок, а она укладывала в него спать свою куклу. Или я с ветерком катал её Лялю в кузове самосвала, а она бежала рядом и на каждом крутом выраже верещала: “Упадёт! Упадёт!”. “Не упадё-от!” — заверял я и мчался дальше, пока не врезался в какой-нибудь “дорожный столб”. Ляля летела через кабину и до того смешно валялась на полу, задрав вверх ноги и руки, что я помирал со смеху, а соседка, подхватив “дочку” на руки, тетёшкая её, показывала мне язык. Довольно часто мы слушали пластинки, и не раз в нашем чулане с небольшим оконцем в дощатой стене, где мы обычно играли, сидя на кушетке, по очереди бренчали на семиструнной гитаре и пели. Сначала я, положив на ноги гитару, играл, как гуслея, а она пела, потом играла она, а я пел. Не помню, откуда, когда и для чего появилась у нас гитара. Никто у нас на ней играть не умел, но, тем не менее, на протяжении многих лет она висела на вбитом в стену гвозде в чулане.

В тот день, кстати, тоже всё началось с игры на гитаре. Сначала мы играли и пели. Затем соседка сказала: “А давай целоваться?” И вот мы стоим друг перед другом на четвереньках на кушетке и тычемся носами. Когда надоело, легли спать. И я уже закрыл глаза, когда она, приподнявшись на локте, сказала: “А бодаться?” Так и сказала: “А бодаться?” Я, разумеется, спросил: “Как?” И она показала. Сказать, что от всего этого я одурел — значит, ничего не сказать. Страшнее, стыднее, ужаснее тайны у меня до сих пор

не было. А поди, поживи с такой тайной среди ничего не подозревающих, по-прежнему любящих, считающих тебя лучше всех!

Но, как говорится, яблочко было сорвано и съедено на двоих. Разумеется, ничего подобного больше не повторялось, одевшись до определённого времени в своеобразное табу. Но такие события не забываются. Мир вокруг после этого предстаёт как бы рассечённым. Нет уже прежнего, доверчиво глядящего в родительские очи Адама, а только жалкая, всё время ускользающая с глаз долой тень. И хотя это всё тот же Адам, но уже не такой, как прежде. Он ещё плачет по ночам о потерянном рае, но при дневном свете старается как можно дальше спрятать от всех свою жалость о его потере. Ведь всё это, детское, так смешно. На смену прежней гармонии приходит хаос. В твоём взгляде на женщину начинает главенствовать непреодолимая и ненасытная жажда обладания, обладания и ещё раз обладания. И вместе с тем ты видишь, что каждое очередное обладание, тщательно скрываемое от родительских глаз, которых ты почему-то больше всего стыдишься, разъединяет вас всё больше и больше. Так, как ты, наверное, догадался, было и со мной, о чём я тебе с такими откровенными подробностями и поведал.

Что же тогда, спросишь ты, означают мои мучения после разрыва?

Извини, но ответ всё тот же: плач Адама.

Но неужели, спросишь ты, ничего не вернуть?

Вернуть, разумеется, ничего нельзя, но построить на обломках что-то совершенно иное, конечно, возможно, хотя и тяжело. Согласись, легче построить дом заново, нежели, варварским способом разрушив до основания старый, из обломков воздвигнуть его вновь. Я шёл этим путём. И потом, как было сказано, пока я бороздил воды Тихого океана, Ева вышла замуж. И я вынужден признаться тебе в том, что соврал, сказав, будто бы она стала хорошей женой. Матерью — может быть, но женой... Сам посуди: кто-то твоей возлюбленной попользовался, бросил (даже если она сама кого-то бросила), после чего она досталась тебе. Как, например, ты представляешь себе искренность её объятий, в которых ты думал быть единственным? Увы, но этот порочный опыт “до тебя” обязательно на ваших семейных отношениях скажется. Если она до тебя никого не любила — зачем, спрашивается, отдавала честь? Даже если нечаянно или случайно (как обычно говорят), дескать, почти во сне, ты же прекрасно понимаешь, что это блеф. Вспомни себя, как ты заглядывался на соседку, как, находясь в этом первом опьянении, носил ей цветы. Неужели ты будешь утверждать, что всё это было просто так, как бы во сне, без всякого участия твоего сердца? По твоим глазам вижу, что нет. Поэтому никогда не сможешь поверить, что “до тебя” не было того, что принято называть “первой любовью”, самой сильной, кстати, по причине новизны.

И, однако же, всё это прекрасно понимая, ты уже не можешь без “неё” жить. А это значит, всё прощаешь и женишься. Но прощаешь опять-таки с неременным условием, чтобы она больше ни-ни, ни одним глазом ни на кого не смотрела. Но как это запретишь — не слепая же она? И если даже она ни на кого не глядит, ты не можешь не видеть того, как глядят на неё если не все, то, во всяком случае, многие. Да ещё как глядят! Глядят и облизываются! И в этом, мой мальчик, ещё одна из причин плача Адама. Ты скорбишь уже не о том, что ничего не вернуть, а о том, что ничего лучшего даже из того, что попало тебе в руки, своими слабыми силами построить не сможешь. Ревнуешь жену на первых порах практически к каждому столбу. Увы, но, выйдя за тебя замуж, она по-прежнему хочет нравиться. На словах будто бы тебе и себе самой, на самом же деле — тем, кто на неё облизывается.

Кончается тем, что ты, наконец, и с этим мирисься, говоришь: ладно, пусть рядится. Делаешь вид, что тебе наплевать, и даже сам начинаешь рядиться, как бы уже ей в пику, даже за кем-нибудь для виду приухлестнёшь. И вот уже повод для ещё одного плача. Куда ни кинь, всюду клин.

А где же тогда семейное счастье, спросишь ты?

Именно к этому и веду. Но ты готов ли слушать? Готов? Тогда вернёмся к появлению в доме младенца.

И, в первую очередь, надо сказать о купании. К сожалению, ты не видел, как купают детей, но тебе не составит труда себе это представить. Видел в кладовой оцинкованную ванну? Да, ту самую, в которой теперь лежит кипа макулатуры, и она вся в пыли. Но когда-то это была самая чистая посуда в доме.

Перед купанием её ставили на два табурета, наливали до половины горячей воды, которую разбавляли холодной до тех пор, пока терпел мамин локоть — самый точный градусник, чуть-чуть окрашивали марганцовкой, топили пелёнку, чтобы ты не обжёгся о дно ванны, и только потом осторожно опускали в воду спинкой тебя.

Видел бы ты, как ты весь скукоживался, сжимая крохотные кулачки и дрожа нижней губкой, очевидно, боясь утонуть!

Но твоя мама всё же опускала тебя, укладывая головкой на локоть правой руки и поддерживая ладонью под попку, а левой начинала мыть.

Если я был рядом, держал мыльницу, наблюдая, как твоя мама, покрутив в ладони мыло, намыливала твою тоненькую шейку, на которой болталась твоя лысенькая головка, затем за ушками, под мышками, между ножек, под коленками, ручки и ножки целиком, а потом, ополоснув руку, смывала намыленное водой.

Заканчивалось купание тем, что я поливал тебя поддеваемой из ведра чистой водой, когда твоя мама держала тебя над ванной вверх спинкой.

Затем укладывала тебя на расстеленную пелёнку, насухо вытирала и проворно одевала во всё чистое.

После этого наступало кормление. Ты, сопя и потея, тянул молоко из груди, а твоя мама, нежно на тебя глядя, осторожно вытирала с твоей переносицы и со лба пот.

Знаешь, как крепко ты спал после купания? Как убитый. Часа два, а то и три, бывало, не шелохнёшься.

Ну, а потом ты пошёл. Сначала, разумеется, научился вставать на ноги и стоять, держась за спинку кровати, за стул, за край дивана, за стену. И первые шаги делал из маминых рук ко мне. Так смешно открыв рот и готовый уже упасть, делал шагок, редко — два, и я тебя подхватывал на руки. Потом, как и все, научился ходить, забавляя нас тем, что только и делал, что ходил и садился, не сгибая колен, на попку. А если бежал, то — как спортсмен, перед финишем выпячивая грудь.

Следующая ступень — освоение речи. Жалею, что не записывал за тобой, а запомнить ввиду отсутствия детской логики было невозможно, поскольку все вокруг говорили на человеческом, и только ты один — на ангельском языке.

И это время действительно можно было бы назвать семейным счастьем, если б вы с сестрой не болели, если б из-за постоянных споров по поводу вашего воспитания, одевания, ваших детских ссор не начались уже другие — родительские ссоры, причину которых в детстве ты совсем не понимаешь, потом они тебе начинают надоедать и даже заставляют поступать родителям назло.

Хочешь, скажу выношенную годами истину?

В нашей любви к Богу, особенно на первых порах, много корыстного, любовь же к детям лишена корысти (ты мне — я тебе) от начала и до конца.

Пусть называют её как угодно — родительским пристрастием и прочее, но даже если это и пристрастие противозаконное, только благодаря ему существует на земле человечество. Увы, но даже христианский социализм — утопия, которую не удалось воплотить даже в монастырях. Исключение из обихода любви отчей, поверь, мой мальчик, такими бы бедствиями грозило человечеству, что и подумать страшно. Не думаю, что скажу глупость, если стану утверждать, что человек есть звезда, зажечь которую не в его власти, а вот потушить... И не дай Бог, чтобы с тобой нечто подобное стряслось, но если бы и произошло бы, я плакал бы самым горьким плачем Адама все оставшиеся дни жизни, пока не вымолил зажечь твою звезду вновь.

Конечно, есть и другой, не менее тяжкий плач. Но по порядку.
На чём мы остановились?

18

Ты научился ходить, говорить, пошёл в школу. И я даже не заметил, как ты вырос. Сначала, правда, росла твоя сестра. Но я, грешный, каюсь, что при её рождении не пережил того, что испытал, когда родился ты. Только когда ты появился на свет, я понял, что такое любовь отчая. Только тогда я вполне смог назвать себя отцом. А сначала мне даже стыдно было считать себя отцом, всё хотелось, прости за выражение, косить под мальчика. Но всё это в прошлом, обильно оплакано тем же плачем Адама.

Поэтому речь пойдёт только о тебе.

Ты помнишь, как я подарил тебе первую игрушку? Ты, кстати, сам её выбрал. И это был джип с огромными пластмассовыми колёсами. А как ты радовался и не хотел слезать со своего первого трёхколёсного велосипеда — помнишь? Молчу уж про улицу — часами по дому на нём катался. И как! Носился и на грушу гудка давил. А в моё время были такие регулируемые (закрутил — выкрутил, иначе не звонили) хромированные звонки с маленьким рычажком зуммера. И так же, как и ты, я получил в своё время в подарок от родителей подростковый велосипед. Он так и назывался — “Подросток”. А был ещё меньше — “Пионер”. Взрослые назывались по-разному. Благодаря велосипеду в своё время я изучил все окрестности. Велосипед был постоянным спутником моего детства, отрочества, юности. В летние каникулы в какие только дали я не забирался!

Наконец, минуло и это время. Ты окончил школу, поступил в университет. А помнишь, как на выпускном вечере, краснея и смеясь над своей неумелостью или оплошностью, ты вместе со всеми впервые пел в микрофон? А потом слушал моё пение под гитару у костра, и девочки из твоего класса, сидя рядом с тобой на стволе упавшего дерева, ловили каждое моё слово. А пел я:

*В школьное окно смотрят облака,
Бесконечным кажется урок.
Слышно, как скрипит пёрышко слегка,
И ложатся строчки на листок.*

И самый трогательный в песне, самый волнующий — припев:

*Первая любовь — школьные года.
В лужах голубых стекляшки льда.
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда!*

И далее:

*Чуть заметный взгляд удивлённых глаз,
И слова туманные чуть-чуть.
После этих слов в самый первый раз
Хочется весь мир перевернуть.*

И это правда. И, однако же, довольно часто совсем не так, как бы хотелось, мир этот переворачивается.

Но вернёмся к выпускному вечеру, к дымящему костру. И мама твоя сидела тут. А потом мы разговаривали. Обо всём. Лишь о любви — ни слова. Я понимаю, конечно, почему ты выбрал не ту, которая сидела рядом с тобой, и не соседку, которой когда-то носил цветы, а ту, с которой в итоге пожелал остаться только друзьями. На мой взгляд, и соседка, и твоя одноклассница были куда привлекательнее, но так уж от веку повелось: даже если бы все вокруг не понимали твоего выбора и ничего в нём не находили, ты всё

равно бы выбрал именно её и считал бы свой выбор самым правильным, как когда-то считал и я.

В твоём возрасте, помнится, я всё не мог понять, за что люди столько скучных лет подряд любят друг друга. Глянешь, например, на него — красавца, и на неё — замухрышку или наоборот: она — картинка, а он — мятая фотография, да к тому же засиженная мухами, а поди ж ты, ни в одной компании друг от друга ни на шаг, и он за ней или она за ним, как за последней надеждой, ходят. Не понимал, говорю, раньше, зато понимаю теперь.

Почему?

Видишь ли, с годами начинаешь любить что-то совсем иное или, точнее, не только глазами или ушами. И чем дальше, тем больше. С годами даже простая забота приносит не меньше удовольствия, чем известное наслаждение. Мытьё посуды, поданный бокал воды, застёгивание хлястика босоножек, молнии сапог, если твоей второй половине по болезни или по беременности трудно наклониться. Даже недолгое расставание, как правило, оборачивается сердечной тревогой: не случилось ли чего? Тебя начинает умилять в твоей жене всё, что прежде казалось если не уродством, то неизящным, разумеется, связанным с возрастом, излишней полнотой, например. И вот представь себе, ты, всё это видя, как бы не видишь, ты как будто получаешь возможность видеть и любить практически одну только её душу, а вместе с ней — каждое движение, каждый жест, каждое слово — всё тебе до йоты мило, и ничего иного не надо. Доходит до того, что ты даже не можешь допустить мысли о возможной разлуке, подумать о том, что рано или поздно настанет время, когда один из вас уйдёт туда... И это бы не беда — беда в том, кто прежде. Я, например, хоть и боюсь уйти прежде, но более страшусь остаться один. Как это поэт сказал? “Тебя, мой друг, оставить и пережить боюсь”. И если б не вера в бессмертие... Но я опять отвлёкся...

19

Хотя почему же отвлёкся? Всё это относится к тому же плачу Адама. А есть, повторяю, ещё один, может быть, самый безысходный, беспомощный плач, который хоть и косвенно, но очень болезненно однажды нас коснулся.

Что такое?

Событие для наших палестин, надо сказать, неординарное. Ты этого не застал, это произошло в первые годы нашей супружеской жизни. Сестре твоей было три с половиной года, так что и она вряд ли что-нибудь помнит.

А событие это всколыхнуло всех. И на работе, и в магазинах, и на почте, и в школе, и в амбулатории, и в конторе только и делали, что судили об этом.

Что же произошло?

Моя тётушка отравилась укусом. Иначе — решила покончить жизнь самоубийством. Но прежде чем вышить укусной эссенции, сняла с себя нательный крест. Сам понимаешь, сколь неординарным могло показаться это событие, когда живёшь один-единственный и неповторимый миг в сравнении с миллионами лет до нашей и семь тысячелетий нашей эры, когда смерть, когда бы она ни пришла, приходит не вовремя, когда у тебя ещё куча дел, и, кажется, жить бы да жить, а приходит смерть, сопровождаемая списком вполне объяснимых с медицинской точки зрения причин, с чем как-то, пока не коснётся лично тебя, ты готов мириться, но когда человек сам лишает себя жизни... Ко всему этому представь моё недоумение. В то время, когда твоя бабушка боялась нас с братом крестить, и в доме не было ни одной иконы, тётушка не только своих троих детей и внучку окрестила, но и держала в доме икону и никогда не снимала с себя нательного креста. Стало быть, во что-то же она верила. Что же, спрашивается, тогда подвигло её на такой поступок?

Об этом и шли разговоры. Посёлок, где мы жили тогда, небольшой, все друг друга знали, всё было на виду. И вот живёт-живёт, понимаешь ли, человек, ничем от других не отличаюсь, и вдруг выкидывает такой номер. И одни говорили: “Дура”, — другие: “Ей бы сразу воду пить, пить”, — третьи обвиняли детей, четвёртые молчали...

Что относительно детей — действительно, именно они, если не знать большего, о чём никто, кроме двух-трёх человек, тогда и не знал, были во многом виноваты. Чтобы понять психологию несчастной, надо, как говорят компетентные люди, вникнуть в суть причины. А причина, на первый взгляд, лежала на поверхности, почему и осуждали, в первую очередь, её детей. Началось же со ссоры. Какой? Слушай.

Тётушка не то чтобы рано, но всё же рановато овдовела. Было ей тогда сорок пять. Ты, разумеется, не понимаешь, что такое для полной сил и энергии женщины сорок пять лет. Для тебя и тридцатилетние кажутся старухами, как в твоём возрасте было и для меня. Ну, не то чтобы старыми, а почти не обращающими на себя внимания, тогда как на самом деле именно в это время наступает то, что в народе запечатлено пословицей: “В сорок пять баба ягодка опять”. Некоторые даже уверяют — самый коренной возраст. И много чего ещё по этому поводу говорят. И многое справедливо. Поэтому остановимся на том, что тётушка, овдовев, оказалась в таком интересном положении: трое взрослых детей, внучка, и она, скажем, ещё ничего. Довольно часто бывает, что сходятся люди в таком возрасте. Сойдутся и живут. Вдовы, разведённые, редко когда закоренелые холостяки. И это сплошь и рядом. И ничего в этом зорного нет. Ничего, если не считать, что ты никому ничем не обязан. А если обязан?

Кому? Да в первую очередь — детям. Ведь взгляд детей на родителей — своя психология. Да ещё если все крещены и признают Нечто высшее, а не только простое размножение эмбрионов. Положим, судя по поступкам и отношению к матери, двое из этих детей (третий тогда сидел в тюрьме за пьяную драку и убийство) никакого высшего суда над собой не признавала. Ну, крестили их и крестили, что из того, многих крестят. И, как обычно в те, да и в нынешние времена крещение — само по себе, они — сами по себе. И проблема выходила до нелепости меркантильной: кому достанется дом, если мать “с любовником своим распишется?” Пока встречались они потихоньку, украдкой, так сказать, для удовлетворения естественных потребностей, всё шло как по маслу. Да, видимо, не могла тётушка, если не по причине пусть и поверхностной религиозности, так из стыда перед людьми, как непутёвая девка, тайком от родительских глаз встречаться с возлюбленным. В этом смысле была она *не такая*. Ей не надо было многих, ей надо было одного, но законного. Но как только она захотела это осуществить, как тотчас восстали дети. Особенно старшая дочь. Эх, скажу я тебе, и бомба! И эта бомба на протяжении недели изводила мать жуткими скандалами. Как рассказывали соседи, кричала она на всю ивановскую: “Ты нам не мать после этого! Издохнешь — к гробу не подойдём!”

И вот результат налицо. Благо, умерла тётушка не сразу, а ещё сутки в больнице помучилась. До самой смерти была в полном сознании и всё просила у детей прощения. Дедушка твой тогда был в отъезде, но, получив телеграмму, на похороны сразу прилетел. Долго ли на самолёте? Сел — и через четыре часа на месте.

Короче говоря, гроб в доме. Дети тише воды, ниже травы. Как ни крути, а чувство вины никуда не деть — мать есть мать. Так же, кстати, нелепо и отец умер. Поехал в деревню родню навестить, набрался с радости и в ту же ночь помер. Как и тётушку, его заочно отпели. Только и спросили в церкви, как это она укусу напилась? Да бутылку, мол, нечаянно перепутала, глотнула и... Оформили, в общем, дали земельки, “подорожную”, всё, что в таких случаях полагается. Старушки-похоронщицы обмыли, Псалтирь нарядили читать. А перед самым выносом пришла плакальщица. Не знаешь, кто такая плакальщица? До тех пор и я не знал. Читал, что такие в старину бывали, но что и теперь, в безбожном нашем государстве они есть, никак не предполагал. Когда же услышал, нутром понял, что это нечто такое древнее, такое значительное, что даже мёртвый, если б мог слышать, прослезился бы. Плакальщица в каком-то экстазе причитала — а все вокруг плакали. В том числе и я стоял и давился комком в горле.

Потом снесли гроб на кладбище, заколотили, опустили в могилу, засыпали землёй, подравняли и обстучали лопатами холм. Само собой, поминки.

И вот тогда, из откровенных разговоров дальней деревенской родни и из моих расспросов нарисовалась совершенно иная картина.

И представляю я её так.

В углу на лавке под образами лежит ребёнок. Лежит и плачет, как плачут все недавно родившиеся дети. И первое, что в таком случае приходит на ум, — тотчас же проснувшаяся мать, спешащая дать ребёнку грудь, бутылку или пустышку. Но это если бы дитя лежало в кроватке или качалось в люльке. Люльки обычно подвешивали к ввёрнутому в матицу крюку, от люльки к родительской кровати протягивали верёвку. Всполохнётся посреди ночи дитя, потягают за верёвку — оно и уgomонится. А тут ребёнок на лавке, да ещё под образами лежит. Знаешь, для чего под образа детей клали? Чтобы, если больной, поскорее Господь прибрал. А этот лежит и кричит, как и не больной вовсе. Лежит и кричит. Пронзительно, требовательно, аж побагровел весь от натуги, а к нему всё равно никто не подходит. Будто оглохли.

За что, спрашивается, такая несправедливость?

Представь себе, за то, что непутёвая дочь (та самая тётушка) в девках неизвестно от кого его нагуляла. Первое время и от родителей, и от всего мира таилась. Но шла в мешке не утаишь, и сколько бы она ни утягивала полотенцем живот, пришло время, и он стал заметен. Пробовала она лежать животом на огородной жерди, прыгала с табуретки на пятки на пол, пила заваренную полынь, пижму в больших количествах — ничего не помогало. Ребёнок не желал покидать материнскую утробу. Тем более первенец, как оказалось потом, мальчик. А знаешь, что такое первенец? Первенец — значит Божий. По всем статьям — наследник. Довольно часто — первая и последняя надежда рода.

А теперь представь себе родительский срам и позор. Как ни таись, а пришло время, и слух пополз “по всей Руси великой”, то есть вся деревня судила и рядила на разные лады. За глаза, разумеется. В глаза же, как водится, вежливо здоровались.

И день ото дня всё нагнеталась атмосфера в доме.

И вот, наконец, этот для кого злорадостный, а для кого и злополучный день настал — дитя явилось на свет. И, как и всякое дитя, было оно прекрасно. Родила, как обычно в ту пору, непутёвая дочь дома. И с этого дня в деревне деда стали с “пополнением” поздравлять.

Тут бы и смириться им. Но, увы! И я почти со стопроцентной уверенностью могу сказать, кто до всего этого додумался. И догадаться несложно. Кто в доме вместо Псалтири газеты читал, тот и точку в этом деле поставил. А читал их дедушка, как сказывала мне, помнится, твоя бабушка, без очков. Маме же он был свёкор. И сообщила она мне об этом, чтобы подчеркнуть, какой дедушка был грамотный и передовой человек. Разумеется, из бедноты, член правления колхоза, заведующий складом. Уважаемый в деревне человек. И на тебе — околмила дочь непутёвая!

Разговаривать в таких случаях бесполезно, и от вожжей проку мало. Ну, положим, высек он её, а на молодом теле через неделю всё, как на собаке, зажило, и оно опять своего просит. Даже после изнурительной колхозной работы до зорьки красной молодёжь, начиная с обычных посиделок, заканчивает тем, что, как стадо слонов, вытопчет все труднопроходимые места. День не спят, ночь не спят — откуда, спрашивается, силы берутся? А я скажу, откуда — от молодости. Молодость спокон веку по лезвию ножа да по краю обрыва ходит. Бывают, конечно, исключения, но крайне редко. И в благополучных семьях родители нередко слёзы льют, как, например, мои дедушка с бабушкой.

Бабушка, надо сказать, в открытую, не таясь, но и не смея перечить, отирала концом платка свои материнские слёзы. Как и любой матери, ей было жаль своё дитя. И хотя и у деда сердце было не каменное, однако же тогда, при отсутствии законных внуков, верх взял простой расчёт. Кто такую, да ещё в послевоенную пору, да ещё с прижитым невесомым ребёнком возьмёт? А если и возьмёт, кому век с чужим дитём нянчиться, не им ли, родителям? И потом — это всё-таки не убийство в прямом смысле. Приболело, дескать, дитя да и померло. Сколько их умирало и умирает дондесь?

У них самих сколько их примерло? Из семерых только трое выжили. И потом, если уж на то пошло (как я понимаю, он всё-таки позволил бабушке дитя окрестить), “не куда-нибудь, к Богу невинная душенька пойдёт”. И так всегда. Каких только слов в оправдание не наговорят, лишь бы приукрасить злодейство, не зря же говорится, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

Опять же — ад. Вот скажи, положи руку на сердце, что это такое? Как ты себе его представляешь? Я, например, никоим образом его представить не могу. Один плюшевый эстет в одном из своих тщательно вылизанных романов обронил как-то, что не может верить в Бога и в бессмертие потому, что не в состоянии постичь, что никем и никогда невидимый Некто позволил бы себе игру в человечки. Обронил как бы мимоходом, а я всё думаю: а ведь он, сукин сын, в чём-то прав. Даже если предположить, что совершенно не то входило в первоначальный замысел творения, да как-то так нечаянно получилось, что захотелось вдруг Адаму с Евой, кроме всего прочего, ещё кой-чего, скажем, после сытного обеда в своём же собственном чулане сметану с крынки у соседней слизать, и надо же такому невезению случиться: их тут же застукали, и не просто, а из своего собственного дома на улицу выдворили. И Кто! Отец любящий! Собственных детей! Можно сказать, ещё несмышлёньшей! Идите, мол, мыкайтесь. С этого, говорят, как раз и началась мировая история. Нет, умом я, конечно, понимаю, что несправедливо было бы утвердить в Раю зло навеки. В самом деле, что бы это был за Рай, где все, как теперь, только и заняты тем, что друг друга едят? Но подумай сам, если Бог заранее знал, что человечество так накуролесит, стал бы Он создавать этот сериал? Ты, например, стал бы? Я бы, например, даже на бумаге не стал. И знаешь, почему? Потому что я никого не могу воскресить. А ещё потому, что у меня есть вы — ты и твоя сестра. Даже если бы у нас было девятеро, ни одного бы я не захотел похоронить прежде времени даже в книжке. Это только не знающие любви отчей способны позволить себе игру в человечки и шлёпать в своих романах и сериалах людей, как мух. Да что — в романах! Разве способен, например, на такое царь Давид, проливавший слёзы о своём неразумном сыне: “Авессалом, Авессалом, сын мой, сын мой!”

Ты думаешь, я отвлёкся? Нимало. Всё это парафраз на тему того же плача.

И вот плачет дитя. Бабушка потихоньку глотает слёзы, непутёвая дочь, забившись в угол, молчит в обиде на весь белый свет, дед без очков упрямо читает газету “Правда”. Затем задувает зонд-лампу, залезает на печь. Пихает старуху локтём: “Ну-ка, подвинься”. И наступает мрак. И если б не спасительный светлячок лампадки, была бы жуть просто невыносимая.

Проходит час, полтора, два. Дитя то стихнет, впадая в беспомощность, то вскинется вновь, но с каждым разом кричит всё жалобнее, всё тише. К утру почти не плачет, только кряхтит. Потом умирают и эти звуки. Но ещё не скоро наступит минута, которую почувствуют все: в доме покойник. Когда умирает человек, всегда наступает такая минута.

Не буду продолжать дальше. Скажу только, что дед погиб не своей смертью, когда мне было семь или восемь лет. Машина с людьми лоб в лоб сошлась с другой машиной и из десяти человек, сидевших в кузове, ехавших в город на базар, погиб только дед. Как умерла тётушка, ты уже знаешь. Таким образом, свершилось возмездие. Знаешь, как один замечательный поэт сказал?

*Тот жил и умер, та жила и умерла,
Те жили и умерли.
Земля прозрачнее стекла
И видно в ней, кого убили
И кто убил. На мёртвой пыли
Лежит печать добра и зла.
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,*

Именно после этой истории я понял, почему Достоевский с такою категоричностью утверждал, что счастье всего человечества не стоит слезинки одного замученного ребёнка. Дитя плачет? Так успокой. Как? А возьми дубину или ремень и, стоя над ним, цеди сквозь зубы: “Или ты сейчас же перестанешь, или я тебя убью!” Иначе: или ты сию же минуту станешь счастливым, или я тебя в порошок сотру. Видишь, и тебе это кажется абсурдом. Но именно такое принудительное счастье ещё совсем недавно насаждалось в масштабе целого государства. И кто не хотел или у кого не получалось быть счастливым (ну, не получается, бывает же такое, настроения, скажем, нет или не то, а тебя заставляют), отправляли к таким же упрямым и не сумевшим под общее счастье подстроиться, а самых неисправимых даже расстреливали. И казалось, ещё немного, и останутся одни счастливые. Ведь для того, чтобы на земле все стали счастливыми, всего-то и надо, что уничтожить всех несчастливых. Верно? То-то и есть, что нет. Сам понимаешь, что каламбур. Каламбур, но с подведением под него научной базы, где всё объяснено от сих до сих, казалось бы, чего проще, прочитал — и сразу стал счастливым. Ан, нет, не получилось.

Почему у верующих не получилось?

А где ты видел верующих? Видел? Где? Ах, в храмах... Ну, да, туда действительно одни только верующие ходят. И не по тротуарам даже, а, как апостол Пётр, по воде, между делом горы переставляют, исцеляют друг друга лёгким прикосновением руки и даже собственной тенью. Зайдёт, например, такой верующий в больницу (скажем, ты: ты же заходишь иногда от нечего делать в церковь), войдёт в палату, встанет у окна, окинет взглядом больных и скажет: “Ну, я пошёл”. А боковая тень за ним, и — о чудо! — какой кровати ни коснётся, тотчас же на глазах у всех ходячий скелет превращается в розовощёкого, налитого здоровьем молодца, скрюченных прямит, мгновенно затягиваются кровоточивые раны, бесследно исчезают неизлечимые болезни. Как видишь, даже твоей мизерной, с горчичное зёрнышко, веры достаточно, чтобы такие немислимые чудеса творить. А что говорить о тех, кто ходит в храмы всю жизнь? Понятно, что все, как один, чудотворцы, и только из скромности чудес не творят. Ну, стесняется человек, это же так понятно. Смиранный такой. И мог бы, да из смирения позволить себе не может. И в этом вся твоя логика: раз ходит в храм, значит верующий.

Дошло, наконец? В том-то и дело, что далеко не все верующие способны, как Пётр, ходить по водам. И не только по водам, но и собственной тенью исцелять больных, как согласно преданию тот же трижды отрехшийся от Христа Пётр способен был делать. Так что помолчим о верующих. И вернёмся к тому, почему ни у кого не получается построить счастье на земле. Хотя о чём же тут говорить? Надо просто раз и навсегда констатировать факт: и никогда не получится. Так сказать, в общем масштабе. А в частном... Как и во всём мире, лишь мимолётное, призрачное или одетое в тогу закона, которое и счастьем-то не назовёшь. Но есть ещё, дорогой мой, так называемый покой, о котором ничего тебе не скажу, потому что это состояние необъяснимо, а лишь опытно переживаемо, а ты, судя по всему, ещё не созрел для такого опыта.

Ну, а потом ты вырос. Не поверишь, но, втянутый вместе со всей страной в борьбу за выживание, я даже не заметил, как это произошло. Помню только, что сначала ты ловил каждое моё слово, доверчиво заглядывая в глаза, и совершенно не помню, в какой именно момент ты стал отводить взгляд в сторону, скрытничать, так что поначалу я даже не мог понять, что, собственно, произошло. А на поверку вышло, что ты просто-напросто связался

с дурной компанией, которая научила тебя, как и меня когда-то, курить, пить вино, играть в карты. Более того, тебе дали попробовать “травки” и даже предлагали, как эти упыри выражаются, “уколоться”. И я благодарю Бога за то, что ты не увяз в этой трясине.

И откуда только берётся эта шпана?

В начальных классах школы практически никакого отличия ещё нету, разве что одеты они чуть похуже, да ещё, может быть, какое-то беспокойство в глазах. По поведению же долго ничего не заметно, разве что в учёбе отстают. И только с переходом в среднюю школу, с появлением, так сказать, “лишних предметов” всё больше и больше начинает сказываться влияние улицы, шпанская суть. Тогда, понятно, уже не до учёбы. А на кой она? Курить, пить, матом ругаться выучился, как пользоваться тем, что между ног болтается, старшие ребята показали, и чего ещё? Смысл жизни прост и понятен. Теперь только и остаётся, что *жить*. Живём, дескать, кореш. А тебе говорят — учись. И в этом — вся философия толпы. Казалось бы, чушь. Но именно в это время ты стал отбиваться от рук, совершенно игнорируя наши с мамой предостережения. Не только взгляд, но даже лицо твоё переменилось. А точнее, с него с каждым днём всё больше и больше стиралась лишь тебе одному присущая индивидуальность.

И тогда, может быть, впервые в жизни я понял, что такое молитва. А проще говоря: стал вставать среди ночи перед иконами на колени и плакать. Просто плакал, без слов. И, может быть, это был самый скорбный, самый безутешный плач Адама.

“Авессалом, Авессалом, сын мой, сын мой!”

И хотя подростковый период ты с грехом пополам преодолел, очевидно, настало время не столько для начала твоего плача, сколько для того, чтобы мой, отчий, выразился обилием столь откровенных слов и признаний.

Ну, и что ты мне на это скажешь, сын?

ГЕННАДИЙ СКАРЛЫГИН

У ЗАВЕТНОЙ ВЕТЛЫ, У ЗАВЕТНОГО ДОЛЬНЕГО КАМНЯ...

* * *

Кабанка, Полянка.
Дорога — на Уральск.
Поёт, поёт тальянка,
Несутся ноги в пляс.

Несутся до околицы,
До тропки полевой.
До девушки, до горлицы,
Красавицы такой.

И так она забрезжится,
Судбина — вот была.
Засветится, занежится,
Как дымка у села.

И так она завьюжится,
Закрутит, засвистит...
Да подморозит лужицы,
Да снегом угостит.

СКАРЛЫГИН Геннадий Кузьмич родился в Кемеровской области, окончил Томский геологоразведочный техникум, работал геологом. Затем окончил Томский государственный университет, работал журналистом. Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской писательской организации. Автор девяти книг стихов.

* * *

Синие, синие ночи.
Белые, белые дни.
Что моя милая хочет?
Вот и остались одни.

Что моя милая знает?
Ласки твои не сберёг.
У деревенских окраин
Стынет забытый стог.

Всё ему одиноко
Там, где примята трава.
Речка была так глубока,
Так высока — синева.

* * *

У заветной ветлы, у заветного дольного
Камня
Он согреет меня, мой старинный очаг.
Это там за рекой, вон за тем поворотом...
А там ли?
И не вспомнить. Неужто и я так душою
Зачах?
Мы в глубоких озёрах здесь рыбу удили.
Собирали дрова, зажигали костёр.
А вверху нам весёлые звёзды светили,
И орёл свои крылья над нами простёр.
Это осень свои открывает объятия:
Льётся синь и сливается с синей рекой,
И стоят тополя — изумлённые братья,
Осыпая листьями прибрежный покой.

* * *

Что мне машут просторы лесные
И озёрный мой край с ковылём?
Это ветры несут стремленные
Облака над притихшей землёй.

Это там, за стожком и овином
Разметалась подруга-река.
Это там с поцелуем невинным
Мне махнули платочком: “Пока!”

Ты порадуй меня, человече,
Расскажи про земные дела,
Про дома, огороды и печи,
И про то, как метель тут мела,

И про то, как платочком махала
Та берёзка и ветром жила...
И взлетало в цветах покрывало,
И вдруг стала невеста — жена.

* * *

Это в нашем северном просторе
Лебеди летели так высоко.
Это в нашем северном просторе
Реченька таилась так глубоко.

Выходил к той речке паренёчек
И глядел он в даль на лебедей.
И был светел праздничный денёчек,
И был праздник красный у людей.

Что же так гармоника играла?
Что же гармонисту весело?
Что же ему места нынче мало,
Что так закудрявилось село?

Потому под клёкот лебединый
Уносилось сердце на простор...
Вышивала девица старинный,
На платочке голубой узор.

* * *

Всё проверено много раз:
Золотою не быть середине.
Друг уехал вчера на Кавказ,
Его женщина плачет в Медыни.

Что ж ей плакать, как встарь?! Не вина,
Что историю двигать по кругу
Научились. Но плачет она
На тоску, на беду, на разлуку.

Небо сеет белёсой крупой,
На окраины ветер слетает,
И морозец прибрежный покой
И снега завивает цветами.

Залетает созвездий мираж
И скользит по бескрайнему полю.
Этот мир-то — он всё-таки наш,
Знать, нести до конца его долю.

И опять же, как встарь, на ветру
Будет женщина плакать от горя.
Этот миф, этот плач на миру
Будет даль волновать, словно море.

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

МЕЖСЕЗОНЬЕ

ПОВЕСТЬ

“Здесь, — думает он, останавливаясь в тёмном тамбуре. — Пикнуть не успеешь. И не услышит никто”.

Место, в самом деле, было удобное. Свет с лестничной площадки сюда не достаёт — его отсекает внутренняя дверь тамбура. Темнота полная. Входящего с улицы видно, а того, кто может здесь поджидать, — нет.

Один удар по голове — и кранты. Или из пистолега с глушителем, сейчас это запросто. По телевизору чуть ли не каждый день рассказывают.

Айтышев привычным движением толкает наружную дверь. В глаза бьёт яркий весенний день. В ноздри врываются запахи оттаявших смолистых стен их двухэтажной “деревяшки”, легковушек под окнами, воньца недалёкого контейнера с крупными буквами ТБО. Но всё перекрывает мощный дух кедрачей и ельников, подступающих к посёлку. Пока.

Айтышев вдыхает живой апрельский воздух. Этот месяц, первый по-настоящему весенний в их местах, он любит. Впереди распутица, из посёлка можно будет выбраться только на вертолёте, зато весна. Досадно лишь, что из-под снега вылезает накопившаяся за долгую зиму дрянь: порванные целлофановые пакеты, банки из-под пива, обёртки от сникерсов и чипсов. Бардака Айтышев не переносит. Хоть иди и сам убирай. Но снега во дворе ещё полно — утонешь.

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году на Украине. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, Литературной консультации Союза писателей СССР, Министерстве печати России. Автор нескольких сборников прозы, его произведения переводились на украинский и арабский языки, а также на язык дари (Афганистан). Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа по литературе. С 1994 года живёт в с. Больше-тархово Нижневартовского района.

Он оглядывается на входную дверь. Надо носить с собой фонарик. В случае чего светить в глаза, ослепить. Ему самому понятно, насколько это смешно, по-детски, но на какое-то время становится всё же спокойней.

Их “деревяшка”, как отражающий экран: что происходит с той стороны дома, не видно и не слышно. “А вдруг?..” — думает Айтышев. Он и оделся, чтобы пойти посмотреть, как там, за домом. Всё-таки сегодня общепоселковое собрание, приедет начальство из райцентра, должны прекратить. На носу выборы, конфликтовать с людьми власти ни к чему.

Ещё у глухого, без окон, торца “деревяшки” Айтышев понял, что кедрач продолжают валить. Стал слышен звук работающей техники, а когда Айтышев оказался с обратной стороны “деревяшки”, стало видно, как за узкой полосой леса вдруг подпрыгивает верхушка кедра и тут же клонится, исчезает за другими деревьями.

У Айтышева каменеют желваки.

Скоты, ничего не боятся!..

Крупным решительным шагом он направился к гриве. Он здесь, и все должно перемениться. Откуда такая уверенность — неизвестно, но она переполняет Айтышева, заставляет раздуваться ноздри.

— Стой! — кричит он и поднимает кверху руки, скрещивает над головой. — Стой, сказал!..

В лесу по-зимнему полно снега, весны почти не чувствуется. Разве что мороз не давит и запахи сильнее. Чадающий и громыхающий монстр доделывает операцию, дисковые пилы с визгом срезают на стволе сучья. Потом голый и прямой, как карандаш, ствол укладывается на лесовоз. Лишь после этого валочная машина замолкает, из кабины выглядывает оператор в оранжевом комбинезоне, бросает:

— Подожди, я сейчас!

Айтышев тяжело смотрит на приближающегося оператора. Молодой, со вести у таких мало.

— Тебе сколько надо? — опережает парень. Голос приглушённый, оператор воровато оглядывается на не до конца загруженный лесовоз.

— В смысле? — не понимает Айтышев, на секунду-другую его застал сбит.

— Сколько хлыстов надо, говорю? Кедр, ель, сосна?.. — До Айтышева доходит. Кровь ударяет в голову.

— Заткнуть рот хотите?! Взятку предлагаете?! — звереет он. — Не купите! Так и скажи тому, кто послал!..

Оператор пожимает плечами:

— Ваши мужики подходят, договариваемся. А чего, нормально. Думал, ты тоже.

Он поворачивается и уходит. Оранжевый комбинезон ярким пятном выделяется на фоне срезанных, в лохматой хвое сучьев и свежих, похожих на открытые раны, пней. Земля и снег перемешаны, перемолоты гусеницами и колесами техники.

Айтышева трясёт от обиды и злости. Давно его так не унижали.

2

Первым про кедрач узнал Кузьмич. Он и позвонил дней десять назад:

— Валерка, ты? Слушай, здесь кедрач валят... Какой, какой — ближний! Надо чего-нито делать, а то поздно будет... Ты слышишь меня? Чего молчишь?

Позвонил Кузьмич не вовремя. Олечка, младший сын, только что ушёл в школу, они с женой остались одни, и Айтышев решил использовать момент.

Вчера он вернулся с вахты, но пообщаться с Людмилой сразу не удалось. Несговорчивой она какой-то стала в последнее время, каждый раз находила причину. Понятно, возраст, но ведь и ему столько же, а интерес остался. Тем более, если две недели не видел женщины.

— Валерка, заснул? Кедрач, говорю, убирают! Куда за шишкой ходить будем? Мотор не у каждого, чтоб за увалы мотаться.

То, что Кузьмич панибратски называл его Валеркой, — ладно, он старше. Плохо было другое. Жена, воспользовавшись тем, что его отвлекли, закинула руки за спину и стала торопливо застёгивать бюстгальтер. При этом озабоченно поглядывала на часы и вполголоса приговаривала, дескать, совсем забыла, сегодня же на первый урок поставили замену, надо идти.

— А чего ты мне звонишь? — раздражённо сказал в трубку Айтышев. Не силой же Людмилу удерживать. — Есть глава администрации, ему звони!

— Звонил. Нету его, в район вызвали. А ты всё ж профсоюзный босс, человек авторитетный. Тебя должны послушаться.

Слова Кузьмича были приятны — помнят, что несколько лет подряд вышккомонтажники избирали его проффоргом. Но и лукавство в этих словах было: любят мужики на чужом хребте в рай въехать! Айтышев не раз замечал: выдвигая его куда-нибудь, за спиной перемигивались.

— Ага, босс... Накрылся профсоюз медным тазом. Кто кедрач валит?

— А хрен знает! Какая-то фирма.

Некоторое время Айтышев молчал, прислушиваясь, как Людмила возилась в прихожей с одеждой, как щёлкнул входной замок. Подумал, что предки были умные: несколько раз женились. Молодая жена так бы себя вести не стала. Во всех смыслах.

— Ну, так что?

— Сейчас подойду.

— В случае чего я в стайке.

Толковый он всё-таки был мужик, Николай Васильевич. Айтышев его не застал: когда приехал в посёлок, Свиридова уже забрали в Тюмень. Но только и слышно было: Николай Васильевич, Николай Васильевич... В семидесятые директор в геологоразведочной экспедиции — Бог и царь. Всё на нём — и производство, и посёлок.

Свиридов, говорят, сам это место выбрал. То, что на берегу реки, — понятно, иначе ни вышки на ремонт не доставить, ни технику — всё в их краях по воде. Зимой, правда, зимники по болотам среди чахлах сосенок прокладывают, но это временно. А летом и в межсезонье — река. Свиридов ещё и место выбрал так, чтобы материк полого сходил к воде: посёлок в разливы не затопит и не подмоет. Со строительным лесом тоже предусмотрел: урманы вокруг, к тому же охотиться можно.

Айтышев шёл по прямой, словно профиль у геофизиков, улице и одобритительно поглядывал по сторонам. Досада на жену как-то понемногу сгладилась. Если честно, и он уже не тот. Ещё год-два назад Людмила ни за что не отвертелась бы. Теперь начинаешь думать о том, на что раньше не обращал внимания, считал, что так и должно быть.

Всё у них в посёлке по уму. Ровные улицы, два бывших ОРСовских магазина — продовольственный и промтоварный, — баня, детский сад “Солнышко”, средняя школа... Понятно, не всё Свиридов сделал, были и другие хорошие директора, но основу заложил он. Потому до сих пор и вспоминают.

Этого козла не будут вспоминать!..

Навстречу ехал лоснящийся полировкой “Lexus”. Кто за тонированными стеклами — не разобрать, но Айтышев до хруста отвернул голову. Это была машина нынешнего директора экспедиции. Точнее, того, что от экспедиции осталось. Заказов на разведочное бурение почти нет, половина посёлка мается без работы, а у этого зарплата — триста тысяч. И ничего не сделаешь.

Айтышев не поверил, когда узнал о такой зарплате. Задал вопрос на профсоюзном собрании. Ответа не услышал, зато через пару недель его сократили. А некоторое время спустя разогнали и профсоюз. За это проголосовали сами рабочие. Конечно, тяжело голосовать по-другому, если из президиума смотрит директор и делает пометки в блокноте. Но Айтышев всё равно этого не понимал. Он тогда уже устроился охранником на месторождение, казался бы, не его дело. Получается, мужики сами себя кастрировали. Профсоюз в экспедиции был не особо смелый, но раньше они всё-таки могли рассчитывать, что заступится. А сейчас у этого полностью развязаны руки!..

Ещё один плюс Свиридову — выбрал обжитое место. Когда-то здесь стояла небольшая деревушка Никишкина. Наверное, первым поселился здесь какой-то Никишкин, отсюда и название деревни — Никишкина, а не Никишкино, как обычно бывает. Теперь от неё ничего не осталось, разве что дом Кузьмича у самого леса. Этот ещё сто лет простоит — из лиственницы.

От Кузьмичёва дома уже было хорошо слышно: за деревьями что-то происходит. Но что именно, неясно. Айтышев открыл калитку, прошёл к приземистой, будто присевшей в снегу стайке, заглянул внутрь. После слепящего на апрельском солнце снега здесь казалось темно. Пахло коровой и почему-то укропом.

— Кузьмич, ты где?

— Сейчас, — раздался из темноты голос. Вскоре появился и Кузьмич с ведром в руке. Укропом пахло из ведра. — Корова того гляди отелится. Пою, а то пучит, телёнка газы задавят... Ну, чего, пошли?

— Точно кедрач валят? — на всякий случай спросил Айтышев.

— Нет, шучу. — Кузьмич, высокий, худой, с морщинистым небритым лицом, посмотрел в сторону леса. — Погоди, я сейчас.

Бывая у Кузьмича, Айтышев всегда с интересом смотрел на крепкий бревенчатый дом, на стайку, на поленницу жарких берёзовых дров, на “Буран” под навесом. Настоящее деревенское хозяйство. Не скажешь, что это в посёлке геологоразведчиков.

Через минуту Кузьмич вышел из дома с ружьём. На удивлённый взгляд Айтышева сказал без улыбки:

— Чтоб уважали.

Оказалось, выяснять отношения они явились не первые. На поляне с бросающимися в глаза свежими пнями кроме лесовалочной машины стоял джип, а перед ним размахивала топором многодетная Валентина Галушко.

Молодой упитанный мужчина с серьгой в ухе показывал ей какие-то бумаги в прозрачном файле, хлопал по ним ладонью, но Валентина не унималась:

— Ты, что ли, мне орех дашь?! А брусничник подавили, он здесь хороший! А грибы!.. Чего я в город повезу, на что детей в школу собирать? Обнаглели, сволочи, до нас уже добрались! — Платок на голове женщины сбился, волосы растрепались, глаза злобно горели. Такая в самом деле зарубит! — Бумаги он показывает! Подотри свои бумаги! Порублю колёса на хрен!.. Всё мало им, никак не нахапаются. Чтоб вы подавились!..

Айтышев помедлил. Было неудобно за Галушко перед посторонним человеком. А с другой стороны, после Валентины проще разговаривать. Действительно, кто разрешил? Десятка три деревьев уже были свалены, а этот кедрач даже свои не трогали. Орех многим в посёлке помогал сводить концы с концами, особенно сейчас, когда экспедиция сидит без заказов. Прав Кузьмич: не у всех лодки, чтобы ездить за увалы, для многих только ближний кедрач доступен.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя к джипу. — Вы кто и по какому праву валите лес?

Галушко сбоку закричала, перебивая:

— Какие у них права! Мы здесь живём, наш кедрач! Нету у них никаких прав, нехай уматывают!..

— Валентина, успокойся, разберёмся. — Укоризненно взглянув на женщину, Айтышев опять повернулся к молодому мужчине с серьгой в ухе. — Вопрос задан, мы ждём ответа.

— А вы кто?

— Представители общественности. Знать о происходящем — наша обязанность. Очень не хотелось бы доводить дело до конфликта. Люди настроены решительно. — И как бы невзначай Айтышев оглянулся на Кузьмича с ружьём.

Он чувствовал, всё у него выходит как надо, веско и достойно. Опыт — большое дело. Раньше он в подобных случаях горячился, начинал кричать и ругаться, а надо по-другому, спокойно, с умом.

То, что он теперь знает, как разговаривать с людьми, добавляло уверенности. Смешно, но после облома с женой уверенность была особенно нужна.

Молодой мужчина обрадовался:

— Слава богу, вменяемый человек!.. Я исполнительный директор акционерного общества. Мы выиграли тендер на заготовку деловой древесины на этой площади. Вот документы. — И он протянул прозрачный файл, который только что показывал Галушко. — Можете убедиться.

Айтышев заметил: кроме серьги, у молодого исполнительного директора полированные ногти, они мягко отсвечивали бесцветным лаком. Видеть это на мужских руках было так же неприятно, как и серьгу в ухе. Но Айтышев не подал вида.

— А почему нас, жителей посёлка, никто не спросил?

— А почему вас должны спрашивать? Лесные фонды принадлежат государству, оно само решает, как ими распоряжаться.

— Порублю! — опять заблажила Валентина Галушко и пошла на джип с топором.

Айтышев перехватил её. Держа за руки, повернул лицо к исполнительному директору:

— Советую немедленно прекратить. Пока глава администрации не подтвердит, что вы нам здесь наговорили, валить кедрач не позволим. Иначе я ни за что не ручаюсь.

— Вот именно, — вставил Кузьмич, снимая с плеча ружьё. — Сейчас ещё мужики подойдут. А я в историю посёлка этот факт запишу. На века останется!..

Исполнительный директор возмутился:

— Какая ещё история посёлка, бросьте меня пугать! Всё законно, вот документы. А за самоуправство можно ответить.

— Самоуправством занимаетесь вы. Повторяю, пока глава администрации не подтвердит, мы вам ничего делать не дадим.

Кузьмич с чувством плюнул под ноги:

— Ну, уроды! Даже во время войны кедрач не трогали, в урман за клёпками для бочек под рыбу ездили. Всё для фронта, всё для победы! — а не трогали!.. Ну, вот, мужики идут.

От посёлка действительно двигалось несколько человек. Некоторые, как Кузьмич, были с охотничьими ружьями.

— Это мы ещё посмотрим, — сбавил тон исполнительный директор. — Вы ещё пожалеете.

Утоная чуть ли не по пояс в снегу, он направился к лесовалочному агрегату. Тот выжидательно молчал с тех пор, как возле джипа появились Айтышев с Кузьмичом. Исполнительный директор что-то коротко сказал в приоткрывшуюся дверцу. Оператор в броском оранжевом комбинезоне выбрался из кабины и пересел в стоящий поблизости лесовоз. Обе машины, лесовоз и джип, двинулись к дороге из посёлка.

— В тувельках он приехал, фраер дешёвый! — мстительно закричала вслед многодетная Галушко. — Начерпал снега по самые помидоры! Отморозишь!..

Подошедшие мужики засмеялись, стали здороваться друг с другом за руку. Похоже, они жалели, что обошлось без них. Кузьмич, противным голоском передразнивая приезжего, принялся рассказывать, как было дело. Опять смеялись. Настроение у всех было приподнятое.

— Агрегат оставили, — заметил кто-то. — Вернутся.

— А хрен им на воротник! Неужели свой кедрач не отстоим? Да костьми ляжем!..

Все согласились, что так оно и будет.

3

Лёня Соколкин был не то чтобы дурак, но с крепкой придурью. Заносило его довольно часто. Сейчас Лёня ходил перед зданием поселковой администрации и строго поглядывал по сторонам. На плечах у него лежало увесистое бревно.

— Я живу в свободной стране. Имею право, — сказал Лёня Кузьмичу, неудобно вывернув шею.

— А то! — легко согласился Кузьмич. — Не видал, Юрий Семёнович приехал?

Лёнино лицо расцвело, он был рад, что с ним заговорили. Лёня притопнул ногой, как делают солдаты в американских фильмах.

— Так точно, сэр! Мы должны быть в форме, свободу надо уметь защищать!.. — Продолжая дураковато улыбаться, Соколкин принялся приседать с бревном на плечах.

Айтышев вспомнил: такое же лицо у Лёни было, когда умерла его мать. Его в поселке жалели, говорили хорошие слова, утешали — и от общего внимания Лёня лыбился, чувствовал себя именинником.

По дороге от кедровой гривы мужики рассосались по домам, так что к администрации Айтышев и Кузьмич подошли вдвоём. Следовало толком всё узнать у Петлеванного. В здании было по-особому тихо, даже телефоны не звонили — похоже, глава ещё не вернулся. Что и подтвердила секретарь Наташа, оставив чашку с чаем.

— А когда будет?

— Точно сказать не могу. Юрий Семёнович, возможно, задержится в городе.

— Ну, вы даёте! Сидите здесь и ничего не знаете?.. Кедрач у них под носом рубят, а они сидят! Кончайте чай гонять, спасать кедрач надо, пока не поздно!.. — Кузьмич говорил с весёлой напористостью, присвистывая прогалами между оставшимися зубами, небритое лицо его было оживлено, настроение всё ещё оставалось боевым.

Грудастая Наташа смотрела непонимающе.

— Где? Какой кедрач?..

Айтышев отвёл взгляд. Всю жизнь, начиная с детдома, он среди русских, а кровь всё равно другая. Нужно было усилие, чтобы не смотреть на Наташину грудь. Айтышев заставил себя думать о том, что в администрации к нему относятся с уважением. Хотя он уже не вышкарь шестого разряда и не профорг, а всего лишь охранник на нефтяном месторождении. Это отвлекало от Наташиной груди и само по себе было приятно.

— Ну, что, Валерка, и мы по чайковскому вдарим? — сменил тему Кузьмич. — Наташ, мы подойдём после обеда. В случае чего, к Петлеванному первые.

— Хорошо, Михаил Кузьмич, обязательно.

Кузьмича здесь тоже уважали, а он давно пенсионер. Не каждый историю посёлка пишет, к нему даже из краеведческого музея из города приезжали. Но за “Валерку” при посторонних Айтышев на Кузьмича всё же покосился.

Об истории посёлка они и заговорили за чаем. Чаёвничали вдвоём, Кузьмич уже несколько лет как похоронил жену. Сначала, конечно, ещё раз обсудили то, что произошло в лесу. Прохиндей, сейчас таких до хрена, не на тех нарвался!.. Обычно Кузьмич избегал говорить об истории, отделялся намеками, но то, что оба были на гриве, сделало его откровенней.

Айтышев собирался услышать о метрах скважин, о лучших вышкарях и бурильщиках, о переходящем знамени министерства, которым экспедицию наградили в восемьдесят шестом. Так было бы понятно. За цифрами и именами труд, нервы, несчастные случаи — показатели давались тяжело, потом, а порой и кровью.

Но история Кузьмича была странная. Какая-то женщина отдала два пуда картошки, когда по реке возили эвакуированных из Ленинграда, — это ещё до посёлка, в деревне Никишкиной. К одному мужику пришли заказывать пимы, а он направил к соседу — у того пимы получались лучше, хотя деньги мужику были нужны. В охотничьей избушке на том берегу жил монах, лечил травами и молитвами. Говорил, где мои ноги пройдут, там плохого не будет...

— А чего это эвакуированных возили по реке? — Айтышев смотрел недоверчиво.

— Как — чего? У государства на всех не хватало — война, карточная система. На людей надеялись, от себя, дескать, оторвут, пожалеют доходяг. — А монах откуда в здешних краях?

— Может, не монах — так рассказывали, я ещё пацаном был. Может, дезертир, дело во время войны было. С передовой, думаешь, не бегали? Эге, до самой Сибири добирались!..

Не зря Кузьмич темнил. Айтышев был озадачен.

— А ближе к нашему времени ты не писал? О Николае Васильевиче Свиридове, например.

Кузьмич принялся листать общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

— Есть. Его ишшо Зверидовым называли. Крутой был мужик. Улицы нарезал — не считался, усадьба не усадьба, огород не огород. А сколько навоза в наш суглинок надо вбухать, чтоб рожал!.. Многие в Никишкиной хозяйством жили, огородами... Ну, лесом, конечно.

Айтышев пошевелил бровями. При почти седых волосах на голове брови у него все ещё оставались чёрными.

— На всех не угодишь. Стране была нужна нефть. Почему об этом не пишешь?

Кузьмич засмеялся, будто знал что-то, Айтышеву неизвестное. Его небритое лицо в сивой щетине сделалось хитрым.

— Ты в библиотеку пойди, газеты возьми — там о нефти... Хотя, думаю, подписки за те годы вряд ли сохранились, сожгли. А это... — Он закрыл тетрадь и с довольным, почти счастливым видом прихлопнул сверху ладонью. — Это останется! Это надолго. Может, навсегда.

Странный дед. Замызганная тетрадь с загнутыми кончиками листов — и навсегда!..

Встретиться в тот день с Петлеваным у них не получилось. Ещё не закончили чаёвничать, как заиграл мобильник. Звонила Людмила.

С полминуты выждав, Айтышев нажал кнопку приёма, хмуро спросил:

— Чего надо? — Пусть знает, муж недоволен.

Голос у Людмилы был заискивающий. Но, как оказалось, по другому поводу.

— Валер, зайди к Рустаму. Он болеет, температура, а в амбулаторию идти не хочет. Альфия беспокоится.

— Какой Рустам?.. Ты про Генку, что ли?

— Валер, перестань. Пусть будет Рустам, он взрослый мужчина, сам решает... Альфии он стесняется сказать. Что-то по мужской части. Зайди, прошу.

Татарин, блин!.. Имя, которое дали родители, ему не нравится, паспорт поменял, жену поменял. Ещё на него, отца, сваливал — типа, выжил Светку, придирался. А кто будет молчать, если невестка кастрюлями суп в унитаз выливала! Вчерашний, дескать. Он цену еде с детства знает, с детдома. Потом тоже ничего с неба само не падало. Это свой труд не уважать, заработанное на ветру, на морозе. Кожа на металле остаётся, если схватишься без рукавицы.

— Ладно, — буркнул Айтышев. Надо было идти. Всё-таки сын.

Генка жил не в “деревяшке”, а в двухэтажном коттедже на одну семью по улице Таёжной. В таких при Свиридове селили итээрцев и передовых бурильщиков. Первый этаж коттеджа теперь занимал магазин, принадлежавший Генкиному тестю. В магазин Айтышев и зашёл.

— Здравствуй, — сказал он Альфии. — Где больной?

Невестка поднялась со стула по ту сторону прилавка. Она была месяце на восьмом. Беременность, похоже, давалась ей тяжело, хотя Альфия старалась не показывать вида.

— Проходите, пожалуйте. — Старательно улыбаясь, она открыла боковую дверь. Во взгляде её была выжидательная осторожность. Невестка знала: Айтышев не одобрял новой женитьбы сына. Даже на свадьбу не пришёл. — Извините, не могу проводить вас... отец. Покупатели идут.

Неспешно ступая, Айтышев стал подниматься на второй этаж. Магазин с пёстрыми от разноцветных упаковок полками, вереницы бутылок, скрипучие ступеньки лестницы, какие-то татарские половики на полу — всё здесь было чужое. Даже воздух пахнул особо.

— Ты где? — сказал он громко, не называя сына по имени.

Дверь в одну из комнат открылась. Генка с синевато отсвечивающей бритой головой стоял, подавшись плечами вперёд и отставив зад. Понятно. Вид у него в самом деле был больной. Вообще-то всё к тому шло. Татарин — так настоящий, стопроцентный. Сын тоже упёртый, гнёт свою линию.

— В город к врачу поедешь?

Генка не сразу, но кивнул. Видимо, действительно прижало. В поселковую амбулаторию не хочет обращаться, поскольку сразу всем станет известно.

С Александром Михайловичем, хирургом, Айтышев познакомился, когда сломал лодыжку. Ладно бы на работе, а то в бане на скользком полу. Александр Михайлович снимал ему пластину. Оказалось, увлекается рыбалкой, Айтышев пригласил приезжать. Естественно, на рыбалке выпивали, говорили о жизни. В итоге врач стал друг не друг, но добрый знакомый, к которому можно обратиться в случае чего. Сейчас был как раз такой случай.

Созвонившись с Александром Михайловичем, Айтышев заехал за Генкой. Сын осторожно, чтобы не потревожить ширинкой *хозяйство*, спустился со второго этажа, медленно забрался в “Тойоту” на заднее сиденье, где попроторней. Когда выехали за посёлком на зимник, Айтышев спросил:

— Зачем это делаешь?

— Что ты имеешь в виду? — после паузы отозвался сын.

— Другое имя взял, со Светкой развёлся, на Альфии женился. Теперь вот...

— Межсезонье скоро, распутица, — неизвестно к чему сказал Генка. — Поползет ваш зимник. Пока река не вскрыется, невыездными будете.

Айтышев оглянулся с переднего сиденья.

— Не понял. Чего вдруг ты о межсезонье? — Про себя отметил: “ваш”, “станете”... Будто сам здесь не родился и не живёт. Отделил себя от посёлка, отрезал.

Голос сына был бесцветным:

— За исламом будущее.

— Крысы бегут с корабля?.. От русской матери ещё не отказался?

Генка-Рустам не ответил. Неглупый парень, заочно учится в нефтяном университете в Тюмени. Что они себе напридумывали, эти молодые? Будто то, какой ты веры, самое главное. Главное в жизни — какой ты сам, что собой представляешь. Или потому Генка так и поступает, что неглупый?.. Размышлять об этом было непривычно и тревожно.

Александр Михайлович всё быстро устроил. Поехали в больницу, там он больше часа продержал Генку в операционной и оставил в стационаре на несколько дней. Требовалось наблюдение: случай запущенный, не было бы сепсиса.

— Кто его так? Стопроцентная самодеятельность. — Глаза врача за стеклами в тонкой оправе смотрели непонимающе, но спокойно.

— У него спроси. Настоящим мусульманином решил заделаться.

— Да уж, мусульмане... Как насчёт этилового ректифицированного? А, ты за рулём... Ладно, подкинь домой, моя машина в ремонте.

По дороге заговорили о рыбалке. Сейчас на озёрах хорошо брал окунь, как ни странно, на клюкву. Александр Михайлович не поверил:

— Да ладно!

— Мужики таскают только так. А чего, давай проверим, у меня две недели свободных. Но не затягивай, а то зимник скоро поплывёт. Сейчас ехал, кое-где начал проседать.

Стали строить планы. Уже возле многоэтажки, в которой жил хирург, Айтышев рассказал о кедраче. Александр Михайлович заинтересовался:

— Тендер выиграли?.. Странно, тендеры ещё не проводились. Подожди, сделаю звонок одному человеку, он должен знать точно.

Оказалось, действительно, тендеров в районной администрации пока не было. Айтышев, не сдержавшись, хлопнул обеими ладонями по рулю “Тойоты”:

— Так и знал — прохиндей! Лапшу вешал! Кто разрешит кедр возле поселка валить? В районной администрации толковые мужики сидят, они понимают!..

Александр Михайлович ничего не говорил, а лишь внимательно смотрел на приятеля.

4

У Айтышева свои тараканы в голове. Лет с четырнадцати он считал, что может влиять на происходящее. И не обязательно ему самому что-то делать, достаточно присутствовать.

Впервые он это понял в детдоме. У него был дружок — Лёшка Асабин, который занимался лёгкой атлетикой, хорошо прыгал в высоту, но не уверенный в себе был пацан. Может, потому, что слишком жалостливый. Когда детдомовские ходили в лес искать бурундучьи заначки, Лёшка не ходил со всеми. Говорил, бурундуки с горя вешаются, если не обнаружат своих зимних припасов. Находят на кедре подходящую рогульку и засовывают туда голову.

Перед соревнованиями Лёшка мандражировал, ходил бледный, перепуганный. Старшие пацаны над ним издевались, не по делу давали пенделя, а Айтышев однажды пошёл с Лёшкой на соревнования. Когда дружок стал в секторе разбежаться, он, набычившись, смотрел на него, не отрываясь. И почувствовал, как упруго ходят под дешевым детдомовским трико тугие Лёшкины мышцы, тесноту полукед на ногах, запах пота из подмышек, проскальзывающую чёрную крошку гаревого сектора — будто сам стал Лёшкой.

Он ощутил, как дружок твёрдо ставит на землю толчковую ногу, тормозит перед планкой всей пяткой, как скорость тела меняет направление, готовая нести его вверх. Но одной её мало — и короткий судорожный то ли вдох, то ли всхлип, толчок что есть силы, взмах маховой ноги, рука следом, всё уходит в движение вверх, тянет, мощно несёт за собой... Чудесно и странно.

Есть! Лёшка уже на песке. Алюминиевая планка сверху между стоек даже не шелохнулась. Айтышев выдыхает, будто разбежался и прыгал сам. Облегчение и слабость во всем теле.

Сначала Валерка решил, что он гипнотизер, просто не знал об этом раньше. На тоскливых уроках алгебры пытался внушить учительнице, чтобы та запела матерную частушку и пошла вприсядку, но не получалось. “Чего уставился? На доску смотри, отличник!..” — возмутилась она. Однако какая-то сила от него всё-таки исходила. Собаки в городке, где находился детдом, его боялись, старшие пацаны тоже не особо задирали. А когда он ходил с Лёшкой на соревнования, тот показывал хорошие результаты. В восьмом классе перед выпуском из детдома даже выполнил второй взрослый разряд.

Иногда Айтышев думал, окажись он в Москве на стадионе, когда играла сборная СССР, наши обязательно выигрывали бы. Какой бы противник ни попался!.. Об этом он никому не говорил — скажут, крыша поехала, — но мысли такие были. До сих пор иногда появлялись.

С уверенностью, что с кедром всё будет нормально, он на следующее утро направился к гриве: следовало всё-таки проверить. Но оказалось, там всюю идёт работа! Лесовалочный агрегат, смахивающий на угловатый трансформер из мультяшного сериала (Олежка любит смотреть!), судорожно двигался, чадил, оставляя за собой свежие, издали броские пни. Здесь же был и вчерашний лесовоз.

Айтышев засунул пальцы в рот, свистнул и погрозил лесовалочному агрегату кулаком. Его заметили.

— Чего надо, мужик? — сказал человек в камуфляже, судя по всему, из частного охранного предприятия. По глубокому снегу, который в лесу и не думал таять, двигался ещё один чоповец.

— Вы что творите?! Сейчас мужиков позову! Кто разрешил?!

— Не твоё дело. Вали отсюда.

Айтышев задохнулся:

— С кем разговариваешь, урод! Я здесь живу!..

— За урода ответишь.

— Да мы тебя сейчас!

— Неужели? — Чоповец прищурился, стал похлопывать по ладони чёрным “демократизатором”. — Приключений на задницу ищешь? Вали по-хорошему, пока я добрый.

Через несколько минут Айтышев уже был в администрации.

— Хорошо, что пришёл! — словно обрадовался Петлеванный, когда он порывисто распахнул дверь в его кабинет. — Присаживайся. Ты что один? Я думал, вы всем посёлком зайвитесь.

Айтышев шагнул к столу главы.

— Выходит, знаешь насчёт кедрача? — Тон Петлеванного ему не понравился, но впечатление от встречи с чоповцами было сильнее. — Мы их вчера шуганули, так они сегодня с мордоротами приехали, сволочи!

— Погоди-погоди, кто — они?

— Кто ближний кедрач валит!.. Хотел поговорить — слушать не хотят! Есть, в конце концов, у нас власть в посёлке или нет?!

— Ты не горячись, Валерий Ильясович. Успокойся. — Петлеванный поднялся с вишнёвого, богатого на вид кресла, протянул Айтышеву руку. — Присаживайся. Я вот что давно хочу спросить. Почему тебя всё время вперёд выставляют?.. Другие спокойно себе живут, в ус не дуют, а ты поперёд бабки в пекло, все шишки на тебя. Интересное кино получается, не задумывался?..

У Айтышева по жизни было так: человек ему сразу нравился или нет. Лицо, взгляд, как двигается, говорит — в чём дело, непонятно, но отношение определялось сразу. И редко когда он ошибался. Что в детдоме, что в армии, что позже в экспедиции. Рано или поздно первое впечатление подтверждал сам человек. Айтышев где-то читал, что так узнают друг друга животные. Даже в темноте. С одними они свои, с другими ничего хорошего быть не может.

Петлеванный ему не нравился. В девяностые был в экспедиции инженером по технике безопасности, а это слуга двух господ. Если по-настоящему следить, чтобы вышкари или бурильщики работали по правилам, получится итальянская забастовка, план никогда не сделать. Начальство (да и работники тоже) будут недовольны — скажется на зарплате и премиальных. Инженер по технике безопасности оказывался между двух огней, при несчастных случаях в первую очередь спрашивали с него. Надо уметь продержаться в такой должности больше шести лет! И вот уже почти столько же Петлеванный был главой поселковой администрации.

Не дожидаясь от Айтышева ответа, Петлеваный подошёл к стене, где висела большая разноцветная карта посёлка. Судя по всему, собирался что-то на ней показывать. Он уже и отточенный карандаш в руки взял, и лицо к карте повернул, как вдруг быстро оглянулся на Айтышева:

— Ты Ивана Даниловича Батюшкова знал?.. Хороший был человек. — Айтышев молча кивнул. Хитрит Петлеванный, запутывает разговор, но Иван Данилович действительно был хороший мужик. Умер недавно. Пришёл с работы из ремонтных мастерских, опустился на лавочку возле своей “деревяшки” и вроде как задремал. Оказалось, сердце остановилось.

— То, что он сидел, знаешь? А за что, тоже знаешь?.. Так вот, раньше Иван Данилович был старшим мастером в леспромхозе, а о минерализованной полосе вокруг базы не позаботился. Хотя по должности полагалось. А тут жаркое лето, лес загорелся, сильный ветер — базы в пять минут не стало. Были жертвы, о технике не говорю... — Петлеванный пристально, с усмешкой смотрел на Айтышева. — Как думаешь, мне охота на зону? Вот так вот честно скажи, похож я на идиота? Я тебе верю, Валерий Ильясович, ты мне прямо говори, в глаза!..

У Айтышева дрогнули ноздри. Разговаривает, будто перед ним недоделанный Лёня Соколкин. Или издевается. Раньше он взорвался бы, обложил по матушке и хлопнул дверью, но так ничего не добьёшься.

— Давай ближе к делу, Юрий Семёнович. Убирают ближний кедрач, а ты здесь...

— А разве я не о деле? — искренне удивился Петлеванный и даже слегка откинулся назад. — Посмотри на карту. Это наш посёлок к двадцатому году, перспективный план. Видишь, где границы проходят? Да ты ближе подойди, оттуда плохо видно!.. Границы, обрати внимание, отодвинутся метров на сто. В посёлке появится спортивный комплекс, культурно-досуговый центр, новая улица... Между прочим, планирую объявить конкурс на её название, так будет демократично. — Петлеванный доверительно подался к Айтышеву, понизил голос: — Ещё, конечно, КОСы нужны, канализационно-очистные сооружения то есть. Сам посуди: посёлок растёт, а жидкие бытовые отходы до сих пор сливаем в лесу. Разве это нормально? Экологию губим, о детях и внуках своих не думаем. Это ж потом в наши организмы с водой попадает, сами себя травим... Площадь под КОСы потребуется? Однозначно! Остальная инфраструктура? Без вопросов! Короче, посёлок должен расширяться. Хочешь-не хочешь, лес придётся отодвинуть, а как это сделать, если не вырубать?

— Кедрач валят, чтобы защитная полоса от огня была в случае чего? Так, что ли?

Петлеванный хлопнул ладонью об ладонь:

— В самую точку, Валерий Ильясевич! Вот именно!.. Я не раз поднимал этот вопрос в районе. Очень рад, что, наконец, услышали. Зону мне топтать как-то неохота, сам понимаешь.

Сирена, заслушаешься!.. Олешка недавно готовился к истории, вслух читал про путешествие Одиссея. Айтышев усмехнулся:

— Когда он ещё будет, этот двадцатый год! Экспедиция на ладан дышит, люди из посёлка уезжают — какое расширение, какой перспективный план! Ты что мне лапшу вешаешь!..

Про лапшу — это он напрасно, Айтышев это понял, ещё не договорив. Но Петлеванный, похоже, не обратил внимания. Опустил глаза, сокрушённо покачал головой:

— От кого, от кого, а от тебя, Ильясевич, не ожидал. Не патриот ты, нет!.. Посёлок есть и будет. Здесь наши дети родились и выросли. Здесь наши лучшие годы прошли. В экспедиции дела поправятся, я в этом абсолютно уверен. Сейчас разрабатывается план поддержки геологоразведочной отрасли, обрати внимание, в масштабах страны! Первые лица государства понимают: без разведанных запасов перспективы у нефтяников и газовиков под вопросом. А это половина бюджетных поступлений. Да что я тебе говорю, сам телевизор смотришь!..

Айтышев поднялся, вполголоса, будто сам себе, сказал:

— Говорить они умеют. И обещать тоже. Что сейчас, что при советской власти...

Петлеванный отреагировал по-своему:

— Правильно, о перспективе нужно всегда думать. А то какая это власть? Население не поймёт.

— Ты мне, Юрий Семёнович, прямо скажи, будут продолжать валить кедрач или не будут?

— Так я же тебе всё обрисовал! — Петлеванный укоризненно склонил голову к плечу и раскинул в стороны руки, поражаясь непонятливости Айтышева. — Рисковать посёлком никак нельзя. Минерализованная полоса прокладывается с учётом перспективы. Или ты против, чтобы посёлок развивался?..

— Мы кедрач не дадим вырубать.

Петлеванный посмотрел себе под ноги, выдержал паузу.

— Кто это — мы? Что за альтернативная власть в посёлке появилась? Вас кто-то выбирал?.. Я тебя, конечно, уважаю, Валерий Ильясевич, ты в экспедиции много лет проработал. Но не лишнее ли берёшь на себя? Так и надорваться можно. Решение принято, и оно будет выполняться.

— Кто принял? Чтобы вырубать, полагается тендер провести, а его не было.

— Об этом уж позволь тебе не докладывать. Наверху приняли. — И Петлеванный посмотрел на потолок.

Разговаривать дальше не имело смысла. Айтышев вышел из кабинета, изо всех сил стараясь не хлопнуть дверью.

Людмила и сын уже были дома, сидели у компьютера. Олежка повернул навстречу отцу счастливое лицо:

— Пап, мы пятый уровень прошли! Четыре тысячи двести семьдесят три балла! Иди, посмотри!..

Людмила была так увлечена, что даже не взглянула в его сторону. На дисплее какой-то уродец прыгал по конструкциям, похожим на недостроенный многоэтажный дом, взлетал и проваливался. Голубоватый свет компьютера лежал на Людмилином сосредоточенном лице.

Айтышев, не ответив сыну, принялся молча раздеваться. Ладно, пацан. А с какой стати пятидесятилетняя баба фигнёй занимается? Делать нечего, всё перестирано? Обед готов, полы пропылесосены, окна к весне вымыты?..

Нормальную жизнь игрой заменяют! Лишь бы не думать ни о чём, не видеть ничего! Не только Людмила с Олежкой — многие сейчас так, молодёжь особенно.

— Давай обедать.

Жена вздохнула и неохотно поднялась от компьютера. Олежка тотчас занял её место.

— Ты ел? Пошли тоже пообедаеть.

— Сейчас, сейчас... — Сын впился глазами в дисплей, рука сжала мышь.

Странно всё-таки. В молодости Людмила ловила каждое его слово, старалась угодить, хотя была с высшим образованием, а он — простой работяга. Как она бросилась его защищать, когда отец пообещал перебить ноги, если он её тронет. Айтышев после армии учился в городе в школе буровых кадров, провожал Людмилу домой в частный сектор, остановились под её окнами. Тут хлопнула форточка вверху, высунулась лысая голова и понесла Айтышева по кочкам. Мужик разве что матом не ругался. Людмила не посмотрела, что отец, ответила так, что голова скрылась. Позже выяснилось: отец у неё фронтовик, контуженный.

Сейчас всё переменялось. Теперь уже он больше от неё зависит, а не наоборот. В собственной семье отодвинут в сторону. И незаметно как-то это произошло, постепенно. Хотя и теперь он обеспечивает жену и сына, не говоря уж о времени, когда был вышкомонтажником.

— Опять суп? Я этих супов вот так наелся на вахте! Ты нормальный борщ свари, с капустой, со свёклой!..

Жена удивлённо взглянула на него:

— Сварю я тебе завтра борщ, успокойся.

— И слов таких чтоб я не слышал! Я спокоен!..

Из комнаты с компьютером прибежал Олежка, непонимающе уставился на родителей:

— Вы чего?

Айтышев рявкнул:

— Быстро за стол! Обнаглед! Чтоб не видел я больше этих дебильных игр!.. Поешь — дневник покажи!

Он понимал: причина его гнева в другом. Но и домашних время от времени надо строить — не помешает, а то распустились! Сейчас это было особенно ясно.

После обеда Айтышев взял ручку, лист бумаги из поддона принтера, на котором Людмила распечатывала материалы к урокам, и сел за кухонный стол. Наморщил лоб. Петлеванный делать ничего не хочет, надо обращаться в районную администрацию. Насчёт минерализованной полосы к двадцатому году — туфта. Кому-то понадобится кедровая древесина, она ценная. Все, кто был вчера на гриве, письмо подпишут. Да и многие другие в посёлке тоже.

Казалось, всё понятно, яснее не бывает, но когда Айтышев принялся писать, выходило не то — неубедительно как-то. Он порвал листок и выбросил в мусорное ведро, взял новый. Но и на этом получилось не лучше. Обращать-

ся к Людмиле не хотелось, и он взял ещё листок. В конце концов, всё-таки пошёл в комнату с телевизором, хмуро сказал сидевшей на диване жене:

— Пошли, поможешь.

Людмила посмотрела сдержанно, но всё же поднялась и пошла следом на кухню.

— Садись, письмо в район написать надо... Ближний кедрач валят, слышала, наверно? А зачем новая полоса, если старая есть? — заговорил он, понемногу заводясь опять. — Ты распорядись подрост вырубать регулярно — и все дела! Проблем-то! Когда ещё посёлок будут расширять, за десять лет планы сто раз переиграют!.. Зону он топтать не хочет! До двадцатого года собрался в своём красивом кресле сидеть!.. О кресле не пиши.

Жена остановила:

— Давай по порядку. Какая полоса, какой двадцатый год, какое кресло? И при чем здесь зона?..

Выслушав, неоднократно уточнив детали, Людмила полчаса сосредоточенно писала. Наконец прочла вслух, что получилось. Айтышеву прищёлкнул пальцами: то, что надо! Как ни крути, а высшее образование много значит. Жаль, у него возможности не было. Одной школой буровых кадров пришлось ограничиться.

— Молодец!

— Ну тебя, — отмахнулась жена.

Она ещё обижалась за недавнюю вспышку, хотя могла бы за столько лет привыкнуть к его характеру. К тому же обижаться у него было больше оснований...

— Давай текст на компьютере наберу. Солидней смотреться будет. — Похвала все-таки подействовала на Людмилу.

— Точно!..

Минут пятнадцать спустя она протянула листок с красивыми печатными строчками.

— У меня вопрос, Валера. — Людмила подняла к мужу лицо, прямо, требовательно посмотрела в глаза. — Оно тебе надо?

Айтышев не понял:

— То есть?

— Оно тебе надо, всё это? — повторила жена, не отводя серьёзного взгляда и тряхнув листком в руке. — Заикленный правдолюбец, ей-богу! Мало тебе гадостей из-за твоего характера делали? Квартиру не давали, с разрядом тянули, сейчас вообще сократили...

— Ты ещё вспомни, что до революции было.

Людмила шутки не приняла:

— Когда были молодые, я думала: ну, горячий, пройдёт. Потом думала: кризис среднего возраста. Сейчас-то чего? Пенсия на носу, успокойся! Что ты каждой бочке затычка!..

Айтышев, злобно взглянув на жену, выхватил листок. “Затычка”!..

Однако сдержал себя, не стал говорить то, что готово было сорваться с языка.

Овцы! Их стригут, ни в грош не ставят, а они ещё и спасибо говорить готовы!..

5

Телёнок стоял, широко растопырив ноги и опустив голову. Вид у него был глупый. Корова телёнка вылизала, волнистые следы от языка всё ещё виднелись на коричневой шерстке.

— Тёлочка, — сообщил довольный Кузьмич. — Я по-старому, в избу взял, по ночам ниже десяти опускается. О, пруденит!..

Из телёнка, в самом деле, полилась струйка на сено в углу, где он стоял.

— Пошло пишеварение!..

Айтышев был весь в другом, но вспомнилось, как в детдоме пацаны подсматривали, когда в подсобном хозяйстве рожали коровы. Взрослые гнали их в шею, ругались, но пацанам было любопытно видеть, как из коровы лезет

телёнок. Всё, связанное с этим, детдомовских жгуче интересовало. Ещё в школу не ходили, а уже заставляли девчонок снимать трусы и показывали пальцем: “Пирожок!..”

Айтышев усмехнулся. Барбосы! Но почему до сих пор ему нет покоя?..

— Ну-ка, что ты там намайстрил? — Кузьмич вытер руки чистой тряпкой и взял обращение к главе районной администрации. Вспомнив, что нужны очки, опустил листок на стол, пошарил на подоконнике с геранью. — Ну-ка, ну-ка... А чего, толково, всё по делу. Мнение населения, с ним начальство должно считаться. Опять же выборы... Где подписать?

С обращением Айтышев обошёл всех, кто был вчера на гриве. Услышав, что Петлеваный в курсе и останавливать вырубку кедрача не собирается, подписывали. “К прокурору надо! Шахер-махер здесь! — заявила Валентина Галушко. — Столько лет ни о какой полосе не думали — и нате вам! Не верю я, другое что-то здесь, чувствую!..”

В квартире у Валентины было влажно, как в бане, — вся кухня завешена сохнущим детским бельём. Недавно в семье родилась двойня. “Как с моим Галушкой помирился, так трах — и новый короед!” — объясняла Валентина в посёлке. С двойней в семье стало шестеро детей. Мужа Валентины Айтышев хорошо знал, раньше работали в одной бригаде. Его, тщедушного и молчаливого, подначивали: не только умудряется уживаться с боевитой крупной Валентиной, но и столько детей настрогал. Хорошо, пока не сократили. Вот уж кому туго придётся, если кедрач вырубят. В конце августа у Галушко обычно начинались горячие дни. Орех, ягоду, грибы добывали всем кагалом, потом отвозили в город продавать.

Озадачил Иван Волобуев. Он тоже был на гриве, но подписывать не стал. Крутя в пальцах шариковую ручку, несколько раз прочёл обращение и дальше коридора пройти не пригласил. Отводя глаза, вернул листок и ручку.

— Ты чего? Пусть вырубают, по-твоему?

— Нет, я, конечно, за...

— Тогда в чём дело? Почему не хочешь подписывать? — уязвлённо стал наседать Айтышев.

— Я в эти игры не играю.

— Тогда зачем приходил на гриву? Сидел бы себе дома!..

Иван усмехнулся:

— За компанию и еврей повесился...

Еврей нашёлся...

Волобуев был из тех поселковых мужиков, которые уволились, не дожидаясь сокращения. Районная администрация давала ссуды, можно было открыть собственное дело, и Волобуев года два назад купил мини-пекарню. Бизнес, однако, не пошёл, он пробовал заниматься извозом на “Газели”, потом открыл парикмахерскую, где стригла и делала маникюр жена, сам ходил по посёлку, ремонтировал бытовую технику — всё без особого успеха. Возможно, потому, что в полутора часах езды находился город, где всё было дешевле. Айтышев краем уха слышал, что сейчас Иван затевает какой-то новый бизнес.

— А чего здесь не понимать, — сказал Кузьмич, когда Айтышев рассказал о Волобуеве. — Очень даже понятно себя ведёт. Светиться человек не хочет, вдруг в администрации не понравится, что подписал. Денег не дадут... Хитрющие, скажу тебе, люди, эти наши бизнесмены! А может, наоборот — несчастливые, кто знает... — Кузьмич почёсывал телёнку лоб и сам жмурился от удовольствия. — Здесь, Валерка, вот какая штука. Лёня Соколкин приходил. Знаешь, чего предлагал? Давайте, говорит, подожгу агрегат — ну, лесовалочный. Бензина просил.

— Серьёзно, что ли?

— Ну. Вроде как народный мститель.

Говорил это Кузьмич как бы с усмешкой, но что-то в его лице было, заставившее задержать взгляд.

— А ты?

— Что — я?.. Помнишь, читал тебе про одну никишкинскую тётку, она картошку отдала эвакуированным. Может, за счёт своей семьи других пожалела. Как ни крути, хорошее дело: вроде как жертва, когда всем одинаково

худо. Не кажный сможет, потому и записываю в историю. — Кузьмич остановил на Айтышеве мечтательные глаза. — А хорошо было бы, а? Пострадал, чтобы другим была польза. По мне, такое должны помнить. У нас ведь как: умер человек — и забыли. Правильный был или так себе, неважно. Это нехорошо. О правильных должны помнить.

Айтышев нашёлся не сразу:

— Так Лёня с приветом. Зачем втягивать?

— Ты чего, Валерка! Кто говорит, что надо втягивать?.. А с другой стороны, через двадцать лет никто знать не будет, какой он был. Останется только, что жил такой Лёня Соколкин, сел в тюрьму, когда хотели наехать на малоимущих. Это будут помнить, кто с совестью, конечно. Вроде как маяк для других.

Шутит Кузьмич или говорит серьёзно, понять было трудно. Айтышев представил, как Соколкина с канистрой бензина скрутят мордороты из ЧОПа, с которыми он столкнулся утром. Ведь наверняка попадётся.

Кузьмич посмотрел на часы. Не ходики с гирей, как можно было бы ожидать в деревенском доме, а современные кварцевые, с надписью не по-русски.

— Ладно, тёлке исть пора. Пойду молозива нацежу... А насчёт Волобуевых подумаю, продавать им молоко или нет, Иван просил... Кажному по делам его.

В посёлке только у Кузьмича была корова. Претендентов же на молоко — не магазинное, в пакетах, а настоящее — было много. “Правильно!” — согласился про себя Айтышев.

— Ты как спишь? Нормально? — Кузьмич остановился в дверях. — Я полночи кручусь, заснуть не могу. Погода меняется, что ли? Беспokoйно мне чего-то.

— Межсезонье скоро, потому. А может, полнолуние наступило. На небо не смотрел?

Кузьмич махнул рукой:

— Э, ты молодой, не понимаешь!.. Межсезонье у нас всю дорогу, что будет завтра, никогда не знаешь. Я не про посёлок — вообще про страну. Так что, не спать из-за этого?

“На философию деда потянуло, — подумал Айтышев. — Вон как повернул. Обобщает!”

Он тоже спал последнее время неважно, но объяснял это тем, что за две недели вахты ломался график. Дома только войдёшь в колею, начнёшь спать ночью, как опять надо на прежнее переходить. Дежурство на вахте четыре часа через четыре, спишь урывками.

Хотя было что-то ещё — смутное, сразу не объяснишь словами. Дело не только в кедраче. Прав Кузьмич — беспokoйно как-то стало в последние годы, ненадёжно. Что-то должно случиться, так долго тянуться не может.

Встреча с Геннадием Николаевичем Ваулиным остановить его не могла, но душу царапнула. И сильно. Бывший технолог сидел у подъезда своей типовой двухэтажной “деревяшки” в инвалидном кресле на колёсиках и призывно взмахивал здоровой рукой. Был он бледен, правая половина лица съехала вниз, на голове — зимняя шапка с опущенными ушами, хотя вовсю светило солнце, и на припёке у подъезда было тепло.

Подходить не хотелось. Тягостно было видеть в таком состоянии недавно ещё здорового мужика, не дурака выпить, да и насчёт женщин... Но Айтышев Ваулина уважал и потому подошёл. Геннадий Николаевич протянул действующую руку, радостно замычал.

— О, сила есть! — сказал Айтышев, не сразу сообразив, что надо тоже здороваться левой рукой. — Дело, смотрю, на поправку, я правильно понимаю?

Геннадий Николаевич хотел что-то ответить, но у него не получалось. Он пробовал это сделать несколько раз, мучительно искажалась здоровая половина лица. Вторая была неподвижной, мёртвой, с красной изнанкой отставшего века и опустившейся половиной рта. Нужно было что-то говорить, и Айтышев сказал:

— Не всё сразу, Николаич. Придёшь в норму, мы с тобой ещё попаримся в моей баньке. И на грудь примем. Если в меру, это даже полезно, любой врач подтвердит.

Бывший технолог прекратил попытки что-то сказать, действующей рукой показал: не могу. Получилось безнадежно.

— У него сейчас только мат хорошо выходит, — послышалось за спиной. С полной сумкой к подъезду шла жена Ваулина, наверно, из магазина. — Теперь мат у него — на все случаи жизни. Доволен, не доволен, хорошо, плохо — пуляет только так... Ну, что, погулял? Давай домой, хватит. Простынешь, мало мне с тобой мороки!..

Подобным тоном взрослые обычно разговаривают с надоевшим ребёнком. Айтышев давно подметил: отношение у здоровых к тем, кто долго болеет, пренебрежительно-насмешливое. Ими тяготятся и не скрывают этого. Будто ещё недавно уважаемый человек стал недоумком и не достоин, чтобы к нему относились нормально. Горько было думать, что такое может в любой момент случиться с любым мужиком, пока ещё благополучным и вполне здоровым. И с ним, Айтышевым, тоже.

Зачем тогда всё? Чего сто́ит? Все его, Валерия Айтышева, радости, удовольствия, желания и заботы — сама жизнь?..

Отталкиваясь от настила перед подъездом действующей ногой, Ваулин стал медленно двигаться к двери. На инвалидном кресле у него только так и получалось ехать, спиной вперёд.

— Ладно выдвигаться! — одёрнула жена. — Самостоятельность он свою показывает!.. Валера, поможете на лестничную площадку поднять? Хорошо ещё, не на втором этаже живём, а то сидел бы всё время в четырёх стенах. Господи, когда это кончится!..

Айтышев завёл кресло в тамбур, ухватившись за дно и спинку, остро чувствуя запах чужого человека, поднял кресло на площадку. Геннадий Николаевич не смотрел на него, в его позе было покорное безразличие, из скобоченного рта текла слюна.

— Т-твою мать! — только и сказал Айтышев, выходя на улицу в яркий апрельский день, освобождённо вдыхая живой весенний воздух. Других слов у него сейчас не было. — Т-твою мать!..

6

Ночью мысли бывают странные, это он ещё на вахтах заметил. Особенно под утро. Айтышев закуривает на застеклённом балконе, прислушивается.

Люди в доме спят, это понятно, но и “деревяшка” их спит, как живая. Старое дерево потрескивает, словно дом ворочается во сне. В комнатах и коридорах — застывший густой воздух. Чёрные окна похожи на глаза — закрыты, свет ни в одном не горит, на снег внизу не падает. Вещи в квартирах тоже спят, замерли на своих местах, притихли. А может, они думают — никто не знает, что вещи такое и как всё на самом деле. На стульях сидят, в шкафах — одежда, в холодильнике — еда, но есть что-то ещё, под утро об этом начинаешь догадываться, если ночь не спал.

Айтышев не удивляется таким мыслям. Начало четвёртого, самое непонятное, мутное время суток.

Два прошлых дня мело, не скажешь, что середина апреля. На “большой земле” стали бы смеяться — вот так весна! Сейчас тихо, небо чистое, звёзды горят. Айтышеву представляется, как морозный воздух устремился мощным потоком с Ямала, накрыл лесотундру, клюквенные болота, урманы, весь их округ. Хлынул дальше на юг, в казахские степи. Всё представляется Айтышеву явственно, в красках, будто на цветной карте в конце “Новостей” по телевизору. Ещё явственнее — он всё это чувствует.

Пространство от Ледовитого океана до гор на территории бывших советских республик — сплошная низина, остановить холодный воздух нечему. Согрешивший в южных пустынях, он ринется, как по трубе, обратно, принесёт тепло. Снег растает в два-три дня. Потом всё повторится снова: опять ледяной воздух с Ямала, метели и мороз. Не зря звёзды мигают, ровно не

светят, — вверху что-то происходит, жди изменений. Метеозависимый стал, думает Айтышев, пятый десяток добиваю.

Не спится не только ему. Слышно, как открывается наружная дверь “деревяшки”, Айтышев открывает створку застеклённого балкона, смотрит вниз. Серёга Базанов, увалень под два метра. На плечах куртка, однако ноги в домашних тапочках. Вспыхивает зажигалка, Серёга закуривает.

— Ты куда? — сонно спрашивает Людмила, когда Айтышев проходит через комнату с белеющей постелью.

— На гулянку!..

— Ну-ну, — безразлично говорит Людмила, но голос у неё уже не такой сонный.

На крыльце Айтышев здоровается с Базановым за руку. Нормальный мужик, тоже устроился на месторождение охранником, раньше работал бурильщиком. На крыльце заметно прохладней, чем на застеклённом балконе. Какое-то время мужики молча курят.

— Давно тебя не было видно. Вахта?

— Мать ездил хоронить.

— Долго болела? — спрашивает Айтышев, выдержав паузу. Огромный Серёга сутулится — от роста и оттого, что куртка то и дело норовит соскочить с плеч. Спокойным голосом отвечает:

— Все боятся рака, а она — за неделю, от пневмонии. Прохватило где-то.

Полагается ещё что-нибудь сказать, вслух посочувствовать, и Айтышев говорит:

— Сколько ей было?

— Семьдесят один в феврале исполнилось. — Базанов, видимо, повторяет то, что уже десятки раз говорил. — Для женщины немного, это мужики редко доживают... Любила она меня. Радовалась, когда звонил. Дома бегемотом звала. — И Серёга усмехается.

Своих родителей Айтышев не помнит — так, отдельные картинки. Худая женщина в линялом длинном платье отводит тыльной стороной руки волосы со лба, наклонилась над корытом со стиркой, на табуретке рядом — большой кусок чёрного мыла. Наверное, мать, Айтышев не уверен. Ничего, связанного с отцом, в памяти вообще не осталось. Ещё помнится прокуренный общий вагон, люди ругаются из-за мест, Валерка напуган, плачет, какой-то мужчина протягивает ему красного петушка на палочке, говорит порусски. И ещё: барак с толевой крышей в длинных рейках, яркая зелень двора, ребята подбрасывают вверх мяч, играют в “штандер”, его не берут — маленький. Во всём бараке — комары и постоянный рыбный запах.

— Помянем? — предлагает Базанов.

— Сейчас?..

— А что, мы на кухне, тихо.

Тот редкий случай, когда Айтышев не знает, что сказать. Пить не хочется, но отказываться неудобно, можешь соседа обидеть. Вроде как полагается.

На тесной кухне своей квартиры Серёга кажется ещё больше, двигается осторожно, боясь ненароком что-нибудь зацепить. “Бегемот”, — вспоминает Айтышев. Серёга прикрывает кухонную дверь и достаёт из холодильника бутылку.

— Земля пухом... Да ты садись, Ильясович, не стоя же.

Выпить и сразу уйти нельзя — рюмок должно быть чётное число.

— Так-то я понимал, мать не вечная, головой готов был. А всё равно... Лежит, молчит, на себя уже не похожа... — Серёга старается говорить тихо, повторяет сказанное на крыльце: — Очень любила меня, радовалась, когда звонил. А уж когда приезжал в отпуск... — Он пристально смотрит на Айтышева, медленно произносит: — По-настоящему нас любят только матери. Жена, дети, остальные — так, ерунда. Матери — да!

От Айтышева это далеко. Любила его мать или нет, он не знает. Звонить было некому, в отпуск приезжать — некуда. В детстве, когда подросток, узнал, что отец и мать были вербованные, работали в рыболовецком колхозе на Иртыше. Оба утонули во время путины, запутавшись в сетях. Родственников, желающих забрать его, не нашлось.

“Один по жизни! — думает Айтышев, когда выпивают ещё. И не знает, чего в нём сейчас больше: жалости к себе или гордости, что не сломался, стал нормальным человеком, хотя никто его не любил и не помогал. У детдомовских судьба по-разному складывалась. Дружок Лёшка Асабин, например, спился, хотя окончил техникум и преподавал в школе физкультуру. Сейчас, рассказывают, бомжует, зимой живёт в теплотрассе. — Один я по жизни!.. Сам!..”

— Слышал, у нас здесь с кедрачом заваруха. Вроде половину уже вырубали, — перевёл разговор на другую тему Базанов. Его грубое лицо с толстыми губами становится внимательным.

— Правильно слышал. Главное, за жабры никак их не возьмёшь — скользкие!..

Айтышев пододвигает бутылку и сам себе наливает. Он понимает, что ведёт себя не так, как полагается, но остановиться не может. Базанов коротко смотрит на него. До выпивки Айтышев никогда жадным не был.

— Все вроде соглашаются, мы кругом правы, а ничего не меняется. Продолжают кедрач валить, скоты!.. Будто ты в лесу заблудился, глотку дерёшь, надрываешься, а результат... Порядки, блин!

Не дело показывать своё состояние — если он дрогнул, чего от других ждать! Наоборот, надо подчёркивать, что всё будет хорошо, внушать людям оптимизм. Но эти мысли проходят краем, не они сейчас важны для Айтышева. Требуется выговориться. И Айтышев продолжает говорить и пить, пить и говорить. Сколько это продолжается, он не знает. Время исчезает.

Как они оказываются на крыльце снова, он тоже не знает. Происходящее остаётся в голове кусками. Курят, на улице уже светло, раннее розовое солнце лежит на голенастых соснах. Айтышев говорит, для убедительности берёт Серёгу Базанова за куртку и трясёт, тот, здоровенный, неловко ухмыляется и отводит глаза. В конце концов, уговаривает Айтышева идти домой, сам отводит.

— Господи! Где ты в такую рань успел?.. — говорит Людмила. Она уже поднялась, готовит Олежке завтрак.

— Все путём, мать!.. Серёга, заходи, у меня тоже есть!..

Но Базанов порога не переступает, смотрит на Людмилу извиняющимися глазами и быстро уходит.

— Валера, ну, нельзя же до такой степени, честное слово!.. Ложись спать давай.

Айтышев отводит её рукой, опускается на табуретку и молчит. Кладёт на столешницу сжатые кулаки, катает желваки. Людмила знает: лучше его сейчас не трогать — и уходит с кухни. Слава Богу, такое с мужем случается нечасто.

* * *

В субботу приехал Александр Михайлович, с ним была рыжая девочка лет десяти — дочь Аня. Раздеваясь в прихожей, Аня стреляла по сторонам глазами и совсем не смущалась незнакомых людей. На её сметанно-белом лице, как часто бывает у рыжих детей, карие глаза казались особенно броскими, чёрными.

— Уговорила показать деревню, — Александр Михайлович с любящей снисходительностью смотрел на дочь. — Мы на озеро, а Олег тем временем... Олег, ты где? Сможешь поводить Аню по деревне?

— У нас посёлок, а не деревня, — послышался мрачный голос из-за двери в комнату с компьютером.

Аня бойко сказала:

— Он спрятался, потому что стесняется меня. Выходи, я не кусаюсь, честное слово! И не обижайся, пожалуйста, за деревню.

Все засмеялись. Да уж, такая не пропадёт!..

Людмила постаралась, стол получился богатый — выражала таким образом свою признательность за Генку-Рустама. У того после операции всё было нормально, уже вернулся домой. Пить, однако, перед рыбалкой не стали, это лучше делать после.

Наст был крепкий, искать снегоход, чтобы доставил к озеру, не понадобилось. Пошли пешком. Александр Михайлович сменил очки, надел тёмные — день, как и все в последнее время, был солнечный, наст горел холодным белым огнём.

— После института я работал в Якутии. Там ваш посёлок был бы центром мировой цивилизации. — Врач перехватил поудобней лямку своего рыбацкого ящика. — Кстати, клюкву не забыл? Проверим твою наживку. Я на всякий случай мотыля купил... Так вот, самое плохое время для охотников-якутов — это когда наст и солнце. Светофильтры достать тогда было трудно, якуты сами себе очки мастерили. Технология элементарная. Берётся кожаная лента, подгоняется по голове, делаются прорези для глаз — и вперёд! Иначе ослепнуть можно, не до охоты.

— У здешних хантов тоже так было, мне рассказывали. Слушай, может, потому у всех у них глаза узкие, потому что щуриться всё время приходилось?

— А китайцы? У тех снега почти не бывает.

— Ну, может, от песчаных бурь щурились. У них есть большая пустыня, по телевизору показывали.

— Прочему тогда у арабов нормальные глаза? У них одна Аравийская пустыня чего стоит... — Александр Михайлович вдруг повернулся к Айтышеву. — Как думаешь, наши по посёлку пошли или у компьютера сидят? Я специально Аню взял с собой, чтобы побыла на воздухе, подышала фитонцидами.

— Не говори. Подседа молодёжь на компьютерные игры, они им жизнь заменяют. Ладно бы молодёжь, моя Людмила тоже. Поверишь, до ругани иногда доходит...

Такие разговоры велись до самого озера. Айтышеву хотелось говорить о последних событиях, но врач сам не спрашивал, а с какой стати грузить человека?..

А рассказать было что. Кроме письма в районную администрацию, написали ещё и в прокуратуру. Из администрации ответа пока не было, а от районного прокурора приезжал неприметный человек с серым, будто присыпанным пеплом лицом. Он походил между пнями расширяющейся с каждым днём вырубки, покивал на слова Айтышева, Кузьмича и ещё нескольких оказавшихся там мужиков.

— Нам что, пикеты проводить, как шахтёры на Горбатом мосту? Под агрегат лечь?..

— Это экстремизм. Есть статья, — сдержанно заметил человек из прокуратуры.

— А что тогда делать? Они даже при вас продолжают! Незаконное ведь дело, самовольное!

— Ждите решения.

— Сколько ждать?! Скоро от кедрача ничего не останется!

— Давайте без эмоций!..

Походив по гриве, понаблюдав за работой лесовалочного агрегата, человек из прокуратуры уехал. После его визита ничто не изменилось, кедрач продолжали валить.

Айтышев был недоволен собой. Мало того, что на выходе из посёлка не хотел, а всё же скопил глаза — на месте ли банька?.. Ведь запросто могут сжечь. Тот же упитанный директор с серьгой в ухе и полированными ногтями своих настропалит. Чтобы Айтышев не гнал волну и чтобы другим было неповально. Может, он ещё кому-то на хвост наступил — погреть руки на денежном деле желающие всегда найдутся. Так что исполнители — не проблема.

Но дело не только в этом. Раньше Айтышев и пикет организовал бы, и первым бы под траки лёг. Или поджёт бы ночью валочный агрегат, как Лёня Соколкин собирался. Он помнил волну победительной ярости, которая охватывала его в молодости. Теперь осторожный слишком стал...

Ему, салаге, в первом карауле хотели устроить “присягу” — бляхой врезать несколько раз по заднице, чтобы синие звёзды остались. Практически все через это проходили. Кто добровольно не соглашался, наваливались всей караулкой, заламывали руки. Айтышев тогда бросился к оружейной пирамиде,

выхватил АКМ, загнал рожок и сбил вниз предохранитель. “Оборзел, салага! Поставил автомат! Мухой!..” Чувствуя, как ощерились зубы, как ударила в голову кровь, он передёрнул затвор. Осталось нажать на спусковой крючок. Он готов был это сделать — и сделал бы, в караулке это поняли. “Оставьте его, — сказал сержант. — Он бешеный”. Айтышева оба армейских года так и называли бешеным, старались не связываться.

Озеро угадывалось по ровной, без намётов поверхности. Кое-где чернели согнутые фигуры рыбаков. Александр Михайлович первым выбрал себе место, принялся разгребать снег, сам Айтышев пошёл дальше. Как всегда перед рыбалкой, его приятно познабливало. Он просверлил лунку, насадил на жало морышки отошедшую в кармане клюкву. Посмотрим!.. На клюкву ему самому ловить ещё не доводилось, только слышал от мужиков, что хорошо берёт окунь.

Не клевало. Айтышев играл удочкой, время от времени переставая, однако резиновый “кивок” оставался неподвижным. Он просверлил лунку на новом месте, но и там окуня не оказалось. Айтышев оглянулся на Александра Михайловича. Тот сосредоточенно склонился над своей лункой, ловится у него или нет, издали было не разобрать. Апрельское солнце понемногу двигалось по чистому небу, ощутимо пригревало спину даже сквозь тёплый комбинезон — память от работы вышкомонтажником.

Когда он перебрался на четвёртое или пятое место, глухо под одеждой заиграл телефон. Чертыхаясь, Айтышев долго доставал его.

— Валерий, нас приглашают на уху, — сказал Александр Михайлович. — Как думаешь?

Айтышев оглянулся. Рядом с врачом виднелась ещё одна далёкая фигурка. Появляться с несколькими рыбёшками было стыдно, но по голосу Александра Михайловича стало ясно, что тот не прочь принять приглашение.

— Ты на что ловишь? — стремительно подался к нему Федосов, когда Айтышев подошёл. Федосов, представитель энергетической компании, которой в посёлке платили за электричество, был сравнительно новым человеком. Но был он коммуникабельным, со всеми уже был знаком и на “ты”.

— На клюкву.

— И я на клюкву! Полным-полна коробочка, могу поделиться опытом!.. — так же стремительно, не договаривая слов, бросил Федосов.

К этому человеку нужно было привыкнуть. Быстро Федосов не только говорил, но и двигался, глаза его ни на секунду не оставались спокойными, всё время сметливо прыгали. Казалось, там, где обычный человек проживает минуту, Федосов проживал несколько. Чем-то он напоминал хищного, беспокойного соболя. Про Федосова говорили, что человек он толковый, знает много, но по пьянке дурной.

— Секрет прост, я на вегетарианцев попал, а вы — на плотоядных! Скажите спасибо, не обиделись, в лунку не утащили, клюква — оскорбление для плотоядных!.. — Федосов не засмеялся, а лишь бегло, вскользь ухмыльнулся, будто думал в это время о чём-то ещё.

По тому, как весомо и прочно стоял на насте его рыбацкий ящик, было ясно, Федосову действительно повезло больше. В ловле на клюкву, похоже, существовала какая-то тонкость, Айтышеву неизвестная.

— Ну, что, ко мне на дачу, господа офицеры? Уху сварим, водочки выпьем — мужская компания, святое дело, в субботу — сам Бог велел! Михайлич, велел тебе твой Бог в шабат или как?..

Оказалось, Федосов не так давно тоже был пациентом Александра Михайловича. Аппендикс, отсюда и знакомство.

— Ну, что, мужики, по коням? Здесь у меня на тройную уху хватит, слово джентльмена!..

Без особого желания Айтышев двинулся за Федосовым и врачом. Минули слепящую поверхность занесённого снегом озера, свернули на дорогу к дачным участкам. Она была основательно перемолота. Вместо наста — весенний крупчатый снег, а сверху, по прессованным следам отпечатавшихся крупных протекторов, похоже, прошли волоком брёвна.

— Строится кто-то? — поинтересовался Айтышев, всматриваясь вглубь участков, где находилась его банька. Отсюда уже было всё хорошо видно.

Зимой он банькой почти не пользовался — участки заносило снегом, не пройти и воды не подвезти.

Цела, слава Богу!..

Вместе с облегчением Айтышев почувствовал досаду. Что-то было не так, слишком гладко всё шло. В телевизионных сериалах такому, как он, давно бы устроили подлянку. По телефону бы, например, угрожали, подстерегли бы в подъезде, машину сожгли или ту же баньку.

По телефону — ладно, от стационарного они с Людмилой давно отказались, а на мобильник звонить — значит, засветиться, оставить свой номер. Но почему же так тихо, не достают? Это хорошо, конечно, однако Айтышев чувствовал себя уязвленным. Его не принимают всерьёз? Считают безобидным треплом?..

На вопрос о строительстве Федосов ухмыльнулся:

— Ванятки Волобуева дела. Он каждый день лес возит, бизнесмен наш неугомонный.

— Откуда? — Айтышев задержал на Федосове взгляд. Не потому, что тот по неизвестной причине всё время ёрничал. С недавних пор в посёлке можно было видеть свежие, пахнущие корой и скипидаром бревна: мужики тоже откуда-то возили.

— А кто его знает, Ванятка конспиратор известный. Говорит, бани на продажу буду строить, в городе на них, говорит, огромный спрос, настоящий бум, можно сказать!..

Дача Федосова напоминала скворечник, однако внутри оказалась довольно просторной. А главное, к ней было подведено электричество. “Ещё бы, — хмыкнул про себя Айтышев. — Своя рука владыка!” В его баньке приходилось пользоваться аккумуляторным фонарём.

Уху решили варить по-хантыйски. Окуней не чистили и не потрошили, лишь выдавили содержимое кишечника. На даче у Федосова оказалось всё необходимое, вплоть до рюмок. Когда вышили по первой, Александр Михайлович сдержанно удивился:

— Если ближе к городу, божжи давно бы всё вынесли, в том числе вилки и ложки. А почему нет — цветной лом!

— Здесь не балуют, здесь отношения патриархальные, — отозвался Федосов, проворно снимая с окуня кожу вместе с чешуей. Тут же с удовольствием облизал пальцы. — Другой вопрос, надолго ли. Прогресс штука такая, не все ещё на этот счёт въехали. Ждать манны небесной сейчас не приходится. Это коммунисты обещаниями избаловали, светлое будущее и всё такое, вперёд и выше!.. Ладно, как там народная мудрость гласит: “Между первой и второй промежутки небольшой!” Разлили и погнали!..

Раньше среди окончивших институты людей Айтышев чувствовал себя не в своей тарелке. Не то чтобы тушевался, но неуверенность была. Однако со временем понял: основа у всех одна, мужику с мужиком всегда найдётся, о чём поговорить. А то, что один умнее, а другой глупее — от образования или должности не так уж и зависит. Особенно это было заметно по женщинам: соберутся — по разговорам и не различишь, где директор школы, а где техничка.

И всё же к людям с высшим образованием Айтышев относился с уважением. Потому промолчал, когда Федосов заговорил о нём так, будто его рядом не было.

— Взять хотя бы этого персонажа! Наверняка не знает о Канте, даже имени не слышал, а пожалуйста!.. — Федосов, не глядя на Айтышева, ткнул в его сторону пальцем. — “Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас”. Хорошо? Это как сказать! Когда у нас герр Иммануил жил? Во-о-т, в восемнадцатом веке! А сейчас какой, где поправочка на время, спрашиваю я вас, господа офицеры? Или всё остановилось, до основы дошли, постигли и poznали, дальше никак?

Айтышев весело посмотрел на Александра Михайловича. Ну, и разговоры! И выпил-то Федосов немного. Но врач, не отозвавшись на взгляд, с виновным видом спросил:

— Что, и звёздного неба уже нет?

— Ладно тебе, Михалыч, ты всё прекрасно понимаешь, не придуривайся!.. Вот он бьётся за кедрач, посёлок на уши поставил, а что можно сде-

лать, если страна объявлена зоной свободной охоты? Власть сказала: “Ребята, дерзайте, кто может, — проблем не будет!” Какой, на хрен, нравственный закон, с чем его едят?! Самому подставляться? Персонаж ...пардон... против ветра, а это накладно: и брызги летят, и вонять будешь!..

Александру Михайловичу, похоже, стало неловко. Словно извиняясь за Федосова, он взглянул на Айтышева и хотел что-то сказать, но Федосов не дал:

— Стой, Михалыч, стой! Знаешь, что американцы говорят? Их философы, имею я в виду. Универсальной истины нет, в смысле, одной на все времена. То, что оправдывается на деле, — то и есть истина! Здесь и сейчас. Сегодня такая, завтра — другая, послезавтра — третья, главное, чтобы результат был, остальное — “бла-бла-бла”! Сотрясение воздуха!..

Прыгая глазами, беспрестанно меняясь в лице, выплевывая на стол кости, Федосов принялся рассказывать о городке, где жил раньше. У них было градообразующее предприятие, выпускавшее химудобрения. Во время перестройки удалось добиться его закрытия — в городке росли детская смертность и число выкидышей. Возглавлял движение учитель биологии, хороший знакомый Федосова. При Ельцине учителя избрали председателем горисполкома, потом мэром. Когда началась приватизация, предприятие открыли опять, у мэра оказался контрольный пакет акций. Детская смертность и число выкидышей снова подскочили, но речи о закрытии больше не шло.

Айтышев спросил:

— Это ты к чему? — Сидеть и молча слушать, как разглагольствует Федосов, было неприятно.

Тот на него и не взглянул. Продолжал с таким напором, будто убеждал не его с Александром Михайловичем, а кого-то ещё:

— Философия времени следующая: урви, возьми, стань богатым! Как — неважно! Россия — зона свободной охоты. И не надо на Путина всё сваливать, не надо! Он развал страны остановил, уже за одно это ему памятник из золота надо поставить. При коммунистах кто-нибудь выкнул бы насчёт кедрача? Да никогда! Валят — значит, так надо. Не наше дело, государству виднее. Сейчас хотя бы можно возникать, мнение своё иметь!..

— “А Васька слушает да ест”, — вставил Александр Михайлович и осторожно улыбнулся. После водки лицо у него всегда краснело, но как-то необычно, пятнами.

— И хрен с ним, с Васькой, пусть ест! Россия по-другому существовать не может. Коррупция, чиновники, суды — хрен с ними! На нашей почве другие овощи не произрастают. Убери — рассыплется всё к чёртовой матери! Для другого содержания другая форма понадобится. Понимаешь ты это, пролетарий? — Федосов неожиданно повернулся к Айтышеву, упёрся в него злым взглядом. Сейчас он особенно был похож на беспокойного, хищного соболя. — Героем себя чувствуешь? Все вокруг — в говне, а ты — в белом? Включи мозги, если они у тебя есть. Хочешь, чтобы страна развалилась на двадцать или там тридцать огрызков? Что тебе дороже, Россия или Кант, а?..

Федосов явно нарывался, но Айтышев отвечать не стал. Выпрямившись, застыл с неподвижным лицом. Он насторожился ещё тогда, когда пол под ногами стал мелко дрожать. А когда в дощатые стены дачи туго ударил звук мощного двигателя, быстро поднялся и вышел за дверь.

Федосов сказал правду. Мощный К-701 тянул связку строевого леса. В кабине, неотрывно глядя прямо перед собой, сидел Иван Волобуев. Айтышева он не увидел, хотя дверь дачи выходила прямо на улицу.

Насчёт тягача Иван мог с поселковым цехом ЖКХ договориться. А откуда брёвна? Неужели?..

— Какое, на хрен, гражданское общество! Развалится всё к чёртовой матери! — горячился Федосов, когда Айтышев вернулся в помещение. Александр Михайлович слушал, уклончиво отводя глаза. — Повторяю для тупых: новому содержанию понадобится новая форма! Знаешь китайское проклятие: “Чтоб ты жил в эпоху перемен”? Хватит, ребята, сыты! Приспособлявайся, а не выступай, слышишь, пролетарий? Что, самый честный? Рухнет страна — всем пец! Ориентируйся, возьми для себя! Думаешь, я от радости это говорю, *кайф ловлю*? Хрен вам!.. — Федосов на секунду умолк, потом с обидой сказал:

— Ладно, он пролетарий, но ты-то, Михалыч!.. Странно, что приходится объяснять элементарные вещи *анду*. Честно говоря, я о вашем племени был лучшего мнения.

Терпеливая снисходительность на лице врача перешла в смущение. Что такое “*анд*”, Айтышев не знал, но тон Федосова ему давно не нравился. Хамски себя ведёт, неуважительно. И матерится не по делу. Небольшой, но начальник, так следи за собой, держи себя в руках.

— Ты своих детей тоже этому учишь? — спросил он, чувствуя, как внутри начинает ползузабыто подрагивать.

Федосов вскинулся:

— А что, пусть неудачниками станут, *лузерами*?.. Спасибо, батяня, за подготовку к жизни! Новое поколение должно быть другим, а то не выживут. Это вам всё равно, недолго осталось, скоро лапты склеите. Будет тогда вам и нравственный закон, и звёздное небо, и кофий с какао в постель по утрам!..

Очень хотелось ему врезать. Айтышев даже знал, куда ударит. Но ни лежачего, ни сидячего бить нельзя, это он ещё в детдоме усвоил.

— Ну-ка, встань.

— Валерий, Валерий! — быстро всё поняв, Александр Михайлович поднялся, раскинул руки. — Да вы что, взрослые люди! Брось, Валера, мы в гостях!..

— В гробу я такого хозяина видел. — Айтышев с трудом оторвал взгляд от переносицы Федосова. Действительно, дурак дураком, когда выпьет. Зря они пошли к нему. — Ладно, Саш, ты как хочешь, а я домой.

Врач догнал его уже в посёлке. Сказал сквозь одышку:

— Вот такая судьба. А на вид вполне благополучный человек.

— Обычный прохиндей, — бросил на ходу Айтышев. — Член правящей партии. Сейчас всё начальство там, как раньше в КПСС.

Александр Михайлович мягко возразил:

— Не так всё просто, Валера. Он мне рассказывал о себе. С этим мэром они были друзьями, это потом ему пришлось уехать в нашу Тмутаракань. По сути, бежать. Попробовал, как в перестройку, поднять волну, чтобы завод закрыли. А поезд ушёл... Дело на него завели: экстремизм, подстрекательство и всё такое. Сам понимаешь, как это сейчас делается... В общем, разное в его биографии было.

Айтышев помолчал. Потом сказал:

— А я думаю, кается. Испугался, что не так себя вёл.

Александр Михайлович, о чём-то, видимо, подумав, пристально посмотрел на Айтышева. Но говорить ничего не стал.

7

В день собрания он вышел из дому за час до начала. Усидеть в четырёх стенах невозможно: внутри у Айтышева работает бешеный моторчик — с самого утра, когда оператор валочной машины предложил взять брёвна. Если не двигаться, не идти куда-то, не перекинуться с кем-нибудь словом, моторчик внутри пойдёт вразнос.

— Не забыла? — говорит он и строго смотрит на Людмилу.

— Что я должна не забыть? — не сразу отвечает жена и отводит глаза. Она прекрасно понимает, о чём речь, и только делает вид, что не догадывается.

— Ты это брось! — Лицо у Айтышева темнеет. Он знает, откуда это недоумение, и ему в очередной раз становится досадно. Как всё-таки жена переменилась в последнее время! До неё никак не дойдёт, что дело серьёзное. — В случае чего наденешь, в чём в лес хожу. Никаких костюмов. На ноги — унты. Поняла?

— Весной — унты?..

— Не твоё дело.

Жена смотрит на него и разве что головой не качает.

— Опять собрался людям глаза открывать? Ещё не надоело?.. Что ты меня позоришь? — Не будь она учительницей, начала бы кричать. Но в Людмилином голосе только усталость.

Айтышев не считает нужным отвечать ей. Баба, хоть и с высшим образованием. Для них главное, чтобы в гнезде было хорошо, остальное — по бабабану. А супружеский долг не выполняет!

На дворе опять солнце, голубой апрельский воздух, вытаявшая бетонка улицы. Но Айтышев почти не замечает этого — всё мимо. Мимо и первая невестка Светка, которая гуляет с Аришкой по уже подсохшим кое-где плитам. На внучке пуховый комбинезон, их с Людмилой подарок ко дню рождения. Айтышев наклоняется к внучке, заговаривает, фигуристая Светка смотрит косо — считает, что это он развёл их с Генкой. Дура, из-за одной только Аришки не стал бы! Он всю жизнь хотел дочку, а родились ребята.

Но и об Аришке он думает сейчас мельком, невнимательно. А когда видит машущего от своего подъезда здоровой рукой бывшего технолога Ваулина, отворачивается. Не нужна ему сейчас эта встреча — размагнитит, собьёт настрой. Жизнь в любой момент может превратить тебя в спонявого идиота, это так, да, хотя неправильно и горько. Но пока здоров — живи, не прогибайся, держись! А что будет потом — то будет, здесь уж от тебя не зависит.

О чём-то подобном он уже догадывался. Иван Волобуев со своим баннным бизнесом, свежие хлысты по посёлку, ещё этот оператор в оранжевом комбинезоне сегодня утром... Поэтому не особенно удивился, увидев возле Кузьмичёвых ворот десяток брёвен с мёдового цвета свежими спилами.

— Хороши? Первый сорт, прогонисты! — довольно говорит Кузьмич, появляясь из-за высокой глухой калитки. Смущения ни в голосе, ни в лице его не заметно.

Выступать на собрании Кузьмич теперь не станет — купили! — хотя Айтышев на него рассчитывал. И оттого, что Кузьмич неловкости не чувствует, Айтышев играет желваками.

— Нам что, от кедрача вообще ничего?.. — Кузьмич вроде бы оправдывается, но не очень. — Мне в стайке нижни венцы менять надо, а тут бесплатно предлагают. Отказываться, что ли?

Айтышев не отвечает. Сколько раз его в жизни подставляли, а всё тяжело, будто впервые.

Возле крыльца Дома культуры несколько чёрных иномарок — районное начальство уже прибыло. Здесь же милицейские “Газели”. Как водится, сначала пошли по посёлку. Цех ЖКХ, врачебная амбулатория, школа, детский сад “Солнышко”... Пообщаться с бюджетниками перед скорыми муниципальными выборами начальству не помешает. Не обойдут и экспедицию, но только офис — там уже чужая епархия, районному начальству не подвластная... Айтышеву всё это давно знакомо.

Он поднимается по крыльцу Дома культуры, сдаёт в гардероб куртку, хотя раздеваться здесь не принято — ДК холодный, строился давно, чуть ли не при Свиридове, с печным отоплением. Но Айтышеву важно, чтобы была видна его медаль за освоение недр Западной Сибири. Он здоровается со знакомыми, отвечает на шутки, но опять всё вскользь, невнимательно, моторчик внутри продолжает бешено крутиться.

— Здравствуйте, — подходит к нему девушка с микрофоном. — Я корреспондент районного телевидения. Вы не могли бы рассказать для нашей аудитории о нынешнем дне посёлка? Людям важно мнение заслуженного человека.

Вслед за девушкой проталкивается парень с камерой на плече, бросает на корреспондента взгляд — готов работать.

Айтышев хмыкает. На такое внимание к своей медали он не рассчитывал, она для своих. Лестно, конечно, но вряд ли станут эти ребята кусать кормящую руку. Хотя все может быть, не один же он такой.

— Предлагаю после собрания, — дипломатично говорит Айтышев. — Отвечу на любые ваши вопросы. Только уж не забудьте, ладно?

На лице девушки — лёгкое разочарование.

— Хорошо. — Она ищет глазами, к кому из поселковых можно ещё подойти.

Рядом с Айтышевым появляется и как ни в чём не бывало протягивает ему руку Федосов. Айтышев удивляется: такому хоть плшой в глаза — всё Божья роса!.. Людей в вестибюле прибывает, обычно на собрание идут не

очень охотно, но сейчас всех интересует будущее экспедиции. Может, районное начальство сообщит что-нибудь обнадеживающее.

Петлеваный постарался, дал ценное указание. Вдоль стен — выездная торговля, как бывает только в дни выборов. За лотком с выпечкой, соками и шоколадками Айтышев видит Генку. Торгует, не стесняется, хотя это и не мужское дело. И совсем уж ни к чему расшитая серебром бархатная национальная шапочка на его голове.

— А где Альфия?

— На сохранение положили, вчера отвёз... Что будешь, ата? Рекомендую тёмный шоколад, московская фабрика, отменное качество.

— Ата... — Айтышев хмыкает. — Сейчас видел Аришку, красивая девочка растёт.

— У нас парень будет.

— Батыр?

— Да, батыр, — серьёзно соглашается Генка.

Выездная торговля — не единственная новость. Айтышев подходит к зеркалу, чтобы посмотреть, не скособочилась ли медаль, и видит в нём Валентину Галушко. Оборачивается. Валентина вышла из кабинета заведующей Домом культуры, на руках у неё двойняшки. Лицо раскраснелось, глаза далекие, рассеянные — Валентина вся ещё там, в кабинете.

Оказывается, туда целая очередь. Приём по личным вопросам?.. Раньше его проводили отдельно, специально приезжали работники администрации. Решили на этот раз провести перед собранием. Чтобы меньше крика и претензий было на собрании?.. Грамотно. Но для Айтышева плохо.

— Ой, не знаю! Ничего не знаю!.. — громко, на весь вестибюль делится Галушко. — Обещать-то обещают, сочувствуют, а как на деле будет? Восемь человек в трёхкомнатной, на головах друг у друга! Разве нет пустых квартир в посёлке? Да полно, сколько народу уехало!.. Ипотеку я не потяну, пусть помогают, будущих налогоплательщиков воспитываю!..

Валентина почти кричит, но больше по привычке. Похоже, в кабинете она добилась своего. Не сбавляя голоса, с детьми под мышками (так нести удобней) она уходит из Дома культуры.

Ещё один человек минус, отмечает про себя Айтышев.

Зато есть люди, которых лучше бы здесь не было. Нарядно одетые сотрудники ДК начинают приглашать всех в зал, и тут из задвигавшейся толпы появляется Лёня Соколкин. Он хватается Айтышева за руку, принимается с жаром трясти.

— Молодец! Молодец!..

Лицо у Лёни сияет, глаза безумные, руку он трясёт так, что того и гляди — оторвёт. Айтышев выдёргивает её, косится по сторонам, заметил ли кто. Хорош единомышленник!.. В зале он говорит пытающемуся сесть рядом Лёне:

— Здесь занято. Здесь тоже. Иди на задние ряды.

Первому, естественно, дают слово главе районной администрации. Тот начинает рассказывать, сколько за последние четыре года построено и отремонтировано в районе жилья, в каких населённых пунктах введены водоочистные комплексы и КОСы, сколько проложено километров подъездных дорог и каких успехов добились спортсмены. Конечно, и о патриотическом воспитании молодёжи тоже.

Глава районной администрации моложав, раньше возглавлял газоперерабатывающий завод. Это его первый срок в должности, но, похоже, не последний. Говорит глава и об их посёлке. Один из самых живописных населённых пунктов района — вековая тайга, река, озёра, отличная экология. Нет проблем с жильём, а это в районе редкость, в хорошем состоянии школа и детский сад. Но Дом культуры до сих пор без централизованного отопления — это плохо. В ближайшее время вопрос будет решён, средства выделены, есть фирма, которая готова их освоить. Выделены средства и на проектирование участковой больницы, врачебная амбулатория для такого посёлка — вчерашний день. Также есть фирма, которая освоит выделенные средства. Администрация знает о ситуации, в которой находится экспедиция, и готова помочь тем, кто хочет открыть собственное дело. Малый бизнес —

резерв, который необходимо задействовать, это рабочие места и поступления в бюджет.

— Если есть вопросы, я готов ответить, — заключает выступление глава и внимательным взглядом обводит зал. — Пожалуйста.

Какое-то время тихо. Это потом люди разойдутся, а пока начинать первым никто не решается. “Давай!” — командует себе Айтышев и поднимается.

— Вы так хорошо рассказали нам о нашем посёлке, будто бы мы не живём здесь, а прилетели с Марса. Большое вам спасибо!..

Айтышев чувствует, как замер зал, не зная, как реагировать: шутка это или издёвка? Видит подавшегося к главе района и что-то тихо говорящего ему Петлеванного. Петлеванный тоже в президиуме — сидит, как полагается на таком собрании, по правую руку от главы.

Айтышев ощущает в себе такую уверенность и силу, что пальцы, сжавшие спинку кресла впереди, продавливают дерматин, проваливаются сквозь него и поролон до металлической основы. “Спокойно! — радостно сдерживает он себя. — Спокойно!..”

— Давайте по существу, — говорит глава.

— Хорошо, по существу. Меня интересует, почему районная администрация не считается с мнением людей? Две недели назад мы написали коллективное письмо, реакции — ноль! Мы обращались в прокуратуру, реакции — ноль! Почему так, хочу знать?.. Вы красиво говорите про экологию, а у нас рубят кедрач, больше половины уже вырубил. Как людям жить? Как жить малоимущим? Вы знаете положение с заказами в экспедиции, скоро мы все малоимущими станем. Почему не можете остановить жуликов? У вас власть!..

Айтышев поворачивается к залу. Он обойдётся без купленных хитриванов, но интересно знать, как остальные отнесутся к его словам. У большинства лица внимательные, сочувствующие, но есть и насмешливые. Некоторые смотрят безразлично — этим всё равно, справедливость им не нужна. Кузьмича не видно, может, вообще не пришёл на собрание. Иван Волобуев сидит с постным выражением лица, смотрит прямо перед собой. Федосов прикипел глазами, подался вперёд, его хищноватое быстрое лицо заострилось ещё больше. Всплывают слова Александра Михайловича, когда они возвращались с дачи: о бывшем перестройщике, дорвавшемся до власти. “Точно! — озаряет Айтышева — Точно!..”

— Или вы не хотите ничего делать и специально не останавливаете воров? У самих рыльце в пушку — акционеры этого самого ЗАО, которое валит кедрач?.. А что, дело выгодное, кедровая древесина дорогая!.. Или откат отрабатываете, что разрешили? Чего молчите? Люди должны знать, кому спасибо сказать, кому в ножки кланяться!..

Теперь уже оглядываются на него. Весь первый ряд в зале занимает милиция, в основном немолодые, с животами майоры и подполковники. Всё, что происходит вокруг, Айтышеву врезается в память сейчас отчётливо и остро. В президиуме — директор экспедиции. Приблизив к главе района лицо в очках, он что-то говорит, как недавно Петлеванный. И этот характеризует его. Как — понятно.

— Вы говорите общие слова. Вы кого конкретно обвиняете?

— Вас! Вы руководитель, вы должны отвечать за то, что происходит в районе. Развели коррупцию, сволочи продажные!..

Зал, и раньше тихий, замирает. Такие слова начальству... В этой тишине слова главы района звучат особенно веско:

— Ваши обвинения в мой адрес безосновательны. Я подам на вас в суд за клевету и оскорбление.

Ответить Айтышев не успевает.

— На меня подайте в суд! На меня!.. — громко заявляет в дверях Валентина Галушко. И проходит в зал, останавливается перед сценой.

Она отнесла детей домой и вернулась. Для Айтышева это приятная неожиданность.

— Из комиссии уже приезжали, сказали, что мало у меня на одного ребёнка метража приходится. Заберём, говорят, в приют. Я при всех предупреждаю, ещё раз приедут — убью! Где это видано — у матери детей забирать! Са-

жайте!.. Раньше ореха наколотим, грибов наберём, ягод, а сейчас чего? Куда идти, где брать? Валерка Айтышев правильно говорит: как нам жить? Это ещё муж пока работает, а сократят?..

Айтышев подхватывает:

— Почему нельзя ничего добиться? Почему? Вон сидит с вами рядом, глазки опустил. Имущество экспедиции втихаря распродаёт, назначил себе зарплату, столько целая бригада не получает. Почему? Где справедливость?

— Правильно! — опять вступает Валентина. — Поносите советскую власть, а сами? Зажрались! По карманам всё рассовываете, вы ещё хуже!

— Что им наше мнение? С них как с гуся вода. — И Айтышев опять поворачивается к залу, повторяет недавно слышанное. Оно ему кажется сейчас таким горьким и точным: — “А Васька слушает да ест”!

— Верно, слушает и ест. Никак не нажрётся, — замечает кто-то в задних рядах.

— Порву!.. — вдруг раздаётся в зале. Это кричит Лёня Соколкин. — Медведев сказал, Путин сказал!.. Бороться!.. Коррупция!.. Калёным железом! Покажите мне!.. Медведев, Путин!.. Порву!..

С первого ряда на Лёню поначалу оглядываются с ухмылкой: вот дурачок, всерьёз принимает кремлёвские речи... Но ухмылки скоро исчезают. Вид у Лёни дикий. Те, кто сидит рядом с ним, отшатываются в стороны. Лёня продолжает несвязно выкрикивать, его пытаются успокоить. Наконец, два милиционера помоложе направляются к Соколкину, выводят его из зала.

— Вызовите медика, — распоряжается глава районной администрации, поднявшись и зачем-то одёргивая пиджак. Он неодобрительно смотрит на Валентину и Айтышева. — Критиковать все имеют право. Но надо иметь в виду, в зале могут находиться нездоровые люди... Какие ещё будут вопросы? Задавайте, я потом отвечу на все по очереди.

Айтышев не согласен. Приём известный: хочет заболтать, спустить на тормозах.

— А зачем откладывать? Отвечайте сейчас! Мы хотим знать, почему администрация не реагирует на коллективное письмо! — Полузабытое победительное чувство несёт Айтышева, он знает, от его напора и воли многое теперь зависит. Практически всё.

— Вот именно! — подхватывает Валентина. Но женщина есть женщина — сбивается на своё:

— Пособие на детей — слёзы, материнский капитал трогать нельзя, а как растить детей? Вы в магазинах давно были? Зайдите, поинтересуйтесь! Или у жены спросите. Сейчас что на взрослого купить, что на ребёнка — цена одна! Демографию они поднимают, рождаемость увеличивают!..

Одни в зале поддерживают её, другие хотят знать, что будет с экспедицией. Айтышеву и Валентине это тоже интересно, и они на время замолкают.

Ничего нового. Глава поднимал вопрос перед губернатором, но нефтедобывающие компании — давно уже коммерческие структуры, заставляя их делать заказы на разведочное бурение — значит, идти против принципов рыночной экономики. В Совете Федерации есть депутат от региона, он лоббирует государственное финансирование геологии. Наметились кое-какие сдвиги в этом вопросе.

Зал молчит. Хорошего мало.

— Надо рвать когти, — раздумчиво говорит кто-то. То ли шутит, то ли всерьёз. Наверное, молодой. А куда уедешь, если семейный, здесь квартира и другой профессии нет?..

Глава администрации старается не упускать инициативы. Обещает сделать всё, что от него зависит. Снова предлагает желающим заняться малым бизнесом, открыть собственное дело. Поворачивает голову к директору экспедиции, может, тот хочет что-то сказать. Но директор опускает очкастое лицо, смотрит в стол и молчит. Его должность от выборов не зависит.

Поступают вопросы о тарифах ЖКХ, вопросы помельче. Генкин тесть, бывший заведующий ОРСовским магазином, а теперь его владелец, предлагает построить в посёлке мечеть. Он круглолиц, курнос, светловолос — и не скажешь, что татарин. Наверное, казанский. Как обычно, жалуются на ка-

чество воды. Когда начнётся строительство КОСов? Жидкие бытовые отходы сливают за посёлком, загадили лес. Правда ли, что после выборов вырастут цены на автобусные билеты до города?..

Всё, как всегда. Кое-где люди уже поднимаются и, стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку выходят из зала.

Когда глава администрации начинает отвечать на поступившие вопросы, Айтышев следит за каждым словом. Его непримиримость и сила должны передаться другим. Как только в словах главы появляется пауза, он тотчас вклинивается. В голосе такой накал, что собравшиеся было уходить останавливаются в дверях.

— Прежде всего, я хочу поблагодарить вас... — неожиданно заявляет глава района и смотрит в листок перед собой. — Валерий Ильясович. Поблагодарить за то, что вы неравнодушный, болеющий за дело человек. Что близко к сердцу принимаете всё происходящее в посёлке. — Лицо главы администрации озабоченно-серьёзное. — Я взял на заметку ваши вопросы. То, что с кедром происходит, безобразно, если соответствует действительности. Я сейчас не готов ответить по существу, мне понадобится день-два, чтобы разобраться и наказать виновных, если таковые окажутся.

Айтышев не знает, как отнестись к его словам. Хитрит? Хочет сбить градус?.. На всякий случай заявляет:

— Я сказал правду. Можем пойти прямо сейчас на гриву, сами убедитесь. Предупреждаю, если валить кедров не перестанут, я подам в суд. Конкретно на вас! Вы покрываете коррупцию. Пилите бюджет и за откаты подкармливаете нужные фирмы!..

Последние слова он говорит почти наугад, хотя некоторые детали доклада главы администрации дают основания так думать. Но и теперь глава остаётся невозмутимым. Лишь первый ряд опять оборачивается к Айтышеву. Лица у милиционеров недобрые.

В вестибюле после собрания Айтышев чувствует, что он здесь особый, чужой. Люди, негромко переговариваясь, выходят из зала, их много, большинство досидели до конца. Но вокруг Айтышева — пустота. Никто от него не шарахается, но и не заговаривает, не шутит. Все стараются не встречаться с ним глазами. В том числе и мелькнувшая рядом девушка—телевизионный корреспондент. Не подошла всё-таки...

Айтышев усмехается. К такому отношению ему не привыкать.

— Я о тебе в историю запишу. Достоин! — говорит, внезапно появляясь, Кузьмич. Взгляд его не юлит, как у других, лицо в сивой щетине выглядит довольным. Кузьмич всё-таки был в зале, сидел, наверно, где-нибудь в задних рядах.

Айтышев смотрит на него высокомерно.

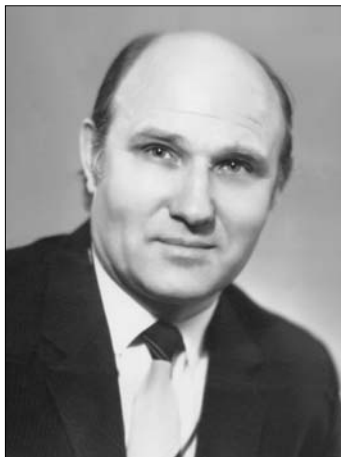
— Когда убьют, тогда запишешь. Тебе надо, чтоб человек пострадал. Так это скоро.

Домой он возвращается в одиночестве, попутчиков ему не находится. Неторопливо шагает, с удовольствием дышит апрельским воздухом, особенно вкусным после спёртого воздуха зала.

Перед подъездом своей “деревяшки” он вспоминает, что не взял фонарик. Но на улице ещё не стемнело, вряд ли кто в тамбуре его поджидает, светить в глаза не придётся. Просто на будущее надо иметь в виду: всё может быть.

Кедров вырубил и успели вывезти до распутицы. Глава районной администрации на Айтышева в суд не подал. Заявление на главу от Айтышева суд не принял. Айтышева никто не тронул.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ИСТОЧНИК ЛЮБВИ И СТРАДАНИЯ

* * *

Суровые годы. Тревожные дни.
Где други и братья? Мы снова одни.

Растёт исторических недругов рать.
Наглеет она... На кого уповать?

Все ждут, когда рухнем. Коль рухнем, увы,
То что будет с вами, подумали вы?

Бушуют калёные в мире дожди.
Ну, что ж... Лишь свои бы не сдали вожди.

Не пали бы духом. А нам не впервой
Смирять этот хаос вражды мировой.

* * *

Раскол!
И взвыл народ от боли.
Раскол. Распыл. Разброд. Разлад.
Так православных раскололи,
Что щепки до сих пор летят.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в Горьковской области. Там же начинал печататься как поэт. Автор более 10 стихотворных сборников. Ныне живёт в городе Тосно Ленинградской области. Член Союза писателей России.

О, Родина... В святой скудели,
Прозренья к смерти не тая,
Какие дочери горели.
Какие гибли сыновья!

И не страшась хулы и глума,
Хранили свой исконный быт.
А глас палящий Аввакума
И до сих пор не позабыт.

Те буйно-огненные вехи
Ещё нет-нет сверкнув в душе.
Сегодня, в двадцать первом веке,
Мы много поняли уже.

Раскол таит былые мины.
Но время — грозный властелин —
Диктует нам, что мы — едины.
Един народ
и дух един.

* * *

Не позабыть ваш путь кровавый!
Но есть же Бог...

И это мы
Погнали вспять, грома со славой
Все ваши тьмы, и тьмы, и тьмы.

Но так цинично и бесстыже,
Так зло,
как вы Москву тогда,
Мы не разграбили Парижа,
Не жгли в отмщенье города.

Такого благородства где-то
Поди найди в тот грозный час.
Не любите? Понятно это.
За что же ненавидеть нас?

* * *

Ноченька зимняя, ноченька звёздная,
Свет над землёй голубой.
Радость, любовь моя, грусть моя поздняя,
Что же мне делать с тобой?

Лунною пряжей деревни окутаны,
Речки, деревья, мосты.
Наши пути с тобой все перепутаны,
Знаешь об этом ли ты?

Всё засыпает небесной порошею,
Где доводилось нам быть.
Было бы вспомнить что в жизни хорошее,
Было бы что не забыть.

Пусть нас и даль остужает морозная,
Всё же держись, не тужи.
Ноченька зимняя, ноченька звёздная,
Музыка русской души...

* * *

В смиренном величье полей,
В могучем лесном бездорожье
Есть то, что всего нам милей,
Что целого мира дороже.

Чужой никогда не узрит
В печали степного дыханья,
Какой в ней источник сокрыт
И нашей любви, и страданья.

Не стоит страницы листать,
Не всё там рассказано честно.
Ведь что ей пришлось испытать,
Лишь Господу Богу известно.

Коль с нею душою ты слит,
Сквозь грозы, сквозь все неудачи
Россия опять устоит.
Ты только не думай иначе...

* * *

— Деревни нет. Пропало всё, пропало.
Нет ничего. Остался лишь намёк...

— А этот в небе

 месяц из опала,
Как сломанный девичий перстенёк?
А роща белоногая на склоне
с весёлым пеньем разноцветных птах?
А речка синей жилкой на ладони
долины,

 утопающей в цветах?

А эта даль... Гляди, глаза сужая.
А воздух, воздух! Надышись им впрок...
Была земля бы. Наша. Не чужая.
А избы будут.
Будут. Дайте срок.
Есть белый пар над вешними лугами,
над озерцом,
над дрёмой камыша.
Есть главное. Есть Родина. Есть память.
Всё, без чего не может жить душа.

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

ПТИЦЫ ВОЛЬНЫЕ

ПОВЕСТЬ

1

Серьёзное это дело — держать голубей. Желанна минута, когда выходишь во двор, с детства тебе такой знакомый, родной, идёшь по улице, где излазил каждую подворотню, где полуразвалившиеся, давно подлежащие сносу сараи ещё хранят твои мальчишеские тайны, проказы. Не торопясь, словно собираешься закурить, открываешь секретный замок и тянешь за дверную блесту голубятни.

Она, голубятня, лишь снаружи невзрачная, холодная от грубо оббитого листового железа. Внутри же совсем иное, там — жизнь. Настоящая, с лёгким запахом помёта и буры, потому что стены голубятни шелёваны сосновым тёсом.

И воркованье, приятно успокаивающее слух воркованье: вррр... Милые, наполняющие душу теплом звуки. Ну, как вы тут без меня, спрашиваешь ты голубей, хорошие вы мои, пернатые вы мои воркунята? Соскучились без меня? Поди, в небушко ясное хотите? А, чубатый? Иди, иди ко мне. Акробат ты мой... Не хочешь? В руки не хочешь. Понимаю, тебе бы в выси голубой кубарем порхать-вертеться. Ах, как ты красиво — кубарем-то! Особенно через хвост. Это — орловский белый, из породы русских турманов. Оперение у него белоснежное, а на голове от уха до уха чуб. И глаза — тёмно-коричневые, с белыми нежными веками. Раньше таких голубей покупали только на “лету”, а теперь... На птичьем рынке — туфта в основном, с точки зре-

КАРПУНИН Геннадий Михайлович родился в 1958 году в посёлке Щербинка Московской области. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Автор четырёх сборников стихов, нескольких книг повестей и рассказов, романа “Часовых дел мастер”. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ния лётных качеств. Таких, которые “высший пилотаж” делать могли бы, на рынке не купишь, редкость. Пашка видел “катуна” у каржатника одного: голубь вертелся в воздухе одиннадцать раз. Такие фигуры выделявал — дух захватывало: на большой высоте, кувыркаясь, опускался вниз и при этом переворачивался через голову. Загляденье!..

Ну, да ладно, погодите, сейчас выпущу. Всех выпущу. Налетааетесь вволюшку. И тебя, зобастый, выпущу, не сердись. Ишь, разворковался, пузырь! И тебя, мартын. И тебя, космач... Иди, иди ко мне, не бойся. Держи хвост колесом и не бойся. Вот так... И хвост же у тебя — славный! Не хвост — опухало султаново. На тебя Гундосый глаз положил, выменять просит, пару жёлтых почтарей предлагает... Что нахохлился, зафыркал? Ну же, я ведь пошутил. Я же тебя ни на кого не променяю. Хотя они знаешь какие — почтари?.. У них банты на грудке очень уж красивые. И ещё хохолок — пушистый, словно воротничок. Точь-в-точь как у нашей “англичанки” крепдешин.

Надо же, опять об училке вспомнил. Ну, ничего, обойдётся всё. А ты, трубочок, ступай к своей голубке. Сейчас выпущу. Всех. Отведёте душеньку. Только решётку открою и выпущу. Вот так. Летите теперь в небушко: вам парить, мне — как в той песне: пальцы в рот и весёлый свист. Ну же!.. Летите. Вот так, замечательно. Ах, какие вы у меня всё-таки... птахи-пичуги!

Только не улетайте очень далеко, любите свой дом, кружите над ним. Ведь мне без вас никак нельзя. Ну, просто никак. Так что возвращайтесь всегда. Возвращайтесь в обитель свою — в свою голубятню.

Голубятня... это детство, отрочество. Это — родина. Здесь и твоё гнездо, твоя крепость, твой рай. Здесь можно укрыться от всех — от матери, соседей, врагов; на время забыть опостылевшую до тошноты школу — эту полудобровольную каторгу с обалдевшими от лицемерного усердия учителями, с очумевшей до поросычьего визга англичанкой: “Шпана, подонок, по тебе тюрьма плачет!”

Достала просто, вот и задрал ей юбку... Затмение какое-то нашло. Теперь снова мать в школу вызовут. Наверняка вызовут. И снова будут грозить исключением. Если б не Аносов, бывший директор школы, Пашку, наверное, давно бы выгнали. С его помощью до выпускного класса продержался. А зачем? Лучше бы училище закончил, специальность получил, работал бы. Так нет, приспичило матери, чтоб в десятый шёл, под присмотром находился, “чтоб не хуже других...” Как будто в училище нельзя было среднее образование получить.

Правда, если б он пошёл в училище, вряд ли до призыва бы дотянул, с его-то характером — влип бы в какую-нибудь историю. Это уж точно — влип бы. С тем же Лизой, который недавно освободился. Вторая судимость у него.

Мать непременно теперь в школу вызовут, в этом он уверен. А быть может, и вызывать не станут. Сейчас всё проще делается. Жалко её, столько сил на него угробила, перед директрисой чуть ли не на коленях стояла. Через такие унижения прошла... вспомнить — самому тошно. Ну, не даётся ему этот английский! Что же теперь, три шкуры с него драть! И Софочка Гольдберг, училка по английскому, привязалась — спасу нет: двойку за двойкой ставит. А уже четверть заканчивается, экзамены скоро. Дело, конечно, не только в двойках: нравится — ставь хоть за месяц вперёд... Но зачем же унижать перед всем классом, зачем рукоприкладством заниматься?..

Сначала он ещё сдерживал себя, не хамил, спокойно объяснил, что нет у него способностей к иностранным языкам, так она дебилом его назвала. Он и выдал: “Душмана бы вам, Софья Моисеевна, подобтели бы...” Негромко сказал, но почти весь класс услышал — кто притворно уткнувшись в учебники, кто спрятавшись за спины товарищей, дружно, с нарастающим блеянием, стали ржать. Гольдберг в ярости на него: “Шпана, подонок!..” А он стоял и улыбался: той улыбкой, которая способна была вывести из равновесия любого. Софочка и вспыхнула, со всей силы вдруг влепила ему пощёчину. Ясное дело — не сдержался.

Что ж, пусть мать вызывают. Всё равно сегодня он домой не пойдёт. Здесь, в голубятне заночует. А может, и поживёт пока. Внутри этих шелё-

ванных стен. С голубями. Сейчас конец мая, авось, не замерзнет. Домой же не пойдёт! Ни за что не пойдёт! Потому что коммуналка тоже опустылела. И Марьяша с опухшим от водки лицом. И мать с вечными своими причитаниями: “В могилу меня сведёшь!..”

Решено: так больше жить нельзя. Скорей бы уж призвали. Скорей бы... в какую-нибудь “горячую точку” буду проситься. Или в Сербию сбегу, братьям славянам помогать.

Только... как вы без меня будете, птахи-пичуги? Кто за вами присмотрит, в небушко ясное выпустит? Кто?

...Да, нелёгкое это дело — держать голубей. Даже рискованное. Особенно, когда нет поблизости Афганца или Коли-Шкелета, а подвыпившая кодла пацанов из соседней казармы ошивается возле твоей голубятни. И кодлу эту привёл Лиза — крепыш-приземок. У них не только ножи с поджигами, начинка которых свободно пробьёт дюймовую доску, — это уже устарело, у них и шпаллер имеется. Шмальнут — мало не покажется.

У тебя за пазухой тоже кое-что есть, и калибр в самый раз. А в голубятне такое припрятано, что от кодлы, если захочешь, соплей не останется. Но твои пальцы лишь сжимают в кармане телогрейки рукоять отвёртки, в аккурат заточенной на оселке. Чуть что — её острое жало, как в масло, войдёт между рёбер. И если уголовное дело — всегда можно оправдаться самообороной. Ибо сейчас тебе не резон с Лизой на конфликт идти, по всем показателям — не резон. У Лизы ушли тульские чеграши — “бабочки” — королевская пара его голубей. И кто-то навёл на тебя. А кто? Бог его знает — кто. Быть может, тот же Гундосый. А может, никто не наводил. Но только знает Лиза — есть у тебя пара астраханских, пара твоих верных сокольников, которые нередко приводят тебе чужаков. И ты стоишь, съёжившись в замызанной телогрейке, и горько, ой, как горько жалеешь, что нет сейчас рядом Афганца или Коли-Шкелета, нет старших товарищей, нет братья, авторитетом которого ты мог бы теперь прикрыться, как щитом. Нет того, кто пошёл бы с тобой на всю эту кодлу, один бы пошёл, невзирая на новый срок.

И ты не рыпаешься, не борзеешь. Не с кем. Кишка тонка. Ведь та пристрая, которая козыряет каждым своим приводом в милицию, те несколько шпановатых на вид мальчиков, что сейчас находятся рядом с тобой, они как бы незаметно — в сторону, обезопасив себя молчанием, непотворением, подставив твой живот. Потому что неплохо знают придурка Лизу, знают, по сколько ходок, за что и какие срока мотают его братья.

И тебя бьёт мандраж. Ты, сжавшись пружиной, терпишь унижения и не рыпаешься. Только как будто невзначай вдруг вспоминаешь глаза той беззащитной девочки, с которой несколько лет сидел за одной партой, списывая диктанты и контрольные, и которую оскорбил перед всем классом. Вспоминаешь тот двухлетний давности день, когда она отсела к этому очкарику Оське, бросив тебя на произвол учителей. Вспоминаешь её презрительную уничтожающую ухмылку, превращающую тебя в ничто. В ноль. И тебе, как никогда, вдруг хочется ещё раз заглянуть в её умные тихие глаза, прижаться к её теплому хрупкому плечу и сказать: “Прости. Прости и вернись”. Но этому уже не бывать. Никогда. Она не простит. И ты это знаешь. Потому что за два года не сказала тебе ни слова — эта худенькая девочка с пухлыми губками и милой, притягательной обворожительной мордашкой. Эта гордость класса. Эта почти созревшая Мальвина. И ты начинаешь ненавидеть её. Ненавидеть себя. Ненавидеть очкарика Оську. Потому что ты — ничтожество и трус, способный унижить лишь слабого. Потому-то ты стоишь теперь и не рыпаешься, и тебя бьёт мандраж. Дёргая носом, размазываешь по щекам красные сопли, стараясь не выдать паскудного страха перед всей этой кодлой, перед своими приятелями. Но страх, как назло, ползёт — змеёй, от колена к паху. И выше — под самые ребра, в грудную клетку закрадывается. И ничего ты с собой не можешь сделать. А он — страх — уже в каждом мускуле твоего лица. Но ты делаешь вид, что тебе не страшно, что ты спокоен. С виду вроде бы спокоен. Но чуть-чуть начинают подрагивать колени.

И ты меняешь позу, ставишь левую ногу на перевернутые дровяные козлы. Лишь в глубине сознания, на свободном ещё от страха островке твоего мозга в бессильном отчаянии разпырывается фантазия: ты мысленно берёшь в руки автомат Калашникова и остервенело, очертя голову, бьёшь из него в упор всю эту кодлу. Бьёшь. В упор. До последнего патрона. Остервенело. С наслаждением. Крошишь их обезьяньи лбы и так же нагло, с презрением заглядываешь им в их расширившиеся зрачки.

Но ничего этого не происходит. У тебя нет “калашникова”. Правда, есть кое-что другое, но сейчас этим другим воспользоваться никак нельзя. Нельзя даже косо взглянуть на своих врагов. Им — можно. Их в эту минуту больше. И дело вовсе не в том, что у Лизы в кармане может быть ствол. Просто поблизости нет Афганца и Коли-Шкелета. Нет брательника, который пошёл бы за тебя на новый срок. За которого пошёл бы и ты. Нет его — твоего спасителя, твоего старшего надёжного товарища.

Вот и размазываешь молча по щекам красную мокроту, слизывая солёную кровь с разбитых губ, стараясь не выдать страха и зря не блефовать. С напряжением ждёшь развязки. А она близка: Лиза самолично хочет заглянуть в твою голубятню, убедиться, что нет у тебя тульских чеграшей, что не припрятал ты их в потайном ящичке. Но он не войдёт в голубятню, этот крепьши-придурак. Никогда не войдёт. Потому что у тебя нет его “бабочек”; потому что ты “не пацан какой-нибудь, а честный ффраер, не лох и не козёл”, и под Лизой ходить не станешь.

“Блатуешь, сука!” — вскипает он. “Нет ключа. Обыщи!” — срывается ты на всхлипывающий крик, так как нервы не выдерживают внутреннего напряжения, и ты медленно, в полшага, наступаешь на Лизу. Но это не блеф, нет, ты просто устал от страха и хочешь, чтоб и впрямь он тебя обыскал, потому что уже успел незаметно заныкать ключ между брёвен, что сложены невысоким штабелем возле голубятни. А без ключа в голубятню не проникнуть. И тебе уже плевать, что со стороны за тобой будут наблюдать твои же приятели-погодки, будут смотреть, как методично будет шмонать тебя Лиза. Тебе уже почти всё равно. Благо, что твоего позора не видит та девочка, которую ты оскорбил два года назад. И, быть может, поэтому ты не очень ропщешь и даже в чём-то оправдываешь самого себя. Ведь ты и так достаточно унижен. Потому как не ответил на подлый неожиданный первый удар. Не ответил. Стерпел. Так что не рыпайся: расквашенный нос и губы всё-таки не так страшно, нежели дробь в заднице или пика в боку от обкуренного дурью Лизы. И пусть твои дружки смотрят. Пусть. Тебе не стыдно. Ведь завтра, с этими же дружками ты будешь ходить по дворам и собирать свою кодлу. И никто не спросит — куда? Все без вопроса поймут — Лизу гасить. Но для страховки ты возьмёшь с собой взрослых: Афганца или Коллю-Шкелета. Они, вероятнее всего, вмешиваться в разборку не станут, не в жилу им с гольцами связываться, но они — поддержка огромная: с ними и дух боевой, и чёрт не страшен. Ты подпояшешься старым отцовским армейским ремнём с тяжёлой, круто загнутой бляхой, а железну брать не станешь, чтоб без всякого криминала. Быть может, возьмёшь с собой Славку Романова: он не только хорошо на гитаре играет, но и каратэ владеет.

“Обыскивай”, — делаешь ты ещё шаг, приближаясь к своему позору, ибо знаешь: завтра вся школа будет говорить о том, как шмонал твои карманы Лиза. Но ты загоняешь подобные мысли вглубь, в никуда; как бы уже не замечаешь — сознательно ли, от страха ли, — что вся кодла с животным азартом, наэлектризованно глазееет на карман твоей телогрейки, откуда торчит металлический кончик острого жала. Да, ты этого не замечаешь. Почти не чувствуешь, как в глубине кармана пальцы правой руки сильно сжимают скользкий от пота пластикат отвёртки — той самой, в аккурат заточенной на оселке.

“Ну?!..” — торопишь ты Лизу, надеясь скорее покончить с постыдным обыском. И все — и кодла, и твои приятели — с нетерпением ждут действия Лизы. А ему до тебя — шаг. Но он медлит. Крошит табак разломанной сигареты себе на ладонь, кидает его в рот и жуёт. В злых его глазах появляется нездоровый блеск. Это кульминация. Но проходит время, а он мед-

лит. И ты догадываешься, — он трусит, боится сделать этот решающий шаг. А табачная жвачка — понт, обычный приём, который, бывало, проделывал ты сам, попадая в ментовку. И всё же, сохраняя достоинство авторитетного жожака, Лиза не спешит снять напряжение: последнее слово должно остаться за ним.

“Ладно, баклан, ещё поговорим, время ещё будет”, — предупреждает он. Это не только угроза, это — надрыв. Боль. Но кому, как не тебе, понять его боль, пропажу его голубей. И страх незаметно и медленно отступает. Развязка ясна: тебя не станут шмонать, как последнего шестёрку в школьном туалете. Ты избежал позора. Даже возвысился в глазах своих приятелей: никто из них не скажет, что ты трусил. Потому что ты не дал бы себя обыскать. Не дал бы! Ударил бы отвёрткой, что находится в правом кармане твоей телогрейки. Все это поняли. И Лиза, который уводит свою кодлу. Он проиграл в этот раз. Впрочем, то, что сейчас произошло — лишь прелюдия. Настоящий разбор впереди. Это все понимают. И хочется крикнуть вслед этим, что уходят: нет у тебя их “бабочек”. Нет! Но поборов искушение, лишь присаживаешься на сложенные невысоким штабелем брёвна, чтобы достать заныканный ключ, слышишь, как не очень громкие, но хлёткие глуховатые ряды потрясают воздух: несколько дробинok рикошетят в тебя, не причинив никакого вреда.

“Встретимся, — скрипя зубами, думаешь ты, — обязательно встретимся”.

2

Сначала приснился сон: широкое, почти безбрежное полотно синевы, отливающее золотистой голубизной. И этому иссиня-голубоватому простору нет ни конца, ни края. И небо, и море такие яркие, солнечные, такие одинаково прозрачные, что в них таял горизонт, растворялся. А на фоне этой синевы, изогнувшись бумерангом, как бы застыла в своём стремительном полёте белая чайка. И всё так живо, красочно, контрастно было во сне, что Пашка потом удивлялся: откуда бы это? С чего бы такому присниться? Как в цветном кино. Ведь он ни разу, кроме как в том же кино или в иллюстрированных журналах, не видел живьём моря и чаек. А тут, как наяву: вот оно — море, перед ним, хоть ныряй. И чайка — белая-белая, крылья, как пики, и наконецники пик — чёрные.

Пашка часто вспоминал тот сон. Иногда, перед тем как уснуть, закрыв глаза, представлял в своём воображении море, сливающееся с небом, белую чайку. Память не затухивала первоначальную картину, но уже и не могла с прежней отчётливостью восстановить её в воображении. И всё же он ждал: может, хотя бы ещё раз присниться; случается ведь такое: снятся же людям сны целыми сериями. Он даже слышал что-то об этом. Но живописный сон с морем и чайкой так и не являлся. А позже стали сниться голуби. Правда, не цветные, а обычные, как в чёрно-белом кино.

Сейчас, наверное, трудно вспомнить, кто первым во дворе начал держать голубей. Во всяком случае, Пашка сказать бы точно не мог. На его памяти, кто тогда слыл в их дворе первым голубятником, был Сёма Хромой. Пашка помнил Сёму плохо. Помнил лишь его высокую худощавую фигуру, и что Сёма всегда кособочился при ходьбе, появлялся на улице с расстёгнутой ширинкой. Помнил ещё, правда, тоже очень смутно, так как Пашке в ту пору было года четыре или пять, похороны Сёмы. Первые на Пашкином веку похороны, ибо раньше он никогда не видел покойников.

Красная крышка гроба с прибитым к ней чёрным матерчатым крестом стояла под лестничным деревянным маршем на первом этаже, у стены; несколько скудных венков, которые выносили из комнаты Сёмы; разбросанный на дорожке вдоль дома еловый лапник. Надсадный с причитаниями плач Марьяши, когда возле подъезда на табуретки ставили гроб с покойником. Мать держала Пашку на руках, и он мог видеть восковой, с крутой горбинкой нос Сёмы, его впалые сморщенные веки в глазницах; образок в сложенных на животе ладонях и непонятную бумажку, как бы полуобручем окаймлявшую жёлтый лоб.

Прошло немало времени, прежде чем Пашка смог преодолеть в себе страх и безбоязненно заходить в свой полутёмный подъезд. А ещё он боялся — услышал от старушек, — что душа Сёмы сорок дней и ночей будет обитать в “покоях” усопшего и что в одну из них вдруг да зайвится к нему, Пашке. Но постепенно страхи прошли, забылся и Сёма Хромой. Остались от него лишь голуби. И комната с овдовевшей пьяницей Марьяшей.

У голубей как-то сам собой нашёлся хозяин. Им стал Коля, сосед по дому. У него было странное прозвище: Шкелет. Его многие так и называли — Коля-Шкелет. И он вовсе не обижался. Наверное, потому, что внешне совсем не был похож на “шкелета”: жилистый, крепкий, среди дворовой пацанвы он был самый сильный и задиристый. Словом, хулиган. Но Пашка в ту пору был ещё мелюзгой, в основном мог рассуждать лишь со слов взрослых. Брата Володи, к примеру. От него, кажется, и услышал, что Колька выкупил у Марьяши голубей вместе с голубятней за литр водки. Брат неотлучно, сколько помнит Пашка, всегда ходил с Колей: куда один — туда и другой. Вместе и голубей держали, вместе и голубятню перестраивали недалеко от прятавшейся за яблонями беседкой, возле старых подгнивших и давно подлежащих сносу сараев, где всегда под вечер из ближайших дворов и улиц собиралась местная шпана, нарушая тишину рёвом мотоциклов и мопедов. Для ребят это было самым романтичным местом: здесь играли в “сику” и “буру”, слушали магнитофон, пели под гитару разные песни — безобидные и похабные, блатные и так себе, не очень; приучались курить и пить вино. Впервые выпил здесь и Пашка. Впервые попробовал курить. Правда, в тот же день получил серьёзную взбучку от брата. Да такую, что надолго позабыл о вредных привычках. Хотя тайком покуривал: не матери с отцом боялся — брательника. Даже когда Володя находился в колонии, Пашка ещё долгое время старался не курить на людях.

Чудные были времена, весёлые.

Как-то зимой брат принёс домой обмороженного голубя. Затянутые мутноватой плёнкой глаза птицы, казалось, последний раз видят свет. С трудом верилось, что голубь выживет. Сунув под горячие батареи кусок войлока, положили на него белый неподвижный комочек. Через некоторое время комочек ожил, затрепыхался, а вскоре ошалело кружил по комнате, хлопал крыльями, брызгая мелкими порциями помета.

В тот же вечер брат отнёс голубя. Но Пашка был рад, что голубь выжил, и когда приходил к голубятне, просил показать ему “обмороженного”. Постепенно сам привык к голубям, полюбил их. А однажды с Колей-Шкелетом на птичий рынок поехали. Брательник не брал, а Колька разрешил. С ним было всегда интересно, он позволял иной раз затянуться папироской: смешает табак с коноплей, утрамбует аккуратно штакет и даст посмолить. Правда, Пашке это совсем не понравилось, он и пробовал-то всего раза два. Брат об этом, конечно, не знал.

Вообще-то Колька многое позволял Пашке. С ним было не так, как с брательником: тот постоянно Пашку от чего-то “ограждал”, а Коля-Шкелет, наоборот, давал полную свободу. Он же и советовал, если надумает Пашка голубей заводить, то для начала желательно покупать спарованных птиц и недорогих. Лучше всего покупать ранней весной или поздней осенью. Голуби, приобретённые весной, быстро вступают в паровку и дают приплод. Но начинать надо с нескольких пар. И тут столько всяких подвохов, о которых сразу и не расскажешь. К примеру, на рынке всегда большой выбор голубей, многие продаются по доступной цене, но опытный голубятник хорошего голубя дёшево не отдаст. Да и на рынке покупать птицу не станет, а только в голубятнях. Коля-Шкелет так и поступает. Когда Пашка с ним по рынку шёл, Колька почти не обращал внимания на продавцов, чересчур нахваливавших своих голубей, даже если продавца соседи поддерживали. Он птицу интуитивно чувствует. А если решит купить, как врач пациента, будет голубя осматривать: клюв, веки, глаза проверит, даже восковицу. Такую канитель разведёт про цвет или рисунок, так голову заморочит — финиш просто; каждое пёрышко у голубя осмотрит, всю структуру его оперения. И обязательно к чему-нибудь придерётся: или жёсткость корпуса у птицы не та,

или посадка нескладная. А то начнёт прощупывать грудь и найдёт, что она узкая и впалая, а мускулатура плохо развита. Пашка, конечно, понимал, для чего вся эта процедура: чтобы цену сбить. Колька после того, как у них с брательником все голуби издохли (поговаривали, будто бы это дело рук Марьяши, будто она им корм отравленный всучила, когда Коля-Шкелет её с выпивкой обманул), покупал камышинских и астраханских. Ещё купил пару луганских трясунов да московских монахов. И несколько “бойных” космачей. Отличные голуби, с хорошим лётом: крыльями хлопают, в воздухе кувыркаются и ногами при полёте гребут, точно вёслами. Колька их почти месяц со связанными крыльями выпускал, чтоб к дому привыкли и хозяина признали.

По правде сказать, Кольке и брательнику с голубьями не очень везло. Поначалу ни один не ушёл. Выделялась пара астраханских: не голуби — ястребы, они точно знали границы лёта, строго держали круг и нередко приводили чужих. Но в начале лета кошки задрали луганских трясунов, а крестового монаха — голубку — “увёл” Щека, чей питомник находился в Макарьино. Пашка помнит тот случай очень даже хорошо. Как же ему было жалко трясунов! Он тогда, наверное, возненавидел всех кошек на свете. Растерзанных птиц он захоронил на пустыре недалеко от голубятни, воткнув в маленький холмик земли самодельный крестик из щепы. Крестового монаха выкупили у Щеки. Но тем же летом ночью украли всех голубей. Вору залезли в маленькое окошко, предварительно выставив рифлёное стекло.

Искали по всему району. Логика голубятника подсказывала: если похитители местные, то держать у себя птиц не станут, — голуби непременно вернуться к прежнему хозяину. По крайней мере, часть из них. Значит, выгоднее всего их продать. А продавать, вероятнее, будут на птичьем рынке.

След действительно обнаружился на рынке. У невзрачной наружности мужика Коля-Шкелет опознал несколько своих голубей. Осторожные расспросы выявили, что птиц украли братья Мордасовы, — очень уж сходились приметы.

Мордасовы жили в казарме, когда-то построенной для рабочих-путейцев. Папаша с двумя старшими отпрысками в то время держал в страхе чуть ли не весь посёлок (тогда был ещё посёлок). Знаменитым он слыл городушником, в основном по магазинам “слесарил”. Их так и называли: Морда Старший, Морда Средний, Морда Младший. Старшим, разумеется, был сам родитель. Может, поэтому его младшему, третьему отпрыску вышеупомянутое мерзкое прозвище не досталось. В самом деле, смешно как-то, если, допустим, этого козлятника назвать Морда Младший-Второй. Вроде как из династии английских или французских королей. И прилипло в конечном итоге к младшему саркастическое прозвище Лиза.

Словом, Коле-Шкелету предстояла серьёзная разборка. Дело немного облегчало то обстоятельство, что кто-нибудь из Мордасовых по очерёдности, как бы в обязательном порядке, отсиживал срок: только освободится один, как место его занимает другой. А то и все разом.

В тот день во дворе собралась вся местная шпана. Многим поперёк горла стояли Мордасовы. Даже Щека пришёл — добродушный и глуповатый на вид здоровяк-переросток. За ним тогда укрепилась слава первого голубятника в округе. В его питомнике находились такие матёрые “солисты”, с которыми он отваживался заезжать в глубинку, и эти голуби нередко приводили ему чужаков. Держал он в основном почтарей, имел возможность отсаживать чистопородных голубей и получать от них неплохое потомство. Которые были попроще, тех пускал в гонку. Из них выходили хорошие лётные птицы. Отдельных самцов он специально не паровал, и они ему за очень короткое время могли заманить в голубятню достаточно много самок. Но для Щеки это был промысел, все это понимали. К нему со всего Союза (тогда ещё был Союз!) голубятники приезжали за молодым. А ещё он отчаянно дрался, до жестокости. Не единожды был бит, но никогда не отступал. Стебанутом был этот Щека, а внутри — мутный, не поймёшь, что у него на уме: в горячке мог, наверное, и убить. Он и прозвище получил за уродливый шрам на щеке. Хотя получил он его не в драке: мало кто знал, что шрам у него остался ещё с раннего детства — зимой, съезжая на санках с горы,

он врезался в кустарник, перевернулся, и один из полозьев саней острым дюралевым углом пробил ему щеку. Оставшийся на всю жизнь грубый шрам заставлял остыть некоторые резвые головы: если щека с рубцом вдруг начала нервно подёргиваться, значит, быть потасовке.

Собралось человек двадцать. Но пошли не все, а лишь те, кого отобрал Коля-Шкелет. Отправились ближе к вечеру на веранду в ДК, где в летнее время до полуночи гремела дискотека. Мордасовы вечерами часто там ошивались.

Володя по такому случаю надел тогда белые брюки — “шкеры”, как он их называл. Пашка спросил, зачем он надел белые? “Чтоб кровь была видна”, — то ли в шутку, то ли серьёзно ответил брат. Пашку, увязавшегося было за взрослыми, Володя прогнал, строго наказав обо всём молчать. Увидел он брата лишь на следующее утро. Крови на брюках не заметил, но рубашка у него была порвана, а на скуле розовела большая ссадина. На вопрос: “Кто кого?” — брат ответил кратко: “Мы — их”.

Вскоре по посёлку слух пошёл, будто бы Мордасовых сильно избил, а один из братьев лежит даже в реанимации. В Пашкин двор заезжала “канарейка”, ходили по квартирам два молоденьких сержантика и Выручка — усатый пожилой старшина участковый, — спрашивали Коло-Шкелета, который куда-то исчез, как сквозь землю провалился.

Позже выяснилось, что менты приезжали вовсе не за Колькой, а просто “служба им так велит”. Короче, пустили это дело на самотёк: слишком уж беспредельничали Мордасовы.

Где-то через неделю объявился и Коля-Шкелет. А ещё через несколько дней рано утром обнаружили во дворе подвешенных на суровой дратве к перекладине беседки чёрных шпанцерных. Мордасовы всё-таки нашли слабое место в бунтарской Колькиной душе. Уже в то время о некоторых изуверствах братьев ходила молва, но как-то с трудом верилось. Будто бы Морда Младший до такого безрассудства “любил” своих голубей, что у него порой “крыша” ехала. Рассказывали, как однажды у него “ушёл” самец — чистый белый. Морда голубя выкупил, прилично переплатив. Но тот ушёл второй раз. Тогда, выкупив его вновь, Морда связал голубю крылья и бросил под колёса грузовика.

И всё же Пашке с трудом верилось в такое. Не хотелось верить. А когда Колька снимал шпанцрей с “виселицы”, нервными дрожащими пальцами отвязывал удавку, разглаживал ещё сохранившиеся на головках птиц пушистые хохолки, у Пашки судорожно затрясся подбородок и потекли слёзы. А потом он и вовсе зарыдал. И сквозь рыдания он отчётливо услышал, точно под ухом зашипела змея, угрожающий голос Коли-Шкелета: “Замочу падлу!” И Пашка чего-то очень испугался; что-то холодное, почти ледяное стальным клинком вонзилось в его сознание. Быть может, белая чайка с чёрными наконечниками пик на кончиках крыльев пролетела над ним?

Тем же летом Коло-Шкелета посадили: он сдержал своё слово.

3

Пять столетий назад вёрст сорок южнее Москвы некий атаман Макарка стоял с войском в одном из урочищ подмосковного леса, защищая подступы к городу от татарской орды. С тех пор образовавшееся в том урочище село сохраняло ещё название Ордынцы, хотя официально значилось как Макарьино.

При последнем самодержцке российском на макарьинских землях, на жирных красных глинах предприимчивый купец заложил кустарное кирпичное производство. К этому времени село имело церковно-приходскую школу. Вокруг него вместе с церковными землями лежали помещичьи усадьбы. Возможно, и стало бы Макарьино процветающим селом, если б не пряталось в березняковых рощах и дубравах, отделявших его от главной Серпуховской дороги, если б не пошло расти другое село, что легло севернее версты три.

Откуда Пашка всё это знает? Так от Миши Понника. Он у них самый начитанный и умный в классе, и если на академика ещё не тянет, то на про-

фессора — непременно. Они с ним за одной партой вот уже два года сидят. После того как Мальвина от Пашки пересела к Оське Шмулю. За это время Пашка столько всего узнал от Понника, сколько не узнал за всю свою сознательную жизнь. По истории в основном.

Вообще-то Миша много чего из истории рассказывал. Но это не означает, что он — исключительно гуманитарий. Вовсе нет. Он и по другим предметам пятёрки имеет. Просто Миша хочет поступать в историко-архивный: он сейчас называется Российский государственный гуманитарный университет. У Миши мечта: историком стать. Потому на золотую медаль старается школу закончить. И Мальвина — тоже на медаль. Но у них ничего не получится, так как Оська Шмуль — тоже претендент на золотую. По правде сказать, его не Оськой зовут, а немного иначе, но Пашка нарочно “подсократил” имя, первую букву убрал, чтобы Шмуль не выпендривался слишком. Его теперь весь класс так зовёт: Оська. И ничего — отзывается, прижилось имя-то.

Понник на днях сообщил, что Софочка насчёт медали “удочку закидывала”: не будет ли Миша против, если по её предмету у него четвёрка выйдет в четверти. Надо же, куда клонит! В историко-архивном как раз вступительный экзамен по английскому, и в основном туда медалисты поступают.

Что Софочку Гольдберг Шмуль-старший с потрохами купил, всем уже давно известно. Говорят даже, что она его любовница, хотя врут, наверное: Оськин отец на свои деньги может таких аллюр купить — любой падишах позавидует.

Бурцева — директриса — тоже хитрую политику ведёт, не лучше Софочки. Но ничего, Пашка общественность на ноги поднимет. На попечительском совете выступит. Школу в биржу превратили!

Про общественность и попечительский совет он, конечно, приврал: на Арнольде, то бишь на Оськином отце, весь попечительский совет и держится. Но Пашка всё равно это дело так не оставит. А если кто думает, что он у Понника списывает на уроках, — глубоко ошибается. У него с ним чисто дружеские отношения, а дружба — святое. Жаль только, что Миша не из их двора. Хотя Пашка давно всех предупредил: кто Понника обидит, тот будет с ним, Пашкой, дело иметь.

Миша и сам старается в обиду себя не давать, но мало ли что: сейчас столько хулиганья, просто беспредел какой-то. А Понник ростом — метр с кепкой. Поэтому и занимается каратэ — Слава Романов его сагитировал. Он в начальных классах акробатикой занимался. Сейчас все кому не лень каратэ занимаются. Или аэробикой. Пустое всё. Лишь в кино — трюки эффектные, где один двадцать человек мочит. Метелят друг друга по рожам — даже следов не остается. Смешно, ей-Богу. Афганец как-то одному бычаре своей правой кувалдой между глаз звезданул (тоже каратисту), так Пашка, когда на следующий день этого бычару увидел, не узнал: не рожка — баклажан.

А Миша Понник очень интересно и складно рассказывает, слушать его — одно удовольствие. Например, как городок их возник.

По свидетельству старожилов, ещё в самом начале прошлого столетия близ урочища Липки лежало богатое имение помещика Чепрыкина. Для своих крепостных заложил он сельцо, состоящее тогда из семи дворов. Спрашивали крестьян: “Чьи вы, мужики?” — “Да, вишь, Чепрыкины мы...” Так и пошло название сельца — Чепрыкино.

Самое же интересное вот в чём: при нашествии Наполеона на Москву бежал Чепрыкин из своего поместья, зарыв где-то у прудов свои ценности, а после в своё родовое имение так и не вернулся. С тех пор оно перепродавалось из рук в руки, закладывалось, дарилось. Даже, говорят, в карты проигрывалось. Миша показывал копию документа с точной его датировкой, в котором видно, что одно время помещьем владела некая “госпожа поручица Екатерина Васильевна Лопухина”, что по её заказу составили план Чепрыкина и что “к сему плану Мировой Посредник 1-го участка Н-го уезда полковник К. с приложением своей казённой печати руку приложил”.

Пашка, когда про клад узнал, — тот, что Чепрыкин где-то у прудов зарыл, несколько дней ходил как шальной. Это же подумать только: все годы

почти каждый день возле прудов ошиваться, рыбу ловить и лишь недавно узнать о кладе. Может быть, он по этому кладу ходил, то есть наступал на то место, где ценности зарыты. Он предложил Поннику поиск клада начать, посвятив в тайну двух-трёх ребят и приступить к поиску. Но Миша скептически к его замыслу отнёсся. Во-первых, ценности Чепрыкина вовсе не тайна, а предание народное. Во-вторых, возможно, что это просто слухи. В-третьих, одними лопатами тут вряд ли обойдёшься, а прибор, которым можно землю, как рентгеном, просвечивать в глубину аж до пяти метров, очень дорого стоит. И в-четвёртых: где гарантия, что ценности не нашёл кто-то другой? Ведь столько событий произошло почти за двести лет! Ещё при помещице Лопухиной господская часть имения подверглась переделке. А после отмены крепостного права и вовсе многое изменилось. В двух верстах западнее от Чепрыкина из Москвы до уездного города пролегла железная дорога, правда, ещё без остановочного пункта: стояла лишь путевая казарма, возвышавшаяся тёсовой крышей над скатом железнодорожной насыпи — два одноэтажных строения для рабочих-путейцев.

Через несколько лет появилась и станция. А так как от поместья она отделялась крестьянскими полями, то помещик выкупил у крестьян полосу земли от усадьбы до платформы и соорудил на ней шоссированную дорогу на “европейский” лад. Жилой центр имения отнесли восточнее от Серпуховской дороги вглубь участка, за пруды. Был высажен парк, сами пруды расчищены, построена купальня и баня. Ближе к лесу, то есть ещё восточнее, посажен и выращен фруктовый сад. Новый помещик парадно оформил въезд в усадьбу: широкие, с затейливыми кренделями кованые ворота вели на тополиную аллею, к господскому дому. У ворот появилась новинка: солнечные часы. Всё рассчитывалось на большие приёмы частых гостей. Специально строились дачи и на летний период сдавались московским дачникам. Поместье приносило немалые доходы: кроме фруктового сада, имелся мелкий и крупный скот, птица, две дюжины голов конного парка.

Честно говоря, Пашку не очень интересовали рогатый скот и лошади, ему нужен был клад. И так как в архивах нет документа, что зарытые ценности нашлись, стало быть, они до сих пор лежат в земле. На что Понник резонно заметил: дескать, нет никакой гарантии, что на том месте, где закопан клад, не растёт сейчас дерево или, что ещё хуже, не построено какое-нибудь сооружение. А это значит, что ценности мог найти любой человек и находку скрыть. Словом, дело гиблое, и на подобные авантюры он время тратить не собирается. “Куда интереснее по крупицам собирать те редкие факты, по которым незаметно, как в проявителе на фотобумаге, вырисовывается история родного края”, — заключил он.

Миша от этих “крупиц” просто кайф ловит. По его мнению, у него уже столько материала собрано, что, когда будет заканчивать историко-архивный, ему этого материала на дипломную работу с лихвой хватит. А быть может, и на диссертацию.

Пашке, конечно, нет нужды до всех этих дипломов и диссертаций, но он убедился на примере того же Понника, что увлечение историей родного края позволило получить Мише несколько пятёрок. По той же истории.

Бесспорно, Понника в школе уважают. И не только историчка, а все учителя и ребята в классе. Кроме Софочки и Оськи Шмуля, которого за уши тянут на золотую медаль. Поэтому Шмуль Мишу ненавидит. Пашка по его близоруким глазам это видит. Ненавидит и завидует. И Пашке тоже завидует. Ибо Пашка в сравнении с ним, как Ален Делон с Чарли Чаплиным. Внешне, разумеется. Мальвина сама об этом говорила, когда у них разрыв ещё не произошёл. Хотя... ну, какой он Ален Делон? И всё же приятно осознавать, что не всё ещё потеряно, имеется ещё шанс с Мальвиной помириться.

А Понник и вправду большая умница. И как человек — без всяких там выпендрёжек. Брата такого бы иметь. Пашка, конечно, Володю очень любит, но он старше на четырнадцать лет. Почти ничего общего. В смысле интересов. И какие могут быть интересы у них? Пашку вовсе не привлекает тюремная романтика. Так, вечером если в беседке посидеть, песни блатные под гитару послушать, истории разные. Только... истории все эти какие-то

однотипные: кто сколько выпил или кто кому морду набил. Словом, как сейчас принято говорить, чернуха одна. Хотя... быть может, и “чернуха”, но куда от неё денешься, если жизнь такая.

Коля-Шкелет, например, рассказывал, как братьев Мордасовых завалить хотел. Чего же здесь интересного? Жуть одна. А Володя после очередной ходки — как в поезде шалаву одну подцепил. Когда Пашка это слушал, ему даже не по себе стало. Некоторые ухмылялись, а ему совсем не весело было, противно. Особенно когда Володя фразу обронил, будто бы все бабы по природе своей — шалавы, что к ним только подход надо найти. Больше всего это покорило Пашку. Что же получается: и Мальвина, и та, которую брат в тамбуре, — обе шалавы? И что значит “все”? Этак можно дорассуждаться до чего угодно... подумать стыдно. В один ряд с пьянчужой позорной ставить всех женщин? Но что больше всего поразило: когда Пашка своё мнение высказал, там же, в беседке, даже Ларочка не поддержала его. Напротив, лишь масла в огонь подлила: “Пашка позу держит, думает, что его Ленка другая (это так Мальвину зовут), что она — Золушка из сказки. А эта Золушка в дёте вся, скипидаром не отмыть”.

Мальвина с Ларочкой когда-то дружили, но потом их стёжки-дорожки разошлись, чуть ли не врагами стали. Ларочка школу бросила и по рукам пошла. Если б Афганец её не подобрал, совсем опустилась бы. Поэтому она бесится и Мальвине завидует. Пашка Ларочке чуть физиономию тогда не набил, Афганец помешал. Он Афганцу словечко нехорошее сказал, а тот ударил его. Слегка ударил. Володя с Афганцем и сцепились. Коля-Шкелет — тот сразу за нож. Вынул и сам не знает: то ли Афганца валить, то ли... хрен его знает кого — все вместе кантуются-то. Колька после этот нож со злости в кусты закинул и говорит: “Первый раз в жизни нож вынул и, как фраер, менжанулся”. Если б пацаны сразу не вмешались — один из двух кого-нибудь убил бы или покалечил: или Афганец Володю, или наоборот. Хорошо ещё, мать успела из дома выскочить и Володю увела. А то новый срок получил бы. Только освободился — и новый срок...

Афганец потом первый приходил к Володе мировую расписать. С литром водки. Хоть и авторитетный он мужик, но ни разу не сидел, а у Володи уже четыре ходки было, и блатные его уважают. Даже “корону” хотели надеть, но он отказался: слишком уж ответственное дело, с кандачка не решается. К тому же брат уже два раза Афганца от тюрьмы отшивал, всю вину на себя брал. Так что первым на мировую не пошёл бы. А если трезво поразмышлять: что им делить? К тому же Афганец и не ударил Пашку вовсе, а лишь слегка по щеке шлёпнул, по-братски, в целях воспитания, так сказать, чтобы ругательных слов по отношению к старшим не употреблял. Может, зря Володя бузу затеял: кому, как не Володе, известно, что за Пашку Афганец живота не пожалеет. И кто, как не он и Коля-Шкелет, за Пашкой приематривает, когда Володя срок мотает.

Надо признать, что примирение получилось очень даже по-людски. Мать картошки с грибами нажарила. Целую сковородку с верхом. Коля-Шкелет был — вроде как третейский судья. Культурно посидели. Колька под хмельком признался, что, когда в суматохе нож-то вытащил, был всё-таки миг... и Афганца б он заделал, но ему Ларочка расписаться помешала: вцепилась в руку и как завизжит, будто он её резать хотел. Вот тут он нож и выбросил. Со зла. Словом, во всём бабы виноваты. Матери — не в счёт. Потому что мать — это от Бога. А что от Бога — то неприкосновенно, свято.

Но ведь и Мальвина, и Ларочка, и даже та шалава, с которой брат был в поезде... тоже, наверное, станут когда-то матерями, думал Пашка. Неубедительны, значит, слова Коли-Шкелета, логики в них нет. Зачем же курицу с яйцом путать?

Вот Миша Понник всегда рассуждает логически и убедительно: даже о чём-то вроде бы неинтересном — всё равно преподнесёт это так, что невольно слушаешься. Казалось бы, какое дело Пашке, что стало с их посёлком после революции? В сущности — никакого ему до этого дела нет. И всё же слушаешь, как заворожённый, точно лекцию очевидца событий.

...С установлением Советской власти на территории бывшего поместья возникло опытно-показательное хозяйство по разведению продуктивного холмогорского скота. В Чепрыкино к тому времени имелось семнадцать дворов да платформа с казармой поблизости. Помещичий дом вместе с парком, прудами и садом стал домом отдыха исполкома Коминтерна. Но в двадцатых годах по неизвестным причинам дом сгорел, парк с теннисными кортами уничтожили, исчезли солнечные часы. Значительную часть всех окрестных земель всё ещё занимал большой обыкновенный русский лес с частоколом белых берёз и дубняком, с ильмовыми рощами и сухими ерниковыми чащобами, с заливаемыми лугами и пропеллинами полудиких опушек, мелкими болотцами в камышовых зарослях.

За два года до войны исполком вынес решение об организации поселкового совета при Чепрыкино совместно с Макарьинским сельсоветом. К Чепрыкино отошли несколько крупных поселковых населённых пунктов со всей местной промышленностью и коммунальным хозяйством. А в урочище Липки районо отвёл участок в четыре гектара для строительства первой школы-семилетки.

Пашка впервые от Миши Понника узнал, что школа, в которой они по сей день учились, была построена ещё до войны. Заложённая на бутовом прочном фундаменте, с кондовыми глухими стенами из красного кирпича, строгой, в подливу, кладкой на особом известняковом алебастре, школа обещала простоять ещё очень долго.

В послевоенное лихолетье, в хрущёвскую “оттепель”, даже в более поздние годы школа числилась на хорошем счету, занимала в посёлке заметное место. А порой и тон задавала. Кто из сельчан в то время не знал стадион в Липках? Наверное, не было таких. До сих пор старшее поколение помнит футбольные матчи “сельповцев” с сильнейшими клубными командами района и области. И Володя с Колей-Шкелетом помнят. И отец иногда рассказывал. Правда, не так складно, как Миша Понник, зато очень даже образно. Ведь отец очевидцем был, а Миша — с чужих слов. И всё равно интересно было послушать. “Ни в какие высшие лиги те футбольные команды не входили, но всегда оставалось ощущение чего-то грандиозного, масштабного, будто “Спартак” с “Динамо” играют, и в воротах стоит не слесарь-лекальщик Вася Дёмкин, а Лев Яшин”, — примерно так рассказывал отец. Главное же заключалось в том, что играли в Липках. А что стадион числился за школой — в этом никто не сомневался.

Отсюда, из Липок, тянулись к Дому культуры первомайские колонны демонстрантов, проводились всевозможные спартакиады. Здесь, в Липках, проходили праздничные митинги, пионерские слёты, молодёжные сборы. А ярмарки, народные гулянья... — опять же, в Липках. Зелёные шапки вековых лип ещё заманивали в парк под свои кроны, ещё не очень загрязнили пруды, и они были излюбленным местом купания не только у детей, но и у взрослых. И рыба в них водилась. И лес местами ещё сохранил свой первородный вид. Лишь под натиском расширенного жилого строительства за последние лет сорок лес заметно видоизменился, поредел. Десятки его гектаров были отданы под вырубку. И там, где когда-то ходили по грибы и ягоды, гнали на выпаску скот, косили траву, вырос городок. С кирпичными “хрущёвками” и панельными высотками, с детскими садами и школами, больницей и поликлиникой, маленькими и большими промышленными предприятиями, универсами и магазинчиками... Словом, со всеми “культурно-бытовыми” услугами и всевозможными урбанистическими достижениями на некогда лесном заболоченном массиве вырос город районного подчинения, объединив или, точнее сказать, взяв в свою агломерацию несколько крупных посёлков.

4

Голубятня у Пашки — лучшая в округе: на бетонном фундаменте, высокая, проникнуть в неё не так просто. Надо подставить полтораметровую лестницу, подняться ступеньки на три, открыть секретным ключом замок

верхней части двери, внутренняя сторона которой деревянная, а внешняя оббита листом железа. Лишь после этого отодвинуть засов нижней половины. Но и это не всё, так как имеется ещё одна дверь — из металлической решётки. Лестницу по ненадобности всегда можно убрать или зачалить цепью за толстую трубу, закрепив на запор массивным замком. Так приходится делать утром. Или вечером, когда закрываешь голубятню, чтобы внутрь даже мышь не проскочила, не говоря уже о ворах. В этом смысле Пашка учёный.

В голубятне два окна, зарешёченных арматурой. Крыша железная, между потолком и деревянной сплошной обрешёткой — утеплитель. Пол из обожжённого алебастра и посыпан крупным речным песком. На фасаде широкая табличка с надписью: “Питомник №1”. Между летком и помещением — выгул, который огорожен металлической сеткой. На крыше, выше верхней части выгула, специальный шест, имеющий насесты. Внутри и полочки для отдыха голубей, и паровочные ящики с гнёздами, и электрический свет подведён... Одним словом, всё сделано как надо. Пашка даже вольер соорудил. Правда, особо ценных пород у него нет, но несколько племенных пар имеется. Якобинцы, например. Каштановые. Их он отдельно от других птиц держит и лишь в вольер запускает. Ещё подумывает китайских чаек купить. У них на груди банты даже красивее, чем у почтарей, что Гундоусый предлагал. Но чайки для гона не очень годятся, а так... для души. Будут в вольере гулять вместе с якобинцами. А выпускать их нельзя: есть риск, что улетят.

Из окна голубятни можно увидеть часть улицы, угол крыши Пашкиного дома, небольшой отрезок дороги, уводящей в Липки. Если идти по этой дороге, то пересечёшь шоссе, которая разделяет пруд как бы на два, где, по преданию, помещик Чепрыкин зарыл свои ценности. За шоссе начинается парк вековых лип, а там — школа.

Некогда могучие, с богатыми пышными кронами, сподряд по три-четыре ствола, в полтора-два обхвата каждый, липы теперь медленно доживали свой век. Некоторые из них стояли ещё твердо и величественно. Другие с разлапистыми, словно громадными клешнями, высохшими ветвями, с подгнившим дуплистым подом ждали своей участи. Не знавшие топоров и пил, ждали, когда порывистый ветер с силой обрушится на них и с треском, обламывая ветви, выкорчёвывая из земли полумёртвые корни, повалит иссохшие стволы. Как после удара мелко задрожит земля; отзываясь на утробный гул упавшего с грохотом дупляка, вспорхнут испуганно птицы, и в воздухе пронесётся эхо разноголосья... И тишина, звонкая тишина воцарится на миг.

Десять лет назад (Пашка тогда ходил ещё в первый класс) на его глазах две огромные липы, не выдержав натиска стремительно налетевшего ветра, рухнули. Одно дерево, падая, задело электрические провода: несколько улиц, в том числе и школа, остались без света. Это случилось поздней осенью, уже ударили первые заморозки. Школе в том году не успели подключить к центральной котельной. Всем младшим классам отменили уроки.

Когда-то школа имела статус семилетки, отапливалась небольшими грубками, выложенными из кирпича в каждом классе. Лишь после войны к зданию пристроили котельную. Директором в те годы был Василий Ефремович Аносов. “Красный директор” — так называли тогда бывшего фронтовика и старого партийца. Он отработал в школе почти сорок лет, преподавал историю, но с равным успехом вёл и другие предметы. Понник очень хорошо Василия Ефремовича знает, так как живёт с ним в одном доме, даже в одном подъезде и часто к нему заходит.

Пашка видел Аносова несколько раз. Впервые — когда школе отмечали пятьдесят лет. А однажды вместе с Мишей встретили его в булочной. Невысокого роста, сухощавый, в одной руке он держал трость, в другой — выдавшую виды матерчатую сумку. Но даже сутулость его была особенной, выдававшей некогда строгую военную выправку. Передвигался Аносов медленно, а когда опирался на трость, рука его мелко тряслась. И сам он весь как-то мелко трясся. Казалось, вот-вот упадёт.

Они его проводили тогда до самого подъезда. А уже на лестничной площадке Аносов предложил им зайти в квартиру.

Проживал Василий Ефремович в двухкомнатной малогабаритке с женой. Её Пашка не видел; последние годы она болела, не вставала с постели, находилась в другой комнате. По словам Миши, Аносов — живая легенда. И это без всяких там преувеличений. О нём даже книги написаны. Пашка видел одну с портретом Аносова.

Недавно Василий Ефремович вновь посетил школу. Зачем приходил — никто конкретно не знал, так как разговаривал он наедине с Бурцевой. И беседа у них, видимо, была напряжённой.

Приход Аносова совпал с окончанием уроков, поэтому Пашка с Мишей остались поджидать его возле школы, на скамейке, недалеко от клумбы, чтобы проводить. Старик вышел чем-то сильно огорчённый, даже встревоженный. Увидев их, улыбнулся, приободрился. Удивительный, право, старик. “Евгения Онегина” всего наизусть знает. Об этом Понник сказал, а Пашка ему верит. Хотя всего “Онегина” наизусть — это что-то из ряда вон выходящее, фантастика, в голове не укладывается. У Пашки так давно бы “крыша” поехала, если б всего “Онегина” — наизусть. Но Василий Ефремович не только Пушкина наизусть помнит, но и Тютчева, Фета и ещё много всего. Даже рассказы Толстого, впервые прочитанные ещё в церковно-приходской школе в Макарьино.

Впрочем, как теперь в школе учат, не только “Онегина” наизусть не выучишь, но и кто такой Пушкин — забудешь. Когда Пашка узнал от Миши Понника о дореволюционной школьной системе, его поразило — до чего же раньше всё было просто, ясно, доступно, без всяких там, как теперь, “методико-педагогических” выкрутасов. Ну, зачем, к примеру, ему, Пашке, “Обеспечение безопасности жизнедеятельности”? Что, на случай ядерной войны? Чуть. Да при такой жизни без ядерной войны быстрее сдохнешь.

Конечно, про ядерную войну он загнул, но разве можно научить теоретически, как вести себя в экстремальных ситуациях? Да у них в городе что ни день — экстремальная ситуация. По мнению Пашки, дело это пустое, как и сам упомянутый предмет. Лучше бы начальную военную подготовку ввели, как раньше было, когда ещё Володя с Колей-Шкелетом учились. А вся эта наука ОБЖ — туфта: если не кирпич на голову упадёт, так придурок Лиза порежет. Да мало ли что случиться может! Все под Богом ходим.

Миша рассказывал, что до революции преподавали русскую словесность и Закон Божий: “Овладение сокровищами русской литературы было в связке с основами Евангельской веры”. Как лекцию читал. А что теперь? Почему Пашку тошнит от всех этих “сокровищ” и литературы, вместе взятых? В чём дело? Почему книгу с отвращением в руки берёт, будто денатурат пить заставляют? А Софочка Гольдберг — просто умора: “Ложи, — говорит, — дневник на стол”. Так и говорит: “Ложи”. Понник её однажды вежливо поправил, а она ему: “Умный слишком”. И взглянула так, что ясно стало: золотой медали ему теперь не видать.

У них оборудование в кабинетах физики и биологии есть, таблицы, микроскопы, приборы разные, даже модель человека разборная; чучела животных и заформалиненные в банках пресмыкающиеся, так треть всех этих предметов осталась ещё от Макарьинской церковно-приходской школы, в которой учился Аносов. То есть когда Макарьинскую школу закрывали, Василий Ефремович всё это оборудование к ним в Чепрыкинскую школу перевёз.

Но больше всего Миша возмущается, что критиковать советскую школу стали все кому не лень, вроде как даже стало признаком хорошего тона — критиковать. Пашка, правда, помалкивал, когда Миша об этом рассуждал, ибо и сам не прочь был покритиковать. Но, действительно, чего критиковать-то? Зачем из пустого в порожнее переливать? Где они — реформы эти? Такого беспредела в школе, как теперь, наверное, раньше никогда не было. Ну, какая бы нормальная училка в те “застойные” времена позволила бы себе унижать ученика на глазах всего класса и бить его по лицу?! Даже Пашкина мать может подтвердить, что подобного просто не могло быть. Потому что не могло быть никогда. Это — во-первых. Во-вторых, Пашка собственными ушами слышал, как Бурцева открытым текстом, словно это узаконено, говорила, что без взятки у них в аттестате будет то, чего они заслуживают. Конец света! В-третьих, на кой хрен нам, русским, в пример Америку ставить?

Или Англию? Кому плохо здесь, тот пусть в Америку и едет: там и свобода, и сексу учат. Оська Шмуль тоже сначала критиковал: плохая, дескать, наша школа. А всё равно, год в английском колледже отучился, и назад отец его вернул, в “плохую”. Потому что программа там — для ваньков. То есть система образования у них слабее. Так-то. Шмуль хотел сына в суперэлитную школу отдать, для очень богатых, а после передумал, мол, нет резона шило на мыло менять. Но тут всё понятно: он кое-кого в школе подкармливает. Учителя перед Оськой не то чтобы заискивают, а как бы халявные деньги отрабатывают. Особенно усердствуют Бурцева и Софочка Гольдберг. Не за просто же так директриса котельную ему разрешила под склад арендовать. К тому же с очкариком репетиторы лучшие занимаются. Шмуль-старший всю администрацию в городе купил, у него везде всё схвачено. А что он деньгами школе помогает, столовку отремонтировал, на учебные пособия подкинул — так он таким образом от налогов ушёл. Всех тонкостей Пашка, разумеется, не знает, но кое-что от Афганца слышал. Весь этот попечительский совет с учителями и родителями — фуфлю. Всё решает гороно, а его Шмуль в ежовых рукавицах держит.

Недавно Софочка Гольдберг “наехала” на Мишу Понника: произношение у него якобы плохое. Но все в классе понимают, что у Миши произношение даже лучше, чем у Оськи, а Софочка просто хочет Мише оценку снизить. Короче, весь класс возмутился, бойкот англичанке объявил. Пашка, конечно, первым запротестовал. И нашла коса на камень. У Гольдберг истерика, к директрисе побежала: вопрос ей “ребром” поставила: или она, Софочка, из школы уходит, или Пашка (это ещё до пощёчины было). Что тут началось! Но все ведь видят, что Софочка не права. А она: “Или я, или он!” Пашка то есть. И ведь натурально — заявление об уходе накатала. А потом и вовсе комедия началась! Пашка из учительской в приоткрытую дверь кабинета Бурцевой слышал: директриса номер телефона набрала и улюлюкающим голосом: “Арнольд Арнольдович, это Бурцева вас беспокоит...” То есть обстановку Оськиному отцу доложила и Софочке трубку передает, чтоб сама Гольдберг с ним поговорила. Так у англичанки лицо из багрового серым стало. Пашка мог бы поклясться, что Арнольд самими что ни на есть непечатными словами Софочку припечатывал. Да ещё как! Одно удовольствие было слушать: до Пашкиного уха из телефонной трубки вся матерщина долетала. Бурцева — и та в смущение пришла, а увидев находившегося в учительской Пашку, дверь захлопнула. Будто бы ему больше всех надо — подслушивать. Сами кашу заварили, пусть сами и расхлебывают. Он даже к окну отошёл, подальше от кабинета директора. В учительской возле окна так и стоял, пока Бурцева с Гольдберг проблему утрясала.

Учительская на втором этаже находится, окнами на север, и он мог видеть за деревьями парка, как бы в перспективе, “водокачку”. Так они называют большой земляной холм с вкопанной в центре трубой. Зимой с холма можно на санках или на лыжах кататься. Или на портфелях. В детстве он казался высокой горой, а теперь как будто маленький стал... Понник объяснял, что это не водокачка вовсе, а водонапорное сооружение. Но какая разница, смысл-то ясен, для чего эта водокачка: чтобы население водой снабжать.

Ещё отец вспоминал, что когда-то на первую пробуренную в посёлке артезианскую скважину смотрели, как на диво, точно буровики на нефть, митинг устроили. Давно уже их город обслуживают несколько котельных и водонапорных башен, в каждой квартире, доме — газ и горячая вода. Наверное, не осталось домов, где бы топили дровами или брали бы воду из колодцев. В Макарьино если вот только да где-нибудь за городской чертой. Или в деревне Чепрыкино. Не странно ли: с Чепрыкино и пошёл расти город, общественный транспорт давно пустили — автобусы, “маршрутки”, а деревня так и осталась — полторы дюжины дворов, воду из колодца ведрами носят. Вроде бы не безымянная, но как-то нелепо получается: в черте города, а по сей день официально значится: деревня Чепрыкино.

Когда-то возле деревни построили механические мастерские, а рядом — несколько двухэтажных деревянных зданий барачного типа. В одном из них Пашка и родился. Место, прямо надо сказать, не очень живописное.

Для многих, быть может, даже неприятное место. А для таких, как Оська Шмудль, и вовсе “отверженное, пропащее, и люди там пропащие”. Что ж, каждому своё. Для Пашки же Чепрыкино — настолько родное, что когда поползли слухи, будто бы их скоро начнут переселять в новые дома, ему немного грустно стало. С одной стороны, хорошо, конечно, в новую отдельную квартиру въехать, а с другой... так привык здесь, что иногда сердце защемит, как подумает, что переезжать. Отсюда ведь и отца хоронили. И голубятня рядом. Почти с нуля её ставил. Вместе с отцом. Куда голубятню-то девать? Это же не мебель, которую погрузил и перевёз. И не разборная она. Этак придётся автогенном резать. Ведь не стал на болтах крепить, сваркой стыковал. А плиты — это ж, опять-таки, кран надо пригонять. Думал ведь — навечно. А новостройка в другом конце города.

Но постепенно Пашка к слухам насчёт переселения привык. Лет пять эти слухи ходят. К ним все привыкли. Марьяша так и говорит: “Видно, издыхать здесь придётся”. Пашке же нравится здесь, нравится их длинный коридор с дощатым полом и ступеньками дощатыми. Вот только скрипучие: ночью незаметно не пройдёшь. И потолки со стенами обшарпаны. Раньше всегда ремонт делали, а когда узнали, что переселять будут, так ремонтом больше и не занимаются. Ждут. А чего ждут? Когда крыша потечёт? Она уже подтекает. Пашка так думает: во всём виновата эта демократия грёбаная. Весь народ с панталыку сбילה.

Они с матерью на втором этаже живут, в угловой комнате, так если дождь сильный — у них весь угол стены мокрый. А вообще-то комната большая, удобная, почти двадцать квадратных метров.

Как-то к ним Бурцева заходила (Пашка тогда под следствием был), так она просто умилилась: “Как у вас, Дарья Даниловна, с Пашей уютно, уютно, какая самобытная ретроспекция...” Вот язва! Ну, зачем лицемерить? У них с матерью, действительно, в комнате очень уютно, чисто, порядок, словно в церкви. Дело в другом. В чём? Пашка точно не смог бы сказать, но когда Бурцева так говорила, что-то его настораживало, как будто искренне она это говорила. И угол комнаты под потолком, кажется, в тот раз ещё от дождя не просох. Что ж здесь хорошего? Когда Бурцева “восхищалась” самобытностью, Пашке неловко было за их старомодную, даже убогую мебель, за кровать с железными дужками спинок, за сложенные на кровати пирамидой подушки, которые мать украшает белоснежными ажурными подзорами. Такой кровати с накрахмаленными ажурными подзорами теперь и не увидишь ни у кого. А директрису это растрогало: “Я, — говорит, — Дарья Даниловна, молодые годы вспомнила. Моя мама тоже всегда подзорами кровать накрывала. И у нас ещё оранжевый абажур висел”. Этажерку с белыми слониками вспомнила бы ещё: мать рассказывала, что этажерки тоже очень модные были. А мебель новую из принципа не покупает, потому что почти всю мебель отец своими руками мастерил: и диван с резной спинкой, на котором спит Пашка, и гардероб, и буфет для посуды. Отец плотником работал, золотые руки у него были. Он многим в доме мебель делал. Кто выбросил, а кто и оставил. Добротню всё делал, на совесть, с искусством большим. Некоторые жалеют, что выбросили мебель, сейчас “антиквариатом” была бы. Но когда Бурцева про абажур вспомнила, Пашка и вовсе сник: тошно стало видеть на потолке дешёвую люстру под хрусталь. Даже телевизор ему показался убогим. Словом, когда директриса о своей молодости стала лепить горбатого, Пашке казалось, что все вещи, находящиеся в комнате, как бы нарочно выпячивали их семейный материальный недостаток, нужду. О холодильнике и говорить нечего: ещё до Пашки покупали, старый “ЗИЛ”. Стоит в комнате и дребезжит. А куда его поставишь? Коммуналка. Об иконах с лампадкой Пашка и вспоминать не хочет. Впрочем, кому какое дело? Ведь это же не его, а матери. Пусть молится, если душа требует.

5

Бурцева в тот раз неожиданно пришла. Хотя бы предупредила, что зайдёт. А то нарисовалась — картина Репина “Не ждали”. Зачем приходиться-то? Мать все собрания в школе посещала.

Причина, конечно, была. Пашка с Лизой и Гундосым залезли поздно вечером в школу: через форточку первого этажа проникли в лабораторный кабинет физики, а оттуда — в учительскую. Вернее, Пашка на стрёме стоял, а полезли Гундосый с Лизой. Лиза сказал, что в сейфе у директрисы деньги большие лежат. И деньги эти — “левые”, которые Арнольд Шмульт за аренду котельной отстёгивает, не для учительской зарплаты. Наводку же Лиза получил от верного человека.

Пашка, может, и не решился бы, но Лиза уговорил: деньги, дескать, “грязные”, ибо чёрным налом лишь взятки дают, так что в случае чего — Бурцева большой шухер поднимать не станет, не в её это интересах: гласность. Кроме того, они с Пашкой лишь пользу обществу принесут, и если он пойдёт на дело, свою долю немалую получит и будет распоряжаться ею, как захочет. Брату курева и жратвы, например, послать сможет, голубей купит — яковинцев или китайских чаек, каких душе угодно. На худой конец, в любой детский дом деньги послать, как Юрий Деточкин в фильме “Берегись автомобиля”. Ну, чем не гуманитарная помощь!

Кстати, самому Лизе последняя мысль очень даже понравилась: “Если, — говорит, — застукают, так и скажем: деньги в детский дом хотели отправить. Сейчас все детские дома в бедственном положении”. Робин Гуд, мать его... Пашка согласился, разумеется. А зря. Лиза только замки в дверях и может ломать: сейф, как ни пытался, не смог вскрыть, лишь замок покорёжил. Ну, не смог — и оставил бы сейф в покое. Так нет, с Гундосым вынести захотели. На этом и спалились. Сейф по габаритам небольшой, но очень тяжёлый. Пашка помнит, как его двое здоровенных мужиков в школу заносили. Лиза с Гундосым его там же, в директорском кабинете уронили на пол. Сторож их и застукал. Пашка, правда, убежал. Его никто и не видел. Даже во дворе, когда домой вернулся. Но когда следствие началось, Лиза с Гундосым Пашку сдали. Ну, не козлы! Сами спалились и его за собой потянули. Всё равно ведь групповуха светила.

Сначала его в ментовку забрали, а потом выпустили. На очной ставке Лиза с Гундосым показали, что деньги хотели в детский дом отослать. Пашку в подельники приплели, а он — в несознанку, как брат учил: не было его с ними в тот вечер, и знать он ни о чём не знает. Наговор. И сторож показал, что Пашку не видел: “Этих двоих застукал, а третьего не видел”.

Лиза следствие сначала баламутил, а позже “шары гнать” стал, “лишнее” сказал про Бурцеву и деньги. И завертелось... Директриса поэтому и приходила к ним с матерью домой, хотела выяснить: был ли Пашка с теми двоими, и кто конкретно из троих знал о деньгах. В сейфе действительно лежали деньги. И очень большая сумма. Если Пашка признается во всём, Бурцева ничего никому не расскажет и из школы его не исключат, а наоборот: он будет взят на поруки. Быть может, Бурцева даже на суде выступит в его защиту. Тоже — защитница нашлась: когда Пашка сутки целые в камере парился, а мать в школу бегала, так Бурцева времени не нашла с ней поговорить. И вдруг — на поруки... Так Пашка и “раскололся” ей! Не было его с Лизой, и ни о каких деньгах в сейфе он ничего не знает!

Мать в тот день только-только на обед пришла — она на стройке работает. Даже толком умыться не успела. Когда же пригласила Бурцеву к столу, Пашке и вовсе неловко стало. У директрисы руки холёные, пышные, как пирожки, пальцы в перстнях золотых, а у матери припухшие и неухоженные, у ногтей с белым налетом — то ли от краски, то ли от побелки. По годам, как понял из разговора Пашка, мать с Бурцевой примерно одного возраста, но, видя их, сидящих друг против друга, можно было подумать, что разница у них — лет пятнадцать. Бурцева — в строгом тёмном костюме и туфлях лакированных, а мать — в спецовке замызанной, в съехавшей на плечи косынке. Хорошо хоть ботинки успела снять — они стояли в коридоре у порога, в общей кучи обуви, тоже со следами краски и побелки — кирзовые такие ботинки, на солдатские похожи.

В комнате над кроватью два больших фотопортрета под стеклом в деревянных рамах на стене висят. Портрет отца мать в чёрную креповую ленту оправила: в то время уже полгода было, как отец умер. Бурцева на его пор-

трет поглядела и сказала, что Павел, Пашка то есть, на отца очень похож. Хотя это не совсем так. А после вздохнула и как бы между прочим заметила, что тоже мужа схоронила, но давно, девять лет минуло. Что, в общем-то, свыклась с утратой: “То ли положение обязывало — горе на людях не показывать, то ли других забот хватало, но свыклась”. Что, дескать, обе они матери-одиночки, с общей нелегкой бабьей судьбой, и кто, как не Дарья Даниловна, её понять должна. Вот только не сказала: в чём, собственно, мать должна её понять? И потом: какие же у них судьбы общие? Да между Бурцевой и матерью такая пропасть, как между небом и землёй. Но как подъехала: “Что-то нехорошо, Дарья Даниловна, на душе: тяжёлым грузом что-то лежит на сердце и давит”. Психолог. Струну больную нащупывала, чтобы мать разжалобить и Пашку с толку сбить. Даже извинилась, что в “неурочный час” зашла: “Вот так вот — без приглашения, по-простому”. А что в прошлый раз должного внимания не уделила, так пусть Дарья Даниловна её простит: “Заботы всё, заботы... выбирать не приходится, каждый час расписан по минутам”. Так мозги запудрила, что мать и впрямь расчувствовалась: “Вы уж похлопочите, Людмила Юрьевна, за Пашу-то... Бог даст — не засудят”. Ну, зачем же так унижаться!? Тем более что из милиции его выпустили. Стыдно унижаться-то. Да ещё надсадным таким голосом, точно совсем уж беспомощные они.

А Бурцева всё же нащупала больную струну и давай на этом играть: дескать, разве мало она делает для таких трудных подростков, как Павел?! И что, собственно, тот приход Дарьи Даниловны к ней, Бурцевой, мог бы изменить? Чем бы в тот момент помогла Бурцева её сыну? Следствие ещё не закончено было. Теперь же она знает: “дело” передано в прокуратуру. “Ты ведь, Павел, как свидетель по делу идёшь?” — точно змея подползла с вопросом. Что ему оставалось? Только головой кивать. Он и кивал непонятно зачем, принимая игру директрисы, отлично зная, что никаким свидетелем по делу Лизы и Гундосого не идёт.

Но Бурцева и тут тень на плетень наводит стала: мол, чёрное пятно на всей школе теперь лежит, на днях — суд, и как прокурор “повернёт” процесс, никто не знает. А прокурор — её знакомый, так что: “Ты уж, Павел, будь умницей, только правду говори: был ты в тот вечер в школе, когда сейф хотели вскрыть, или не был?” Во даёт, а! И ещё глазами сверлит, будто дремлю, наблюдает за ним, как он на это отреагирует. Ей бы не директором школы работать, а опером. Повернула всё так, будто Пашку завтра судить собираются. Мать тоже растерялась, не поймёт, к чему директриса клонит. До сих пор так ничего и не поняла: то ли Бурцева сама что-то хотела разузнать, то ли просила его быть таким “честным” во время суда, на который он и не пойдёт вовсе. И верно: какой суд, когда он в этом деле с боку припёку. Не на того нарвалась: он знай своё дело — кивал только, ни одного слова не обронил. А мать наивная: “Ты уж, Пашенька, говори, как есть, говори, не скрывай. Бог даст — никого не засудят”. Не понимала, что Бурцева их просто-напросто провоцирует: порожняк гонит, а их за дураков держит.

Обидно, что матери врать приходилось. Он ведь и её обманул. Как в лучших детективах. Прибежал домой в тот вечер, когда Лиза с Гундосым попались, а матери нет — к знакомой отлучилась, богомолке какой-то. Он стрелки будильника на час назад и перевёл. Мать даже не заметила. Удивилась только, что время медленно идёт, вроде как давно отлучалась. А Пашка, когда спать уже укладывались, снова стрелки подвёл. И после всем с таким усердием врал, что сам почти поверил: не был он нигде в тот вечер и ни о каком сейфе с деньгами не знает. А что делать? Как матери признаться? Она же в Бога верит. Вдруг рассказала бы Бурцевой? А та, по дружбе, прокурору. А потом волосы на себе рвала бы. Потому что Лизу суд приговорил к двум годам лишения свободы в колонии строгого режима для несовершеннолетних — у него ещё первая судимость не снята была, а Гундосому год впалял. И Пашке столько бы впалял. И никакая администрация школы не помогла бы. Да Бурцева и “хлопотать” не стала бы.

Он ещё тогда легко отделался. В сейфе, когда его при свидетелях с милицией вскрыли, помимо рублей, доллары оказались. В гороно или где-то

там “наверху” узнали, Бурцеву чуть с работы не сняли: завистливые языки поговаривали, что с начальством не поделилась. Но у неё действительно “наверху” связи имеются. И не только в прокуратуре. А валюту на себя Арнольд взял: якобы его это доллары и его “грех”: будто бы это он попросил Бурцеву положить их в сейф. Что же касается котельной, то у него документы есть на её аренду, всё по закону.

Пашка обо всём этом уже после узнал, от Афганца. И зачем Бурцева к ним домой приходила: хотела выяснить источники информации, её скомпрометировавшие. Ведь Лиза с Гундосым в их школе не учились, выходит, кто-то из своих навёл. Так что Пашка правильно поступил, всё отрицая. Даже Афганцу не расколосся. А ведь Афганец Арнольду словечко шепнул, чтоб Пашку не трогали и из школы не отчисляли. Потому что брата его — Володю — уважает и слово ему давал: за Пашкой присматривать. Юлит что-то Афганец.

За мать, конечно, обидно: “Вы уж похлопочите, Людмила Юрьевна, а то я слышала: из школы его, дурака, выгоняют. Я уж в долгу не останусь”. Это Пашку мучило больше всего. И то, что Бурцева почти искренне с изумлением подосадовала: “Как вам, Дарья Даниловна, не стыдно... Какие могут быть счёты... Это мой долг — помочь вашему сыну и моему ученику”. Актриса прямо-таки!

Странно, но после таких слов у матери испуг в глазах появился, недоверие: “Вы уж извините бабу глупую, может, что-то не то сдуру сказала...” И вдруг заплакала, мать-то. Да с надрывным всхлипыванием: “Как перед Спасителем, Людмила Юрьевна, — перекрестилась она, — дома он в это время был. Я прихожу, а он уроки делает. Да разве я могу... перед Богом-то!”

У Пашки в те минуты всё внутри клокотало. Он ненавидел себя, ненавидел Бурцеву. Стыдился за мать: зачем она так!.. Что толку перед директрисой слёзы лить, она подобных душещипательных сцен много видела, по привыкла.

Бурцева, вероятно, уловила Пашкин взгляд — недобрый, колочий, — и голос её более человеческим стал, не заигрывающим: “Вы уж, Дарья Даниловна, не подумайте, что у меня сердца нет, что душой очерствела. Просто устала с годами чужую боль в сердце носить, вот и приходится... будь она проклята, жизнь такая! Одно ведь оно — сердце, на всех горемык его кладовых не хватит. Может, и воспринимаю всё более сознанием, нежели сердцем”.

Никто такого признания не ожидал. Неприятно было слышать. Даже Пашка на минуту поверил в её искренность. А мать всхлипывать перестала, и впервые он услышал откровение: “Он же у меня один такой, Паша-то. Первый, Володя, мужнин был, от первого мужнина брака, неродной... — И вдруг снова испугалась: — Прости меня, Господи, что говорю такое — “был”, словно и нет моего Володеньки. Больше родного ведь любила. И сейчас люблю. А как не любить-то? Всё же ему отдавала, всё старшенькому. Кажется, ради него с отцом и жили. А он... будто сглазил кто его — из тюрьмы не выходит: освободится, передохнёт на воле-то, будто на побывку придет, и снова за старое, и снова посадят. Вот и думаю... Неужели и Пашенька по его стопам пойдёт? Ведь отправят дурака в колонию, обозлится, хуже станет. Разве исправляет она кого — колония? И ведь никто не знает, какими трудами мне мой Пашенька достался. Никому никогда не говорила, а вам, Людмила Юрьевна, признаюсь, думаю, большого греха тут нет, признаюсь: перед тем, как моему сыночку на свет родиться, я ведь не один год в церковь ходила, Роману Чудотворцу молилась да свечи ставила. И услышал меня Господь. Врачи не помогли, а Он помог, родила...”

Мать замолчала, точно в себя ушла. И Бурцевой не по себе стало, Пашка это заметил.

“Родила, а что-то не заладилось, — как бы очнулась мать, — может, молилась плохо? Может, не так что делала? Ведь не учил никто никогда Богу-то молиться. И в церковь вот редко хожу, всё некогда, чаще наедине с Ним общаюсь. Это сейчас церкви восстанавливают, службы по телевизору показывают, а раньше... Думал ли кто о Боге-то? Эх, люди, люди, по запо-

ведям ли Божьим живём? Забыли, забыли, чему Господь учит, вот и каемся”. После некоторой паузы, словно сама к себе прислушивалась, произнесла: “Вы на меня, бабу-то необразованную, внимания шибко не обращайтесь, Людмила Юрьевна, поступайте, как сердце ваше подсказывает. А сынок мой дома в тот вечер был, как перед Христом Богом говорю”.

Стыдно было Пашке, ой, как стыдно! И поймал он себя на мысли, что далёк, ой, как далёк он от того, чему Господь учит. Да только ли он? Все далеки. А взрослые в особенности. Взрослым меньше всего веры-то. Сейчас только и слышно: “Покайтесь да покайтесь!” А в чём, собственно, он, Пашка, должен каяться? За чьи грехи? И какой грех на нём? Что родился? Какое покаяние от него требуется? Вот Бурцева — аж ладонь к груди приложила, крест нательный как будто носит, а сама, поди, стыдитесь этого. Тоже, небось, никогда не учили её Богу молиться. Мать сказывала: отучали даже. Видно, так отучили, что “Богу крестятся, а на беса посматривают”. Но зачем крест носить, коль веры нет?

Мать переживает: “Может, молилась плохо...” Да Бурцева, Пашка уверен, никогда в жизни Богу не молилась; не только не знает ни одной молитвы, но даже толком не знает ни одной Его заповеди. И вообще — крещёная ли? Сейчас многие кресты понадевали и в церковь ходить стали, а спроси их: крещёные ли? по вере ли живут? Не каждый ответит вразумительно. Есть, есть такие. Фальшивое что-то во всём этом, искусственное. Особенно когда по телевизору церковные службы показывают.

По правде говоря, Пашка тоже ни разу не молился, хотя мать пробовала его к вере приобщить. И сам он пробовал, но уж очень тяжело воспринимаются молитвы эти. Обращается он к Богу, но как к чему-то неодушевлённому, несуществующему. Какой смысл? Зачем? Мать говорит, не пришёл он ещё к вере, не ощутил внутреннюю потребность. Хотя тоже задавался вопросом: зачем человек рождается и умирает? Зачем живёт? Чего ему не хватает для полного счастья? Быть может, существует оно — Царство Божье? И не хватает только веры, соблюдения заповедей, без чего, как говорит мать, человек с рождением своим и до конца дней прозябает в раздвоенности, духовной немощности, слепоте?

А мать верит. Больше того — любит. Пашка чувствует, что мать любит Иисуса Христа. И Романа Чудотворца. И Богородицу. Когда она молится, у неё даже лицо преображается, светлеет. Странно очень. То есть, с одной стороны, здесь странного ничего нет, в том смысле, что вроде бы и так всё понятно, но с другой — не совсем понятно. Можно, к примеру, любить Володю или его — Пашку. Да кого угодно, кто существует. Или существовал. Хоть дворнягу Душмана. Но как можно любить то, что лишь на картинке, чего, возможно, никогда и на свете не было?..

Володя, брат, рассказывал, что с ним тоже случай был, в школе он тогда учился, они в классе изучали феодальный строй Франции. В учебнике по истории иллюстрация с изображением Жанны д’Арк была. Так в неё, в Жанну эту, Володя влюбился. “Так втюрился, — рассказывал он, — что перед сном учебник истории под подушку клал, а по Средневековью Франции лишь пятёрки имел”. Но любовь к Жанне д’Арк у Володи длилась недолго. Мать же молится своему Богу столько времени, как Пашка помнит самого себя. А после смерти отца и вовсе чуть ли не монашенкой стала. Марьяша иногда её за это упрекает: дескать, не так стара, чтоб молитвами себя утешать, в миру живёт, с грешниками — что не приведи, Господи... а всё молится.

Пашка несколько раз ловил себя на мысли... вернее, не совсем так. Мысль как бы исподволь ловила его: мать знает что-то такое, о чём ни он, ни Марьяша, ни Бурцева, ни кто-то другой не догадываются, чего никакой наукой или мудростью жизненной не объяснишь и не поймёшь. Будь ты хоть семи пядей во лбу. Ибо это *что-то* можно осознать и понять не шарбаном, не серым веществом, запрятанным в черепной коробке, а тем, что находится чуть ниже и левее, под рёбрами. “Поступайте, как сердце подсказывает”, — говорит мать. Быть может, права она? Может, это и есть наивысшая мудрость?

Закрывшись внутри голубятни, приятно слушать воркованье, время от времени щёлкать кнопкой китайского фонарика и не думать о школе. Или думать обо всём и ни о чём. И пусть снаружи доносятся чьи-то голоса, где-то по шоссе мчатся и сигналият машины, — ты словно бы изолирован от всего мира. Тебе никто не нужен, и ты никому не нужен. Кроме матери. Полчаса назад она приходила к голубятне, угрозами и уговорами упрасивала его идти домой, обещая написать обо всех его выходках брату. Значит, кто-то уже сообщил ей о случившемся в школе на уроке английского. Но брату она писать не станет. Пашка в этом уверен. Помнится, когда умер отец, мать лишь спустя полгода решилась написать Володе. А потом очень долго ей не давали с ним свиданку: что-то он там натворил, говорят, хотел в бега податься. А ещё Пашка знал, что с Володиёй они от разных матерей. Из-за этого он сначала сильно переживал, но со временем успокоился: не всё ли равно — отец-то один, общий. Даже на фотографии, правда, не очень качественной, старой, хранящейся в их семейном альбоме, на той самой фотографии, где Володя держит двухлетнего Пашку на руках, они очень даже похожи. И вообще... никто и никогда во дворе намеком не обмолвился, что они с братом от разных матерей. Потому что знают: Пашка такие намёки никому не простит. И Володя бы не простил.

Когда Пашке было лет семь, к ним во двор завалила кодла ребят из чужого посёлка. Привёл их малолетка, из так называемых положительных первоклашек. У паренька украли велосипед, и он почему-то указал на Пашку. Мать в тот день развешивала в палисаднике стираное бельё. Началась ругань. Кто-то из коды, может, случайно, а может, и нарочно зацепил ногой деревянную подпору бельевой верёвки: почти всё, что было вывешено сушиться, оказалось на земле. Но это было полбеда. Пашка вдруг увидел, как один из парней сгоряча оттолкнул мать, и она, ухватившись за верёвку, дабы удержать равновесие, повалилась на кучу уже испачканного белья. “Падлы, ах, вы, падлы какие!” — донёсся разъярённый голос Марьяши, способной своим неистовым криком отпугнуть любую шпану. Когда выбежал отец, было поздно: Володя уже успел несколько раз шмальнуть из своей мелкокалиберной железки. Одному парню он прострелил ладонь, другому попал в ягодицу. Остальные разбежались. Так брат получил второй срок.

Письма, которые шли от него из колонии, Пашка читал все без исключения. В них всегда было почти одно и то же: просьба прислать чай, курева, консервов. Первоначально это были письма-исповеди, с лёгким налетом тюремной романтики. Даже в чём-то лирические. Читать их было приятно и грустно. Иногда в них встречались стихи. А многие свои первые письма Володя так и заканчивал: “Жду ответа, как соловей лета”.

Пашка тогда ещё не подозревал, что весь этот налёт лиричности, псевдоромантики — не что иное, как привыкание, сращивание с той средой, где возвышенный душевный порыв становится лишь обычным символом — и не более; что расхожая зарифмованная строчка “жду ответа, как соловей лета” — тоже обычный символ. Или штамп. Как угодно. То есть в том смысле, что подобными штампами пользуется чуть ли не каждый отбывающий срок новичок. Быть может, письма позднего периода стали отличаться некоторой сухостью, в них стало меньше “лирики” и больше конкретных серьёзных просьб. Например, обмолвками и намёками, понятными только Пашке, Володя просил денег. А то и “травки”. И со жрачкой — консервами и салом — посылались курево и новенькие “лопаря” — тапочки или шлепанцы, в которые Пашка аккуратно заначивал какую-нибудь купюру, достоинством в зависимости от обстоятельств. Лишь в одном брат был последователен и категоричен: в каждом письме он непременно велел младшему слушаться и беречь мать.

Но странно: если Володя освобождался, создавалось впечатление, что письма писал совсем другой человек. Коля-Шкелет — и тот был более понятен Пашке, нежели Володя.

— Никому никогда не верь, — однажды в минуту откровения сказал брат.

— А тебе можно? — спросил Пашка.

— И мне не верь, — с некоторой суровостью категорично ответил он.

— Кому же тогда верить? — растерялся Пашка.

— Матери верь.

И, видя озадаченную физиономию младшего, добавил:

— За тебя, Паш, я любого замочу. В этом мне верь.

В это Пашка верил. Но всё-таки не мог избавиться от ощущения, а точнее — от наличия в его словах некоей двойственности, что ли. В письмах было одно, а на поверку выходило иное.

— Володь, почему тебя Татарином зовут? — как-то поинтересовался Пашка. Это было, когда брат освободился после второго срока.

— Что, не нравится? — вопросом на вопрос сердито ответил он. Пашка тогда совсем растерялся.

Случалось, что от Володи приезжал “браток с малявой”, и мать, чрезмерная набожность которой вызывала у Пашки порой раздражение, даже она, забывшись, употребляла в разговоре ранее незнакомые и столь необычные для неё слова: “Маляву-то Володе напиши”, — просила она Пашку. И вдруг, спохватившись, начинала креститься: “Прости меня, Господи, за язык непутёвый”.

...Уютно в голубятне, родное место, но долго прятаться от матери и думать о всякой ерунде — надоедает. Правда, можно включить электрический свет, открыть одному Пашке известный тайник и достать оттуда то, о чём никто не знает, даже брат. Она, эта большая Пашкина тайна, умещается в одной его ладони, размером и формой действительно напоминает лимон. Когда держишь её в руке, чувствуешь её вес, холодный металлический панцирь словно намагничивает твои пальцы, ты испытываешь необъяснимое волнение; ощущение слитности с этой разрушительной страшной тайной наполняет тебя. Ты держишь гранату осторожно, сильно сжав пальцами, будто бы уже готов выдернуть чеку и бросить в цель. Но ты всего лишь навсегда держишь её в руке и завороченно рассматриваешь свою “лимонку”. Ты изучил на ней каждую царапину, даже знаешь её конструкцию, её начинку. Ты эту гранату мог бы, наверное, узнать из ста, из ста тысяч других. Именно по той, известной только тебе метке. Но об этом никому нельзя говорить. Даже брату. Даже самому близкому другу. Потому что никому нельзя верить. И ещё потому, что эту гранату год назад ты украл у Афганца, а с ним шутки плохи. Поэтому ты аккуратно, очень даже аккуратно вкладываешь её в брезентовую рукавицу, которую нашёл на стройке, и так же аккуратно кладёшь “лимонку” в железный ящичек, что находится в подполочье, закрываешь его на замок, а ключ прячешь в щель между досок.

Поздно вечером ты выходишь из своего укрытия. К этому времени к беседке, что у сараев, подвоят местные пацаны. Может быть, ошастливят своим приходом Афганец с Ларочкой. Витька-Клоп непременно прибежит: мальчишке нет ещё и восьми, а курит, как мужик. Его Клопом прозвали, потому что мелкий очень. И вечно он с Душманом — это уличный кобель с проплешинами на боках и отрубленным хвостом, которого подкармливает чуть ли не весь двор. Живёт пёс в Витькином подъезде, на половичке под лестницей. Жильцы дома с соседством дворняги давно смирились. К тому же, если кто чужой в подъезд входит, Душман непременно его облает. Хоть он и уличный, а умный, и больших неудобств никому не доставляет.

Афганец убить Душмана грозился, а Витька не дал, спрятал собаку на время. Но Афганец всё равно убьёт пса. Если уж обещал, то за ним дело не станет, убьёт. Так как не по пьяной лавочке грозился, а натурально. Он и с Ларочкой так же: обещал убить, если не ляжет с ним. Спокойно, без эмоций разных пообещал и угрозы. Он вообще без нервов — Афганец. Лишнего слова не скажет. А если скажет, то слово держит. А Ларочка поверила. И как не поверить, если контуженый он. У него медицинская справка есть.

Но Ларочка даже благодарна Афганцу, так как у самой за душой ни “копья”, а у того всегда всегда копейка имеется. По ресторанам её возит на своей иномарке. У него почему-то в ресторанах много друзей. К тому же не замуж он её зовет, а так, поразвлечься. Одно лишь условие: чтобы ни с кем, кроме не-

го, в постель не ложилась. Ну, это она как-нибудь потерпит. А замуж за “халдея” Виталика пойдёт. Он в ресторане официантом работает. Очень даже симпатичный и всегда при деньгах. Женат, правда. Но это дело техники. То есть, её это дело, Ларочки. Всё равно Афганца посадят или убьют — такие долго не гуляют. Последнее даже вернее. Потому что друзья у него очень крутые, а крутых рано или поздно убивают. Убили же недавно Сережу Белого. Выезжал на своём джипе из гаража, так его из автомата всего изрешетили, даже хоронили в закрытом гробу. И Афганца такая же участь ждёт.

Такая вот логика у Ларочки. Потому что мозгов у неё с гулькин нос. И ещё потому, что деваться ей некуда. И неоткуда просить защиты. “Халдей” Виталик сам у Афганца в холуях ходит, а с ментами связываться не резон. И чем они могут помочь? Вся местная милиция с бандитами повязана. Кто Ларочка для ментов? Подстилка обычная.

Иной раз, может, и хочется заплакать, маму позвать, да боится. Всего боится: даже когда Афганец спит — боится его ровного сапа, его впалых, как у покойника, глаз. Боится его правого кулака. И никого нельзя позвать, даже маму, так как сама на это пошла, сознательно. Чтоб подруги завидовали, чтоб не хуже, чем у других, а лучше, чтоб на иномарке да с шиком. Ибо сама ничего делать не умеет. Вот и терпит, молчит. Потому что ей ещё нет семнадцати, и она никогда не имела дел с контужеными.

Их несколько таких — ларочек, таких дурочек расфуфыренных, которые изредка, но заглядывают во двор: подкатят к беседке на машинах со своими бычками бритоголовыми, пощечбучт минут десять, перекурят и — “Чао!”. Будто в Канны на фестиваль собрались. Но Ларочка из всех самая привлекательная. Пашка помнил её ещё по детскому саду. Помнил и в белом школьном передничке с ранцем за спиной. Уже тогда в её розовых мочках ушей были проколоты промцы. А через некоторое время — и золотые маленькие серьги. А ещё позже — Пашка учился тогда в седьмом классе — Ларочка, так сказать, “вошла в связь”. Подпоил её Коля-Шкелет сладким портвейном, и не стало прежней девочки. Но это давно было, года три назад.

Вообще-то двор у них весёлый. Каждый — чуть ли не личность, характер. А талант — это уж точно. Слава Романов, например. Из всех ребят к нему одному, наверное, кличка не прилипла. Его так все и зовут — Славик. Он очень хорошо на гитаре играет. И поёт неплохо. Хотели ему прозвище дать — Гитарист, но как-то не прижилось: в кого пальцем ни ткни, всяк на гитаре брэнчать может. Даже Витька-Клоп. Но Слава Романов — почти профессионал. И репертуар у него, как у Вертинского, — ничего похабного. Пашка не очень хорошо представляет, кто такой Вертинский, но, наверное, мужик из своих. Правда, Ларочка говорит, что пел он так себе... Но тут Пашка не очень готов ей доверять, потому что ей вообще отечественная эстрада — до фонаря. Хотя она врёт. Так как тайно влюблена в халдея Виталика, а ему из наших певцов нравится один гомик размалёванный, с серьгой в ухе. Но, как говорится, о вкусах не спорят. Всё равно, когда Славик Романов начинает петь под гитару, все слушают его, затаив дыхание. А он может петь хоть всю ночь. Пока не охрипнет. И всё равно: даже охрипшего Славку слушать приятно.

Нередко его “концерты” заканчиваются далеко за полночь, хотя, думается Пашке, многие согласились бы слушать до утра. Но тут обстоятельства не позволяют. Двор — не сочинская эстрада, и людям тоже спать надо. И дело вовсе не в Марьяше, не в её пьяных выходках, а так, просто по-человечески — многим на работу идти, а тут песни до утра... надо и совесть иметь. Все это понимают. И Коля-Шкелет понимает: “Слав, сыграй на посолок, мою, а...” — просит он. И не только Славик, а все знают, какую песню просит Колька. И Славка чуть-чуть откашливается, проверяя себя, настраивая свой голос под песню, под аккорд. И начинает петь. Ему даже не надо придавать своему голосу нужную хрипотцу, грубо подражая автору, потому что за несколько часов надрывного пения голос и без того охрип:

“В тот вечер я не шил, не ел, я на неё всю глядел...” — поёт Славик. И у него действительно очень неплохо получается. И все внимательно, жадно слушают. Особенно Коля-Шкелет. А когда идут слова: “Со мною нож, ре-

шил я: что ж, меня так просто не возьмёшь, держитесь, гады...” — у Кольки загораются глаза и вздуваются ноздри. Возможно, пара чёрных шпанцерных, пара его лучших голубей, подвешенных на суровой дратве к перекладине беседки, в этот миг вспоминается ему. И боль, и звериная злоба: “Порешу падлу!” И надо держать “слово”. В противном случае ты — ничто: червяк, тля, которую можно раздавить мизинцем. Поэтому идёшь один против ублюдков Мордасовых, держащих в подчинении всю местную шпану. И как в песне: “Держитесь, гады!...” — слепо, первым, на рожон; коротким, резким ударом... и острая сталь по рукоять входит между рёбер одному из братьев. Но ты не чувствуешь чужой липкой крови, когда хочешь вынуть нож и нанести второй удар, потому что уже сам лежишь в собственной, корчась от боли. И только ещё можешь выговорить пересохшими вдруг сразу губами: “Порешу падлу...”

Да, в этот миг Коля-Шкелет страшен. Страшен и прекрасен. И Пашке почему-то становится его жалко. Так жалко — до слёз. Колю-Шкелета жалко, и брательника и... всех-всех, даже Мордасовых, всех их... таких разных, с несложившейся, неудавшейся судьбой, у которых жизнь пошла наперекосья, на слом. Это — минута наивысшего накала, наивысшего напряжения. Редкая вдохновенная минута. Славка Романов тоже это чувствует. Чувствует, что все взоры в эту минуту устремлены на него, а он — как кратер вулкана, извергающий раскалённую лаву скрытых и непонятных до конца, чуть ли не первобытных энергетических запасов своей молодой неопытной души. Вероятно, подобное чувство охватывает всех. И пьяная Марьяша, выкрикивавшая четверть часа назад из окна своей убогой комнатёнки всякую похабщину, тоже это чувствует, потому как затаилась и слушает. Знает, что после этой песни все разойдутся, двор опустеет; что ругаться будет уже не на кого. Наступит тишина. Та ночная крошечная тишина, от которой ей — пропитой и никому не нужной состарившейся женщине — впору удавиться.

7

Майская ночь по-летнему тёплая, нежная. Небо — всю жизнь так и смотрел бы на это небо: чистое, таинственное, с фантастически-манящими звёздами. И вовсе не хочется идти домой. Хочется думать о хорошем. Например, о том, что будет с тобой через год-полтора. А ещё лучше — через три. Потому что через три года ты уже должен будешь отслужить в армии. И непременно в десантных войсках. Это как бы само собой — в десант. Чтоб в какую-нибудь “горячую точку”. И тебе плевать на “дедовщину” и на все те мерзости, что показывают по телевизору. Ты всё это выдержишь. Ибо тюрьма не лучше. Но армия ещё не скоро. И ты мучаешься тем, что очень медленно тянется время. Так медленно, что хочется одним прыжком взять этот временной барьер. Как на уроке физкультуры, когда прыгаешь в длину: разбежаться, резко и пружинисто оттолкнуться... и тебе уже двадцать и пора на дембель. И та девочка, которую ты когда-то обидел, быть может, забудет и простит старые твои грехи. Потому что ты будешь уже совсем не тот, другой. Ну, абсолютно другой: в десантном камуфляже и голубом берете, с боевыми значками или даже медалями. И Оська Шмуль, этот очкарик, профессорского вида уродец, будет тебе завидовать. Ещё как будет! Потому что Мальвина вернётся к тебе. А пока... ну что ж, Пашка себя ещё проявит. Так проявит, что о нём вся школа говорить станет, весь город. Вся страна его узнает. Он такой поступок совершит!.. такое сделает!.. такое, что... И на хрена ему эта школа! Не глупее же он, в самом деле, этого Оськи: тоже — финансист... Знаем мы этих финансистов — всю страну разграбили. Так что Мальвину он Оське не уступит. Если уж на то пошло — Пашка и сам финансистом сможет стать. В математике он сечёт не хуже очкарика. И по другим предметам соображает, не из последних в классе. А что с английским плохо, так переводчики на то существуют. Главное, чтобы деньги были. А они будут. Обязательно будут. Чтобы таких, как Шмуль, на место ставить. А то, понимаете ли, у Пашки “ни фундамента нет, ни корней”. Надо же такое сказать! Сморчок пархатый! Даже если б и текла в Пашке татарская

кровь — что из того? Почти триста лет Русь под татарвой жила. Кто из русских сейчас уверен, что в нём нет примеси их крови?! А взять, к примеру, Екатерину Великую — императрицу Российскую: тоже ведь — немецкой крови. И всё равно — русская. По духу на все это — русская баба.

Пашке вообще-то без разницы — татарин ты, русский или еврей. Да хоть чукча! Чукчи, кстати, очень даже симпатичные люди. Почти как японцы или китайцы. И анекдоты про них смешные. Если б все были, как чукчи, — давно бы коммунизм на земле был. А Шмуль зря затронул национальный вопрос. Уж чья бы корова мычала... Подумаешь, у отца первая жена была из татар. Что здесь такого? Да это лишь о дружбе народов говорит. К тому же Володя крещёный. Мать часто напоминает, что все в их семье православные. Так что пусть очкарик помалкивает насчёт корней: кого-кого, а его это касается в первую очередь. Ведь это у Оськиного отца какой-то родственник главным евреем в банке работает. Хочет его от армии отмазать и снова в Англию отправить. Пашка об этом из авторитетных источников знает. Плохого в этом ничего нет, хорошо даже — пусть уматывает за границу, лишь бы Мальвине на мозги не капал. А то ведь проходу ей не даёт. Ладно бы только на уроках, но и после школы к ней липнет. Понятно, ведь Пашка сейчас как бы в “нождауне”. В том смысле, что Мальвина принципиально его, Пашку, в упор не видит. Почти два года. Вот Оська и пользуется, играет на этом. Вроде как сочувствует даже.

Но Пашка не дурак, понимает. Всё понимает. И для чего Шмуль в бассейн стал ездить, и почему причёску поменял. Даже собирается операцию на роговицах глаз сделать. Дело нужное, да вот только без очков ему никак нельзя: как снимет очки, так смех один: шнобель у него, точно сопля у индюка. Очки хоть немного дефект скрывают, а без очков... Словом, весь национальный вопрос как на ладони. Странно: неужели Мальвина ничего не замечает? Ведь Оська по всем параметрам урод. То есть не совсем, чтоб очень, но если их с Пашкой рядом поставить да одеть в форму десантников, Шмуль ему в подмётки не годится.

Афганец рассказывал, что у Арнольда связи и деньги большие; что в их клановом семействе чуть ли не по всем континентам мира банки имеются. Но самое неприятное для Пашки было, когда Афганец намекал, будто бы Мальвина по расчёту с очкариком... И что Арнольд вовсе не собирается уезжать из России. Лет пять назад прошёл слух: Шмуль на чемоданах сидит, визу ждёт и не сегодня-завтра отвалит. И вдруг на тебе! — остался. Пашку это событие тогда не очень огорчило, вольному — воля, как говорится. Но разве он мог предвидеть, что Оська (совершенный сморчок!), который всегда на уроке физкультуры шеренгу замыкал, станет его соперником? Если задуматься — свинство полнейшее. Ну, допустим, Мальвина с ним вынуждена общаться, потому что за одной партой сидит. И как бы там Пашка ни принижал его достоинства, а голова у очкарика мозгами так набита, как у Марьяши пустые бутылки под кроватью. Не голова, а мозги сплошные. Но вот странно, до смешного странно: когда Оська, напрягая все свои мыслительные извилины, устремляя в пространство лупоглазое под линзами очков лицо, слегка морщит лоб и о чём-то усердно думает, Пашкин взор невольно фокусируется на его длинном индюшечьем шнобеле, словно все Оськины мозги сосредоточены и пульсируют не в голове, а в носу, будто не голова у него думает, а нос.

Но медалистом Оську, вероятно, сделают — папа постарается. Жалко, что именно его, а не Мишу Понника. Но тут ничем помочь нельзя: Арнольд пообещал Бурцевой компьютеры. В школе только и говорят об этом. В учительской уже один компьютер стоит. Если очкарика вытянут на золотую медаль, то школа ещё двадцать компьютеров получит. Тогда будет сформирован настоящий компьютерный класс.

Спонсорство — дело, конечно, благородное, но почему-то от него дурной запах исходит. И Афганец про Арнольда говорил, что сука он порядочный, но трогать его нельзя: у него большая сеть магазинов и автостоянок, и он под крышей братвы. А родственник его — банкир — с мафией связан. Хотя в последнее время кое-кто на Арнольда “зуб” имеет. Не нравится кое-

кому, что он под себя гребёт, как танк, напролом прёт, не посоветовавшись. Участок земли, где сараи старые стоят и Пашкина голубятня, тоже скупил и автостоянку платную на том месте строит. Там уже площадку бульдозером подготовили, и щебёнку завезли. Голубятню, правда, не тронули, но некоторые сараи снесли. Афганец говорит, что придётся голубятню в другое место переносить, так как голуби на автомобилях гадить будут, а птичий помёт краску автомобильную портит. Даже торговался с Пашкой, доллары предлагал. От имени Арнольда, конечно. Сказал, что Арнольд ему все затраты компенсирует. Но вот тут уж дудки! На фиг ему компенсация! Голубятня официально зарегистрирована, и никто не имеет права на его личную собственность покушаться.

Сейчас Арнольд переговоры с администрацией города ведёт, торгуется, хочет всё Чепрыкино скупить. Но кто-то его тормознул, что-то у него с земельным кодексом не ладится. Хрен бы с ним, лишь бы голубятню не трогал.

Если же криминал начнётся, Пашка Коле-Шкелету скажет. Или брату напишет. Чтобы какой-то Шмуль условия ему ставил! Хрен ему! Пашку ничем не купишь.

Одно настораживает: когда он Афганцу сказал, что брату напишет, тот лишь кисло поморщился и предупредил, что этого делать не следует, так как Володя ничем не поможет, а Коля-Шкелет — тем более. Разумнее компенсацию от Арнольда получить — с дрянной овцы хоть шерсти клок.

Но Пашка как-нибудь сам разберётся. За Мальвину вот только обидно — ведь Оська её мизинца не стоит. Пусть даже способный, и ума палата, но разве это честно: за компьютеры — золотую медаль?..

А что Пашка с Лизой тогда связался — так по глупости. И кто его на это подтолкнул? Кто шпаной называл? Если голубей он держит, значит, шпана? Про бородавки наметнула. Но они ведь только на руках были. Пашка и сам от них страдал. Но теперь-то он их свёл. Почти все свёл.

Голова пухнет, когда обо всём этом думаешь. Лучше уж совсем ни о чём не думать. Сидеть тихо в беседке, смотреть молча на звезды и не думать. Но просто так, без дела сидеть и ни о чём не думать — это ж какую выдержку надо иметь! Вот и ходишь, слоняешься по двору, как пришибленный, в стороне от ночных фонарей, выбираешь места поукромнее и потемнее. Благо, что никого нет, все разошлись по домам, и тебя никто не видит. Хотя и смотреть на тебя некому. Почти во всех окнах свет погашен. Лишь у Марьяши и Коли-Шкелета горит. Но им ещё рано; они и до утра иногда пьют. Собирают алкашню и пьют. Особенно не буянят, побаиваются, что кто-нибудь из соседей милицию вызовет. Уже было такое, вызывали. Марьяшу сразу отпустили, а Кольку суток десять продержали. Так что можно бы к ним заглянуть, с Колькой пообщаться и время убить. Потому как домой идти совсем не хочется. Но пьют, вероятно, у Марьяши, а у неё слишком уж сильная вонища в комнате, застаившаяся. Вдобавок кошки: она их несколько штук держит. И все приبلудные. Соседи, когда дверь её комнаты настежь открыта, стараются побыстрее по коридору пройти. Поэтому ты идёшь не к Марьяше, а ходишь, как проклятый, кругами, слоняешься по двору. Смотришь на свои окна. А в окнах твоих света нет. Значит, мать легла спать. Вернее, ждёт тебя, лёжа в постели. Но причина, по которой ты не идёшь домой, вовсе не в том, что мать начнёт тебя ругать и расспросами допытывать. Нет, причина вовсе не в этом, в другом. Причина в тебе самом.

Во-первых, тебе уже семнадцать и спать в одной комнате с матерью, где всю ночь дребезжит холодильник, где даже люстра под хрусталь подчёркивает убогость и нищету, становится всё тягостнее. Ещё угнетает набожность матери, то, как она каждый раз перед сном крестится, разговаривая с Богом. Но здесь Пашка не властен что-либо изменить — здесь епархия иных, непонятных и недоступных ему сил и чувств. И раздражает его даже не то обстоятельство, что вот уже много лет мать перед сном молится, ухаживает за лампадкой, и в углу комнаты, за шторкой, у неё чуть ли не иконостас. Раздражает то, что Бог, которому она молится, которому искренне верит, за все эти годы ни разу её не услышал. Потому как если бы Бог услышал её, не жили бы они в старом убогом доме, в двадцатиметровой коммуналке.

И был бы жив отец. И Володя был бы сейчас не в тюрьме. И мать не горбатилась бы на стройке и не считала бы каждую копейку до получки. Вот что больше всего раздражает. Это во-первых. А во-вторых, беспокойно у него на душе, и все мысли, как их ни отгоняй, Мальвиной заняты. Ведь это он, Пашка, её Мальвиной назвал. Ещё в третьем классе. Как увидел её — так сразу и назвал. За её пышные белокурые ли волосы, голубые ли, почти небесные, глаза — сам теперь не знает толком — почему. Ему тогда казалось, что девочка, появившаяся у них в третьем классе, очень на Мальвину похожа. Хотя настоящее имя её Лена. Но пусть оно, имя, другое, для очкарика существует, а для Пашки эта девочка так и останется Мальвиной. Навсегда. На всю жизнь. И знать об этом будут только он и она. И, может быть, ещё ночные звезды, на которые ты сейчас смотришь, как, наверное, мать смотрит на икону. Смотришь и шепчешь, точно молитву: “Мальвина...”

Ты уже не слоняешься тайком по двору, а целенаправленно, ускорив шаг, выходишь дворами на шоссе и устремляешься к дому той, из-за которой беспокойно на душе, мысли о которой не дают тебе покоя, и ты не спишь ночами. Сердце начинает неровно биться, а в груди — то ли вакуум, то ли, наоборот, стукот нервов, когда подходишь к высотке, двенадцатиэтажному дому, где она живёт, и, стоя в зарослях акации, из укрытия, как тать, смотришь на её окна, в которых, конечно, уже нет света. Потому что давно за полночь. Ты мучаешься и лишь немного радуешься тому, что Оська Шмуль в эти минуты не может Мальвину видеть, не может с ней общаться. Если вот только по телефону. Но это не так страшно — по телефону. Пусть хоть до утра говорят, важно, что тебя тоже никто не видит. Ты можешь стоять в своём укрытии часами, смотреть на тёмное угловое окно третьего этажа и мечтать. Представить её спящую, с разбросанным на подушке золотом волос, небрежно скинувшую одеяло к ногам, в прозрачной, почти воздушной ночной рубашке, бретельки которой соскочили с плеч. На миг представить, как прикасаешься ты к её волосам и плечу губами, ощущая тайный, ни с чем не сравнимый, знакомый только тебе аромат её нежной кожи, аромат её молодости.

Когда ты так стоишь и мечтаешь, даже мысли об Оське не могут нарушить твоего мимолетного эфемерного счастья. И сердце теперь бьётся не от ощущения затаённой и безнадежной ревности, а от чего-то другого, самому тебе непонятного чувства. Это чувство абсолютно несравнимо с тем, какое ты испытывал, прикасаясь к Ларочкиным бёдрам, к тем её девственным потаённым прелестям, от которых ещё года три тому назад начинало закипать внутри, волновало кровь, и с тобой происходило такое, от чего ты после каждого раз немного стыдился.

Нет, теперь, в эти минуты, под окнами той, которая тебя в упор не хочет видеть, подростковый бунт плоти, тот, что когда-то притягивал к Ларочке, кажется тебе мерзким. До отвращения. Ты даже подумать об этом не можешь. Ибо те чувства, которые владеют сейчас тобой, на самом деле бесплотны и так же воздушны, чисты и легки, как прозрачная “ночнушка” той, чьё окно занавешено плотными шторами. Даже соскочившие с её плеч шёлковые бретельки — это лишь плод твоего воображения, так сказать, конечная инстанция твоих мыслительных действий. Впрочем, можно ещё представить, как ты губами прикасаешься к её плечу. Но не более. Дальше — запрет, которому, по не объяснимой тебе самому причине, ты всегда повинуешься. Так как совсем не хочешь, чувствуя интуитивно, чтобы образ той, единственной девочки, которую когда-то оскорбил и за которую готов в любую минуту пойти, наверное, на самое непредвиденное, вдруг незаметно сменился бы образом Ларочки. Ведь ты совсем этого не хочешь. Тебе трудно представить, страшно представить, что Мальвина когда-нибудь, пусть даже в далёком будущем, вдруг станет подобием Ларочки. Такого просто не может быть. Какие-либо сравнения с Ларочкой тут просто исключены. Ты отгоняешь от себя эти мысли. Зачем-то бросаешь оценивающий взгляд на водосточную трубу, балкон, на плотно зашторенное окно... Но будто бы о чём-то вспомнив, без раздумий срываешься с места и быстрым шагом, почти бегом, уходишь прочь. На сегодня достаточно. Всего достаточно: и школы, и ули-

цы, и... Даже от мыслей о Мальвине начинаешь уставать. Поэтому большую часть дороги — шоссейки, освещаемой ночными фонарями, ты бежишь слома голову и замедляешь свой бег, когда сворачиваешь в тёмный переулок, где фонари светят слабо или их вовсе нет. Лишь возле дома ты переходишь на шаг, осторожно, чтобы не напороться на разросшийся шиповник, стараясь отдышаться, остыть. Медленно поднимаешься по скрипучим ступенькам на второй этаж. И лишь одна мысль теперь тревожит тебя: уснула ли мать?

8

Самое паскудное, что всегда в таких случаях, когда приходишь за полночь, чувствуешь себя виноватым. И поэтому злишься. Догадываешься, что мать не спит, а тихо лежит на кровати в темноте, отгородившись занавеской. Но злишься больше на себя. Точно червь тебя гложет изнутри. Даже тишина. И что мать молчит, тоже гложет. И ты на цыпочках, сняв в коридоре кроссовки, не включая света, крадёшься к дивану. К лёгкому стыду своему обнаруживаешь на нём плотно укутанную в одеяло кастрюлю. Так происходит почти всегда, если ты возвращаешься поздно. Ты к этому почти привык. Не привык лишь к тому, что матери рано вставать на работу, а ты ошивался Бог знает где. И она должна терпеть твоё упрямство, твои выходки, твой “переходный возраст”. А точнее — твоё тихое хамство. Иначе твои поступки никак назвать нельзя. Ты это почти понимаешь, наедине с самим собой даже осознаёшь. Но никак не можешь себя переломить. Не получается. Ты жалеешь мать. Очень жалеешь. До такой степени жалеешь, что ненавидишь себя, ненавидишь эту убогую комнату, ненавидишь эту дворовую, в сущности, собачью жизнь. Но усилием воли стараешься сейчас себя сдерживать, не грубить, успокоиться, так как слышишь — мать ворочается, глубоко вздыхает, не спит.

Да, ты себя сдерживаешь. Осторожно, почти бесшумно, разворачиваешь одеяло. И руки ощущают тепло. И ещё газету. Мать всегда сначала оборачивает кастрюлю газетой, а потом одеялом. Чтобы дольше сохранялось тепло, чтобы “упрело”. Но газета шуршит: как бы аккуратно ты её ни разворачивал, кажется, что шуршание слышно по всему дому.

— Молоко в холодильнике, — вдруг негромко обронит из своего угла мать. Ты на мгновение, сжавшись в нервный комок, стиснув до скрипа челюсти, ещё сдерживая непонятное нахлынувшее раздражение, лишь произнесёшь нелепое, почти бессмысленное, до тошноты пошлое: “Ладно”. Потому что ты сам мог бы догадаться, что молоко в холодильнике, ибо твоего носа уже успел достичь духовитый запах упревшей гречневой каши — ещё горячей, почти не успевшей остыть, которую ты любишь есть с холодным молоком. Но мать нарочно, когда шуршал газетой, напомнила о молоке. Нарочно. Чтобы знал: она не спит. Из-за него не спит, дабы лишний раз напомнить ему, что ей завтра рано на работу. А ему — “хоть бы что, хоть мать с ног вались, ему — хоть кол на голове теши...”

И ты уже не очень осторожничаешь: включаешь ночник, накладываешь себе в тарелку кашу, достаёшь из холодильника молоко, отрезаешь от батона большой кусок и начинаешь с жадностью есть, обнаружив вдруг в себе звериный аппетит.

Странно, но ты действительно так проголодался, что не замечаешь, как голова становится совершенно пустой, будто деревянной: мысли, те оставшиеся ещё разрозненные, точно клочья молочной пенки, мысли постепенно оседают вглубь тебя, проваливаются вместе с кашей и молоком через пищевод в желудок.

“Голод не тётка”, — говаривал отец. Пашка иногда задумывался: что же это могло означать? Суть он вроде бы улавливал, как говорится, коню ясно, о чём речь: проголодался человек, да так, наверное, проголодался, что живот сводит. Но при чём тут “тётка”? Как он над этим голову нил ломал, получалась путаница. Мозги не могли переварить соединение “голода” с “тёткой”. Два, казалось бы, абсолютно разных понятия, а их противопоставляют, как, например, чёрное и белое, воду и землю. Ясно же: тётка и есть тётка, други-

ми словами, человек женского пола. То есть нечто материальное, что можно увидеть, потрогать и т.д. А голод? Разве его можно увидеть или потрогать? Чувшь, абсурд. Голод можно только почувствовать. И не руками. Даже не животом. А непонятно чем. Слюной, может. Когда жрать хочется, и ты думаешь о вкусной пище или, более того, видишь, как кто-то навораживает за обе щеки, — разве не исходишь слюной? Ещё как! Но только опять что-то не сходится: слюна есть слюна, а голод — он и есть голод.

Отец говорил: когда мужик голоден, то всегда злой. Пашка и от матери слышал: дескать, поел и сразу лучше стал.

Что правда, то правда, Пашка на себе это много раз испытал. Вот и сейчас — поел, и вроде как на душе полегчало. Вся злость куда-то подевалась. Все проблемы в животе улеглись. И Мальвина — трудно сказать, в каком уголке желудка поместилась.

От таких мыслей иногда самому смешно становится. У него часто бывает: подумает о чём-нибудь таком — нестандартном — и усмеётся. Мать его на этом поддавливала: “Ты чего, как старик, сам себе смеёшься?” А он и не знает, что ответить. Потому что если рассказать ей, над чем усмеялся, то совсем не смешно будет, а, наоборот, глупо. Наверное, поэтому и говорят: “смех без причины — признак дурачины”. Только словами этого не передать.

— В школу-то зачем вызывают? — неожиданно из своего угла спросила мать. — Что ты там ещё натворил?

В самый момент хорошего настроения спросила. Когда поел. Психолог!.. Но Пашке и правда вовсе не хочется дерзить. Во-первых, лень — после каши-то с молоком, а во-вторых, уже самому кажется, что ничего особенного не произошло. Не ограбил же он никого, не убил. Подумаешь, юбку училке задрал. Не будет рукам волю давать. К тому же она не намного старше его, Володя, брат, куда старше.

— Кто тебе сказал-то? — переспрашивает он.

— Миша заходил, а зачем в школу вызывают, не объяснил. Случилось что?

Правильно, что не объяснил, думает Пашка. На Понника он не в обиде: кто-то ведь должен был сообщить матери. Сам бы он не решился.

— Так что случилось? — допытывается мать.

— Пустяки, утром скажу.

Не будет же он, в самом деле, в час ночи объяснять матери во всех подробностях, зачем её в школу вызывают. Как говорится, будет день — будет пицца. А теперь спать.

Софочка, конечно, к уроку его не допустит. Но английский по расписанию завтра четвёртым. Поэтому дурить особенно ни к чему и в школу пойти надо — вдруг всё обойдётся. Успеваемость у него в норме, и никому не выгодно отчислять его перед выпускными экзаменами. Многие так считают: и Афганец, и Коля-Шкелет, и Слава Романов, и Миша Понник... Почти все так считают. А Пашка просто погорячился: это надо же — весь день в голубятне просидел! Как в тюрьме. Кому он что доказал?! Правильно Афганец говорит: судьбе надо идти наперекор, брать за жабры, иначе она тебя за жабры возьмёт. А сопли распускать, обижаться... На обиженных воду возят! А Пашка — не водовоз и никогда им не будет. Неприятно лишь, что придётся перед Софочкой Гольдберг извиняться.

Но ничего, он терпит. Противно другое: что Софочка будет им с матерью мораль читать. Пашка в этом нисколько не сомневается, потому что у неё большое место — мораль. Вот что обидно. Просто как нож по сердцу. Мать-то в чём виновата? Её за что унижать? А у Софочки в крови — унижить человека. И придётся молчать, терпеть, соглашаться со всем её враньем. Ведь скоро выпускные экзамены, а у Пашки с английским, как у араба с евреем, — своя Палестина.

Если б был он на месте очкарика, если б у матери было столько же денег, сколько у Оськиного отца, с английским проблем не было бы. И всё было бы по-другому. У него денег, ни отца у Пашки нет. Есть старший брат — и тот в тюрьме. А мать от полочки до полочки перебивается, копейки считает.

Пашка вовсе не завидует Оське, каждый должен быть на своём месте — это он хорошо понимает. Но почему кто-то должен ишачить всю жизнь,

лишь бы себя прокормить, а кто-то каждый месяц на Кипр летать? У них что — копи золотые появились? Или клад помещика Чепрыкина нашли? Мать рассказывала, что Арнольд Иосифович Шмуль, Оськин дед, когда в бараке по соседству жили, часто к ним за чем-нибудь приходил: соли попросить ли, чесноку... Оськиному отцу, Арнольду, тогда было меньше, чем сейчас Пашке. И мать никогда ни в чём не отказывала. И с Оськой Пашка в один детский сад ходил, в одну группу. Кровати их рядом стояли...

В Пашке вовсе не зависть говорит, но... несправедливо как-то. По всем статьям — несправедливо.

Прошлым летом Афганец на своей машине Пашку и мать к Володе на свиданку возил: от брата письмо пришло, что его из Владимира в Коми отправляют. С Володей им встретиться не разрешили, но передачу взяли. На обратном пути домой Афганец показал дачу Арнольда — по какому-то важному делу к нему заезжал. Пашка и мать в машине остались, ждали. Так надо заметить — это пейзаж! По телевизору часто дачи показывают — генералов и прочих чиновников, которые на ворованные деньги отстроились и ряхи понаели. Так их лачуги можно сравнить с дворцом Арнольда примерно в такой же пропорции, как голубятню с Домом Советов. Тогда-то Пашка от матери и услышал об Оськиных предках, как в одном бараке с ними жили. До тех пор, пока бараки не снесли.

Пашке, разумеется, незачем знать, какие дела у Афганца с Арнольдом, но сам по себе этот факт не очень вяжется с характером Афганца: его же слова, что такие, как Шмуль, страну раздербанили, последнее у народа отбирают и под себя гребут. Это же факт. Значит, Шмуль — зло. А если зло — с ним надо бороться. Но Афганец иначе рассуждает: если у зла есть деньги, значит, есть власть. Против же власти не попрёшь, власть необходимо уважать. Поэтому надо находить компромисс. А компромисс только в одном — заставить Арнольда делиться награбленным.

Конечно, так долго несправедливость продолжаться не может. Афганец это чувствует. По всем направлениям чувствует — происходит что-то не так. И дело даже не в “бабках”. Но Афганец темнит, не всегда его понять можно. Как-то он признался, что мог бы в наёмники пойти. Лишь бы хорошо платили. А так, за бесплатно лоб под пули подставлять — дураков нет. Тем более он инвалид, куда ему без руки? Если б и взяли наёмником, много бы он с култей заработал?

Афганец Володи дожидается, хочет “фирму” с ним организовать. Подогрев брату от него ведь идёт, от Афганца. Мать одна бы не потянула. Жрать-то на зоне нечего. Там у работяг даже работы нет, все срока тянут, как могут. Брат в письме написал, что есть маленькая столярка, да разве она прокормит? Но Володя всё равно бы работать не стал, ему нельзя, не принято у них.

Его почему-то многие ждут. Даже менты. Выручка, участковый, так и сказал: если освободится брат, может, и у них в городе порядок будет, а то беспредельничают многие, особенно молодёжь. Лично Пашка этих слов не слышал — Выручка их Коле-Шкелету говорил. А Колька — Пашке. Правда, Колька в тот раз пьяный был. Или обкуренный. Его не поймёшь. И когда говорит, тоже не поймёшь — горбатого лепит или правду. Но если он начинает стихи цитировать:

*Ты кончай мне про свободу говорить,
Я не знал её с семнадцатого года,
А поэтому я пил и буду пить... —*

всё, значит, Колька в кондиции. Он почему-то в такие минуты уверен, что в России всё равно будет по справедливости, так, как завещал великий вождь. И никакая другая свобода, о которой теперь талдычат, ему не нужна. У него своё понимание имеется. А вот американцы ещё пожалеют, что своими империалистическими граблями его, Колькину, родину лапают и чьестных воров в тюрьмы сажают: “Они первые запустили бумеранг свободы, — как лозунг, любит иногда провозглашать он, — к ним этот бумеранг и вернётся. И снесёт башку их статуе, которая давно уже прогнила”.

А то ни с того ни с сего начинает нести всякую ахиною, родину проклинать и в Китай к тибетским монахам всех агитировать. Как оголтелый принимается орать: “Поменяли хулигана на Луиса Корвалана; где б найти такую...” Короче, примерно в таком роде. Это говорит уже о том, что Колька — в ломину, и ему недалеко до белой горячки. Его и уведят домой, когда он “Сербияночку” петь начинает:

*“Сербияночку” плясать надо с сображением:
Руки-ноги задрожат — в голове кружение.
“Сербияночку” сплясать — надо пуп почесать,
Когда пуп почесу, “Сербияночку” спляшу.*

Несколько раз Коло-Шкелета под “Сербияночку” в “Яковенко” отправляли, в психушку, потому что в белой горячке он убить запросто может. Однако Пашку ни разу в таком дурном состоянии не тронул, и, помнится, Пашка у него даже топор отобрал. Никто не подошёл к Кольке — все боялись, что зарубит, а Пашка подошёл и отнял у него из рук топор. И Колька плакал, как ребёнок, — белая горячка у него началась. Врачи говорят, что он уже неизлечим. К тому же туберкулёз у него, хоть и в закрытой форме. Об этом многие знают и потому жалеют. Когда он говорит о родине, его все слушают и соглашаются, чтобы не сердить.

А будет ли порядок в городе или нет, не Пашке судить, но рыба с головы гниёт. Сейчас только об этом и твердят. За примерами ходить далеко не надо. И какой порядок в городе можно навести, если даже в школе порядка нет? Всё упирается в деньги. Пашка подозревает, что Софочка Гольдберг специально его вчера спровоцировала. Ведь он ей ответил урок? Ответил. Плохо ли, нет ли — вопрос другой. Но ответил же. Чего же цепляться? Ставь двойку, если плохо. А она специально его доставать стала: понимала, что Миша Понник за Пашку вступится. То есть знала его реакцию. Так оно и вышло. Потому что у Миши обострённое чувство справедливости. Наивный, как мяч: сидел бы со своим чувством и помалкивал. Пашка как-нибудь сам с Софочкой разобрался бы. Ведь он ей про Душмана брякнул, когда она Мишу из класса удалила, а им двоим “неуд” в журнал поставила. Так что Поннику теперь точно не видать золотой медали, как Коле-Шкелету — собственную наголку на заднем месте.

И ведь поставила “неуд” на предпоследнем уроке английского. До этого у Миши одни пятёрки были. Все в классе возмутились. Даже Мальвина. Только Оська Шмуть злорадствовал. Он и над Пашкой иногда куражится. Без свидетелей, разумеется. И насмехается, гад, интеллигентно, придраться не к чему: “Ты, — говорит, — для Ленки (Мальвины то есть) Рогожин из “Идиота”, только без средств”. Вот и думай тут — оскорбление это или нет? Что это за тип — Рогожин? Не “идиотом” же Шмуть его назвал. За идиота он быстро бы схлопотал. И стоишь — баран бараном, не знаешь, как реагировать, что ответить.

Понник позже объяснил Пашке: у Достоевского роман есть “Идиот”. А Рогожин — купец богатый, миллионер. В бабу до одури влюбился и зарезал её, в конце концов, из-за ревности. Помешался, словом. А в остальном — нормальный мужик, не жлоб. Чем-то Афганца напоминает. Когда Пашка очкарику свои мысли насчёт Рогожина изложил, тот даже рассмеялся: “Ты, — говорит, — элементарных вещей не понимаешь: тебе после школы или грузчиком, или в бандиты идти надо”. Ну, не сволочь! Интеллигент липовый!.. Пашка не то чтобы обиделся, а растерялся напрочь: вроде бы и обидно — за грузчика, но с другой стороны, посмотришь: чуть ли не каждый сейчас в бандиты идёт. Даже Витька-Клоп: от горшка два вершка, а уже киллером мечтает стать. А кем же ещё? Бухгалтером? Или как Виталик — халдеем в ресторане? У новых русских шестерить? В приличное место фиг устроишься; заводы все позакрывали, сплошная безработица. А челноком или на рынке торговать — нужно ли тогда среднее образование? Лучше уж, действительно, в бандиты...

Но больше всего задело другое: не получится, мол, ничего у Пашки с Мальвиной, а “душевный мазохизм вреден для здоровья”. Пашка сначала не понял, но очкарик пояснил: “Самоистязание из-за пустяков. А женщинам в мужчинах нравится трезвый ум, сильная воля и аристократизм”. Выходит, у Пашки этих качеств нет. Если он голубей держит, значит, шпана. Но ведь он нравился Мальвине. Они даже целовались как-то, в восьмом классе ещё.

“У тебя пухлые губы, — сказала она тогда, — но ты целоваться совсем не умеешь”. Так, наверное, каждая девчонка парню говорит, если хочет показать себя опытной, а сама никогда раньше не целовалась и не знает, как это делается. Пашка в тот раз не придал её критическим замечаниям большого значения. Лишь совсем недавно стал задумываться. “Ты, Паша, конечно, красивый мальчик, но Оська аристократичнее. Если б тебе его мозги, получился бы неплохой экземпляр”. И ещё: пусть он, дескать, не обижается, но он, Пашка — мальчик из подворотни, девушкам такие не очень нравятся, то есть совсем не нравятся, с такими быстро наскучивает: “Голуби, гитара, десантные войска... — всё это хорошо, но скучно”.

Он, конечно же, не обижался. Разве он мог обидеться на Мальвину. Когда Пашка о Славке Романове ей рассказывал, о том, какие он песни “жалистные” поёт (так и произнёс: “жалистные”), Мальвину аж передёрнуло: “Странно, — озадаченно произнесла она, — учимся в одной школе, даже в одном классе, а разговариваем, как люди из разных эпох”. А когда она ему о чём-то рассказывала, складно так рассказывала, красиво, он её неожиданно перебил и заверил, что тоже научится так красиво говорить. “Идиот! — вырвалось у неё. — Я тебе Бунина цитировала. Это же Бунин. Понимаешь ли ты?!” Пашка никогда её такой не видел — взбешённой.

После этого между ними словно кошка чёрная пробежала. Но он на скандал не шёл, старался всячески сгладить её нервозность по отношению к нему. А в конце мая, ровно два года назад, перед началом экзаменов тюльпаны ей чёрные в школу принёс. Красивые очень. Пашка у Ларочки их вымолил. У неё был большой букет чёрных тюльпанов. Афганец раздобыл: у иностранца знакомого купил, за доллары. Много купил. Так Пашка на коленях Ларочку упрашивал, чтобы несколько цветов продала. Но она бесплатно ему подарила — пять штук — за то, что на колени перед ней встал. Он ей всё равно благодарен. И вот тюльпаны эти он Мальвине в школу принёс. Весь класс ахнул. Она сначала взяла, а потом назад их вернула, сказала, что с кладбища ей цветы не нужны. Пашка даже офонарел: почему с кладбища? Шмуль здесь же рядом находился и объяснил, что такие чёрные тюльпаны два дня тому назад видел на кладбище, на могилах воинов-интернационалистов. Пашка растерялся: при чём же здесь он? А при том, оказывается, что у нас в России чёрные тюльпаны не растут, и значит, Пашка их стащил с кладбища. Вот такая логика получается. Доказывай теперь, что ты не верблюд. Признаться, что цветы ему дала Ларочка за то, что на колени встал, а Ларочке — Афганец подарил, который, в общем-то, и купил цветы для погибших воинов-интернационалистов? Тоже не выход.

Он от сей коварной несправедливости так адреналином переполнился, что не сдержал его вовремя Миша Понник, убил бы очкарика, на части бы разорвал. Ведь Шмуль не только перед Мальвиной — перед всем классом его тогда опозорил, чуть ли не подонком его выставил. И ведь многие поверили. А Мальвина подлецом его назвала. Так и сказала при всех: “Подлец!” Он её этими тюльпанами по лицу и хлестанул. Ещё и жидовкой обозвал. Короче, сорвался. Быть может, потому с Лизой и Гундосым тогда пошёл. Вот же дурак! Будь они неладны — тюльпаны эти...

9

Вчера Коля-Шкелет повесился. Вернее, сегодня ночью. Марьяша утром весь дом на ноги подняла охами да ахами. Рассказывает: “Ночью пили, весёлый был, не буянил вовсе. После ушёл: жарко, говорит, устал. Я утром к нему заглянула — похмелить, а он сидит на полу у подоконника, спиной к батарее... в штанах, до пояса раздетый. Я ему: Коль, Коль, а он холодный

уже, и верёвка за ухом. На батарее повесился, на трубе. Может, травкой обкурился, после меня-то?..” И вздыхала: “У него, наверное, и костюма приличного нет, чтоб похоронить... На Тибет всё собирался... Дошёл теперь”.

Все в доме знали, что Коля-Шкелет травкой балуется. Часто, когда подвыпьет или покурит травку, к тибетским монахам собирался идти. И непременно пёхом. Он и Пашку с собой звал. Жалко его. Весь дом его жалеет. Несчастный он. Мать сказала: “Тридцать с лишним лет прожил, а ничего в жизни хорошего не видел: двор, водка да тюрьма. Даже Володю не дождался. А как хотел Володю дожидаться! Вот она — жизнь, хуже атомной войны, прости меня, грешную”.

Пашка от таких слов прослезился даже: такой поганый ком к горлу подкатил, что слёзы сами потекли. Он и не стеснялся их, а ладонями по щекам размазывал. Ну, правда ведь, жалко Кольку. Как представил на его месте брата — вовсе немоготу стало. Но это длилось недолго, минуту. Слёзы вдруг сами собой прекратились, высохли, и Пашка успокоился. Словно не он только что по щекам их размазывал, а другой человек. Лишь глаза немного покраснели.

Пока “скорую” вызывали, милиция успела приехать. Но тут и постороннему ясно, что он сам повесился. Поэтому они долго не задержались. А Кольку до приезда “скорой” положили на пол, на старое покрывало. Он так и лежал до приезда врача, до пояса голый. Грудь у него располосована вся, в шрамах старых от поножовщины. Ещё от братьев Мордасовых. И синяя вдобавок — из-за татуировок. У него и спина такая же — в шрамах и синяя, с куполами церковными и ангелами, а под горлом, вдоль ключицы, финка с резной ручкой наколота. Но Пашке больше нравится на внутренней стороне правого предплечья паук, тарантул. Очень красиво сделано. У него много всего разного. Врач, когда Колькино тело осматривал, восхитился: Эрмитаж, говорит, настоящий.

Потом Кольку увезли в морг. А перед тем, как увезти, Марьяша с шофёром матюкались: он о деньгах за транспортировку трупа намекнул. Но откуда деньги-то? “Покойник не работал нигде”, — это Марьяша так выразилась: “покойник”. И сама она, дескать, пенсию маленькую получает. Без матюков не обошлось. Водитель “скорой”, молодой мужик, лишь криво усмехнулся: мол, он и сам знает, что покойники не работают. Так ни с чем и уехали — шофёр, врач и медичка. Колю-Шкелета в морг повезли. А Марьяша стала рыться в Колькиной комнате — документы необходимые искать и бумаги, адреса, чтобы родственникам телеграммы разослать. Жил-то он один. Но это не значит, что у него никого нет. Есть. Мать где-то под Серпуховом. И две сестры: старшая и младшая. Колька средним был. У него и жена с ребёнком есть, но она с ним давно развелась. Как только его второй раз посадили, так она сразу на развод подала. Впрочем, неинтересно это, скучно, когда речь заходит о разводах, и за глаза гадости говорят. Человек умер, горе, а тут сплетни: кому теперь комната достанется... Пашка этого не любит. А от соседей ничего путного, кроме сплетен, не услышишь. К тому же в школу надо идти. Но сначала он в голубятню сбежал — птицам корма дал. Лишь потом на уроки пошёл. Хотя какие теперь уроки... экзамены на носу.

Полдня в подавленном настроении находился: всё о Коле-Шкелете думал да о брательнике. Но это тоже неинтересно и мрачно. Особенно муторно вспоминать, как он перед Софочкой Гольдберг в учительской извинялся, как она его перед всеми в учительской отчитывала. И Бурцева отчитывала. И мать: она рядом стояла и со всеми Софочкиными доводами соглашалась. Подзатыльник ему влепила. Не сильно, а так, для вида больше. Всё равно стыдно было, хоть сквозь землю провалиться... Не только за себя стыдно, а вообще стыдно, за всех. За Софочку стыдно, за директрису... Ведь все всё понимают, а делают вид, что Пашка один виноват. Это же совсем не так. Ну, естественно не так. Ведь всё из-за Оськи, чтобы ему золотая медаль досталась. Вот и отработывают арнольдские деньги. Унизительно это. Так унизительно, что... его б воля, взорвал бы школу к едрене фене. Но вряд ли получится: одной “лимонки” маловато будет, стены-то кондовые. Если вот только самого Арнольда? Как в кино: “Получи, фашист, гранату!” Он каж-

дое утро в одно и то же время на своём вишневом “Чероки” на шоссе мелькает. По нему можно даже время сверять: очкарика к школе подбросит и дальше погнал.

Но Арнольда нельзя, всё-таки Оськин отец. Пашка испытал, что значит жить без отца. Плохо, не то слово. Хреново — тоже вроде бы не то. Сердце порой так защемит, когда об отце думать начнёшь, что... бляха-муха, лучше не думать.

Так что Бог с ним, с этим Арнольдом, пусть живёт. Афганец говорит, если б не Ерусалимец, Пашку давно бы из школы отчислили. Может быть, оно и так, а может, и нет. Может, здесь что-то другое. Просто Арнольд брата побаивается...

Ладно, ни к чему гадать, всякими глупостями мозги себе засорять, главное — с Софочкой пронесло, Бурцева всё-таки успокоила её. Так что Пашка отсидел все шесть уроков и сразу же домой умотал. Марьяше помочь с Колькиными похоронами, старая ведь она и больная, хоть и пьяница. Вот только где деньги брать на гроб, венки, поминки? Сейчас повеситься легче, нежели человека похоронить. Витька-Клоп Пашке на перемене сказал, что его, Клопа, мать уже пошла по соседям деньги на похороны собирать. Марьяша, было, хотела, но ей никто бы не дал. Кто пьянице доверит деньги? С другой стороны, много ли соседи дадут? Если даже Пашка свои добавит, которые накопил, чтобы китайских чаек купить, — всё равно мало будет денег.

Вот он и сидел на скамейке возле подъезда, думал, где бы денег достать. Так сказать, решал проблему. А проблемы и не было, оказывается, всё само собой решилось, когда Афганец на иномарке с Ларочкой подъехал. Кто-то ему уже сообщил, что Коля-Шкелет повесился. Он и приехал уточнить, когда похороны. Пашка ответить ему на это ничего толком не мог, и они пошли к Марьяше. А она уже датая, блин, аж зла не хватает. Афганца увидела и запричитала, сразу напомнила, что Кольку хоронить не в чем, то есть приличного у него для такого случая ничего нет: “Весь гардероб облазила, а ни одного приличного костюма у него не нашла”.

Пашка думал, Афганец её куда подальше пошлёт, а он усадил её на табурет и вежливо расспрашивать стал, что да как... Пашку за бутылкой послал — у него в машине всегда что-нибудь выпить имеется. Пашка на всякий случай в бардачок заглянул, но ничего “такого”, кроме выпивки, на этот раз не обнаружил. Когда же он “Смирновку” принёс, Афганец похмелил ещё Марьяшу и сказал, чтоб все документы для оформления похорон она парню бы отдала, которого он пришлёт, а уж тот всё сделает, как надо. Лопатник свой открыл и стал деньги отсчитывать. У Пашки аж дыхание перехватило: неужели Марьяше даст? У неё тоже глаза заблестели и руки задёргались, протрезвела быстро. Но он отсчитал с десятков бумажек крупными купюрами и отдал их Пашке, чтоб Колькиной матери передать, когда приедет. Или сестрам его. Словом, родственникам. Чтоб всё было по-людски и чтоб Пашка за всем этим лично проследил. А приедет теперь Афганец лишь в день похорон, так как у него дел невпроворот, а времени в обрез. И ещё: “Один венок чтоб от братвы был”. Так на ленте и написать: “От братвы”. И чтоб непременно с оркестром. А если “бабок” не хватит, пусть тому парню, которого пришлёт, скажут. Хотя, по его мнению, должно хватить. Ведь не пустыми родственники приедут. И напоследок предупредил, чтоб на Колькину комнату рот не разевали, жилец уже есть.

Весь разговор занял несколько минут, и Афганец с Ларочкой укатили. А Пашка снова на скамейке стал дожидаться парня, которого должен Афганец прислать. Даже в голубятню не пошёл. И покуда ждал, в подъезд к ним два алкаша зашли. К Марьяше, вероятно, направились, “Смирновку” допивать. Точно мухи дерьмо, чувят, когда вышивка есть. Всё-таки правильно Афганец поступил, деньги ему отдав, а то ведь у Марьяши наверняка вытащили бы.

Парень от Афганца приехал быстро, и они вместе опять пошли к Марьяше. Она уже и лыка не вяжет, и двое алкашей при ней. Но документы все нашла и отдала. Так что в тот день они успели многое сделать: и в загс захватить, и гроб заказать, и венки, и похоронки отправить — телеграммы то

есть. Правда, без свидетельства о смерти им документ не дали, чтоб можно было на кладбище хоронить, но они и на кладбище успели съездить, договорились без “свидетельства”, чтоб могилу вырыли. С тем парнем быстро всё получалось, он даже на бандита не похож вовсе. Лёха его зовут. Он сам сказал: “Зови меня Лёха”. Они ещё успели три ящика водки купить и кое-что из продуктов и перенести их из багажника “Жигулей” в Пашкину комнату. Мать дома уже была, но она сразу поняла, для чего водка с продуктами.

К вечеру из Серпухова Колькина мать приехала и одна из сестёр, кажется, старшая. В чёрных платках уже приехали. Лёха с сестрой договорился утром ехать за костюмом и в морг за свидетельством о смерти. Пашка ей деньги отдал. Вначале-то Лёхе думал их отдать, но он не взял, сказал: кому велено передать, пусть Пашка тому и передаст. Лёха и на венки, и на водку и прочее другие деньги тратил. Но пусть они с Афганцем сами между собой разбираются. А Лёха уехал, когда темнеть стало. Он и завтра, и послезавтра в их распоряжении будет, пока Коло-Шкелета не похоронят. Так Афганец приказал.

В общем, весь день суматошным был. Пашка и боевик смотреть не стал: лёг на диван и сразу уснул, как убитый. А утром к голубям сбегал и опять в школу пошёл. Короче говоря, этот день такой же дурной был, как и предыдущий. Но Пашка уже никуда с Лёхой не ездил, а по разным мелочам помогал: мусор всякий из Колькиной комнаты выносил, в магазин за хлебом бегал. Пустых бутылок у Кольки больше сотни, наверное, накопилось. Бутылки он в Марьяшину комнату перенёс, она их после с алкашами в палатку сдаст.

Всё же Марьяша молодец, на второй день совершенно трезвая была и Колькиной матери помогала в комнате прибраться. Полы помыла, ну, и всё прочее делала, что в таких случаях полагается. Чёрный платок повязала и советовала: когда покойника из морга привезут, гроб в комнату не заносить — возле подъезда пусть постоит, во дворе. Потому что когда Сёму её хромого хоронили, царство ему небесное, гроб чуть не опрокинули: очень уж неудобная у них лестница, и пролёты узкие.

Пашкина же мать в церковь ходила и батюшку о чём-то просила. А он вроде бы отказал. Но Пашка точно не знает. Надо было Афганца в церковь заслать, он бы с попом быстро договорился. Правда, иконка в Колькиной комнате появилась, и свечи тоже. Их мать принесла. Свечку в маленький гранёный стопарь поставили; если одна догорала, зажигали другую.

На второй день Колькиной смерти хоть и суетно было, но поспокойнее. Все почему-то не то чтобы шёпотом разговаривали, а тихо. Лишь Лёха нарушил эту погребальную тишину, когда с Колькиной сестрой вернулся: с костюмом они ещё рубашку и ботинки купили. Его рано в этот день отпустили, так как всё уже успели сделать и подготовить. Он и уехал до следующего утра. Пашка же весь вечер почти без дела слонялся; так, столы принести да доски, чтобы было на чём сидеть во время поминок. Учебники в руки не брал и уроками не занимался. Мать за это сердилась — ведь пора к экзаменам готовиться. А после махнула на него, мол, всё равно завтра суббота. И Пашка вспомнил: действительно — суббота, а ведь забыл, с Колькиными похоронами совершенно забыл, что завтра суббота. А с понедельника и уроков не будет, лишь консультации начнутся. Он и к Мальвине не пошёл, то есть не стал под окнами её дома в зарослях акации прятаться, рано лёг спать, чтоб утром с Лёхой в морг ехать.

Но утром они сначала в лес съездили — лапник еловый нарубили, а уж после в морг. На Лёхиной машине Пашка, а на автобусе, который в ритуальных услугах заказали, Колькина младшая сестра с мужем — они к этому времени с детьми приехали. Вчетвером в морг и отправились: Лёха, Пашка и младшая сестра с мужем.

Когда Кольку из морга привезли, возле подъезда народ уже собрался, ждали. Пашка и не думал, что так много людей придёт.

День погожий выдался, тёплый. Братья Мордасовы пришли. Щека появился. Пашка его сто лет не видел, думал, что он спился и сгинул давно. Слухи такие ходили. А вот же он — живой, оказывается. Словом, почти все, кто знал Коло-Шкелета, пришли его в последний путь проводить.

Афганец с Ларочкой подъехали и ещё несколько машин, когда гроб возле подъезда уже стоял. Ларочка, как и положено, — в чёрном. Увидела Кольку в гробу и заплакала. Было от чего заплакать. Колька чисто выбритый лежал, в новом костюме коричневого; он при жизни никогда фартово не одевался, если на свадьбу только. Ларочку и прорвало: уткнулась Афганцу в плечо и плачет. Он ей ничего, конечно, не сказал. Баба есть баба. Пашка, глядя на неё, сам чуть было не заплакал, но сдержался в этот раз. А она плакала, будто Афганца хоронят, а не Кольку. Странно, Пашка её такой красивой никогда не видел. Ненароком даже подумал, что она вовсе не хуже Мальвины. Может, в чём-то и лучше. Вряд ли Мальвина о Пашке стала бы плакать.

Ну, а потом оркестр заиграл, и гроб понесли. Почти все бабы заголосили: и Колькина мать, и сёстры его, и Марьяша... И Пашкина мать заплакала, кончик чёрного платка часто к глазам прикладывала. А гроб долго несли, до самой шоссе. Оркестр траурную играл. Венков много было и цветов. Сейчас так и не хоронят, наверно, денег-то у людей нет.

На кладбище тоже многие поехали, даже те, кто языками чесал и втихую, бывало, поругивал Кольку. Витьки-Клопа мать и ещё кто-то остались — столы к поминкам подготовили. Тем, кому в автобусе места не хватило, в инмарках разместились. Афганец молодец, всё предусмотрел. Пашку надоумил в голубятню сбежать. Пашка две пары кружастых чеграшей в садок посадил и взял на кладбище.

Медленно ехали, полчаса, не меньше. Первым — автобус с траурной лентой, за ним — легковушки. Торжественно, эскортом ехали. На кладбище всё уже было подготовлено. Работяги могилу глубокую выкопали: Пашка с Лёхой специально место хорошее выбрали.

Когда гроб опускать стали, Пашка голубей запустил. Они плавными винтами вверх пошли, несколько кругов сделали и улетели. Оркестр их спугнул. Кто-то из Мордасовых музыкантам “Мурку” заказал, когда гроб уже закапывать стали. Но Афганец сказал, что “Мурку” играть не надо, так как Колька вором не был.

Старушки судачили, что с погодой повезло; в хороший день хоронят — церковный праздник преподобной Евфросинии Полоцкой. Но Пашка точно не уверен, может, напутал что.

Поминки тоже на славу получились, несколько раз за столы садились: сначала знакомые и друзья Колькины, а уж после — родственники. Никто не напился и не скандалил. И Мордасовы особенно не борзели. Морда Средний что-то начал про Кольку гнать, так Марьяша его быстро осадила: нечего, мол, о покойниках плохое вспоминать. Только Ларочка вусмерть напилась и Колькиной матери и сёстрам его стала лепить: дескать, по-настоящему одного лишь Коло-Шкелета любила. Виталика халдея вспомнила и сказала, что он в сравнении с Колькой — чума болотная. На неё, конечно, водка подействовала, все это понимали. К тому же она ещё до поминка заквашенная была. Марьяша Пашке на ухо шепнула, дескать, достанется сучке от ейного язычка. Но Афганец Ларочку не тронул, а без лишнего шума увёл. Он, вообще-то, понятливый — Афганец.

Так и прошла суббота. И жизнь, наверное, так же пройдет — в трауре вечном. Об этом Пашка ночью думал, лёжа на своём диване. Всего-то три стопки выпил, Кольку помянул, а так разбередило, будто на самом деле жизнь к концу подошла, и нет из её мрачного тупика выхода. Мать говорит, что это всё от безверия: не верят люди в Бога, заблудшие, потому и жизнь у них такая тяжёлая. Как будто самой легко живётся. Непонятный народ — верующие.

10

Это случилось через два дня после похорон Коли-Шкелета, во вторник. Утром, как обычно, Пашка пришёл в голубятню, и его сразу насторожила тишина: не доносилось до слуха трепетного знакомого воркованья. И запах — неприятный, трудноопределимый, раньше такого запаха он не заме-

чал. Когда включил свет, открыл ящики, обнаружил, что голуби мёртвые. Все до одного. Не понял сначала — как это могло произойти, что за одну ночь подошли все голуби. Потом увидел разбитое окно, а на досках — осколки битого стекла и предмет цилиндрической формы, размером чуть меньше консервной банки из-под тушёнки. Сидя на корточках, водил лучом фонарика по нижним гнездовым ящикам, разглядывая неподвижные комочки. Их было много — комочков. Они лежали все по-разному, неестественно, некоторые с перевернутыми вверх ножками. Пашкин взгляд остановился на двух комочках, что лежали рядышком, соприкоснувшись клювами, словно молодая пара влюблённых застыла в вечном поцелуе. Это были каштановые якобинцы. Пашка боготворил их: за красоту, за гармонию их природную. Какая была осанка у якобинцев — царская! А воротничок! Словно монах выглядывал из-под кашпонона. Пашка иногда подстригал их украшение, их воротнички, чтобы перья не закрывали птицам глаза. С каким трепетом он иногда брал в руки самца и нежно начинал дуть на его пушистый воротничок. А голубь ворковал, выпучив зоб, слегка вздрагивал тельцем. Эти птицы были очень доверчивы и с большой охотой шли в руки. От них был уже приплод, и Пашка в скором времени ждал ещё. За хорошие деньги у него эту пару просили, но он не продал.

Пашка взял комочек, заглянул в мутные, подёрнутые белесой плёнкой глаза птицы и долго держал его в ладонях, сидя на корточках, пока не заняло в суставах и спине, и не выветрившийся, оставшийся еще внутри голубятни едковатый, пропитанный химией воздух не начал першить в носоглотке. Он не знал, что делать, как поступить дальше. Надо было идти в школу на консультативные занятия, готовиться к выпускным экзаменам. Но прикованным неподвижным взглядом он смотрел на мёртвого голубя. Вспомнился Коля-Шкелет: перед тем, как пойти Мордасовых мочить, он дождался с работы матери и мысленно с ней простился. Он знал, на что шёл — Коля-Шкелет. Он дал слово и сдержал его. Пашка никому слово не давал. Вернее, давал, но лишь себе самому. Значит, перед самим собой он должен его держать. И Миша Понник как-то говорил, что “В начале было слово...” Но с матерью Пашка проститься не станет, слишком много на это уйдёт времени. И потом: если решил, нечего откладывать.

Он открыл свой тайник и достал брезентовую рукавичку. С этого момента он делал всё механически, интуитивно. Ничего не ответил, когда возле прудов его окликнул Миша Понник, спешивший в школу. Не отреагировал, как обычно, когда, озадаченная его странным поведением, прошла мимо Мальвина и другие ребята. Теперь они были как бы вне его поля зрения, точнее, он был вне их досягаемости. И деревья, и солнце, и пруды — вся природа для него как бы сместилась на другую планету, существовала в другом измерении. Лишь мчавшиеся по шоссе автомобили притягивали его взгляд, и он, замедляя шаги, всматривался в каждую точку, в каждый контур приближающейся встречной машины, боясь пропустить ту, а точнее, того, кто был причиной зла, кто принёс ему беду. И не только ему.

Ещё он боялся, что не сможет осуществить задуманное, что ненависть, скопившаяся сейчас в нём, постепенно и незаметно отступит — так было почти всегда, — и в нужный момент не хватит решительности выдернуть кольцо предохранительной чеки. Он прибавлял шаги, стиснув зубы, подавлял в себе всякую жалость. “Только бы успеть, только бы успеть”, — вертелось в голове.

Всякий раз, когда далёкая точка на дороге, приближаясь, принимала формы автомобиля, его пальцы судорожно сжимали в рукавице корпус гранаты, от чего она стала немного скользкой от пота. И всякий раз приходилось заново рассчитывать время, и ни в коем случае нельзя было ошибиться. Ведь как только он выдернет кольцо чеки и опустит спусковой рычаг, сработает ударный механизм. В запасе останется максимум четыре секунды. Или пять? Совсем вылетело из головы — сколько: пять или четыре? А после броска гранаты надо будет быстро нырнуть в кювет, за обочину.

Пашка был до фатальности уверен, что тёмно-вишнёвый “Чероки” проедет, как всегда, именно по этой шоссе, мимо прудов, и непременно сей-

час и, как обычно, должен будет свернуть на главную южную магистраль. Должен будет... но Пашка этому помешает.

Когда он об этом подумал, на большой скорости, поднимая клубы пыли, показалась очередная стремительно приближающаяся точка. Кажется, это был джип, тёмно-вишнёвый. Машина возле прудов резко притормозила, и из неё выскочил Оська. Махнув рукой сидящему в джипе, он неторопливо направился к школе по узкой тропинке, что пересекала липовую аллею.

Теперь надо с большой точностью рассчитать время.

Пашка сошёл на обочину и стал вглядываться в номер машины. “А если это не он?” — мелькнуло у него, но он уже выдернул чеку. Дело в том, что, имея несколько машин, Арнольд ездил только с номером “три шестерки”, и Оську мог подвезти любой из его холуёв. Сомнения исчезли через несколько секунд: машина была арнольдовская, номерной знак совпадал. Только вот стёкла тонированные, не разобрать, кто внутри. Всё равно... он уже выдернул чеку и держал “лимонку” внутри рукавички наготове, отчего ладонь ещё сильнее взмокла от пота. Он вдруг занервничал, испугался, что бросок не получится, граната выскользнет и полетит не туда, куда надо. Но пальцы удобно, словно “притёртые”, надёжно и цепко держали смертоносный предмет.

Оставались последние секунды. Водитель джипа, будто следуя Пашкиным мыслям, убавил скорость, осторожно проезжая дорожные выбоины. В эти мгновения перед мальчишечьим взором как бы прошла вся его короткая и, в сущности, неинтересная жизнь, которую, наверно, ещё как-то скрашивали и делали более осмысленной голуби да мечты о Мальвине.

...Мать, брат Володя, Коля-Шкелет, Марьяша, отец, Сёма Хромой, Лиза, Афганец, Славка Романов, Миша Понник — все они как-то разом всплыли, скопом и в ряд, параллельно и сумбурно, пронеслись перед глазами, точно в сто крат ускоренные кинокадры; будто кто-то кольнул его иглой в определённый участок мозга. Может быть, чайка — белая-белая, у которой крылья, как пики, а кончики пик чёрные.

“Ведь я убиваю Оськиного отца”, — пронеслось молниеносно в его голове. Но боль, отчаяние, ненависть пересилили: что ж, у него, у Пашки, тоже нет отца. Он разжал чуть пальцы, ослабил спусковой рычаг. Отсчёт времени пошёл.

“Один, два...”

— Пашка! Паш! — Навстречу ему, а значит, и джипу, бежал Миша Понник. Он был в нескольких метрах от него. А ведь Пашка осматривался и посторонних поблизости не заметил. Как он мог проморгать Понника?

“три...”

Машина пронеслась рядом, обдав ребят пылью. На мгновение Пашка растерялся, замешкался. Сжав гранату, хотел снять рукавичку, но что-то мешало.

— Паш, ты что?

Резко развернувшись к Поннику спиной, он в два прыжка оказался в кювете.

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

ВЕСТЬ О БУДУЩЕЙ ВЕСНЕ

Памяти Олега Васильевича Волкова

* * *

Лежат в могилах лики золотые.
Но как он уцелел и для чего?
Не ведали ни судьбы, ни родные
О лучезарном жребии его.

Давно устал он вглядываться в лица,
Хоть был не чужаком в родной стране.
Ни с кем в миру не мог он поделиться
Всем тем, что нёс в душевной глубине.

Утихли волны роковой стихии.
Ушел он в мир погашенных огней.
Всё, что писал он, было о России.
Всё, что сказал он, было лишь о ней.

КАЛЮЖНЫЙ Григорий Петрович родился в 1947 году в г. Макеевка Донецкой области. В прошлом — штурман гражданской авиации. Член Союза писателей СССР с 1985 года, автор семи поэтических сборников и книги прозы “Жизнь Григория Фёдоровича Морозова”. Лауреат премии “Нашего современника”.

* * *

Я сегодня защищён улыбкой,
Никакая тварь мне не страшна.
Над землею, как над детской зыбкой,
Наклонилась полная луна.

Спит земля в сутемах, как младенец,
Прозревая светлое во сне.
Звёзды блеском колыбельных пленниц
Будят весть о будущей весне.

Доживу ли до неё — не знаю,
Но в душе и тучки ни одной.
Я давно с погибелью играю,
Как играет с нею край родной.

Сонмы сёл, навеки разорённых
Для незваных гробовых гостей,
Провожу тоской непокорённых,
Испытавши всю тщету страстей.

Не иссякли всё же их истоки
В панихидах скорби и потерь.
Спит Земля. Грядут иные сроки.
И не страшен самый жуткий зверь.

* * *

Никаким судом не развести
И не разорвать меж нами узы,
Потому что в слове и в чести
Нас с тобою повенчали музы.

Я тебя обидел не со зла,
Выходя из чёртового круга.
Ты в любви мне сына родила,
Ты — моя духовная подруга.

Без тебя живу я, как во сне,
Только верой, что в мою лачугу
Ты войдёшь и тихо скажешь мне:
— Успокойся, мы нужны друг другу.

* * *

Холодное снежное поле,
А небо ещё холодней,
Никто не кричит здесь о воле
И вовсе не мыслит о ней.

Заезжий поёжится нервно:
Народишко замкнут и хмур,
К тому же ругается скверно,
Но держит бурёнок и кур.

На окнах разводит герани,
Привычно, без всяких идей,
Он топит сосновые бани
И даже рождает детей.

Я спешно вернулся в столицу,
Как чудный герой на коне,
И словно попал в заграницу,
Чужую огромной стране.

* * *

Людмиле

Ты сегодня, как любви лампада,
Засветилась искрой золотой.
Ничего мне, ничего не надо,
Только б видеть милый образ твой.

Всё вернулось, всё затрепетало,
К новой жизни снова я воскрес.
Как же ты, любимая, устала,
Всё неся свой непосильный крест.

Смутно веря, что свершится чудо,
В синеве скелетовых полей
Шёл я в никуда и ниоткуда,
Погибая без любви твоей.

До тебя всей красоты не зная,
Думал я: важна лишь только стать...
Отразилась, как дыханье рая,
Вся в тебе земная благодать.

Ты сегодня, как любви лампада,
Засветилась искрой золотой.
Ничего мне, ничего не надо,
Только б видеть милый образ твой.

КИРИЛЛ ГОЛУБКОВ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

* * *

Я шиферу купил и справил крышу,
Обшил вагонкой старенький сарай
И занял свою собственную нишу,
Похожую, по-моему, на рай.

Сама природа мне пришла на помощь:
Бурёнка что ни год даёт приплод,
Земля родит к столу и фрукт, и овощ,
Река снабжает рыбой круглый год.

А в погребе — соленья и варенья,
Да с чем покрепче скляночки стоят...
Хлебнёшь, закусишь, сядешь в умиленьи
И слушаешь урчание котят.

Встречаю зори с искренним восторгом,
Весь затаясь, приветствую закат.
Жизнь перестала меной быть и торгом
И обрела размеренный уклад.

ГОЛУБКОВ Кирилл Владимирович родился в 1966 году в Ленинграде. Выпускник Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. После института работал редактором Главной редакции переводов Агентства печати "Новости". С 1998 года — в PR-индустрии. В настоящее время — начальник Управления информации и общественных связей Магнитогорского металлургического комбината (г. Магнитогорск). Пишет песни на собственные стихи.

Живу себе на пользу, всем на зависть,
Вот так оно случается в судьбе,
А этим летом черно-белый аист
Гнездо пристроил на печной трубе.

Ну, что ж, на лето обойдусь без печки —
До осени осталось-то делов,
За это время оперится птенчик
И, обучившись, станет на крыло.

И аисты потянутся к зимовью,
А я останусь зиму зимовать...
Соседку надо попросить Прасковью,
Чтоб согревала перед сном кровать.

А там уже, глядишь, и половодье,
Грачи с картины в поле прилетят,
Круговорот свершается в природе,
И кошка снова принесёт котят...

...Звенит звонок и всё меняет в корне,
Я импульсы фиксирую в уме:
“На интервью. К шестнадцати. Во вторник.
Портфолио иметь и резюме”...

В ОЖИДАНИИ ТЕПЛА

Не дуй мне в спину, близлежащий Север,
Повея в лицо мне, удалённый Юг!
Пусть не увянет в поле сладкий клевер,
И не настанет время русских вьюг...

Пусть облака меняют только облик,
Не изменяя цвет на грозовой,
Меня не нужно подвигать на подвиг,
Позвольте просто жить, пока живой.

Я буду счастлив, что кому-то нужен,
И мне другой не нужен оберег,
Пусть радугой бензин сияет в лужах,
Но пусть исчезнет с улиц чёрный снег.

Я выброшу к чертям пальто из меха —
Пусть новый климат требует обнов!
Куплю себе сандалии (для смеха)
И целый шкаф рубашек и штанов.

Всё это своевременно истлеет
За мною следом, как заведено...
Когда ж у нас локально потеплеет?
Глобально, говорят, уже давно...

МАСТЕРАМ

Снова с моря подули ветра,
Забурлили прибрежные гроты,
Стапеля от вас ждут работы,
Корабельных дел мастера!

Да и чёрт с ней, с пустою казной,
Собирайтесь, как раньше, в артели,
Чтоб успеть до пурги-метели
В корабельный лес за сосной.

Пусть опять застучат топоры,
Всем охальникам портя печень!
А чтоб крыть вас им стало нечем,
Кройте палубы, будьте добры!

Ведь давно за работу пора,
Ведь почти не осталось веры,
А иначе вас ждут галеры,
Корабельных дел мастера!

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА

РАССКАЗ

О том, что верующие задумали поставить церковь в деревне и уже начали её строить, мы с женой не знали. Но однажды весной, в первый день дачного сезона мы увидели со своего холма незавершённый маленький храм в нижней части поселения и очень удивились.

Пошли посмотреть храм поближе.

Его бревенчатая коробка с куполом без креста стояла на задах приречной улицы, на высоком берегу, вблизи жилых домов. Река в этом месте расширялась, образуя небольшой залив. Дальше в обе стороны её маскировали прибрежные деревья и кусты, всюду зеленевшие под весенним солнцем, а над заливом берег был гол, и церковка гляделась с высоты в зеркало воды.

Было тепло. От реки веяло свежестью. Заводь блестела. Мы прошлись вокруг недостроенной церкви. В двух её боковых стенах зияли широкие окна без стёкол — по два с каждой стороны, — а задняя стена словно вздулась от расширения коробки под будущий алтарь. Над крыльцом, к которому мы вернулись, в поднавесье открылась дверь. В двери показалась наша хорошая знакомая Полина, набожная женщина. Она пошла по тесовым ступенькам с перилами и, завидев нас, улыбнулась.

— Нравится? — сказала Полина. — Здравствуйте! Давно не виделись!

— Здравствуй! Очень нравится! Стоим, любуемся! С этого начали дачный сезон!

Моя жена обнялась с ней. Они с Полиной не просто знали, но дружили. Я пожал знакомой руку и опять вскинул глаза на возводимый храм.

КАРЫШЕВ Альберт Иванович, бывший моряк, окончил мореходную школу в Архангельске и кораблестроительный институт в Ленинграде. Работал инженером по ремонту подводных лодок. Сейчас член Союза писателей России, автор нескольких книг прозы. Живёт во Владимире.

— Похоже, будет как игрушка. Пропорции выверенные. Формы простые, ясные, умиротворяющие. Куполок восхищает яркой синевой и серебряными звёздами, рассыпанными по синеве... Кто же её строит?

— Руководит Доронин, он мастер; сам и строит вместе с Масленниковым и Петровым, — сказала женщина. — А мы все, кому не лень, у них на подхвате, выполняем подсобную работу.

— А кто затеял это славное дело? Кто денег дал? Тоже Доронин?

— Если коротко, то всё получилось так, — охотно отвечала Полина. — Наши верующие давно мечтали о церкви в деревне. До ближайшей-то, что в посёлке, от нас десять километров. Легко ли древним старушкам ездить туда на молебен всякий раз, как душа запросит? Даже в двенадцатые праздники, под руку с роднёй, им тяжело бывает дойти до автобуса, сойти с него в посёлке и добраться до церкви, особенно в непогоду. Вот и явилась к Доронину делегация, он ведь ещё и небедный человек, предприниматель: помог поставить в деревне храм Божий. Помогу, говорит. Но если я его построю целиком на собственные деньги, то он будет как бы мой личный, а не общий. Поэтому собирайте с миру по нитке, а я добавлю и построю. Мы и взялись. И теперь собираем. В церкви стоит железный ящик с прорезью, запёртый на замок, и все, кто заходит, опускают в него пожертвования. Сперва, конечно, долго молились, чтобы церковь в деревне была.

— Мудро поступил ваш Доронин, — сказал я. — Разумный человек. Ни слов, ни денег на ветер не бросает.

— Замечательно! — добавила моя жена. — Чудесно, когда всем миром!

— Всем миром, — подтвердила Полина.

— Молодцы! — сказал я. — Вспоминается известное стихотворение Некрасова, одно его четверостишие, которое было как-то мало популярно во времена поголовного атеизма:

*И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...*

— Ой, как хорошо! — сказала Полина. — А дальше?

— Дальше ничего нет. Это конец стихотворения о великом грешнике, который глубоко раскаялся, надел вериги и пошёл по Руси великой собирать деньги на Божий храм.

— Вон как!..

Мы втрём, щурясь от солнца, полюбовались общественной стройкой. Брёвна в коробке храма, сложенные очень аккуратно, были промазаны каким-то раствором, предупреждающим гниение, и от раствора они красиво пожелтели. Барабан под синим куполом — луковицей с отростком — мастера pokrыли шоколадной краской, а четырёхскатную крышу с четырьмя слуховыми окнами тоже высинили, светлее, чем купол, и с добавлением зелени, причём концы скатов (стрехи) так подогнали один к другому, что казалось: стройная шея церкви выглядывала из нарядного замкнутого воротника. Коробку поставили на каменный фундамент и высотой, вместе с куполом, сделали в двухэтажный дом. Над храмом было чистое небо. Скоро церковь коснётся его вершиной креста.

Полина сказала, поправляя белый платок на голове, завязанный во круг шеи:

— Вот что интересно. Когда я зимой поехала во Владимир к родным и стала молиться в Успенском соборе, как-то раз со мной заговорила одна хорошо одетая женщина, я её раньше не встречала. “В вашей деревне, — говорит, — строится церковь, так, пожалуйста, передайте от меня на её строительство двадцать тысяч рублей. Я вас тут в прошлую службу заметила и деньги припасла”. Я удивилась, поблагодарила и спрашиваю: “А вы кто? Откуда вам известно, что у нас строится церковь, и почему меня знаете?” “Зовут меня Зинаидой, — отвечает. — Живу я во Владимире, но осенью ездила в вашу деревню по грибы, гостила у Редькиных и видела вас на

стройке...” В соседних деревнях вот тоже прослышали и собрали немало денег на строительство церкви. А был ещё такой случай. Заехал к Доронину откуда-то приятель, бизнесмен, и отдал на церковь аж сто пятьдесят тысяч рублей. Разве не чудеса? Сам Бог помогает строить всем миром!.. Ну, а я и другие жертвуем, конечно, поменьше, соответственно достатку.

— В церкви-то недостроенной что делала? — спросила Вера Владимировна.

— А я всегда при ней, конечно, не одна. Сейчас порядок наводим, оба раза собираем для иконостаса, готовимся к воздвижению креста. Ящик для пожертвований стержём.

— Когда же предполагается поднять крест?

— Пока не знаю. Как узнаю, скажу вам. Если желаете, зайдите в церковь, посмотрите. Там моя соседка осталась. А я побегу. Хозяйством тоже надо заняться, не то муж из дома выгонит.

Она засмеялась, простилась с нами и пошла дальше. Мы посмотрели ей вслед. Полина была не просто набожна, а набожна чрезвычайно. Женщина знала все установления церкви и её святых, помнила многие молитвы, ходила с паломниками и не пропускала ни одной праздничной службы в поселковой церкви. Земляки признали её главной богомолкой деревни и знатоком православных дел. Она носила юбку до пят и непременно повязывалась платком, но была ещё сравнительно молода, со стройной гибкой фигурой и лёгкими движениями.

Мы зашли в церковь, поздоровались с соседкой Полины и осмотрели тесноватую молитвенную комнату, в которой стояли две потёртые кафедры, небольшой стол с железным ящиком на нём и два напольных подевичника в углу. Нашу скромную лепту мы тоже опустили в ящик.

Это Доронин надумал заложить храм внизу, над рекой, узнали мы от Полины, тогда как в холмистых краях церкви принято ставить на возвышенном месте. Чтобы не тратить время, силы и деньги на получение земли под строительство, попечитель отдал собственный участок, посоветовавшись с земляками относительно расположения храма. Все его поддержали, тем более, что в нижней части деревни народу проживало куда больше, чем в верхней.

Воздвижение креста приурочили ко дню Успения Пресвятой Богородицы. Подготовили крест. Позвали батюшку, отца Георгия из поселковой церкви, а вместе с ним приехал на своём авто священник высокого звания: благочинный, отец Артемий. Договорились с автокрановщиком. И в праздник, 28 августа, к десяти часам утра в сторону заветной стройки потянулись люди. Возле церкви собралось человек сто: верующие и любопытные, крестьяне и дачники, местные и гости из соседних деревень, правда, женщин было больше, чем мужчин. Многие принесли садовые цветы. Утро выдалось тёплым, безветренным и даже столетние зябнущие старушки оделись не слишком тепло. Мы с женой поглядывали на собравшихся, приветствовали знакомых и тихо делились впечатлениями. Были тут и пожилые, и молодые. Все оделись празднично, и у всех лица приняли благостное миролюбивое выражение. Кое-кого из тех людей, с кем нередко общался или просто здоровался на улице, я теперь не сразу узнавал: “Кожечкин или не он — этот чистый трезвый мужичок?” — “Телякова или не Телякова — та смиренная почтенная женщина?” Одиноким пенсионер Кожечкин прежде встречался нам небритым, неопрятным и негрязным, а Телякова в толпе обычно громко мыла кому-нибудь кости. И о стоявшей сбоку нас милой тонкой женщине я сперва подумал: “Кто такая?” Присмотревшись же, удивился: да ведь не раз видел её на улице или во дворе дома, за частоколом: то в огороде работала молодца, то кур кормила, то ухаживала за поросёнком.

— Глянь, какая смугляночка в цветной косынке! — шепнул я жене.

— Это Лиза Мельникова, — ответила Вера Владимировна тоже шёпотом. — Привлекательная женщина, когда нарядится!..

Возле незавершённой церкви было чисто подметено. Перед ней левее крыльца, на деревянной подставке, закрытой белой тканью, высился, прислонясь к отвесной опоре, золочёный крест. Из его вертикального стержня,

снизу ограниченного круглой пятой, выходила сквозь пята короткая стальная ножка. Правее располагался на стульях разовый иконостас, образа для которого богомолки купили или принесли из дома. Его украшали пышные цветы в вёдрах с водой, стоявших на земле. Впереди иконостаса и креста под жёлтой парчовой накидкой — кафедра, на ней — икона без оклада: образ Пресвятой Богородицы, знаменующий праздник Успения, а рядом — столик под скатёркой легко держал на себе серебряную чашу со святой водой и кропилом. На переднем плане, поближе к народу была установлена кафедра повыше, накрытая красным бархатом. На ней лежали напрестольный крест, Евангелие в солидном переплёте и молитвенник. А из-за церкви выглядывал автомобильный кран. К его жёлтой стреле, опущенной на землю, была пристроена открытая зарешёченная кабинка.

В церковь зашла Полина. Она вынесла пучок тонких свечек, распределила их по гнездам круглого церковного подсвечника, стоявшего сбоку крыльца, и зажгла, чиркнув спичкой. Тонкие стрелы пламени заколебались, но не погасли. Вышли к народу сравнительно молодые священники. Высокий и статный благочинный Артемий был в голубой ризе и чёрной камиллавке, а крепко сложенный, ростом пониже, батюшка Георгий — в ризе сиреневой и с непокрытой головой, поросшей густыми и длинными каштановыми волосами. Отец Артемий начал службу. Он благословил местных верующих и на строительство храма, и сам освятил место будущей церкви. Встав лицом к кресту перед кафедрой, он открыл молитвенник, прочёл речитативом надлежащую молитву и запел поставленным голосом тропарь в честь воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня:

— Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...

Православный народ подхватил, в большинстве тонкими женскими головами:

— Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...

Отец Георгий в это время помахивал возле отца Артемия кадиллом. Он первым поддержал верующих в деревне, затеявших строить храм, а теперь взялся опекать их и навещать.

Повторяя вместе с благочинным тропарь, верующие встали в очередь для целования креста, готового к подъёму. Когда очередь прошла, двое мужчин осторожно взяли православную святыню с подставки и понесли к автокрану, а там третий мужчина, пока двое держали крест на весу, присоединил винтами к короткой ножке длинную, прямоугольного сечения. Длинная ножка украшалась подвижным золочёным шаром. Третий, очевидно, знаток высотного монтажа, встал в кабину, прикреплённую к стреле автокрана. Кабина была ему по грудь. Двое подали монтажнику крест, он поставил его у ног и придержал обеими руками. Заработал крановщик, застрекотал механизм подъёма стрелы, и крест под ликующими взглядами толпы, под её церковное пение медленно двинулся вверх. Сверкнув на солнце, он вознёсся над куполом и приблизился к нему. Высотник опустил руку, нагнулся и достал со дна кабины золочённый срезанный конус. Одной рукой он надел его на отросток (тоже срезанный) купола-луковицы, потом не без труда поднял крест над головой и направил стальную ножку в отверстие конуса. Ножка вошла в гнездо, устроенное под неё в полом куполе. Шар со звоном соскользнул вниз и упёрся к конусу. Крест сел на шар пятой и увенчал церковь. Верующие крестились. В небе расплылось тонкое облако, и, стоило напрячь воображение, мне почудилось, будто над церковью вырисовывается ангельский образ. Вот голова ангела в нимбе, а вот его стройное тело в длинных белых одеждах и перистые крылья, расправленные посланцем Неба в парении. Смотрит, как люди возводят церковь, и радуется. Потом улетит докладывать Богу. И ещё мне казалось, что это не тёплый воздух колеблется в отдалении над землёй, а, векинув змеиные головы, извиваются сплетшиеся гады — будто воплощённое зло уносится прочь неодолимой силой, но цеплялось за землю, стараясь удержаться поближе к храму...

День разгорался. Благочинный взял в обе руки блестящий напрестольный крест и обратился к народу с проповедью. Вначале он углубился в ту далёкую пору, когда наши предки, обживаясь на новом месте, прежде ста-

вили церкви, а за ними жилые дома. Дальше отец Артемий сказал, что деревянный храм станет беречь деревню от несчастий и помогать единению людей, собирая верующих в общину. Он напомнил мирянам про долг человеческого жить по чести и совести, пообещал договориться с владыкой Евлогием об освящении храма, когда он пополнится алтарём, а в конце поздравил собравшихся с праздником Успения Пресвятой Богородицы и пожелал всем здоровья и благоденствия.

Снова пели, теперь в честь праздника Успения, сперва величание Богородицы:

— Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего, и всеславное славим усупение Твое, — дальше тропарь:

— В рождестве девство сохранила еси, во усупении мира не оставила еси...

И опять целовали крест, уже напестольный, в руках отца Артемия; а батюшка Георгий, взмахивая кропилом, всякого в очереди обрызгивал святой водой. И крестились, крестились...

Вера Владимировна заговорила с кем-то из женщин, а я продвинулся вперёд и подобрался к пенсионеру Кожечкину. Он в раздумье потирал бритый подбородок.

— А вы что же не перекреститесь?

— Да я как-то стесняюсь, потому что не больно верующий, хоть и крещёный, — ответил Кожечкин, повернувшись ко мне. Его загорелое лицо было морщинистым, а волосы на голове, едва отросшие после стрижки наголо, белели, как сахарные. — В церковь не хожу. Молиться не умею.

— Зачем же пошли на воздвижение креста?

— Соседи пошли, и я за ними. Отчего не пойти? Всё-таки развлечение, зрелище. Народу много. Все красивые, приветливые. Священник вот интересно говорил. Курить только всё время хочется, да как-то неудобно. Никто из мужиков, смотрю, не курит.

— Мужиков-то здесь раз-два и обчёлся, — сказал я. — В основном — женщины.

— Вы сами-то сильно верующий? — поинтересовался он.

— Думаю, ещё не сильно. Трудное это, оказывается, дело — верить в Бога по-настоящему. Но стараюсь. Читаю православные книги. Захожу в церковь, выстаиваю службы, исповедуюсь, хочу всё понять в богослужении.

— В городе-то есть куда пойти, кроме церкви, — сказал Кожечкин. — А у нас — куда? Раньше хоть клуб работал. Собирались в нём по воскресеньям, кино смотрели; артисты иной раз приезжали, и своя самодеятельность была. А нынче вся культура в деревне развалилась. И не токмо культура. Ни колхоза, ни совхоза, ни начальства, ни милиции. Даже магазина теперь нет, даже бани общественной. Остаётся самогонку пить и оловянными глазами в телевизор смотреть. Ладно, буду ходить в церквушку — всё веселее. И помощи, когда надо, стану у Бога просить, больше не у кого.

— Вы, безусловно, правы. — Я не знал его имени и отчества, а теперь узнавать счёл неуместным. — Но не стоит говорить о неприятном в такой светлый праздник. Желаю вам всего доброго.

На зелёной лужайке за церковью мы уже видели два очень длинных стола под белыми простынями. Мужчины наскоро сбили их из досок. При каждом стояли по обе стороны длинные временные скамьи. Когда праздничная служба закончилась, многие направились к столам. Несколько женщин понесли из ближайших домов блюда с закусками, бутылки с напитками, хлеб, вилки, ложки — всё хозяйки приготовили заранее. Священники, уже в чёрных подрясниках, также явились к трапезе. Благочинный встал; и верующие встали, выслушали предобеденную молитву и перекрестились. Яства тут были самые простые и здоровые: винегрет, салат из огурцов и помидоров, картошка отварная, намасленная и посыпанная жареным луком, рыба, солёные грибы, а на десерт — яблоки и ягоды: черника, слива. На столах не было спиртного. Вино заменили компоты и соки. И нас с женой, людей немолодых и умудрённых жизнью, удивило, что никто из мужчин не завёл даже

шутливых разговоров о том, что не мешало бы выпить под хорошую закуску по важному случаю, в приятной компании да на свежем воздухе. А сидели за трапезой, думаю, не полные трезвенники. Я сам люблю иногда пропустить рюмку-другую...

Общественницы проходили вдоль параллельно расставленных столов, убеждаясь, что люди разместились, устроились и довольны. Мы увидели Полину и позвали её сесть с нами.

— Это тоже — всем миром? — спросил я её, кивнув на закуски и напитки.

— Ну да, — ответила Полина. — Многие принесли что-нибудь из дома.

— Что же нас не предупредили? Мы бы нашли что принести.

— Каждого разве предупредишь? Кто встретился, тому и сказали. Да вы не огорчайтесь. Тут на всех хватит, — сказала она, глядя ласково. — Угощение бесплатное. Что люди сами вырастили и собрали, то и принесли. Может, только рыбу и хлеб купили в магазине.

— Всё такое аппетитное! — сказала Вера Владимировна, с удовольствием оглядывая стол. — Всего хочется попробовать!

— Ну, и ешьте на здоровье. Бог послал, значит, всё на пользу...

Мы опять говорили о строительстве деревенской церкви, которая до тех пор будет не церковью, а часовней, пока в ней не появится алтарь. А рядом кто-то, степенно обедая, толковал о каждодневных делах, летом в деревне многообразных и бесконечных. И так приветливы и внимательны были все друг к другу, что казалось: собравшиеся бесконечно любят и уважают друг друга и отныне станут любить и уважать всегда. Мне хотелось увидеть Доронина и познакомиться с ним. Полина показала его издали. Он сидел вместе со священниками, по ту сторону нашего стола, близко к краю: человек как человек, ничего особенного, лысоватый, в белой рубашке с закатанными рукавами. Личное знакомство с ним пришлось отложить, но я мысленно сказал Доронину, что за готовность и старание поставить церковь в деревне ему на том свете простится немало грехов...

Мы с женой собрались уйти, встали из-за стола и поклонились обществу. Полина захотела нас проводить и взяла Веру Владимировну под руку. Шли медленно, молчаливо, наслаждаясь отличным днём позднего лета, когда спадает солнечный жар, задувают свежие ветерки и всё меньше становится комаров. Но, расставаясь с нами, Полина сказала, чуть запрокинув голову и подняв глаза к небу:

— Как хорошо!.. Вот ещё алтарь построим, иконостас соберём да стёкла в окна вставим и начнем отца Георгия на богослужения приглашать! Заходите в церковь! Не забывайте!

Не забываем, заходим. А то просто глядим издали на красивый сторожевой пост и святилище местных православных. И глаз радуется, и на душе легко.

ОЛЕГ ПОРТНЯГИН

НАЗНАЧЕНЫ СУДЬБОЙ ПРОСТОР И ВОЛЯ

ЛЕТО-2010

Ну, и зной тебе выпал, страна!
Урожаем народ озабочен.
Даже хрен не растет ни хрена,
Что уж там говорить-то о прочем!

Но одна не приходит беда:
На просторах великой державы,
Как доныне ещё никогда,
Полыхнули лесные пожары.

На зелёный ликующий цвет
Выпал траур чернеющих пятен.
И впервые за множество лет
Дым Отечества стал неприятен.

ПОРТНЯГИН Олег Алексеевич родился в 1948 году в г. Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубоководником. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал грузчиком, электриком, учителем русского языка и литературы. Последние 35 лет — в журналистике. Стихи его печатались во многих литературно-художественных изданиях страны. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. Дмитриева. Член Союза писателей России. Живет в г. Сызрань.

Список бедствий и новых потерь
Довершат наводнения, смерчи.
Ну, так что ж? Мы умеем теперь
Не бояться ни жизни, ни смерти.

ЭР

Мне что арабы, что евреи.
Или французы, например.
Но почему-то я не верил
Не выговаривавшим “эр”.

Казалось мне: живя безбедно,
Они старались что есть сил
Нанять такого логопеда,
Чтоб их каГтавить научил.

Наука эта пригодится
Им в переменчивые дни,
Когда осядут за границей
Меж соплеменников они.

Живите там. Здесь вас простили.
И всё ж прислушайтесь к брюзге:
Хотя б название России
Не говорите через “г”.

КОНФЕТКА

Из провинции конфеткою
Многим кажется Москва.
Жизнь шальную, разноцветную
Приписала ей молва.

Там житьё и впрямь привольное,
Но у тех лишь, у кого
Власти, денежек поболее,
А таких — не большинство.

Если денежек поменее
Или их и вовсе нет,
В лучшем случае пельменями
Обойдётся. Без конфет.

Вот и думай тут в провинции:
То ли даст столица фарт,
То ли в духе злой традиции —
Сразу мордой об асфальт?

Уезжать в первопрестольную
Или плюнуть — вот вопрос.
Это дело добровольное,
Как и некогда колхоз.

Мчась за жизнью разноцветною,
Не забыли б только вы,
Что провинция конфеткою
Мнится многим из Москвы.

МУЖИКИ И БАБЫ

Не, мужики, бесполезно!
Это не цирк шапито:
Если уж падаешь в бездну —
Не остановит никто.

Разве что русская баба
Схватит за шкирку тебя,
Глянет с улыбкою, дабы
Понял, что это — любя.

И ведь найдёт она выход
И не поднимет на смех.
Жаль, мужики, баб таких вот
Нам не хватает на всех.

КОРИДОР

Всю жизнь я рвался к воле и простору.
А вышло так, что с детства до седин
Ведёт меня судьба по коридору,
И я такой, конечно, не один.

По сторонам — начальственные двери.
Табличка. Секретарша. Грозный босс.
В своё предназначение он верит,
Но и над ним есть грозные, небось.

И так же он идёт по коридорам,
Считает кабинеты и пока
Не знает, как и многие, в котором
Получит похвалу или пинка.

Не бойся, босс! Похожа наша доля.
Все эти опасенья — сущий вздор.
Назначены судьбой простор и воля
Лишь тем, кто прошагал весь коридор.

АЛЕКСАНДР КАРЯКИН

У СЫЗРАНА

* * *

Ветер тронул поплавок
Потревожил гладь Сызрана,
Я курю, плывёт дымок
В сеть рассветного тумана.
Заплескались караси,
Цапля ходит, будто пава.
Я в объятиях Руси —
Храм налево, храм направо.
Клёв пошёл, карась в сачке!
Значит, верен вкус примана...
Да и сам я на крючке
У притихшего Сызрана...

ПО ВЕСНЕ

В Сызрани — вешние грозы,
Волге тесны берега.
А за Уралом — морозы
И по колено снега.
Будет и тут вскоре таять.

КАРЯКИН Александр Сергеевич родился 9 февраля 1959 года в городе Ялуторовске Тюменской области. Работал на заводах Сызрани. Автор поэтических книг "России маленькая часть", "Пристань", "Уродного порога", Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

Ну, а пока я вполне
Сызрань сумею представить —
Как там сейчас, по весне.
Там охватило цветением
Улицы, парки, сады.
Там у крыльца, нет сомненья,
Ждёшь меня, милая, ты.
Верю, что вешние грозы
След мой не смыли с крыльца.
Зря, что ль, лучи, как занозы,
Наши тревожат сердца?

МОЛИТВА

Ещё за морем спит восход
И не стучат в селе калитки,
А мама просьбы к Богу шлёт
В своей предутренней молитве:

“Прими погибших на войне
С проклятым ворогом-германцем,
И всех замученных в Чечне,
И не вернувшихся афганцев.

Прими и души их спаси,
Дай упокою душам этим...”.
Лишь после: “Господи, прости,
Дай сил и счастья нашим детям”.

Так каждый день из года в год
Молитву повторяет снова,
Поклоны Господу кладёт,
Но в просьбах о себе — ни слова!

НЯНЯ

В нежный зной голубого июля,
По тропинке лесной семени,
Торопилась к нам бабушка Уля,
Чтобы бережно нянчить меня.

Грудь крестила движеньем усталым,
Закрывала руками глаза.
И блестела хрусталиком малым
На сиротской рубашке слеза.

СИРОТА

Уснул любимым сыном,
Проснулся — сиротой.
Меня мой рок подвинул
Во сне к стезе такой...
Пойду теперь я прямо
По матушке-земле,
А где-то моя мама
Идёт одна во мгле...
Идёт на встречу с Богом,

Не поднимая век,
Небесною дорогой,
Уставшая за век.
Её звезда, сгорая,
Указывает путь
К садам и кущам Рая,
Где можно отдохнуть,
Где можно погрузиться
Спокойно в красоту...
И Богу помолиться
За сына-сироту...

НЕФТЬ

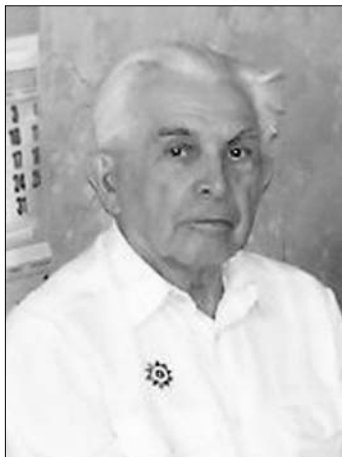
Вот он, наш край нефтяной!..
Символ всеобщего счастья.
Силой ревущей стальной
Рвут его люди на части.

Стонет тайга, покорясь,
А мужики беззаботно,
Чтобы пройти через грязь,
Валят деревья в болото.

Много наломано дров,
Птичье не слышится пенье,
Вместо весенних токов
Всюду шумят поселенья...

Северных красок финифть
Блекнет в последние годы.
Дорого стоишь ты, нефть, —
Много дороже природы!

НИКОЛАЙ ОВЧИННИКОВ

ЧАС СИЕСТЫ

РАССКАЗ

...Кирилл бежал зигзагами, стараясь как можно быстрее скрыться за невысокими холмами, поросшими редкими пыльными деревьями. Автоматные очереди подстёгивали его, как удары бича. Он несколько раз падал, вскакивал и бежал опять. Кирилл бросил сумку с гранатами, но автомат зажал окостеневшей рукой намертво.

Перед самыми деревьями пуля ударила его в левое плечо. Он упал и то ли от страха, то ли от большого физического напряжения потерял сознание.

Очнулся он оттого, что на лицо ему лили воду. Кирилла подобрала солдата второго взвода. Перевязали рану, и он на своих двоих доковылял до ротной медсанчасти.

Рана была пуляковая. Пуля по касательной задела мякоть плеча. При таком ранении медсанбат не требовался, и Кирилл остался в строю.

Он ещё ходил на перевязку, когда боевые действия закончились. Вскоре Кирилл Четвёркин, рядовой мотострелковой роты, был уволен в запас вместе со сверстниками, выслужившими свой срок. С войны он принёс, кроме пулевой раны, медаль “За отвагу”.

А Пётр Юсов, Петька, дружок и земляк, с которым они вместе напоролась на засаду, в часть не вернулся. Кирилл умолчал о том, что Петька, бежавший следом, отстреливался, что после взрыва гранаты он звал Кирилла.

ОВЧИННИКОВ Николай Михайлович родился в 1920 году в Сызрани в семье рабочего-железнодорожника. В 1940 году был призван на действительную военную службу. Великая Отечественная застала его на западной границе у города Львова. Войну закончил в немецком городе Бреслау. После демобилизации окончил Сызранский учительский и Куйбышевский педагогический институты. Работал в школах учителем, завучем, директором. Отличник народного просвещения. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого. Почётный гражданин г. Сызрани.

Петьку посчитали пропавшим без вести, только Кирилл был уверен, что Петька погиб. И осталась в памяти бойцов роты песня, которую пел Пётр Юсов под гитару:

*...Взвод идёт по шоссе,
Развернув боковые дозоры,
Головная застава зорко смотрит вперёд.
И не знают солдаты,
Вчерашние наши мальчишки,
Что за тем поворотом
Смерть солдатские жизни на выбор возьмёт...*

А в памяти Кирилла Четвёркина осталась ещё и вина перед Петькой. Звал Петька его в тот памятный день, на помощь звал, наверняка раненный. И не по себе становилось Кириллу, и стыдно, и больно за свою трусость. А ведь он, Петька Юсов, последним делился с Кириллом.

С увольнением на “гражданку” возникли новые проблемы, и Петька Юсов стал забываться. И боль душевная, тайная, стала слабеть, а потом и совсем пропала.

В последний раз Кирилл вспомнил Петра на свадьбе. После ритуальных “горько!” он произнёс тост.

Толпа родственников и гостей притихла, увидев помрачевшего Кирилла с бокалом в руке.

— За Петра Юсова, у которого я в неоплатном долгу. И не чокаться! Погиб Петро, вечная ему память.

Все молча выпили, только дядя Эдуард обронил: “Пиши долг на забор, забор упадёт и долг пропадёт...”

Стал Кирилл шоферить в автокомбинате. И шоферил бы до пенсии, если бы не дядя Эдуард, материн брат.

Дядя Эдуард по метрикам был вовсе не Эдуард, а Ефим. Мать рассказывала: “Смолоду Ефимка был непутёвым. Жилка в нём была торгашеская. Бывало, проводит его мама в школу, а он по магазинам, по толчкам-базарам шастает. Чай, все цены знал, что почём...”

В автокомбинате Кирилл зарабатывал неплохо. Копил на машину. Жена Катя работала в школе. Математиком. От комбината квартиру получили. Обстановкой обходились скромной. Детей не заводили: “Вот купим машину, тогда...”

И тут, как гром среди ясного неба: ваучеризация, приватизация. Полновесные рубли превратились в копейки. Было отчего опустить руки. Растерялся Кирилл. Растерялась предусмотрительная и расчётливая Катя. Разводили руками родители-пенсионеры.

Не растерялся дядя Эдуард-Ефим. Пришёл его звёздный час. Пригодились его широкие знакомства.

Бывало, проводится месячник по безопасности движения — Эдуард на виду. Конференция учителей — Эдуард в активе, с обществом охраны природы — на короткой ноге.

То статейку тиснет в газете, то по городскому радио выступит. И всё — в поддержку!

“Городской комитет КПСС и лично первый секретарь давно указывали на недостатки и приняли продуманное решение...”. Или: “...Посетившая выставку секретарь горкома Анна Петровна Люлина благодарила художников и дала весьма ценные указания о направлении дальнейшей творческой работы...”.

Заметный человек в городе был Эдуард Балалаев. И должностишку получил в жилищно-коммунальном секторе. неброская, да прибыльная.

В год-два дядя Эдуард из скромного горисполкомовского служащего превратился в “делового человека”, как на первых порах называли оборотистых, обходящих закон людей.

Советская власть рухнула. Но её руководящие товарищи возглавили акционерные общества, торговые дома, вошли в советы работодателей. В обращениях друг с другом путались. По старинке назовут “товарищем”, а если хотят досадить — “господином”. Закрымзенские сложили частушку:

*Был Гаврила секретарь —
Власть Советов прославлял,
Стал Гаврила господин —
И у власти стал один...*

Совсем пали духом Кирилл и Катя. Вот тут и порадел родному человечку дядя Эдуард.

В один из майских дней дядя заявился в гости к Кириллу. Он вальяжно расположился за столом с нехитрым угощением. Выпил стопку водки, лениво поковырял вилкой в салате — Катя полкило свежих помидоров купила. Привозных. Не хотела ударить лицом в грязь. От второй стопки дядя отказался:

— Кроме сухого “рислинга”, не употребляю. Печень берегу.

Скусающим взглядом осмотрел обстановку, спросил:

— Ты всё в комбинате шоферишь? Там на кусок хлеба дадут. Но — без масла!

Ещё раз оглядел комнату: ситцевая занавеска на дверях в спальню, комод с тусклыми железными ручками на ящиках — приданое Кати, трельяж на нём с облупившейся амальгамой на краях стёкол. Широко зевнул. Раздумчиво проговорил:

— Увольнения в вашем автокомбинате намечаются. Перевозки сократились. Машины старые, раздёрганные... Торговые фирмы своим транспортом обзаводятся. Смекаешь, Кирилл, конкурировать с иномарками вы не сможете. — И, без видимой связи с предыдущим, спросил:

— Зарплату в последний раз когда получил?

— В феврале.

— Значит, на Катеринину зарплату существуете.

Кирилл молча пожал плечами. Катя опустила голову.

— Помочь хочу вам. Ты, Кирюха, мне не чужой, родная кровь. Переходи ко мне. В месяц будешь получать...

Он назвал сумму, которую Кирилл не смог бы заработать и за полгода.

— ...Будешь моим личным шофёром.

И, считая вопрос решённым, дядя Эдуард добавил:

— На кого, как не на племянника, можно положитьсья? А это — аванс.

Он положил на стол увесистую пачку денег. Кирилл и Катя были настолько поражены, что не могли вымолвить ни слова. А дядя Эдуард, надевая шляпу, распорядился:

— Пошли, Кирилл.

У подъезда стояла машина цвета морской волны. “Тойота”, — определил Кирилл.

Дядю Эдуарда встретил и предупредительно открыл дверцу шофёр. Был он худ и нескладен. Сиреневый пиджак и рубашка с полосатым галстуком казались с чужого плеча — так они не вязались с испитым лицом и сивыми вислыми усами.

— Мирон, — сказал шофёру дядя Эдуард, — ты у меня больше не служишь. А ты, Кирилл, садись за баранку.

И шофёр Мирон, и Кирилл окаменели от неожиданности. Лицо Мирона пошло красными пятнами. А дядя Эдуард, неторопливо, по-хозяйски усаживаясь на заднем сиденье, приказал:

— Едем в офис. Садись, Кирилл.

— Не могу, — насколько мог, твёрдо сказал Кирилл. — Хоть и немного, но я выпивши. Да и документы надо оформить... случись что, любой гаишник...

— Плевал я на гаишников, — перебил дядя, — но ты прав, за рулём, Кирилл, будь абсолютнo трезвым. Мирон — в офис!..

Служба у дяди Эдуарда стала первой ступенькой бизнес-карьеры Кирилла Четвёркина.

И пошло-поехало. Кирилл — личный шофёр. Кирилл — телохранитель. Кирилл — доверенное лицо хозяина в бизнесе. Кирилл — младший партнёр дяди Эдуарда, управляющий одним из городских рынков.

Он раздобыл, Кирилл Четвёркин, потерял армейскую стройность, отстал брюшко. Уже не он возил хозяина в модной иномарке, а его, Кирилла, возил личный шофёр. Барские нотки появились в разговоре с подчинёнными, и к нему, заискивая, обращалась за спонсорской помощью спортивная, клубная и журналистская шушера.

Вместе с дядей Эдуардом побывал Кирилл и на модном испанском курорте, “где небо южное так синее, где женщины, как на картине”. Был на корриде. Смотрел знаменитые испанские танцы — сарабанду и арагонскую хоту, отбивая ладони от восхищения. Оттуда, из Испании, он вывез и завёл в личный офисе “час сиесты”, час полуденного отдыха, час, когда кому бы то ни было запрещено беспокоить его, Кирилла Четвёркина.

Говорят, занятие определяет понятие. Рынок, базар, которым владел Кирилл, многому его научил. Работая на автокомбинате, Кирилл свято чтит неписанный шофёрский закон: помоги товарищу в беде. Помнится, ехал он с грузом из Кузнецка. Зима. Под вечер на трассе — ни души. Оно и понятно: люди к ночи стремились домой, в тепло. И он гнал домой, усталый и озябший. А тут — грузовик на обочине. И шофёр, мальчишка совсем, стоит, руками машет.

Остановился, вышел из кабины. Парнишка чуть не плачет: “Помоги”. У автомобиля полетел кардан. “Две машины останавливались, да у обоих шофёров троса буксировочного не было. Дотяни до города, до стоянки...”

Приволок Кирилл его машину к своему двору, парня отогрел, накормил, ночевать оставил.

Теперь Кирилл нагляделся на рынке всякого. В лицо узнавал перекупщиков. Закрывал глаза на бритоголовых “крутых”, собирающих дань рэкетиров-вымогателей. На базаре можно было “купить девочку” хоть на час, хоть на ночь — имелись торговцы и этим товаром.

Кирилл уже не удивляло обилие нищих, он просто не замечал их. Но однажды...

Однажды, проходя в офис мимо торговых рядов, он услышал негромкий рокот гитары и песню. Он остановился, нашёл глазами исполнителя.

Нет, это не был нищий. Это был торговец, такой же, какими были все эти женщины и мужчины с рыбой и конфетами. С бутылками разноцветного иностранного пойла, с кроссовками и куртками, разложенными и развешенными в торговых рядах.

Товар его, правда, был необычным. Маленькие, величиной со спичечную коробку головы известных деятелей, карикатурно-шаржированные. Здесь криво усмехался московский мэр Лужков в неизменной кепочке. Фельдфебельски набылчился генерал Лебедь. Злобный бородач Басаев и луноликий Егор Гайдар в паре с Чубайсом, гордо вздёрнувшим остроносое лицо. Президент Ельцин соседствовал с вислощёким Колем и узколобым Клинтонем. Рядом с пятнистой головой Горбачёва притулилась мордастая толстогубая голова Новодворской. Головы из обожжённой глины были раскрашены масляными красками. Здесь же стояла синяя пластмассовая миска, в которой блестели монеты.

И кому было какое дело до того, что вот этот гражданин, занимающийся своим мелким бизнесом, играет на гитаре и поёт? Может, ему весело? Может, он поёт от полноты чувств и радости жизни? А то, что в миску бросают монеты, — это частное дело каждого. Человек не христарадничает, он поёт:

*...И не знают солдаты,
Вчерашние наши мальчишки,
Что за тем поворотом
Смерть солдатские жизни на выбор возьмёт...*

Кирилл остолбенел: Петькина песня! Продравшись через толпу зевак, он увидел — нет, не Петра Юсова. На гитаре играл старик в серой неопрятной бороде и синих очках. Жидкие седые волосы вылезали из-под армейского берета, старенького, с выцветшими полосками российского вымпела. Ни лицом, ни одеждой человек не напоминал Петра Юсова. Но вот голос...

Кирилл стоял, слушал, и ознобная волна поднималась по спине. Голос был Петькин. Петькины были придыхания и звенящая грусть. Ещё там, в казарме, послушав Петьку, хохол-ротный, который знал толк в песнях, сказал: “Гарна песня. Но ты, Юсов, поёшь так, будто с невестой прощаешься”.

*...Горы, горы кругом,
Молчаливые дикие горы,
Из ущелий ползёт на дорогу туман.
Этот мир и покой,
Приглядишь, так коварно обманчив:
Командир хмурит бровь,
Командир хмурит бровь:
В чьих руках перевал?..*

В толпе негромко переговаривались.

— Старик, а голос-то молодой.

— Да не старик он вовсе, хоть и с бородой. Вон их сколько шляется, молодых да бородатых!

— Чай, борода-то сивая.

— Говорят, из плена пришёл, то ли из Афгана, то ли из Чечни.

— Худющий.

— В плену — не у тёщи на блинах: и похудеешь, и поседеешь...

*...Снайпер выберет цель,
Пулемёт захохочет над жертвой,
Сокрушив БТР, гулко мина рванёт,
А в родимом краю
Задрожит русской матери сердце —
Больше станет в России,
Больше станет в России и вдов, и сирот...*

— У Анны-то, у Рассоленковой, двое ребятишек остались. Муж-то, вертолётчик, в Чечне сгинул.

— А у Гришиных? Забрали Володьку, через месяц похоронка пришла... Пацан совсем.

— Говорят, энтот в плен раненый попал, товарищ вроде бы его бросил, убёг...

— Того не может быть! Сам погибай, а товарища выручай! Мы в срок втором...

Кирилл выбрался из толпы и заторопился в офис. Солнце уже сильно припекало, и то ли от начинающейся жары, то ли от волнения горло его пересохло. “Петька или не Петька?” — мучился сомнением Кирилл, входя в свои апартаменты.

Девушка-секретарь, оберегая шефа, стояла насмерть. Попасть к Четвёркину домогались трое.

Один — тощий, с оловянными глазами, вертлявый господин — назвался журналистом, работником местной газеты.

— У нас с Кириллом Владимировичем очень доверительные отношения, — внушал он. — Он сам мне назначил встречу в половине первого.

— Вы знаете, — вежливо, но твёрдо парировала девушка, — шеф пунктуален. Час с двенадцати до тринадцати недоступен. В этот час ни сотрудников, ни, тем более, посетителей он не принимает.

Второй посетитель — розовощёкий крепьш, этакая гора мяса, обтянутая белым полотном, — мягко улыбаясь, без видимого усилия отодвинул секретаря от двери и дёрнул за ручку. Но дверь не поддавалась. Он дёрнул ещё.

Опомнившаяся секретарь заверещала пронзительно, как базарная торговка:

— Закрыто! Закрыто же! Куда вы ломитесь, как...

Она не сказала, с кем можно было бы сравнить этого монолитного мужчину и, почти успокоившись, села к столу.

К ней подошёл третий посетитель, поскрипывая протезом. Головной убор — берет армейского образца — он держал в руке. Настенное зеркало приёмной отразило пряди седых волос и синие очки.

— Девушка, — сказал он, — позвоните Кириллу. Скажите, что к нему пришёл Пётр Юсов. Товарищ он мой, однополчанин.

Он неловко переступил, поправляя за спиной гитару на широком ремне.

— Поймите меня, — взмолилась девушка, — он меня выгонит с работы, если я нарушу его запрет. Этот час для него священен — час сиесты. Ну, подождите, ведь осталось-то всего десять минут!

А за окном разливался жара. Ни вентилятор под потолком, ни вентилятор напольный, перемешивая лопастями жаркий воздух, прохлады не давали.

— На днях кондиционер поставят, — ни к кому не обращаясь, сказала секретарь. — Кирилл Владимирович распорядился.

Она посмотрела на часы:

— Через три минуты он откроет.

Кирилл, навалившись грудью на стол, дышал редко и тяжело. С ним такого ещё не случалось, хотя стакан коньяка стал для него нормой в час сиесты. Он прилежно следовал совету дяди Эдуарда-Ефима, который уверял, что от “принятия аква виты” “у Христа и у Иуды расширяются сосуды”. И вдруг...

Вдруг стены офиса, лепной потолок с люстрой, окна с закрытыми жалюзи стали медленно вращаться. Кирилл ухватился за край стола, потом навалился на него, сиюсь дотянуться до кнопки звонка. Дневной свет стало затягивать кроваво-красной мутью, исходящей от косматого яростного солнца. Кирилл почуял калёный запах пустыни и услышал сухой треск автоматных очередей.

...Нарвавшись на засаду, они бежали вместе с Петькой Юсовым. Петька что-то кричал ему, указывая на завал из каменных глыб, но он продолжал бежать, по-заячьи петляя, к чахлым деревцам на выжженных солнцем холмах, подгоняемый диким страхом. Он бежал и твердил, не вдумываясь в смысл: “Господи, помоги... Господи, Сыне Божий, да святится имя Твоё... Господи...” — твердил всё, что когда-то слышал божественное, к чему относился равнодушно, походя забывая. Вот, вот они, спасительные холмы, скорее к ним, под пыльные деревья...

Яркая вспышка, как от взрыва фугаса, ослепила Кирилла. Ему вдруг стало покойно и тихо, он глубоко вздохнул и обмяк.

— Девушка, пора. Кончился час сиесты Кирилла Владимировича, — кивнул журналист. — Он ведь сам время назначил...

“Гора мяса” в белом решительно направился к двери, но секретарь поясnila:

— Кирилл Владимирович открывает дверь сам.

Часы в приёмной пробили час.

Секретарь, поправив причёску, направилась к двери. Она робко потянула за бронзовую ручку. Дверь была на запоре, а в кабинете стояла тишина.

Растерянно пожав плечами, девушка подняла трубку телефона:

— Кирилл Владимирович... Алло, Кирилл Владимирович...

Пётр Юсов, поскрипывая протезом, подошёл к двери и громко постучал в неё кулаком.

В приёмную вкатился человек без пиджака. Розовые подтяжки придерживали широкие брюки.

— Наденька, позвоните нашему юристу, чтобы срочно к шефу... одна нога — там, другая — здесь: из налоговой инспекции пожаловали.

Улыбаясь, он дёрнул дверь.

— Яков Абрамыч, — затараторила секретарь, — Кирилл Владимирович не открывает. Я звонила... стучали... Уж не случилось ли чего?!

— Охрану, быстро! — крикнул тот, кого секретарь назвала Яковом Абрамычем. Ворвавшимся через минуту людям в камуфляже скомандовал: — Дверь! Взломайте дверь!

Под дружным натиском здоровенных мужиков дверь с треском распахнулась, вырвав часть косяка.

Пётр Юсов стоял в стороне от охватившей офис суматохи. Среди белых халатов мелькали люди в милицейской форме. Девушка-секретарь плакала, и по её лицу тёмными струйками стекала краска макияжа.

Странное чувство испытывал Пётр. Вначале было какое-то удовлетворение. Торжество справедливости. Судьба наказала того, по чьей вине он, Пётр Юсов, перенёс годы страданий. Он никогда не забывал того дня, когда в одиночку отбивался от группы боевиков. Засев среди каменных глыб, Петр прицельно, с какой-то холодной яростью, расстреливал чернобородых. Их было немного — человек шесть-семь. Четверо из них попали под его огонь, остальные, беспорядочно отстреливаясь, стали отходить, ударив напоследок гранатой в каменный завал. Осколок от неё попал Петру в ногу.

Если бы Кирилл был рядом!.. Но Кирилл убежал, а он, Пётр Юсов, лежал среди раскалённых камней, то приходя в сознание, то теряя его.

Боевики взяли его в полдень. Непонятно, почему не пристрелили сразу. А дальше — плен. Год за годом, год за годом...

Носилки, накрытые простыней, пронесли в санитарную машину. Галдящие сотрудники и толпа зевак стали расходиться.

Пётр Юсов, припадая на ногу с протезом, шёл по базарной площади. Невыказанная обида уступила место горькому размышлению. Ему даже стало жаль Кирилла.

Достиг человек богатства, власти. А счастлив ли? Спит ли спокойно? Или по-прежнему рвёт сердце постоянным стремлением хватать, грести под себя, унижая и обездоливая других? А финал? Вот он, финал. Овдовела жена. Детей у Кирилла не осталось. Ради чего же прожита жизнь?

Подходя к автобусной остановке, Пётр замедлил шаги, а потом и совсем остановился. Взгляд его потеплел: обеспокоенная его отсутствием, навстречу бежала Шурка, его жена.

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

РАССКАЗ

Зрители дружно зааплодировали, призывая артистов к началу концерта. Свет люстры стал меркнуть, и перед затемненным залом освещенной осталась только сцена с голубым занавесом. По низу занавеса были вытканы зелёные волны. Из этих волн неожиданно возникла женщина в длинном чёрном платье, усеянном блёстками. Высокая причёска, красивая шея и тонкие белые руки делали её похожей на фарфоровую статуэтку.

Она подняла руку, и аплодисменты затихли.

— Дорогие друзья! — голос у неё был сильным и мелодичным. — Двести лет назад в самом центре Европы, в русской Польше, вспыхнуло восстание. Восставшие боролись за независимость, но были разбиты. Уцелевшие предводители восстания бежали за границу. Среди них был и граф Михаил Клеофас Огинский. Храбрый офицер и патриот, он был к тому же скрипачом и талантливым композитором. Один из его полонезов написан, можно сказать, кровью сердца.

Занавес медленно пошел вверх, а женщина плавно повела рукой:

— Огинский! Полонез “Прощание с Родиной”! Исполняют...

Мелодия возникла, как ещё не осознанная боль, как горькое размышление о случившемся. Она погасила приглушённый говор и движение в зале.

Вслушиваясь в мелодию, Виктор Алексеевич прикрыл глаза. Ему вдруг открылась мятущаяся душа неведомого польского офицера Огинского. Мо-

жет быть, он, этот граф, стоял на крутом берегу реки и в последний раз смотрел на островерхие черепичные крыши города, на острый шпиль костёла.

Не так ли смотрел в первые дни войны на покидаемый Львов и капитан Сильченко, их командир роты... а он, тогда ещё сержант Колесников, нетерпеливо ждал его, тревожно глядя в небо, в котором разворачивалась для бомбового удара девятка “юнкерсов”. Он тогда ещё не понимал, что капитан прощается с родным городом, не ведая своей дальнейшей судьбы. А впереди капитана поджидала гибель на Карельском перешейке в сорок втором году.

Не ведал своей судьбы и сержант Колесников. Всю огромность, всю тяжесть свалившегося на него горя он ощутил лишь неделю спустя после начала войны, отступая через небольшой городок.

Предчувствуя оккупацию, жители забирали из магазинов и лавок свёртки тканей, муку, крупу, несли коробки с обувью. На дороге под ногами солдат валялись рубли, трёшки, пятёрки, блестела мелочь. А солдаты шли и шли. Хмурые и молчаливые. И пыльные сапоги топтали никому не нужные деньги.

Вот когда он, сержант Колесников, почувствовал невыносимую боль разлуки с оставляемой врагу землей, с этими притихшими ребятишками, с плачущими женщинами, с накупленными стариками, молча смотревшими на уходившие войска...

А скрипка пела и плакала. Пела голосом женщины, оплакивающей разбитые надежды, невозвратимую потерю.

В рокоте рояля Колесникову слышались то пулемётная стрельба, то гул танковых моторов. Он будто наяву увидел взорванные фермы моста через Вислу, небольшой каменно-черепичный Сандомир с остановившимися часами на башне городской ратуши.

Шла весна сорок пятого года, конец войны был близок. И всё чаще в коротких солдатских снах виделись Колесникову далекая Сызрань и скромная родительская квартирочка на Интернациональной улице...

Мажорные аккорды полонеза напомнили бывшему сержанту танковый бросок через Рудные горы на выручку восставшей Праге...

Зрители стоя аплодировали артистам, совсем не замечая капитана Колесникова, сидящего с закрытым ладонями лицом...

ЗАГОВОРЁННЫЙ ПЯТАК

СКАЗ

Прилаживая к башмаку подмётку, дед мурлыкал песенку. Потом, будто что-то вспомнив, спросил:

— Ты про орлянку слышал?

— Игра, вроде, — неуверенно ответил я.

— Значит, слышал, — удовлетворённо сказал дед. — Да и как не слышать, ежели каждый праздник без орлянки не обходился. Игра-то простая, не то, что карточная, — знай себе монету вверх мечи. Летит она, как бурбалка, да на землю падает. Решка — плакали твои денежки. Орлом упадёт — весь кон твой. Бывало, проигрывались до креста. Иной всё с себя спустит, без малого нагишом домой идёт. Про счастливых игроков говорили: у него пятак, мол, заговорённый... А ведь и впрямь можно у нечистика выпросить счастливую монету. Был такой способ. Только удаётся это один раз в году, на Пасху, в самую заутреню...

— Расскажи, деда, — загорелся я.

Ему, видимо, и самому захотелось вспомнить старое. Он ухмыльнулся, отложил работу.

— Расскажу, коли просишь. Да и глазам пора роздых дать, слабые стали. Так вот, в самую заутреню лезь на подловку и становись прямо к печной трубе. Да слушай, когда церковный колокол ударит. Как ударит колокол, значит, полночь наступила, и поп в церкви возглашает: “Христос Воскрес!”. А ты со своим пятаком аль семишником ответствуй: “Орлянка здесь!”. Колокол опять ударит, а поп второй раз возгласит: “Христос Воскрес!”. И ты второй раз ответствуй: “Орлянка здесь!”. И так трижды. Потом спускайся с подловки, ежели... живой останешься.

— Как это “ежели живой”? — оторопел я.

— А так. Нечистики задарма счастливую монетку не дадут, всякое случалось. Ну, уж коли перетерпел — орлянка твоя, в проигрыше не будешь.

За окном повалил снег, и вдруг, откуда ни возьмись, на большой куст сирени опустилась целая стая снегирей. Они расселись по веткам, и голый, безлистый и унылый куст преобразился: красногрудые птицы закачались на его ветках, будто налитые райские яблоки.

— Ну, вот, и генералы мои прилетели, — сказал дед Михаил и стал шарить рукой за верстаком. — В лесу, видать, всё снегом завалило, коли к жилью подались.

Он вытащил горсть подсолнухов, открыл форточку и высыпал их на дощечку-кормушку. Едва форточка закрылась, как снегири устремились к еде.

— Сурьёзная птица, — сказал дед, — суеты не любит. Синицы, да чётки, да ещё воробьи налетают скопом, оравой — каждая птаха норовит прежде другой зернышко урвать. Снегири — не то!..

В самом деле, снегири подлетали к кормушке по одному, по два. Неторопливо выбирали семечко и с ним отлетали на куст, где и расклёвывали его крепкими клювами.

— Всякая животинына свой обычай и свою повадку имеет, — философствовал дед Михаил. — Уж на что домашняя скотина — при человеке всегда живёт, а и к ней подход должен быть. Бывает, всем хороша корова аль коза, а молока не даёт, поскольку не ко двору пришлась, домовому не приглянулась. Вот и волтузит он, и тиранит животину. Какое уж тут молоко!

— Бывает, и людям несладко приходится от домового, — ввернул я с тайной надеждой, что дед Михаил отыщет в потайном уголке своей обширной памяти занимательную историю.

— Конечно, — согласился он. — То во сне душит, то синяков на теле наставит. Прежде-то в каждой избе свой дедушка домовый обретался. Теперь про них не слышать: верить в них перестали, они и не показываются. А были, были. Мой отец сам видел домового — как я тебя вижу. Годков десять мне тогда было...

Стая снегирей внезапно шумно поднялась и улетела, будто кусок розовой зари промелькнул мимо окна. Мы с дедом прильнули к стеклу. На завалинке соседнего дома сидел здоровенный кот — чёрный, с белыми лапками. Он тянул шею к опустевшему кусту сирени, двигал усами, принохивался.

— Так я и знал! — воскликнул дед. — Опять Грек снегирей распугал, кот соседский. Вот животинына зеленоглазая, везде нос суёт. Теперь моих генералов только через неделю ждать можно!.. Так вот, годков десять мне было, когда мой отец своего домового увидел, — принимаясь за работу, продолжал рассказ дед Михаил. — Отец мой, Иван Михальч, человек был трудящий, много разных работ перепробовал. Крестьянствовал, у помещика Серова землю арендовал, да земля не прокормила. “Казанку” строил, в насыпь землю возил, а как рельсы положили — в извоз ушёл: то хуторских с дощаников на базар отвезёт — вишни отголь много шло, то на мельницы зерно аль муку на Купеческую пристань доставит. Так и вертелся. Семья большая, все есть хотят...

В извозе первейшее дело — лошадь. И была у нас лошадёнка немудрящая, светленькая, а грива чёрная. Сама тощенькая, вроде козы, а дело справляла не хуже других прочих. Так ведь продал её отец! Он, родитель мой, козыристый был, не тем будь помянут. Любил и пофорсить, и прихвастнуть. Бывало, выпьет не в меру и начнёт выкобениваться, “графом” себя называть. За то нас Графовыми прозвали, по-уличному. Сергей, брательник

мой, так Графовым и в солдаты ушёл... Так вот, лошаdёнку родитель продал и на двор привёл коня. Не конь — картинка! Вороной. Ноги в чулках. Полובили мы Воронка. Бывало, вынесешь хлебца кусочек с солью, он осторожно так с ладони возьмёт, губы у него мягонькие, будто бархатные... — глаза у деда Михаила спрятались в морщинах, он улыбался в усы. — Да не пришёл тот конь ко двору. Пуганый стал. Худеет на глазах. Отец ему и сена, и овса... коновала приглашал — доктора конского. Тот щупал животину, мял, в рот заглядывал. “Здоровая, — говорит, — лошаdка”. С тем и ушёл. Совсем отец пал духом: ну, как подохнет коняга? Сумки шить да по миру идти?..

Скор был на дела родитель мой. В первый же базарный день продал Воронка. С убытком. Привёл другую лошаdь. Серую. В яблоках. Соседи приходили на погляд. Хвалили: “На такой лошади настоятеля собора отца Власия возить не зазорно”. Только и эта лошаdка не прижилась. С каждым днём слабеет. Глаза пуганые. Дрожит вся, и шерсть блеск потеряла.

Беда наша всей улице стала известна — как же, открыто жили. Доброты появились, советчики. Одни говорят: попа зови, пуцай святой водой конюшню окропит. Другие: козлиные рога над колодой прибей — ласка, вишь, животину мучает, зверёк этот конским потом питается... Ну, и всяко-разно...

Жил от нас через три двора дедушка Ермильч. Ветхий уж, с печки не слезал. Вечеру он к нам в избу приковылял: “Слышал, Ваня, про твою невезучку с лошаdками. Видать, не показалась ему ни вороная, ни серая” — “Кому это, дедушка Ермильч?” — “Известно кому — домовому”. Отец только рукой махнул, сказки, мол. А Ермильч своё: “Сядь, Ваня, под борону и узнаешь, что ему надо. Дело, конечно, твоё, дак уморит он лошаdку — с чем останешься? Детишков твоих жалко...”.

Попытка — не пытка, спрос — не беда. Наладилась мой родитель в ночь под бороной сидеть. Мы-то, ребятня, этого ничего не знали. Ночь он просидел, а заутро накинул на Серка обороть да на базар и отвёл. Продал. Привёл новую лошаdку. Помню, мать — в слёзы, да на отца: и барышник, мол, и цыган, домытаришься до ручки, ни денег не будет, ни товару...

Против Серка новая лошаdка была невзрачна: и росточком невелика, и мастью неброска. Но — прижилась. И трудилась исправно, пока отец извозное дело не бросил. Уж много лет спустя, под весёлу руку, он рассказал, как под бороной сидел...

— Как это “под бороной”, а зубья-то? — задал я вопрос.

— А ты слушай. К вечеру отец устроил себе место в конюшне. За колодой борону приладил зубьями вверх, сена подмостил. В ночь на эту засидку и ушёл.

“Лежу это я, — рассказывал, — темно, тихо. Серко овёс жуёт. На пожарной каланче одиннадцать пробило. В сон стало долить. Укрылся я попоной. Дремлю. Друг светло сделалось, и появился в конюшне мужичок. Маленький, ровно мальчишка лет восьми. Рубаха на нём в красну полоску, кручёным пояском подпоясана. На ногах — лапоточки. Ну, мальчишка и мальчишка, кабы не борода. А борода сивая да широкая, будто лопата. Волосья в кружок стрижены. За поясом — кнут. Ни дать, ни взять — мужик в извоз собрался. Обошёл мужичок Серка, ведром загремел. “Что за раззява этот Ванька, — слышу, — ведро к месту не приберёт. Всё-то у него раскидано да разбросано...”

“Так вот он какой, дедушка домовый”, — смикитил я. Сам лежу,дохнуть боюсь. А домовый ходит по конюшне, ворчит: “Хомут до сей поры не починил... обороть бросил... оси у телеги не мазаны, скрипят... Как сам растрёпа, этот Ванька, так и лошаdь привёл дурную. У-у, скотина!” — выхватил кнут да и начал Серка пластать. Лошаdь от него и туда, и сюда, а он знай ее хлещет. Потом угомонился. Присел на колоду, вздохнул да и сказал, жалостливо так: “Чтобы этому Ваньке привести лошаdку-то чаленькую...”. Сказал так-то, ещё посидел мало время. Потом выгреб из колоды весь овёс, в мешок ссыпал и с тем мешком пропал. И в конюшне опят темень стала, хоть глаз коли. Слышу, на каланче два часа пробило. Вылез я из-под бороны да домой...”.

Вот так родитель мой и повидал домового, — закончил рассказ дед Михаил и стал сучить дратву.

— А потом? — спросил я. Мне хотелось, чтобы эта удивительная история продолжалась.

— Что потом? После Серка отец привёл чаленькую лошадку. Из любопытства ещё раз под бороной сидел, сам видел, как домовый за ней ухаживал: и гриву-то расчешет, и репы из хвоста выберет, и невесть откуда овса, а то и ячменя приволокёт. Любил он чаленькую...

— Прямо сказка какая-то: домовые, ведьмы, русалки. Что же их теперь-то нет?

— Веру люди потеряли, вот и нет, — отозвался дед Михаил. — Раньше в Бога верили, добро творили, а нечистый людей от добра отвращал, за людскими душами охотился. Теперь же среди людей одно зло, нечистику и во грех их вводить не надо, все души скопом ему достаются. Вот и перевелись русалки да ведьмы — за ненадобностью... И домовые заодно...

ВЯЧЕСЛАВ ХАРИТОНОВ

ВОСПЕТЬ САМАРСКУЮ ЛУКУ

* * *

Не подражая кулику,
Что кочку собственную славит,
Воспеть Самарскую луку,
Как никогда, я нынче вправе.

Ведь ни на миг я не солгу
Ни пред собой, ни перед Богом
Ни про бурёнок на лугу,
Ни про туманы по отрогам,

Где в плеть свиваются ужи,
И брачный танец их роскошен,
А в ясном небе виражи
Торжественно свершает коршун.

Здесь мне Самарская лука
Ключок оставила таёжный.
В нем есть брусничные лога,
Есть благородный гриб и ложный.

ХАРИТОНОВ Вячеслав Владимирович родился в 1942 году в городе Сызрани. Служил в ракетных войсках. Окончил Свердловский государственный педагогический институт. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения, а также журналистом. Публиковал свои произведения в газетах и журналах, в коллективных сборниках. Издал книги стихов: "Околица" (1985), "Полустанок" (2004), "Всплески" (2011) и "Польнок" (2012). Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии "Мастер". Живёт в Сызрани.

Она мне завещала впредь,
Народа ощущая локоть,
Светло в грядущее смотреть
И сладко так по-волжски окать.

Клонясь к закатному огню,
Пусть в чём-то я и повторяюсь,
Но честь волжанина ценю
И оправдать её стараюсь.

Я — ПОЛЫНОК

От рока никуда не деться.
Судьбу нам вверили отцы,
Оставив сыновьям в наследство
На сердце трепетном рубцы.

Ведь в жизни было столько боли,
Несправедливости людской!..
Я — полынок в широком поле,
Где ветры стонут день-деньской,

Где ночь встречается с закатом,
А с ночью — новая заря,
Где камень на холме покато
Поставлен предками не зря.

И мне не надо лучшей доли,
Куска землицы пожирней...
Я — полынок в широком поле
От сизых листьев до корней.

ПЛАЧ РУССКОЙ ИЗБЫ

Путь-дорога не проста
От рождения к могиле.
С чистой верою в Христа,
Как в тумане, все мы жили.

Лишь наличников резьба
Да погосты всё, погосты...
На Руси что ни изба,
То скатившиеся звёзды

За свинцовый горизонт.
Их так много не случайно:
Мор ли, голод, или фронт,
Или злых наветов тайна...

Жаль! Но сколько бы судьба
В прошлом предков ни скосила —
Плачет русская изба
До сих пор, как вся Россия.

Бездну сил нам всем напрячь
Предстоит в упорстве строгом,
Чтоб остался этот плач
За крутым её порогом.

МОСТОВАЯ

Мир суровый открывая,
Дух кочующих крепя,
Пропускает мостовая
Наши судьбы сквозь себя.

На её крутых ухабах
Стынет призрачная мгла.
Здесь испытывали слабых,
Чтоб асфальтом жизнь легла.

Здесь испытывали ближних
На любовь и на разрыв,
Оттого любой булыжник —
И вершина, и обрыв.

Торопясь и отставая,
То уводит в никуда,
То заносит мостовая
Нас в застойные года.

Впрочем, были ли застойны
Те года когда-нибудь,
Если мир и труд — не войны
Составляли всю их суть?

ПАСТУХ

Простое звание “пастух”,
А все-таки — профессия.
Пусть сложеньем шупл и сух,
Зато живётся весело.

За ним — овчарка, хвост — трубой.
Пройдёт — и не оглянется,
Он в Штатах звался бы “ковбой”,
Рубаха был и пьяница.

У нас — Иван иль Тимофей,
А подвернётся стопочка —
И на плече его репей,
Как маршальская звёздочка.

МАКСИМ ЕРШОВ

БОЛЬ ЩЕМЯЩЕЙ РОДИНЫ

ДЕДУ

...Мне в этом небе, чистом иссиня,
в котором, ну, ни беса нет,
приснилась трепетная истина,
дошедшая из давних лет.

Я — твой последний.
Помню ласково
над Волгой рыжую зарю...
За край ребячий, полный сказками,
тебя навек благодарю!

За пыль дорог, что были пройдены
в азарте простеньких затей.
За эту боль щемящей родины
в сиянии её путей.

* * *

Е. Д.

Всё, что было задорно и здорово,
прокатилось, как радостный звон.
Расставанье — холодное слово.
Был я искренне в дружбу влюблён.

ЕРШОВ Максим — уроженец города Сызрани, постоянный автор “Нашего современника”, член Союза писателей России.

Ты склони ко мне русую голову,
напоследок давай помолчим.
Расставанье — тягучее слово,
чугунеет от веских причин.

Таает эхо...
Куда же ты, молодость?
Тех — таких же — уж нас с тобой нет.
Расставанье — тяжёлое олово —
затеряется в сумерках лет.

КРОШКА

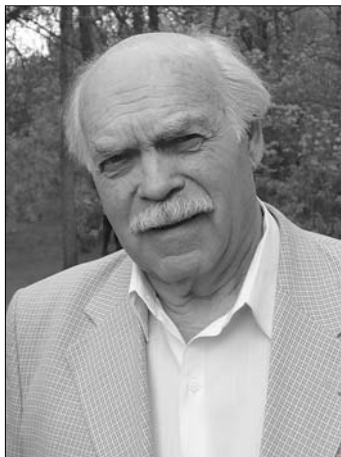
Е. К.

Милых расплывчаты лица.
Память тихонько поёт...
Времени синяя птица
свой продолжает полёт,
тень остаётся густая,
свищут в полнеба крыла...
Лет моих целая стая
клином за нею ушла.

Может, увидишь их, жалких, —
дай им рассыпчатый хлеб:
будет в ладони вожак их
тыкаться, будто ослеп.
Будут они у причастья
драться за крохи твои!
Будут желать тебе счастья,
может, в такой же любви...

Впрочем, все счастья капризны.
Птица летит вы-со-ко.
Дерзкая преданность в жизни,
может, важнее всего.
Дерзкая преданность, крошка!
Вот что такое любовь.
Стае моей на дорожку
сыпь, не жалея, хлебов...

ЮРИЙ СЕМЁНОВ

ПУЛЯ КАСКУ ПРОБИВАТ...

РАССКАЗ

Два бойца стояли рядом в неглубоком мокром окопчике и, припав грудью к свежему брустверу, вприщур глядели туда, где был враг. А там, похоже, творилось светопреставление: весь бугор, который капитан, ротный командир, называл высотой, — сплошь дым, да пыль, да ошмётки земли. И гром оттуда, хоть тут уши затыкай.

— Прыщ она по сравнению с Жигулями, — ворчал старший, — а огрызатца, что та сучка от кобелей, прости, Господи...

— Ничо, дядя Федя! Пушкари её с грязью смешают — атаковать будет некого.

— Атаковать завсегда есть кого. В германску долбили немца не хуже, а как “Уря!”, так он тебя из пулемёта тово... Поливат. Меня самого продырявил.

— А чего ж тебя, раненого, снова на фронт?

Не враз ответил Фёдор Тимофеевич, подумал, хотя времени для думок оставалось с гулькин нос. Он так считал. Но ещё считал, что на серьёзный вопрос нужен серьёзный ответ. Поскрёб серую щетину на впалой щеке, примерился взглядом к мальчишке в военном ватнике.

— Так то когда было! Не инвалид, ежли литовкой день до ночи могу махать. И с трёхлинейкой в штыковую-то учён... А что старого да малого на

СЕМЁНОВ Юрий Михайлович родился в 1929 году в Узбекистане. Детство прошло на Кубани. Окончил Краснодарскую спецшколу ВВС № 12, Серпуховское военное училище, Ленинградский военный институт ФКиС. Служил в авиационных частях, публиковался в СМИ. Победитель конкурсов военной прозы “Твои, Россия, Сыновья” (2010, Москва), дипломант Международных конкурсов им. Твардовского (2010, Москва) и “Согласование времён” (2011, Франкфурт-на-Майне). Живёт в Сызрани.

фронт — тож понять надоть. Четвёртый год друг друга убивам, за что-пóч-то — не понять.

— Мы — за Родину!

— И за Сталина. Замполита наслушался. Про панов, которы дерутся, слышал? Все они чужими руками воевать горазды. А мы кого убивам? Тех, кто землю холит да народ кормит. Сиротой её, матушку, делам. Вот и получилось, что некому стало Родину спасать от Гитлера, окромя нас с тобой. Ты вот за четыре года из мальчонки в парни вышел. Самый раз за девками тово... Ухажорить.

— Поухажорил: дроля осталась.

Крякнул старый солдат, раздумчиво поковырял глинистую землю на бруствере, глянул туда, где всё ревелло и дыбилось. Сказал, не поворачивая головы:

— Ага, прибрала к рукам тебя, сосунка, вдовая молодка. Самогоном напоила да в постель уложила. Рядом с собой, горячей. Ты и тово...

— Люблю я её, а она за этого...

— Не грехи: он уже голову сложил. А ты когда её полюбить-то успел, до постели или опосля?

— Какая разница?

— Без разницы ничего не бывает: ежли до, то по любви, а ежли опосля, то по совести...

— Ротный обратно идёт... Ты каску-то надень: приказ был. Строжать будет.

— А и пусть. В шапке теплей...

Капитан тоже давно не брит, и лицо то ли голодное, то ли командир не спал давно. Каска на затылке, мокрый чуб из-под неё, как обсосанный. Губы до крови обветрены, но шевелятся:

— Приготовиться к атаке. Мой сигнал: “За Родину, за Сталина!” Вот старая гвардия! Команды не слышал? Надеть каски! Война кончается, а ты голый лоб фрицу подставляешь.

— Так пуля каску тово... Пробиват...

— У тебя, отец, какая задача бойца? Фашиста убить, а самому живым остаться.

— Ну?

— Не “ну”, а “Так точно!” В германскую за нуканье от офицера по морде бы.

— Так точно, ваше... Тьфу! Согрехишь тут с вами.

— Вот и надень каску: всё меньше риску. Ждать сигнала!

И пошёл, пригнувшись, к своему командному окопчику, который, Бог весть, чем отличался от солдатского, но — командный. Посмотрел ему вслед Фёдор Тимофеевич и вздохнул, как бы о чём-то сожалееючи:

— Тогда, Вань, офицеры были куда как благородные — в окопах во весь рост ходили. Правда, и окопы поглубже рыли, не ленились.

— Дядь Федя, усостесь: всю ночь лопатили, до самой этой артподготовки.

— Да мелковато получилось, а земля, известно, надёжней брони защищат.

— Ага, и нас, и фашиста.

— Земля, Вань, она ко всем людям добрая: и защитит, и накормит, и примет.

— Ага, накормит. В отличие от нашего старшины: по сто грамм выдал, а закусить? Кишки к позвоночнику приросли...

— Я третью войну воюю, а ты нешто в первую атаку тово... Стратегии войны не постигнул ишшо. Это старшина не из жадности, а для того, чтобы тебе нечего было со страху в штаны ложить, коль желудок пустой. А ты не обидься, что я так говорю. Это потому, что я в первую атаку тож вот так — и руки дрожат, и в штаны понос, того и гляди, не удержать. А как встали да пошли — всё куда-то делось. Потом бывалые научили: перед атакой думай не об атаке, а вот так, как мы сейчас. К тому же с голодухи да под градусом злее будешь, когда капитан “За Родину!” прокукарекат.

— Нечего меня злить. Похоронок в деревню сколь пришло? Матеря перед иконами — “Спаси и сохрани!”, а девки возле клуба что поют? “Вымоет старательно дождь их кости белые и засыплет медленно мать сыра земля. Там дрались юные”...

— Хватит. Распелся. Накличешь не то. Юные... Да, Ванятка, сколь их по Расее, девок-то, незамужними останется...

— Вот только за это фашистскую гадину...

— Ну, заладил: фашист да фашист. Эт ты про того, что на высотке окопался? Он такой же фашист, как я коммунист. Я землю пахал, и он землю пахал. Кажный — свою...

— Так что теперь — брататься с ним, а не убивать?

— Не убивать нельзя: не ты его, так он тебя. Закон войны. Что же касемо брататься, то я сам братался. В германску. А что? Я пахарь, он — арбайт, но тож кормилец. — Зачерпнул горстью с бруствера, пересыпал из ладони в ладонь. — Ну, и земля у их! Липуча. Аккурат кирпичи выжигать. А ить что-то и на ей родится.

— Наша волжская щёбёнка тоже родит, не обижает.

— И на этой вырастет, ежели уход будет. А кто её холить будет? У нас осталась девка на трахтуре да баба на канбайне. Знать, и у них так-то.

— Вот и трудился бы фриц на своей, а не чужую воевал.

— Ишь, ты... У них, чай, свои военкоматы есть. Кумекай.

Фёдор Тимофеевич огляделся по сторонам, словно испугался чего:

— Никак оглох... — Поковырял в ухе. — Комар тамотко зудит.

Иван тоже огляделся.

— Какой комар? Артподготовка кончилась! Надевай каску-то.

— Ага! Я и в суконной папахе германца воевал, и в будёновке. И в этом малахае тово...

— Слушай мою команду! — донеслось от командного окопчика. — За Родину! За Сталина! Ура-а!

Молодой схватил винтовку на бруствере, да старый удержал его за ворот:

— Ты лоб-то перекрести, прежде чем того... Впервой же ж.

— Я — комсомолец!

— Да хоть партеец, а бережёного Бог бережёт, — и сам перекрестил безбожника. — Вот теперь “Уря!”

Капитан впереди размахивал наганом, оглядывался и что-то орал, раскрывая чёрный рот. А про что орал, не поймёшь, потому что все орали. Но бежали не шибко. То ли оттого, что мокрая весенняя земля быстро наматалась на ботинки, вот ноги и отяжелели. То ли оттого, что душу всё-таки маяла опаска: что там, на бугре осталось после пушкарей? А вдруг осталось? Иван дышал рядом, спрашивал:

— Что-то, дядь Федя, фашистов не видно, неужто всех перебили?

— Всех никогда не перебьют. Просто германец не любит штыковую, особливо русску. Пулю предпочитат.

— Дуру?

— Каку “дуру”? Нас с тобой ближе подпускат.

В этот миг над полем сквозь общее “Ура!” прорезался истошный крик капитана:

— Ложись!!

— Чего он? — остановился Иван, растерянно озираясь по сторонам.

— Пулемёт, не слышь, што ли? Да не один. Падай! Чего стоишь, как напоказ?

Иван плюхнулся в мокрую податливую траву, каска на глаза съехала.

— Вот тебе и перебили всех, — ворчал Фёдор Тимофеевич, тщетно стараясь разглядеть за торчащими перед глазами мёртвыми прошлогодними стеблями, что там, на высотке этой. — Слыхать, германец танки закопал. Вот их антилерия и не того... Да вижу я одного! Башня наружи, а сам в земле, — приподнялся он на локте. — Ты гля: наши ракету туда кинули, аккурат куда надоть. Ну, вот, каской глаза закрыл... Може, и правильно. Крупным калибром бьёт, с расстановкой, не шмайсер. Тот — как сердитая баба словами тархтит. Ну, пушкари, ну, робяты!..

И, как по его команде, над высоткой снова вздыбилась земля, снова там загрохотало, и старый солдат снова влип в землю. На миг, потому как знал: кому до стрельбы, когда тебя самого снарядами рвут? Успокоился. Пушкари, как пахари, пашут, а тебе пока вот делать нечего — жди. Настоящему труженику ждать — тоска одна. Но сейчас ему почему-то не тосковалось. Лежал бы и лежал пузом на земле, хоть и на чужой. Да ватник насквозь промокнет, подумалось, может, некстати, однако перекатился на спину, стал в небо смотреть.

— Вань, а Вань, небо-то и у германца, как наше. Поди-ка вот, земля разна, а небо одинаково. Почему, а, Вань? Потому как земля — поле человеческо, а небо — поле Богово. Человеков много, а он один: не с кем ему небо рвать. И оно, в отличие от земли, завсегда мирно. Гром... Гром — голос Господень. Он и артиллерию того...

Артиллерия внезапно смолкла. И как будто опустело всё вокруг. Фёдор Тимофеевич снова привстал на локоть.

— Вань, а Вань... Танка-то нету — земли куча... Счас ротный капитан...

Ротный стоял почти рядом, с наганом в поднятой руке и с большим раскрытым ртом.

— За Родину! За Сталина!

— Ванька! Сталин — хрен с им, нам — за Родину. С Богом! — Встал он, взял винтовку наперевес. А Иван не встал. Как лежал, так и лежит, закрывшись каской. А в каске-то маленькая такая, как гвоздём проткнутая, дырочка в том самом месте, где на плакатах звезда нарисована. Холодная волна от головы до пяток прокатилась по телу, что-то живое там, внутри, ушибнуло сердце. Мягко, с оттягом. И повисло на нём.

— Ванька! Ва-анькь... Ты чо? — Опустился перед ним на колени, потрогал за плечо.

— Вставай Христа ради, Ванюш...

— Рядовой Саврасов! Команда — в атаку! Чего расселся?

Фёдор Тимофеевич поднял голову. Над ним стоял капитан — лицо белое, глаза белые, губы — в сторону, в руке наган скачет. Не в себе человек.

— Так Ванька же...

— Какой Ванька? В атаку! Слушай, батя, если сию секунду не встанешь, я тебя вот тут же расстреляю. Вста-ать!

Встал Фёдор Тимофеевич, встал. Командир, приподняв пробитую каску, глянул под неё, потом, метнув взгляд на старого солдата, запихнул наган за пояс и взял винтовку рядового Ивана Саврасова.

— Вот так, дядя Федя. Разрешаю “Ура” не кричать, но в атаку — за мной!.. А Ванька твой, авось, жив ещё. На то санбат есть. За мной! — и побежал догонять свою роту, а Тимофеич смотрел на вихляющий зад ротного, и сам себе напоминал: “У живого солдата командир оружие не отбирает”.

— Прости Христа ради, Ванюша: я того... Не уберёт, значит...

Снял он шапку, перекрестился, чуть подумал и осенил крестом Ванюшку.

— Рядовой Саврасов! Твою...

И пошёл русский хлебобоб по чужой земле, стиснув зубы и с винтовкой наперевес. Лишь однажды оглянулся, да за чёрной чужой мёртвой травой ничего уже не увидел.

СЕРГЕЙ КИРЮХИН

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ИСТОКАМ

ТЕПЛОХОД

Тихая вечерняя река...
Звёздочки, глядящиеся в воду...
Жалобно-протяжный звук гудка,
Словно это больно теплоходу.

Может быть, и вправду он устал,
Может, на винтах набил мозоли?
Далеко его родной причал.
Ну, а здесь нельзя причалить, что ли?

Отдохнул бы белый теплоход,
Залечил бы ссадины и раны.
Погулял бы палубный народ,
Выйдя на прибрежные поляны.

Подышал бы сыростью речной
В отблесках вечернего заката,
Насладился б тишиной ночной
Да игрою волн на перекатах...

КИРЮХИН Сергей Владимирович родился в 1949 году в г. Сызрани Куйбышевской области. Работал шахтным электрослесарем. В 1972 году окончил электротехнический факультет Куйбышевского политехнического института. Работал на различных инженерных должностях на промышленных предприятиях Самарканда и Сызрани. Автор трёх стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Сызрани.

Но пропали светлячки огней,
И гудков им вслед не прозвучало.
Видно, впрямь нет ничего родней
Своего заветного причала.

ГЕРОЙ

К нам из Чечни вернулся Юрка Доркин
Живой, но без ноги и весь седой.
С медалью и звездой на гимнастёрке.
Мы рты раскрыли: истинный герой!

Он усмехнулся и сказал: “Поверьте,
Герой не я, а кто-нибудь другой.
Я шёл в атаку, ожидая смерти,
И был на свете том одной ногой”.

...Потом, все войны в мире матом кроя,
Смахнул слезу, поковылял домой.
И лишь костыль российского героя
Отстукивал шаги по мостовой.

НА РОДИНЕ ПОЭТА

Памяти Ивана Дмитриева

Уже над горизонтом самым
Шло солнце на исходе дня.
А мы стояли перед храмом,
Смирненно головы склоня.

Крестились — вскидывали руки,
Молитвы тихие творя.
Всё возвращается на кру́ги,
На кру́ги вечныя своя.

Не зря во времени жестоком,
Что снова выпало стране,
Мы возвращаемся к истокам —
К своей священной старине.

Мы возвращаемся с повинной
К полузабытым именам,
К своей истории былинной,
К полуразрушенным церквам.

И мне казалось: кто-то в белом
Смотрел с небесной высоты,
Как мы молились неумело
На почерневшие кресты.

ДРУГУ

Всем известен в нашем мире
Интересный человек.
Это друг мой, Саша Швырин,
Покоритель горных рек.

По Бахте, по Кее, Мане...
Настоящий капитан,
Шёл он на катамаране
В непогоду и туман.

Пихты, кедры на отрогах,
В неизвестность поворот,
Остановки на порогах...
День за днём, за годом год...

Где восходы и закаты,
Где вершины снежных гор,
И луна, и перекаты,
И тайги глухой простор...

Ни на импортные шири,
Ни на южный рай земной
Разменять не мог бы Швырин
Красоту земли родной.

Есть такие люди, к счастью,
Поручиться не боюсь:
Швырин Саша — этой масти,
Ведь за ним — вся наша Русь!

ЧАШКА ЧАЮ

Я по тебе порой скучаю
И сам не знаю, почему.
А может быть, по чашке чаю,
В лад откровенью твоему?

Да, ты была так откровенна,
Что и не верилось порой.
И потому тогда, наверно,
Я был открыт перед тобой.

Мы так душевно говорили...
И заодно наедине
Такого чаю заварили,
Что до сих пор не спится мне.

ЛИДИЯ НЕВСКАЯ

АХ, КАКАЯ БЛАГОДАТЬ!

* * *

Осенью мы откровенно трезвее.
Осенью мы и мудрей, и хитрее.
Осенью мы подбиваем итог
После волнующих летних дорог.

Осень — пора рассуждений, сомнений.
Осень стара для любовных волнений.
Осенью легче покой обрести,
Сбросить заботы, следы замести.

ЗИМУШКА-ЗИМА

Зимушка-зима,
Что ж ты запоздала?
Я тебя сама
Встречу у вокзала,

Приведу коней
И в упряжку сани.
Только ты скорей
Приезжай с дарами.

НЕВСКАЯ Лидия родилась в Сибири. По образованию инженер-технолог. Её стихи и проза печатались в городских, областных и федеральных литературно-художественных изданиях. Автор двух поэтических сборников. Живёт в Сызрани.

Привези нам снег
Лёгкий и блестящий.
Привези нам смех,
Из-под лыж летящий.

Снегу привези,
Чтоб сомкнулся с небом,
Чтобы на Руси
Быть народу с хлебом.

Привези мороз,
Чтоб мороз трещал,
Но, сдувая стужу,
Чтоб пылал очаг,
Согревая душу.

ВАЛЕНКИ

Я валяю валенки.
Шерсть в воде мочу.
Сяду на завалинке —
Просто помолчу.

А дома высокие,
Как грибы, растут.
Люди одинокие
В городах живут...

Ни калёных семечек,
Ни белёных изб,
Посиделок девичьих
С разговором про жизнь.

Я валяю валенки.
Шерсть в воде мочу.
Мир — клубочек маленький —
Обогреть хочу.

ВЕСЁЛЫЙ ДОЖДИК

Смеялся дождик надо мной,
Что я забыла зонтик свой.
Смеялся долго, долго лил,
До нитки платье промочил.
Шептал на ушко: “Извини,
Но лучше платьице снимй!”
Я от него бежать скорей.
Какой бесстыдник, водолей!
А он мне в ноги лужею лёг
И не пускает на порог.

НЕ ИЩИТЕ ПРИЧИН

Не ищите причин,
Упрекая мужчин,
И в усталые души не лезьте,
А ищите слова,

Чтоб у них голова
Закружилась от счастья и лести.

Ваш мужчина поймёт
Этот тонкий расчёт,
Но не выдаст свои подозренья.
У двоих хитрецов
Побеждают любовь
И великое чувство прощенья.

Не ищите причин
Ранных женских морщин
И в усталые души не лезьте.
А ищите слова,
Чтоб её голова
Закружилась от счастья и лести.

Ваша женщина ждёт,
Всё на свете поймёт,
Но не выдаст свои подозренья.
Правоту наших слов
Побеждает любовь
И великое чувство прощенья.

ОСЕНЬ

В осенней горит лихорадке
Весь мир золотой-золотой,
А мне по-весеннему сладко
Мечтать о свиданье с тобой.

Но осень-подруга не знает
Об этой заветной мечте,
О свадебном платье мечтает,
О свадебной белой фате.

И ей до меня дела нету.
От мыслей моих далека,
Гуляет по белому свету
И ищет себе жениха.

Приданое очень богато.
Блестит золотое кольцо.
И ветры — осенние сваты —
Взлетели к зиме на крыльцо.

Ведут разговор о серьёзном
И песни поют про любовь...
Сосватают осень с морозом.
Ох, лютая будет свекровь!

ОЛЕГ КОРНИЕНКО

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

Я рано женился, — девятнадцати лет, — на студентке-медичке, и мы прожили вместе обычной студенческой рабочей жизнью до конца 1906 года.

А. Н. Толстой.

Краткая автобиография

Наш знаменитый земляк — писатель Алексей Николаевич Толстой — был, бесспорно, личностью противоречивой: в 1918 году он собирался целовать сапоги царю, если восстановится монархия, и ржавым пером прокалывать глаза большевикам, а потом с большим достоинством возглавил советскую литературу. Подобное часто случается.

Вообще-то Толстой очень созвучен нашему времени. Его любимое словечко — “колбаситься” — не устарело и сегодня. Выгодно продав свой титул, он быстро приспособился к новой власти и жил на широкую ногу: великолепная дача, мебель XVIII века, две иномарки, многочисленная прислуга...

Блок, недолюбливавший молодого Толстого, дал ему такую характеристику: “Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта”. Именно благодаря талантливым произведениям — “Хождение по мукам”, “Петр I”, “Детство Никиты”, “Золотой ключик” — мы и помним Толстого. Жизнелюб, любитель хорошо поесть и хорошо выпить, эгоцентричный, чуждавшийся идейных людей и всяких идей вообще, Толстой любил женщин. Четырём он дал право зваться “графиня Толстая”. Сегодня наш рассказ — о первой любви великого писателя...

* * *

Впервые Юлию Рожанскую, дочь коллежского советника Василия Михайловича Рожанского, 17-летний Толстой увидел, заглянув однажды на репетицию любительского драматического театра в Самаре, куда они год назад переехали с матерью из Сызрани. Здесь Алексей продолжил учебу в местном реальном училище.

Юноша сразу обратил внимание на девушку — исполнительницу главной роли, и с тех пор не пропускал ни одного спектакля, ни одной читки, ни одного прогона с её участием. А когда руководитель театра предложил ему роль в пьесе А. Островского “Свои люди — сочтёмся”, Толстой с радостью согласился. Ведь совместная работа над спектаклем давала ему надежду на то, что девушка заметит его — такого талантливого и такого влюблённого! Но Юля не

обращала на графа ни малейшего внимания, поскольку тот был моложе неё. Тогда он написал для неё водевиль “Путешествие на Северный полюс”. Девушка приняла дар, лишь холодно кивнув.

Однажды во время репетиции Алексей подошёл к ней и протянул записку. “Это я для вас, Юленька, написал”. В записке были стихи:

*Посмотреть мне достаточно в серые очи,
Чтоб забыть все мирские дела,
Чтоб в душе моей тёмные ночи
Ясным днём заменила весна.*

Девушка была польщена и стала терпимее относиться к ухаживаниям графа. Вскоре они начали встречаться не только на репетициях, но и в свободное от занятий время. А во время каникул он и дня не мог прожить без девушки.

“Я места себе не находил без Юленьки, — писал Алексей впоследствии в своих дневниках. — Наконец, поехал в Бригадировку (село, где Юлия жила у родни. — **О. К.**). Встретившись с ней, я нашёл душевный покой”.

После окончания реального училища Толстой мечтает о дальнейшей учебе. В 1901 году он едет поступать в технологический институт в Петербург. Уговорил и Юлю ехать вместе с ним. По его совету в этом же году она поступила в медицинский институт.

В Петербурге Алексей и Юлия стараются проводить свободное время с пользой: в Александринском театре посещают спектакли с участием В. Ф. Комиссаржевской и К. А. Варламова, в Театральном доме Павловой смотрят оперетту С. Джонсона “Гейша”, в Мариинском слушают оперу “Кармен”. И это не просто желание подражать столичной богеме, а духовная потребность молодых провинциалов. Даже первую меблированную комнату А. Толстой и Юлия снимают у актрисы театра Литературно-художественного общества. Там, в Питере, А. Толстой часто ловил себя на мысли, что оценивает Юлю со стороны, как будущую жену, и оставался доволен. Они понимали друг друга, их влекло друг к другу, зачем же разлучаться? Юлия с радостью встретила предложение Алексея выйти за него замуж. Конечно, лучше бы это сделать после окончания института, когда будет работа и меньшая зависимость от родителей, но — годы...

О предстоящей свадьбе — почти в каждом письме Алексея родным: “Свадьбу лучше всего справлять в Тургеневе, но не забудьте, что числа 4 июня начнётся пост, и венчать уже не станут до августа”. Помимо поста была и другая причина торопиться — Юлия была беременна.

Летом 1902 года они после экзаменов отправились в Самару, а затем в Тургеневе, где 3 июня венчались в местной церкви. На момент женитьбы Алексею исполнилось 19 лет, Рожанский — 22. О свадьбе в метрической книге сохранилась следующая запись: “Сын графа, студент первого курса технологического института Императора Николая I Алексей Николаевич Толстой, православного вероисповедования, первым браком. Дочь коллежского советника Юлия Васильевна Рожанская, слушательница Санкт-Петербургского женского медицинского института, православного вероисповедования, первым браком”.

Церемония была скромной. Александра Леонтьевна не захотела пышной свадьбы: “Семья у неё, конечно, хорошая, но Алёша ещё так молод”, — сетовала матушка.

В свадебное путешествие молодожёны отправились в Новороссийск и Севастополь, потом была Вятская губерния, где А. Толстой как технолог продолжил практику на Сугинском стекольном заводе. Через месяц молодожёны, взглянув к родным в Самару, вернулись в Санкт-Петербург — в технологическом институте начинались лекции.

В январе 1903 года у А. Толстого и Юлии родился сын Юра. Теперь всё свободное время граф посвящал ему. В воспитании сына молодым помогали родители Алексея и Юлии, а потому Юрий какое-то время жил то у Александры Леонтьевны в Самаре, то у Рожанских в Казани, что позволяло молодожёнам спокойно учиться, выезжать на практику, посещать театр. Но как только наступали каникулы, они спешили к сыну.

В мае 1905-го А. Толстой сдаёт экзамены за 4-й курс, переходит на 5-й. Их институт становится одним из очагов революционной борьбы. Когда по городу поползли слухи, что черносотенцы готовят расправу с революционно на-

строеным студенчеством, Алексей и Юлия перебираются на несколько дней в Выборг к двоюродной сестре Александры Леонтьевны – О. К. Татариновой. Но ситуация в Питере за это время не улучшилась: все учебные заведения были закрыты и оцеплены войсками. Тогда у Толстого появилась мысль уехать для продолжения учебы в Дрезден к своему товарищу по институту А. Чумакову. “Петербург опять заснул. От октябрьского оживления не осталось и следа, разве только усиленно расплодилось похабные журналы с порнографическими рисунками. После экзаменов всё-таки уеду за границу, здесь заниматься невозможно”, – сообщает он в письме отчиму А. Бострому.

Там, в Германии, весной 1906 года в жизни Толстого появилась другая женщина – Софья Розенфельд (урожденная Дымшиц). Их познакомил родной брат Сони – Леон, с которым Алексей Николаевич учится в Дрезденском политехническом институте. Софья в это время была студенткой университета в Берне; там же обучался и человек, считавшийся по документам её мужем.

“Брак наш был странный, я бы сказала – “придуманый”, – вспоминает С. И. Дымшиц–Толстая. – Человека этого я не любила и не сумела его полюбить. Вскоре я тайно, без всякого предупреждения, покинула его и поехала в Дрезден, к брату”. Леон часто навещал сестру, приезжал со своими товарищами, среди которых был и Алексей Толстой.

Друзья любили Алексея за весёлый, открытый и прямой характер. Они посмеивались над его необыкновенным аппетитом, рассказывая о том, что в ресторане на вокзале (студенты обедали там потому, что это был самый дешёвый ресторан в Дрездене) он беспощадно “терроризировал” официантов, приносивших ему к обеду большую корзинку с хлебом, лаконичным возгласом: “Wenig!” – “Мало!” Не скрывала своих симпатий к товарищу брата и Софья. Общаясь с девушкой, Алексей заметил, что ему интересно с ней, они понимают друг друга с полуслова.

– Знаешь, Леон, – сказал он через некоторое время другу, – если мне когда-нибудь придётся жениться вторично, то моей женой будет твоя сестра.

Леона эти слова беспокоили. Он знал, что Алексей женат и имеет ребёнка и что покинутый сестрой муж из мести не даст ей развода. Поэтому, во избежание греха, он потребовал, чтобы Софья уехала в Петербург к родителям.

Возвратившись в Россию, София Дымшиц поступила в школу художника С. С. Егорова. Возвращаясь однажды после занятий домой, на углу Невского и Пушкинской она столкнулась... с Толстым. Оказывается, он тоже покинул Дрезден и сумел восстановиться в технологическом институте. При встрече Алексей Николаевич не преминул спросить у девушки разрешения прийти к ней в гости. И вскоре пришёл, но не один, а с женой Юлией Рожанской. Он не мог уже обходиться без Софьи и искал любую причину, чтоб встретиться с ней. А вскоре начал являться и без жены, что вызвало недовольство родителей Дымшиц. По их настоянию Софья перестала принимать Алексея Николаевича. Но разве это могло остановить молодого Толстого? Его, точно магнитом, тянуло к девушке, и вскоре он тоже поступил в школу Егорова, совсем забросив занятия в технологическом, для окончания которого оставалось лишь защитить дипломный проект.

Однажды весной 1907 года Толстой явился в школу Егорова, облачённый в сюртук, и когда он и Дымшиц остались одни, сделал ей предложение. Софью это тронуло, но... Если она почти свободна, то у графа – семья. Толстой долго убеждал девушку, что его решение выстрадано и обратного пути нет.

Чтобы проверить чувства молодого человека, Дымшиц предложила ему съездить за границу. Толстой согласился и вскоре отправился с Рожанской в Италию. Но не прошло и месяца, как они вернулись в Петербург. Поездка показала, что семейная жизнь Толстого и Рожанской распалась окончательно. Юлия Васильевна вначале тяжело переживала разрыв. Она хотела видеть Толстого инженером, к его увлечению творчеством относилась равнодушно. Однажды она сказала Алексею Николаевичу: “Если ты окончательно решил отдаться искусству, то Софья Исааковна тебе больше подходит”.

С июля 1907 года неразведённые Толстой и Дымшиц стали жить вместе. В те годы расторжение брака утверждал Священный Синод, и бракоразводный процесс мог длиться годами. Алексей Николаевич и Юлия смогли развестись только в 1910 году. Но это уже были детали: за два года до этого – 11 мая 1908 года – умер их пятилетний сын, который был последней ниточкой, связывавшей этих некогда столь дорогих друг другу людей...

НАДЕЖДА ЧВАНОВА

ГРУСТЬ МОЯ ИСПОВЕДАЛЬНАЯ...

ВОРОБЫШЕК

Наполнилось сердце печалью
Намокших осенних кустов...
А где-то за дальнею далью —
Кайма золотых берегов.

Ах, если б мне там оказаться,
Где купол небес голубей...
Но ветки — что стылые пальцы.
Нет птиц — лишь один воробей.

Тебе ли здесь мёрзнуть, пичуга?
Ведь крылышком стоит взмахнуть —
Увидишь все прелести юга,
Забудешь ненастную грусть.

Чирикнул в ответ возмущённо
Воробышек в зыбкую тишь:
— Под небом я этим рождённый.
Куда от него улетишь?!

ЧВАНОВА Надежда Николаевна родилась в Сызрани. Окончила медицинское училище. Работала на городской станции переливания крови. Её стихи печатались в журналах "Наш современник", "Русское эхо" (Самара). Автор трёх поэтических сборников. Живёт в Сызрани.

В МЕТЕЛЬ

Средь мартовской лучистой сини
Порой мелькнёт неяркий день,
Когда вдруг небо опрокинет
На снег подтаявший метель.

Она совсем уже не злая.
И можно сквозь снежинок рой,
От них шутиливо убегая,
Увидеть облик молодой.

Быть может, лишь воображенье?
Но явно запах уловим
Той, чьё чудесное вторженье
Мы всей душой боготворим.

И тем острее ощутимы
За этой снежной кутерьмой
Зимы уход неотвратимый
И встреча скорая с весной.

ТРАВЫ ДЕТСТВА

Ах, травы времечка счастливого!
Настой вдыхаю ваш густой.
Обжечься сочною крапивою
Готова я ногой босой.

А лебеду — меня с головушкой
Она тогда укрыть могла —
Легко представить мне лебёдушкой
Со взмахом светлого крыла.

С годами травы пуще прежнего
Напоминают детства даль.
В их милой сердцу безмятежности
Мои и радость, и печаль.

СТРОКА

Грусть моя исповедальная
Незатейливой строки.
Я тебя, как эхо дальнее,
Как туман, смахну с руки,

Что подвластна сердцу нежному,
Очарованному вновь
Этой осенью безгрешною,
Возвратившею любовь.

Нитью свяжутся единою
Осень, сердце и рука...
И откроет радость дивную
Возрождённая строка!

ДВА ПРИЧАЛА

С небес на Землю величаво
Нисходят свет и благодать.
Земля и небо — два причала,
Где суждено нам побывать.

Причал Земли не постоянен.
Но как его не полюбить?!
Он так богат и многогранен,
Что не насытит жажду жить.

А небеса влекут подспудно
И тайной манят вековой...
Но входим в них не безрассудно,
А только с грани роковой.

ЕЛЕНА МОЧАЛОВА

ФИЛЬМ О СЫЗРАНСКОЙ ИКОНЕ ПОТРЯС ЗРИТЕЛЕЙ

Нам, провинциалам, свойственно возвеличивать свою малую родину, превозносить её значимость в истории страны и в современном развитии. Однако сюжет с Сызранской иконой выбивается из этого стремления. Икона имеет широкое признание в среде экспертов и собирателей, а вот широкой аудитории о ней мало что известно. Тем временем вклад сызранских иконописцев в культурную и духовную сокровищницу не только России, но и мира бесценен!

Тема показалась весьма интересной для московских кинематографистов, они-то и решили рассказать об этом крупнейшем культурном явлении выразительным языком документалистики. Так родился фильм “Тайна сызранской иконы”, съёмки которого велись в июне 2010 года.

Продюсер ленты Александр Фёдорович Котелевский – человек весьма авторитетный в кинематографических кругах двух столиц (ныне он заместитель генерального директора киностудии “Ленфильм”). Автор идеи, организатор и вдохновитель проекта, собиратель Сызранской иконы – Андрей Александрович Кириков.

В съёмочную группу собрались настоящие профессионалы и единомышленники. Достаточно сказать, что ведущим в фильме стал народный артист России Алексей Гуськов, сам выходец из старообрядческой семьи, усвоивший высокие нравственные ценности, которыми и руководствуется в жизни. Алексей Геннадьевич часто вспоминает сызранскую экспедицию с самыми тёплыми чувствами. Он буквально влюбился в наш старинный волжский город. И только исключительная занятость в различных кинопроектах помешала ему приехать на презентацию ленты, состоявшуюся в апреле 2013 года. Но буквально за сутки до показа фильма в Сызрани Алексей Гуськов был на приёме в Московской патриархии, рассказал он там и о снятой картине.

Темой Сызранской иконы и расцветом нашего города заинтересовался один из ведущих российских режиссёров – Михаил Роговой, фильмография которого насчитывает более 30 значительных картин. Человек глубоко верующий, воцерковлённый, он с большим трепетом и вдохновением взялся за новую работу. И всюду ему сопутствует удача – дело-то богоугодное! Михаил Роговой выступил в качестве режиссёра, Олег Колин – сценариста, Олег Кондратьев – оператора.

... С первых кадров зрители погружаются в тему, которая для многих становится откровением. История Сызрани здесь теснейшим образом переплетается с важнейшими, поворотными событиями в судьбе государства. И наш город, который мы часто именуем “малым”, “провинциальным”, “заурядным”, неожиданно предстаёт одним из столпов отечественной истории.

Не будем пересказывать всё действие, однако главную мысль создателей фильма раскроем. По мнению авторов, совершенно не случайно чудотворная Феодоровская икона Божией Матери явилась близ Сызрани в 1713 году. Это был знак того, что здесь должно произойти какое-то очень важное событие. Вспомним, в тот период полным ходом идут Петровские реформы, в результате чего страна переориентируется на западный путь развития. Своё, исконно русское, забывается, принижается или намеренно уничтожается. Через прорубленное “окно в Европу” в Россию хлынуло и западноевропейское искусство, включая живопись. Древнерусская икона, восходящая корнями к Византии или “греческому” письму, начинает поновляться на манер светских картин, из неё вымывается духовная составляющая. И вот явление в это время древнейшей Феодоровской иконы на Сызранской земле указывает на то, что ситуацию следует уравновесить. То есть смотреть надо не только на Запад, но и на Восток, не забывать то основание, на котором зиждется Российское государство, именуемое Святой Русью. Поэтому именно в Сызрани спустя несколько десятилетий после явления чудотворного образа стала развиваться иконописная школа в среде старообрядцев, вернувшихся в страну после указов Екатерины II о послаблении раскольникам. Просвещённая императрица поняла, что носители старой веры – это сильные личности, добросовестные труженики, успешные предприниматели. Несмотря на то, что они периодически подвергались гонениям, государство в то же время опиралось на их ресурсы. И те поставляли в казну продовольствие, фураж, вооружение, сырьё – всё необходимое для страны как в мирное время, так и в военное.

Часть старообрядцев осела в Сызрани и уездах Симбирской губернии. Они-то и сохранили в своей закрытой среде иконописную традицию, воплощённую в лучших древнерусских образцах. В конце XVIII столетия сформировалась Сызранская школа, которая получила наивысший расцвет в XIX – начале XX века и имела влияние не только на наш регион – Среднюю Волгу. Её лучшие творения были востребованы и в двух столицах. Найдены архивные материалы, свидетельствующие о существовании, по крайней мере, семидесяти иконописных центров, которые ориентировались на Сызранскую школу.

Местное купечество, а его составляли преимущественно старообрядцы, своими заказами способствовало развитию мастерских. Сызранские образы были дорогими. Крупнейший международный эксперт, учёный секретарь Музея древнерусской культуры им. А. Рублева Наталья Комашко свидетельствует в фильме, что цена некоторых икон сравнима, в пересчёте на современные деньги, со стоимостью “Мерседеса”.

Почему сызранскую икону называют ещё “бочкарёвской”? За 70-летие советской власти, когда безбожество (атеизм) было признано официальной идеологией (по сути, новой религией), храмы разрушали, святыми образами выстилали полы в конюшнях, а мастеров репрессировали. Постепенно Сызранская школа была забыта. В памяти народной осталось имя последнего её представителя – Александра Архиповича Бочкарёва, который умер в 1934 году, вскоре после освобождения из архангельского лагеря. Немногочисленные иконы сызранского письма сохранились лишь в домах верующих людей, имеются они и в местных старообрядческих общинах. А самая большая коллекция – у собирателя Андрея Кирикова.

Когда эти необычные иконы в 90-х годах прошлого века появились на коллекционном рынке, то сразу вызвали большой интерес. Однако их изготовление относили к таким традиционным ремесленным центрам, как Мстёра и Палех. Но это – Сызранская икона. Что и доказал Андрей Александрович на основании огромного собранного им материала. Именно этот скрупулёзный исследователь ввёл в искусствоведческий оборот понятие “Сызранская школа иконописи”, с чем согласилось экспертное сообщество.

Отметим, что за тысячелетие христианства в России насчитывается всего чуть более десятка иконописных школ. Среди них – Московская, Новгородская, Псковская, Строгановская, Владимиро-Суздальская... А теперь и Сызранская! Жаль, что сами наши земляки об этом практически ничего не знают. Фильм московских кинематографистов заполняет огромную пустоту, во многом переворачивает наше сознание и заставляет по-иному взглянуть на историю своей малой родины. Причём делается это не назидательно и занудно, а весьма доказательно и в детективной форме жанра-расследования, где интрига сохраняется до последнего кадра.

Несмотря на то, что старообрядцы и по сегодняшний день являются закрытыми людьми и ревностно оберегают свой мир и свои ценности от любопытных глаз, тем не менее они не только допустили кинематографистов в свой храм, но и разрешили снимать в нём и многочисленные старинные иконы, и саму службу, и даже таинство причащения. Староверы и Поморской общины (беспоповцы), и Белокриницкой церкви, видя бережное и вдумчивое отношение москвичей к теме, с удовольствием шли на контакт, рассказывали истории, которые передавались им от старших, пускали в святая святых.

Съёмочная группа с энтузиазмом работала на сызранской натуре. Величественные волжские просторы, открывающиеся с того места, где бьёт святой источник, достойные интерьеры особняка купца Стерлядкина (ныне здание загса), прекрасно сохранившаяся и до сих пор используемая по первоначальному назначению мельница купца Ильина (Сызранский мельничный комбинат), колоритные купеческая и дворянская гостиные в Выставочном зале, кремль – ровесник города, с великолепным колокольным звоном, мастерски исполненным местным ансамблем “Благовест” (рук. А. Ведениктов), рыбацкий стан на изумительных волжских островах, мощное инженерное сооружение – Александровский мост, которому уж более 130 лет... И, конечно же, наша святыня – образ Феодоровской иконы Божией Матери, что с благоговением хранится в Казанском кафедральном соборе. Всё это нашло отражение в документальном фильме.

Премьера ленты состоялась в 2011 году в столице – в Московском доме кино, где работа была встречена очень тепло экспертами-искусствоведами, собирателями старины и просто верующими людьми. Сызрань предстала в фильме таинственным, загадочным, но основательным и крепким городом, сохранившим свои корни и питающимся их благотворными соками.

Фильм, как уже сказано, был показан и сызранской публике. Знаменательно, что произошло это в год 300-летия явления Феодоровской иконы Божией Матери на нашей земле.

Все выступавшие после просмотра ленты, а среди них были священнослужители – игумен Марк (Алексеев), отец Анатолий (Чибов), отец Александр (Кузнецов), отец Сергей (Сусоров), представители научной интеллигенции – завкафедрой гуманитарных наук сызранского филиала СамГТУ Лидия Куракина, краеведы – Наталья Дегтярёва, Маргарита Дьяченко – с огромной благодарностью обращались к создателям фильма. У многих в глазах стояли слёзы. Ведь настоящее искусство трогает душу!

Александр Котелевский, в свою очередь, искренне поблагодарил главу города Виктора Хлыстова за неоценимую помощь в организации съёмок в Сызрани. Продюсер подчеркнул, что такое заинтересованное отношение к проекту и деятельное участие в нём со стороны местных властей – редкое явление. Поэтому сызранцев с полным правом можно назвать соавторами ленты.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В 2008 году один из лучших русских кинорежиссёров Владимир Хотиненко снимал художественный фильм “Поп” по моей книге и киносценарию, который я написал под его руководством. Мы даже шутили, что, работая на этом сценарием, я прошёл ускоренный курс кинодраматургии в мастерской Хотиненко.

Наше знакомство началось в ресторане Центрального дома литераторов летом 2005 года. Нас пригласил туда генеральный директор издательского и кинопродюсерского центра “Православная энциклопедия” Сергей Кравец. Через три года намечались торжества по случаю восьмидесятилетия Патриарха Алексия II.

— Мы советовались со Святейшим, — сказал Кравец. — Предлагали снять художественный фильм о нём, о каком-нибудь, скажем, случае из его жизни, но он не хочет. Говорит: “Снимите лучше фильм о таких людях, как мой отец. Которые во время войны спасали людей, вытаскивали их из концлагерей, помогали выжить. Это и будет мне лучший подарок”.

С беседы в писательском клубе и началась работа. Мне предложили написать литературную основу для сценария, предоставили кучу документов о Псковской Православной миссии в годы войны, и я написал роман “Поп”. Вскоре книга вышла в издательстве Сретенского монастыря по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

По этой книге сначала заказали сценарий одному известному кинодраматургу, но у него не заладилось. Обычные, избитые кинематографические приёмы не подходили к теме, а тем временем наступил 2008 год, пора была снимать фильм, актёры прошли пробы и получили одобрение, а сценария всё не было. И тогда я взялся писать его сам. Приносил готовую рукопись Хотиненко, он предлагал что-то убрать, что-то сократить, что-то дописать, и я переделывал сценарий, в общей сложности, пять раз. И вот летом начались съёмки.

Мне страшно интересно было понаблюдать, как герои моей книги будут превращаться в зримых персонажей фильма. Честно скажу, поначалу даже брала некая оторопь, испуг, смешанный с блаженством.

Основная часть натурных съёмок проходила на съёмочных площадках “Беларусьфильма” в живописном месте Смолявичи в полчасе езды от Минска, на берегу озера. Когда я приехал туда и увидел первые отснятые кадры, меня охватило сильнейшее волнение. А когда Хотиненко показал мне эпизод благословения советского танка, слёзы подкатили к горлу, я ушёл в лес, чтобы никто не видел, и там расплакался.

И начались счастливейшие дни моей жизни. Каждое утро мы отправлялись в Смолявичи, и я участвовал в съёмочном процессе: нередко, если надо, что-

то срочно допридумывал, дописывал, переписывал, чтобы актёрам легче было сыграть, или если режиссёр на ходу менял идею той или иной сцены.

Я сразу понял, что литература и кино – вещи очень разные, и нельзя требовать точной экранизации романа, поскольку книга и фильм не одинаковы: приёмами воздействуют на читателя и зрителя. Можно даже сказать, что читатель и зритель – разные люди. Даже если это один и тот же человек. И поскольку я быстро осознал это, мне очень легко работалось с Хотиненко, а ему со мной. Мы ни разу не поспорили, не то что не поругались. Это был удивительный и, как говорят, редкий случай согласия автора с режиссёром.

Почему так сошлось? Я теперь знаю, что не только и не столько потому, что мы такие хорошие: Александр Юрьевич и Владимир Иванович, а главное – потому, что над нами парило благословение святого человека – нашего незабвенного Патриарха.

Осенью съёмки проходили в павильонах “Мосфильма”, и я тоже старался не пропустить ни одного дня. А в декабре съёмочный период заканчивался снова в Смольявичах – натурные эпизоды зимы, осени и весны. В кино всем приходится играть свою роль. Вот и декабрю приходилось изображать то октябрь, то апрель, то февраль, и лишь изредка быть самим собою.

Неожиданно и мне досталась эпизодическая роль. Снимали эпизод немецкого Рождества. Перепившиеся фрицы жгут ель, тарыхтят вокруг неё на мотоциклах, распевают самое распространённое в Европе рождественское песнопение “Тихая ночь, святая ночь”. Ребята из белорусской студии исторической реконструкции, игравшие немцев, знали только военные марши и попросили меня научить их петь это самое “*Stille Nacht, heilige Nacht*”. Я стал им напевать, и один из них предложил:

– Так это, давайте нарядим нашего автора фрицем, посадим среди нас, и пусть он поёт, а мы ему будем подпевать.

Так я стал “фашистом”. Даже придумал себе образ: конец 1943 года, Гитлер объявил тотальную войну, и меня, школьного учителя Отто Кугеля, вытащили из тёпленного уголка в Тюрингии, бросили в эту страшную, непонятную, чудовищную *Руссланд*, я хожу, морщусь, боюсь всего, а на Рождество напиваюсь и громче всех пою “*Stille nacht, heilige Nacht*” – “Тихая ночь, святая ночь...” А ещё громче, как заклинание: “*Krist der Retter ist da!*” – “Христос Спаситель здесь!”

Сняли меня первым же дублем, без повторов. Сергей Маковецкий, исполнитель главной роли в фильме, приветствовал меня:

– Поздравляю, вы теперь тоже актёр.

Это было в самый последний съёмочный день, и вечером мы могли позволить себе втроём малость раскрепоститься в минском ресторанчике неподалёку от гостиницы – автор, режиссёр и исполнитель главной роли. И песни мы дружно распевали, возвращаясь в гостиницу, но уже не немецкие, а наши.

Благословение Святейшего Предстоятеля мы чувствовали постоянно. У нас как-то всё очень хорошо складывалось, а если возникали неожиданные трудности и препоны, то и они шли нам только на пользу. К примеру, с тем же “рождественским” эпизодом. Там немцы должны были, напившись, сжечь избу одного из сельчан, который отказался предоставить им для развлечения своих дочерей. Уже сняли сцену, как он их посылает куда подальше. Вдруг от руководства “Беларусьфильма” приходит распоряжение избу не жечь, поскольку эта декорация принадлежит им. Там что-то напутали, но разбираться некогда, потому что наступал последний день съёмок.

И вот накануне этого последнего дня Хотиненко говорит мне, что надо чем-то заменить горящую избу, потому что он хочет, чтобы всё-таки в этом эпизоде присутствовало полыхающее пламя. Я подумал и предложил ель. Большую такую, горящую. Как символ Рождества, переплетённый с символом пылающей войны. Решили: пусть будет ель.

А вечером в гостинице я смотрел телевизор, шла передача про Ленни Рифеншталь, и показывали отрывки из её фильма “Триумф воли”, а там нацисты как раз жгут огромные костры, конусообразные и высокие. Вот вам и горящая ель – как напоминание о тех удачных для гитлеровцев днях, когда у них всё только начиналось, и в ночное небо взвивались огни пылающих конусов.

И много ещё можно вспомнить таких удачных находок.

Пасху тоже снимали в декабрьские дни. Снег не торопился, и декабрю вновь пришлось играть роль другого месяца – весеннего. Небеса стояли над нами хмурые, строго наблюдая за тем, что мы тут на земле вытворяем и с какой это стати ходим пасхальным крестным ходом вокруг гипсокартонового храма, поём “Воскресение Твое, Христе Спасе...” и на возглас актёра, одетого священником, отвечаем: “Воистину воскрес!”, в то время как до Пасхи далеко и Рождественский пост требует смирения и тихой деятельности. Но в итоге на третьем или четвёртом дубле крестного хода небесам понравилась наша игра в Пасху, и они ответили тем, что раздвинули облака и бросили нам могучий луч солнца.

– Надо же! – восхищался Хотиненко. – И впрямь – будто пасхальная радость!

И все почувствовали счастье. С другого берега озера снимали дальний план – вид на церковь и крестный ход – и ликовали так, будто и впрямь наступило Светлое Христово Воскресение...

И в этот светлый и благодный миг нашему режиссёру позвонили, он выслушал, затаив дыхание, и сказал:

– Понятно. Не могу найти слова...

А потом горестно сообщил нам, что сегодня не стало главного заказчика нашей картины. Это было 5 декабря – день кончины нашего незабвенного Патриарха.

В минских храмах, куда мы постоянно ходили перед тем, как отправиться на съёмки, на следующий день портреты усопшего Предстоятеля стояли, утопая в цветах, прямо при входе, и прихожане, прежде чем войти в церковь, становились на колени и прикладывались к светлому лику того, кто благословил нас на наш труд, кто благословлял нас всех в эти долгие тяжёлые годы очередной русской смуты. Благословлял на смирение, на братскую любовь, на терпение, а кого-то и на подвиги во имя Христа, во имя нашей великой Родины.

Было у этого фильма ещё одно благословение, весьма необычное. Во время летних съёмочных дней мы работали над эпизодом, когда избитого на допросе отца Александра следователь выводит из храма, его сажают в кузов грузовика вместе с солдатами и увозят. В сценарии я написал, что отец Александр спокойно сидит в кузове и на прощание благословляет детей, паству, весь мир. Но у режиссёра своё виденье сцены, более мудрое. Отец Александр выходит из храма, осеняет себя крестным знамением, благословляет детей... Но когда он сидит в кузове отъезжающего грузовика в окружении солдат, он уже с ними, и как бы тоже воин, тоже в их рядах. Если бы он при этом посылал крестное знамение, а они нет, не получилось бы такого единства с ними! И Хотиненко смог убедить меня в этом. И действительно, получилось сильнее, нежели в изначальном замысле.

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

СВЯТЫНЯ ЗА ТРЕМЯ ВОЛОКАМИ

Накануне кончины Василия Ивановича Белова я набрал номер его телефона в Вологде. Трубку подняла жена писателя Ольга Сергеевна. Мы с ней переговаривались довольно часто, поскольку сам он в последние годы на звонки не отвечал, да и передвигался по квартире на инвалидной коляске.

— Как чувствует себя? — поинтересовался я у Ольги Сергеевны. — Слышал, что обжёг плечо о батарею...

— Это не столь опасно, — ответила она. — Больше волнует другое: четвёртый день ничего не ест...

— Разговаривает?

— Почти нет.

— Передайте привет от меня.

— Обязательно скажу, что звонили...

На следующее утро в новостях сообщили о смерти писателя. Выходит, в последний момент я попрощался с ним? Он родился в деревне Тимонихе 24 октября 1932 года. Ушёл в возрасте восьмидесяти лет.

Вспомнилась наша первая встреча тридцать лет назад. Я тогда пришёл на работу в газету "Правда". Определили спецкором в сельскохозяйственный отдел. Вёл рубрику "Из дневника писателя". Как-то позвонил Белову. К тому времени уже были изданы его повести "Деревня Бердяйка", "Привычное дело", роман "Кануны", "Плотницкие рассказы", книга очерков о народной эстетике "Лад", многие другие вещи. На моё предложение написать что-нибудь для газеты Василий Иванович ответил отказом:

— Никаких дел с "Правдой" иметь не хочу!

— Почему? — удивился я.

— Год назад послал статью о недопустимости переброски вод сибирских рек в азиатскую часть страны, но её не напечатали. В отделе науки, видимо, боялись гнева ЦК. Тогда обратился к главному редактору. И опять молчок! Чего ж буду унижаться?

— Всякое бывает, Василий Иванович, — вырвалось у меня. — В редакции разные люди. Материалы на острые темы вызывают бурные дискуссии на заседаниях редколлегии. Скажу откровенно: возможно, кое-кто из руководства действительно не желал бы видеть ваше имя на страницах газеты, но у "Правды" десять миллионов подписчиков. Большинство из них, уверяю вас, хотя бы знают, что думает писатель Белов о положении дел в деревне. Вакуум быстро заполняется. Вы откажетесь от сотрудничества с газетой — тут же найдутся тысячи желающих опубликовать какую-нибудь чепуху. Подумайте хорошенько о моём предложении.

— Ладно, — глухо произнёс Василий Иванович. — Буду в Москве — загляну...

Через месяц я получил от него письмо со статьёй "Требуется доярка". Речь в ней шла о том, что, понастроив в глубинке сотни животноводческих комплексов, хозяйства столкнулись с проблемой нехватки рабочих рук. Народ

разбежался из деревень от безнадёги: ни хороших дорог, ни доброго жилья, ни больниц, ни школ, ни детских садов...

Материал требовал серьёзной доработки. Возможно, Белов писал его второпях. Я ничего не выбрасывал, не “смягчал”, а просто довёл статью, что называется, до ума. Выправленный вариант следовало согласовать с автором. Белов как раз собирался ехать во Франкфурт-на-Майне. По приезду в столицу позвонил мне и предложил встретиться у него в гостинице “Москва”. В назначенное время стучу в дверь номера. На пороге появился человек небольшого росточка, с колким взглядом глубоко посаженных глаз. Поначалу я смутился: как примет правку? Протягиваю гранку вместе с оригиналом.

— Кто это так почеркал? — нахмурил брови Василий Иванович, перелистнув несколько страничек.

— Я, — отвечаю робко, внутренне готовясь к долгому спору.

— Да? — удивлённо воскликнул он. — Надо посмотреть. Сейчас читать не буду, возьму с собой в дорогу...

Условились, что по возвращении из поездки он позвонит в редакцию. Неожиданно перевёл разговор на другое; стал расспрашивать, откуда я родом, где успел побывать. Его интересовала информация с мест. Внимательно слушал, уточняя какие-то детали, делая пометки в своём блокноте. Расстались мы тепло.

Миновала неделя. Звонка не было. Справился в Союзе писателей: вернулся ли Белов из Германии? Мне сказали, что пока его не видели, но он обязательно должен зайти, сдать заграничный паспорт. В ожидании прошло ещё несколько дней. Не выдержал и сам позвонил в Вологду. В трубке прозвучал знакомый голос.

— Как же так получилось, Василий Иванович? — спрашиваю Белова. — Обещали зайти в редакцию и не показались.

— Извините, Александр Николаевич, так сложились обстоятельства. Пришлось сразу из аэропорта уехать домой. Эти горе-деятели из иностранной комиссии не удосужились даже забронировать номер в гостинице. Не на вокзале же ночевать?

— Ну, а по правке статьи есть какие-то замечания?

— Можете печатать...

Вскоре от него пришло другое письмо. Оно было коротким:

“Александр Николаевич! Если будете публиковать, то пришлю вторую часть. А не будете, не пришлю. Скажите шефам, чтобы они не водили меня за нос. До 10 декабря буду в деревне, адрес которой у вас есть. Желаю всего доброго!

Белов. 21.X.83”

Гранка долго пылилась в секретариате. Наконец, в начале декабря материал заявили в номер. Предстояло обсуждение на редакционной коллегии. В день выхода газеты я пришёл в зал заседаний, чтобы послушать мнение начальства. Главный редактор Виктор Афанасьев поинтересовался у присутствующих:

— Что скажете о статье Белова?

Первым откликнулся один из его заместителей:

— Уж больно мрачная картина, Виктор Григорьевич... Получается, никакого толка от принимаемых партией и правительством мер по подъёму сельского хозяйства нет. Но ведь это не так...

По залу прокатился лёгкий шумок, заскрипели стулья. Следом выступил выпускающий редактор:

— Ну, не может такого быть! Мне тоже показалась странной позиция автора: во всём упадок, тоска. Надо поправить, что так было в прошлом.

Раздался дружный хохот. Кто-то сострил:

— Не может такого быть, потому что не может быть никогда!

— Зря смеётесь! — обиделся оратор. — В статье много ещё чего спорного. Скажем, я бы убрал абзац о русофобии. Где он её видел?

С места кто-то буркнул:

— Разговоры-то на эту тему в народе идут...

Афанасьев подвёл итог дискуссии:

— Материал, конечно, жёсткий, но поставлены серьёзные вопросы, требующие срочного решения. Деревня — это наша боль. Замечания следует учесть при окончательной доработке...

Для меня было важно, что статью не сняли. Исправлять ничего не стал, взяв на себя ответственность за нежелательные последствия. 13 декабря 1983 года материал опубликовали.

В тот же день, прочитав статью, Белов написал мне:
“Александр Николаевич!

Удара по Байбакову, чего больше всего мне хотелось, не получилось. Выброшен возглас о гигантомании и т. д. Что ж, я всё понимаю... Хорошо и то, что удалось сказать о невестах, о навозе, о сене. Как только сделаю продолжение, сразу пошлю. Но не лучше ли в другое место? Журнал “Коммунист” мне тоже заказывал статью. Подряд столько трудно проглотить... Желаю всех благ в Новом году!”

Со всей России в “Правду” посыпались отклики читателей на публикацию. Люди называли конкретные адреса запустения земель и бесхозяйственности. Скажем, Михаил Якушев из Липецкой области сетовал: “С болью думаю о судьбе своей деревни Александровка. Когда-то она насчитывала полтора двора. Сейчас — около двух десятков. Исчезли соседние Варваровка, Васильевка, Липовка... Вряд ли надо искусственно сохранять мелкие деревушки, но и намеренно ускорять их снос тоже нельзя. Да и выгодно ли экономически? Очень в этом сомневаюсь...”

Но особенное впечатление произвело письмо от осуждённого Андрея Ивановича Дубровкина, который отбывал пятилетний срок в одном из исправительных лагерей Ульяновской области. Ему было сорок четыре года. Он зачем-то перечислил и статьи, по которым сидел, указал адрес колонии. Вот то письмо:
“Уважаемый главный редактор!

Прошу вас переправить моё письмо писателю Василию Белову, напечатанному в “Правде” статью “Требуется доярка”. Я знаю, что он живёт в Харовском районе Вологодской области. Моё письмо на двенадцати страницах”.

В конверт было вложено шесть листов в клеточку, вырванных из школьной тетради. Довольно разборчивый почерк:

“Здравствуйте, уважаемый Василий Белов! Прочитал в газете “Правда” вашу статью о доярках и решил вам написать. Вопросы, поднятые вами, волнуют не только работников сельского хозяйства, не только представителей сельской интеллигенции (в высшем значении этого определения являетесь именно вы), но и каждого человека, родившегося в нашей стране и пережившего вместе с ней тяжёлые беды и лишения.

Кроме того, есть причина и личного порядка, которая подтолкнула меня написать вам. В 1978 году я работал продавцом в букинистическом книжном магазине на проспекте Маркса, что у памятника первопечатнику Ивану Фёдорову. И вот однажды, во время разбора литературы, я обратил внимание на скромного, тихого мужчину небольшого роста, с короткой бородой, внимательными спокойными глазами. Этот покупатель не кидался очертя голову от одного стеллажа к другому, а был сдержан и вежлив. Тогда за каждой книжной новинкой гонялись по всей Москве. Это были вы, Василий Иванович. Я любил таких покупателей. Они знали, чего хотят. Круг их интересов замыкался на самой благородной теме — истории Российского государства. Вы попросили показать книги о народном творчестве и истории Сибири, интересовались трудами отцов церкви, записками иностранцев, путешествовавших по святым местам. Сказали, что сами из Вологды и, когда приезжаете в Москву, навещаетесь в наш магазин. Назвали свою фамилию. К своему стыду, я, букинист с большим стажем, не смог вспомнить ни одной вашей книги. Вы улыбнулись и сказали: “Это не имеет никакого значения...” Уже потом я прочитал роман “Кануны”, “Привычное дело”, некоторые рассказы. Хотел увидеть вас и поблагодарить за добрые чувства, которые вы пробудили во мне, за любовь, которую почувствовал к простому русскому человеку, за сопереживание к его слабостям... Увы, волею судьбы оказался за колючей проволокой. Здесь достать что-либо из ваших вещей трудно. А хотелось бы! Может, пришлёте что-нибудь? Буду весьма благодарен. Впрочем, не останусь в обиде, если не сможете выполнить мою просьбу. Всё равно, так или иначе, но достану ваши книги. Теперь сожалею: столько потеряно зря времени! Не прочитал всего написанного Фёдором Абрамовым, Валентином Распутиным, Виктором Астафьевым, другими замечательными русскими писателями.

Вы, оказывается, земляк поэта Николая Рубцова, трагически ушедшего не так давно. Я познакомился в лагере с его стихами, и такая щемящая тос-

ка овладела душой, что хоть волком вой... Какое-то ощущение вины перед русской природой, которую поэт так проникновенно живописал. Вы были знакомы с Рубцовым. Напишите о нём. Это просто необходимо сделать. Как часто мы проходим мимо родников добра и любви! А ведь только они способны очистить наши души от скверны и ненавистного мещанства.

Несколько слов касательно проблем, которые вы затронули. Я не деревенский житель, хотя родители вышли из села. В молодости как-то съездил на их родину в Орловскую область. И что увидел? Убогие хаты с земляными полами, жалкие сараюшки, непролазную грязь. Полная безысходность. Позже узнал, что материальное благополучие селян несколько улучшилось. В сёлах стали строить добротное жильё, во дворах появились машины, положили асфальт. Но, увы, молодёжь уже поразъехалась. Вы пишете, что недостаточно популяризуется крестьянский труд. Да, это так. Крестьянам надоела опека райкомов партии. Но мне кажется, главная причина всех бед – сама политика государства в отношении русской деревни. В стране, которая на протяжении веков была аграрной державой, сельский человек потерял ощущение хозяина земли. Разве нельзя было наряду с колхозно-совхозной системой хозяйствования допустить частное, хуторское? Ведь ещё Ленин учил в иных ситуациях делать с шагом вперёд – два шага назад. Возникла бы здоровая конкуренция. Посмотрите на высокомеханизированные фермы в Америке, на мясомолочное животноводство в скандинавских странах, на образцовое овцеводство в Австралии. Они не покупают мясо и молоко за границей, не тратят валюту на импорт продовольствия. Наоборот – сами продают сельхозпродукцию с большой выгодой. Да что там далеко ходить! Возьмите Германию, Венгрию, Чехословакию, другие страны социалистического лагеря: везде стараются обходиться без мёртвых шаблонов, сообразуясь с местными условиями, учитывая вековые традиции и частную инициативу. И только в одной из богатейших стран земного шара политические догмы по-прежнему определяют ход экономического развития. Считаю, что писателям и общественным деятелям, вышедшим из народа и пользующимся широкой известностью, нужно почаще вмешиваться в жизнь, когда речь заходит о той или иной важной проблеме...”

Не знаю, послал ли Василий Иванович книгу тому горемыке. Скорей всего, отреагировал на просьбу. Через месяц я получил от Белова следующее письмо:

“Александр Николаевич! Шлю привет и новую статью. Только я не сумел её перепечатать, сделай это, пожалуйста, за меня. Думаю, что с публикацией у вас ничего не получится. Так или иначе – попробуй. Один экземпляр я должен иметь, ты его пошли в Вологду. Еду в деревню на три недели. Срочно всё бросаю и еду. Пока!”

Статья называлась “Полоса препятствий для доярки”. В ней Белов размышлял о том, почему не складывалась жизнь в деревнях. По его мнению, нарушен традиционный крестьянский уклад. Деревенские парни не могут найти себе невест. Горестная судьба сотен тысяч холостяков, живущих в Нечерноземье, объясняется не только плохим планированием, но и изъянами в идеологической сфере. В кинофильмах, на радио, телевидении, в газетах воспевали исключительно балерин, артистов, фигуристов, циркачей, а о тружениках полей и ферм – ни слова. “Полистайте любую подшивку, – писал Василий Иванович. – Что ни страница – снимок актрисы либо манекенщицы. А в кинофильмах? Закормили детективами, где эдакий супермен из угрозыска лихо расправляется с шайкой бандитов. Но это чисто внешние признаки глубинной, более основательной индустрии развлечений. Теперь сельский подросток, в той же мере, что и горожанин, живёт в атмосфере весьма далёкой от той, которая формирует стойкое положительное отношение к земле, к крестьянству вообще. Престижность городского образа жизни значительно превышает всё остальное. Труд и жизнь на земле, несмотря на все наши публицистические восторги, мы превратили в нечто второстепенное, в нечто, унижающее достоинство личности...”

Белова возмущало то, что молодых доярок возили за много километров на дискотеки слушать супершлягеры на английском языке, танцевать под “кошачью” музыку. В дело включились все районные Дома культуры. Никто не хотел выглядеть отстающим! Обвинение в непонимании “современных” ритмов ожидало каждого, кто не принимал все эти ВИА и рок-группы. А ведь совсем недавно в тех же самых клубах проходили районные слёты доярок, где их награждали за работу почётными грамотами, дарили цветы, вручали ценные

подарки. Народные хоры исполняли в их честь величальные. Всё похерено! Везде гремит рок. Откуда мне было знать, что у Василия Ивановича и дома в связи с этим шли неприятные разборки...

Как и предыдущую статью, новый материал опять “протрясли” через мелкое сито. Отослал в Вологду гранку. Ответ обескуражил:

“Александр Николаевич, Саша!

Статью мне надо было отдать в “Молодой коммунист” – ведь они, а не вы, заказывали её. Может быть, и напечатали бы целиком. А вы – орган ЦК – боитесь задеть даже министра. Ну, что это такое! Почему выброшено главное, ради чего я и писал статью? Ты её переписал заново. Спасибо! Но тогда надо ставить под ней две подписи...

Посылаю гранку. Ежели такой вариант редакцию не устроит, то лучше снимите совсем, но ничего больше не вписывайте и не убирайте. Иначе будет скандал. Пойду жаловаться Михаилу Васильевичу. Поклон шефу твоему. Пока. Белов.

19. VI. 84.

P. S. : Сегодня день рождения Василия Быкова”.

Материал всё же напечатали. На него также пришло много откликов. Я сделал обзор писем. Отреагировал на публикацию и Харовский райком партии. Первый секретарь райкома Бондарёв сообщил, что статья обсуждена на заседании бюро. Критика признана правильной. Намечены меры по закреплению кадров на селе, улучшению условий труда, быта людей. Планируется ускорить строительство жилья, дорог, возрождение старых пашен... В общем, нечто вроде отписки.

Осенью получил от Василия Ивановича кратенькое послание:

“Александр Николаевич!

Сообщи, направляет ли теперь редакция материалы для принятия мер. Я был у Лапина (во время пленума). Ощущение такое, что он статью мою не читал.

Белов, 8 октября, 1984 г<ода>.”

Из конверта выпала газетная вырезка: “Совхозу имени 60-летия Союза ССР срочно требуется свинарка. Жилплощадь предоставляется. Обращаться по адресу: пос. Васильевское, отдел кадров совхоза”.

Со временем наши отношения переросли в дружеские. Он неплохо отзывался о моих очерках в журнале “Наш современник”: “Не все яблоки сладкие” (о проблемах садоводства на Кубани) и “В той неброской сторонке” (о бездумной мелиорации в Нечерноземье)... Звал в гости в Тимонику, размышлял о новых публикациях в “Правде”. Однажды прислал пухлый конверт. В нём была заметка пчеловода-любителя с Гатчины, некоего Писарева, который поделился с писателем мыслями о проблемах отрасли. Белов сделал приписку:

“Александр Николаевич!

Не сможешь ли напечатать эту заметку? Сообщи автору, если не сможешь. Я думаю сразу над двумя статьями (о навозе и о ведомственности). Вторую хотелось бы сделать в соавторстве с председателем колхоза “Большевик” Харовского района Вологодской области. А если бы ты сам съездил к нему, было бы ещё лучше. От него до моей бани – всего 20 км. Дорога есть. Подумай!

16. IV. 85”.

Близился девяностолетний юбилей почётного академика ВАСХНИЛ, знатного полевода из Зауралья Терентия Семёновича Мальцева. Я писал в “Правде” о нём неоднократно, в том числе и о его личной трагедии, когда в родном колхозе ему, по сути, запретили заниматься научными опытами. Белов относился к Терентию Семёновичу с величайшим почтением и потому охотно откликнулся на мою просьбу черкнуть несколько слов о Мальцеве. Вот что он написал:

“Для меня Терентий Семёнович Мальцев олицетворяет основные черты русского крестьянства: трудолюбие, пытливый ум, доброту и пронзительно высокий уровень нравственности. Вспоминаю, с какой сердечной болью он говорил о состоянии нынешней земли (не в смысле планеты, а в смысле колхозной пашни). Сорняки, в изобилии появившиеся на его родных полях, словно бы прорастают сквозь самую его плоть, ядовитая химия, кое-где насквозь пропитавшая почву, травит ему душу. А как просто и мудро сказал он по поводу повсеместно начавшейся борьбы с алкогольной наркоманией: “Пока пьют сами руководители – с места не сдвинуться...” Одно из своих публичных выступлений академик начал с отцовских наказов, которые услышал

в раннем детстве, то есть ещё в прошлом столетии. Вот четыре пункта этих традиционных народных правил: 1. Не пей. 2. Не кури. 3. Не играй в карты. 4. Не бери в руки охотничье ружьё.

Эти наказания существовали по всей России от Амура до Ладоги, поэтому три первых правила мужского крестьянского поведения слышал от стариков даже я, рождённый уже при колхозах. А вот четвёртый наказ оказался для меня внове. Я спросил Терентия Семёновича, почему его отец считал охоту делом безнравственным. Спросил и тут же устыдился, поскольку можно было бы и не спрашивать. Всё ясно и так. Но Терентий Семёнович терпеливо, с бесконечной своей благожелательностью, произнёс: “Дак ведь живое жалеть надо, всему живому хочется жить...”

В Тимонихе Беловым написаны самые лучшие его вещи. Уезжал он туда, чтобы напиться земными соками, побыть среди чудной северной природы. В его доме был телефон. Связь, конечно, плохонькая, но я дозванивался, чему удивлялся Владимир Алексеевич Солоухин. Спрашивал: “Как тебе это удаётся?” — “Очень просто, — отвечал я ему, — называю телефонистке номер, и через пять минут соединяют...” — “Так, поди, в “Правде” особый коммутатор. С домашнего телефона у меня не получается...” Иногда Солоухин просил меня передать что-то Василию Ивановичу. Бывало, трубку брала его мать, Анфиса Ивановна. Мудрая женщина. Она была в курсе всех дел сына. Подробно разъясняла, куда уехал, с кем, с какой целью. Любила поговорить о житье-бытье. Пока здоровье позволяло, ни за что не соглашалась переезжать в город. Родные стены согревали душу. До сих пор помню её певучий голос...

После публикаций в “Правде” о сельских проблемах Белов попытался выступить и по ряду других тем. В частности, написать о культуре. Как-то обратился с просьбой:

“Саша, шлю привет! Не сможешь ли выяснить, кто подписывает служебные письма в отделе литературы и искусства? Они уже не указывают своих фамилий, ставят закорючки, и всё (пример: 252794/17 от 7 января). С каких пор “Правда” начала поощрять в своих рядах анонимщиков?”

Если такое выяснение связано для тебя с трудностями — ничего не надо делать, выясню через иные каналы.

Белов. 15 января 1986 г<ода>.”

Надо сказать, коллеги по редакции болезненно реагировали на критику, но, тем не менее, я всё-таки ходил в отдел культуры и переговорил с редактором Георгием Капраловым: мол, негоже так обходиться с большим писателем.

Белов для них был “чужим” — вот и вся разгадка. Печатали исключительно любимчиков из числа околосредственной братии. После выхода одной из таких публикаций Василий Иванович написал мне:

“От Белова В. — А. Арцибашеву (взамен статьи о навозе) после чтения статьи “Странная литература”.

Странный случай! Из ряда вон. Тронули кучу, и пошла “Кучкина” вонь... Саша, статью напишу попозже. С праздником!

Белов. 3. XI. 86”.

Он долго тянул с обещанным материалом. Тем временем в Вологде приступил к работе наш собственный корреспондент Геннадий Сазонов. Толковый, опытный журналист. К тому же поэт. Договорились сделать совместное интервью с Беловым. Послал ему вопросы.

Положение в деревне требовало перемен. Колхозы и совхозы набрали кредитов, но прибавки производства продукции не дали. Заговорили о необходимости хозяйственной самостоятельности.

В марте 1988 года Белов приехал в Москву на пленум Союза писателей, обсуждавший национальные отношения. Остановился в той же гостинице. Позвонил мне. Условились о встрече. В назначенное время я пришёл в гостиницу. У него был Владимир Крупин. Втроём мы отправились в ресторан. Заказали осетрину. Официантка с брезгливой усмешкой процедила сквозь зубы: “Осетрину всю съели... Могу предложить только куриные котлеты”. Что делать? Взять, что было. Настроение испортилось. Вернулись в номер.

— Не понимаю, что происходит, — завёлся Белов. — В былое время на Охотном ряду прилавки ломились от снеди: стерлядь, севрюжка, нельма, кета, горбуша, сёмга, муксун, белужка, щука, налим, тунец, хариус... Не го-

воря уж о мелочи. Выбирай на любой вкус! Гиляровский ведь не врал, когда описывал столичные рестораны. Упали — ниже некуда.

— Помимо рыбки, полно было дичи, — добавил Крупин. — Купцы умудрялись доставлять в первопрестольную рябчиков, куропаток, глухарей, диких гусей, уток.

— Ладно уж, не трави душу, — махнул рукой Василий Иванович. — Пустое это занятие. Надо думать, как выправлять положение.

В дверь постучали. Вошёл парень лет тридцати. Оказалось, художник из Архангельска. Узнал Белова в ресторане.

— Дома у меня целая серия картин, написанных по вашим произведениям, — похвалился он.

— Интересно было бы взглянуть, — оживился Василий Иванович.

— Ну, приезжайте!

— Легко сказать... Хотя адресок оставь. На Соловки-то сможешь организовать поездку?

Лицо парня расплылось в улыбке:

— Ну, конечно...

Белов задумался:

— Соловки — святое место. Мечтаю побывать. В России таких святых мест немало. Скажем, Телецкое озеро, что в Горном Алтае. По той земле будто нога самой Праматери человеческой ступала... А ещё тянет на Священный Байкал. Не отказался бы и от путешествий по Енисею, Лене, Амуру...

В тот вечер мы засиделись допоздна. Коснулись интервью для газеты. Похоже, Белов придавал этому большое значение, желая высказаться относительно идей Чаянова о кооперации, трагедии коллективизации, рассказывания на Дону, хищнической вырубке лесов, пагубности сселения “неперспективных” деревень, утраты народных традиций, пьянстве. Пожалуй, его душа переболела всеми болями русского мужика...

Материал “Возродить в крестьянстве крестьянское” увидел свет 15 апреля 1988 года. Не мешками ли носили в сельхозотдел письма читателей, отозвавшихся на эту публикацию? Наиболее любопытные я отправил в Вологду. Василий Иванович вскоре отозвался:

“Александр Николаевич!

Папка уникальна в том смысле, что читатели подробно отвечают друг другу. Автору тут нечего делать и нечего комментировать. Распутин предложил мне сделать книгу из читательских писем и издать её срочно. Где? Так вот: эта папка, что ты дал, — готовая книга! Совсем в духе времени. Без всякого отбора-подбора. Письма надо включить все! При встрече с Афанасьевым буду просить его об этом, а ты пока прозондируй почву. Приеду 9 июля. Папку привезу.

Белов, 19. VI. 88”.

Жаль, что эту книгу так и не удалось издать, но в “Правде” от 22 октября того же года были опубликованы ответы Белова на читательские вопросы. Потом его избрали депутатом Верховного Совета СССР. В памяти остались беловские гневные речи на сессиях по поводу плачевного положения дел в деревне. Пожалуй, никто из тогдашних писателей так много не выступал в прессе, как он. В том числе на центральном телевидении, куда я перешёл работать политическим обозревателем. В числе других известных деятелей культуры Белов подписал обращение к соотечественникам по референдуму за сохранение СССР. Увы, демократы во главе с Борисом Ельциным разрушили-таки великую “Красную” империю.

Вскоре после путча 19 августа 1991 года состоялся пленум Союза писателей России, на котором присутствовали Юрий Бондарев, Василий Белов, Валентин Распутин, Станислав Куняев, многие другие писатели. Неожиданно в здание на Комсомольском проспекте ворвалась группа молодчиков, посланных, как они сказали, чуть ли не префектом центрального округа Москвы Александром Музыкантским. Хотели выдворить нас из старинного особняка. Они вели себя вызывающе, нагло, выкрикивали оскорбительные слова, угрожали.

Василий Иванович как народный депутат потребовал от погромщиков немедленно убраться вон. Станислав Куняев на глазах у всех разорвал в клочья грозное предписание. Молодчики попятнулись, а потом побежали к выходу. В считанные минуты перед зданием выросли баррикады. Писатели, что называется, встали грудью на защиту своего дома.

Никто не верил, что демократы усидят так долго в Кремле. Страна бурлила: забастовка за забастовкой. Упадок не только в экономике, но и в социальной сфере. Приуныли в деревне: неужели и впрямь разгонят колхозы и совхозы? Россия стояла на пороге великих потрясений.

Осенью 1993 года президент Борис Ельцин приказал взять штурмом здание Верховного Совета, депутаты которого выступили против губительных “реформ”. Белов не усидел в Вологде — приехал в Москву. Мы встретились с ним на Пресне, у оцепленного милиционерами и солдатами Белого дома. Попытались пробиться через заграждения из колючей проволоки. Василий Иванович увещевал военных, взывая к их совести. Одни отмалчивались, другие зло огрызались. Сытый полковник обматерил нас. Пошли в ход резиновые дубинки. Но, в конце концов, толпа смяла оцепление.

Помню, накануне штурма мы с Беловым сидели в буфете Белого дома, обсуждая сложившуюся ситуацию. К нашему столику подошел кинорежиссёр Николай Бурляев. Противостояние подходило к своему апогею. Народ рвался в телецентр “Останкино”. От Пресни отходили машина за машиной, битком набитые людьми с красными флагами. Василий Иванович тоже решил поехать туда, чтобы выступить по телевидению с обращением к народу. Я отговаривал его от этого поспешного шага: дескать, телецентр охраняет спецназ, и пробиться в здание вряд ли удастся. Но он поступил по-своему. Что произошло дальше, хорошо известно: в ходе тех событий погибли сотни защитников парламента...

Потом мы ещё не раз встречались с Василием Ивановичем. Я слушал его выступления на съезде писателей в Орле, на вечере журнала “Наш современник” в Московском художественном театре имени Максима Горького. Он приезжал ко мне на передачи в телестудию “Подмосковье”. Как-то позвонил из Вологды и попросил сделать репортаж о выставке фотографий своего друга Анатолия Заболоцкого в Славянском центре.

Здоровье писателя подкосили переживания за Россию, русский народ, землю. В год семидесятилетия у него сгорела баня в Тимонихе. В разговоре по телефону он посоветовал по этому поводу: “Баню-то эту срубил ещё молодым отец. Через неё и познакомился с моей матерью. Вот что жалко. Конечно, поставлю новую, но это будет уже не то...”

О написанных им художественных произведениях мы не разговаривали. Возможно, он ждал от меня оценки трилогии “Кануны”, “Год великого перелома”, “Час шестой” — основных своих вещей, в которых обнажил жуткие факты времён коллективизации. Ведь до сих пор точных данных относительно жертв этой крестьянской трагедии не опубликовано. Никто не покаялся за содеянное. Не поставлено ни одного памятника крестьянам, сгинувшим в чудовищной мясорубке. Странно, не правда ли?

А ведь при желании можно было бы назвать поимённо палачей русского крестьянства, составившего суть России, её душу. В архивах сохранились документы того периода. В том числе и Бухарина, вбросившего саму идею “раскрестьянивания”... Неслучайно Белов поставил эпитафию к “Хронике тридцатых годов”:

“Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом. Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор. Фридрих Энгельс”.

В первых строках романа “Год великого перелома” писатель очерчивает злоеущий круг исполнителей величайшего преступления: “И когда б в стране имелся бы один-единственный не униженный монах-летописец, может, появилась бы в летописном свитке такая запись: “В лето одна тысяча девятьсот двадцать девятого года в Филиппов пост попущением Господним сын гродненского аптекаря Яков Аркадьевич Эпштейн (Яковлев) поставлен бысть в Московском Кремле комиссаром над всеми христианы и землепашцы”.

Таких летописцев не было. Сонмы иных писателей вопили о кулаках и о правой опасности. Кто был опасен и, главное, для кого? Троцкий покинул страну вместе с двумя вагонами награбленного, но перед тем он раскидал се-

мена своих антимужичьих идей на тысячевёрстных пространствах России. Разнесённые ветрами двух последних десятилетий, эти семена тут и там смело пускали ростки, укреплялись и махрово цвели, давая новые обильные семена, уже не боящиеся ни сибирских морозов, ни степных суховея.

Совсем недавно Россия давала третью часть мирового хлебного экспорта. Что-то будет теперь? Эпштейн, возглавляя сельское хозяйство великой державы, не ведал разницы между озимым и яровым севом. Конечно же, подобно младшим своим соратникам, Вольфу и Беленькому, Клименко и Каминскому, Бауману и Каценельбогену, он на все лады раздраконивал и клеймил троцкистов.

Он ничего не боялся. 5 декабря 1929 года его шеф Каганович – этот палач народов – за несколько минут накидал список из двадцати одного кандидата в состав изуверской комиссии. Политбюро утвердило. И уже через три дня Яковлев сварганил восемь подкомиссий, которые тотчас начали разрабатывать грандиозный план невиданного в истории преступления. В тот же день, то есть 8 декабря, Яковлев стал комиссаром российского земледелия. . . .”

Понятно, коллективизация была затеяна Сталиным. Именно он тасовал “колоду” из членов Политбюро. При обсуждении плана Яковлева Генсек сделал поправки к проекту постановления “О темпах коллективизации” . . . в сторону ужесточения репрессий. Советую перечитать произведения Белова и ещё раз вдуматься в написанное им о русской деревне. Станет ясно: без крепкого крестьянства России не выжить.

А какие у Василия Ивановича щемяще-грустные рассказы о военном лихолетье! В них прослеживается и его собственная судьба. Ходили в изношенной до дыр одежде, не было вволю даже картошки, радовались льняному жмыху. В рассказе “Скакал казак” колхозница Костерюка посылает сынишку на болото, чтобы надёргал мха, из которого она испечёт лепёшек. Потом её посадили в тюрьму за кражу двух горстей зерна. Без слёз читать невозможно! В другом рассказе – “Мальчики” – подростки, подвергая себя опасности, воруют уголь с проходящих мимо станции составов, чтобы обогреть жилища. . . . Ну, а Борька в рассказе “Под извоз” – уж не сам ли Белов? Вместе с разбитным мужиком-калейкой Сенькой Груздевым и двумя бабами они везут на лошадях сдавать государству льняную тресту. В дороге мёрзнут, перебиваются лишь варёной картошкой, но преисполнены гордостью, что выполнили наказ бригадира. Так и жили годами деревенские люди в тягостях и нужде, не имея даже паспортов. Разве не запершит в горле от обиды?

Белов был строгим отцом. Единственная его дочь Аня родилась, когда ему стукнуло сорок. Хотел воспитать её патриотом, но она увлеклась тяжёлым роком. А как хотел, чтобы она полюбила деревню, землю, крестьянский труд. . . . Написал целый цикл детских рассказов. Мечтал о внуках. Увы, дочь семью так и не создала.

В конце октября 2010 года я приехал в Вологду на Земельный форум. Вместе с группой московских писателей нагрянули к Василию Ивановичу. Дни стояли сухие, с утренними серебряными заморозками. Чудесная погода! Среди нас был Иван Сергеевич Уханов. Услышав его фамилию, Ольга Сергеевна встрепенулась:

– А ведь мы могли бы с вами породниться. Помните, отдыхали вместе в Коктебеле? Нашей Ане очень понравился ваш сын Юра. Рассказала мне об этом по секрету, ну а я выболтала тайну Василию Ивановичу. Ребята были совсем юными, только-только в душах зарождались какие-то чувства. Жаль, что расстались. . . .

– Да, было такое, – подтвердил Белов, взглянув с любопытством на Уханова.

Тот смутился. Оказывается, он ничего не знал об этой истории. Только руками развёл:

– Значит, не судьба. . . . Юра-то давно женат, у него растёт сынишка. . . .

– А Аня окончила Суриковский институт, работает в музее Кремля, – вздохнула Ольга Сергеевна. – Теперь вот ездим друг к другу в гости. . . .

В тот вечер мы засиделись у Беловых. Хозяйка выставила на стол пироги, мочёную бруснику, солёные грибки. Увидев бутылку водки, Василий Иванович махнул рукой:

– Бог с вами, грешите, грешите. . . .

Попросил налить стопку и ему. Помянули родителей.

– Отец мой, Иван Фёдорович, был сержантом, – рассказывал Белов. – Сначала воевал на Ленинградском фронте. Там ранило в руку. Лежал в госпитале в Соколе. Мать ездила туда. Повидались. Потом его отправили под Смоленск, где шли особенно жестокие бои. Погиб в сорок третьем недалеко от райцентра Духовщина. Выяснили это школьники-следопыты. Спасибо ребятам! А похоронку мать куда-то затеряла. . .

– Вам-то самому что вспоминается из военных лет? – спросил я.

– Корова Берёзка, благодаря которой выжили. . . Был жуткий голод. Всё, что выращивали в колхозе, сдавали для армии. Сами питались, чем придётся. До сих пор горюю, что упустил огромную щуку в речку Сохту. . .

На безымянном пальце правой руки Василия Ивановича было обручальное золотое кольцо. Он зачем-то снял его и положил на блюде перед собой. Тут же предложил тост за Ольгу Сергеевну.

Я сел за пианино и исполнил в её честь песню собственного сочинения “А года, года бегут. . .” Мелодия и стихи понравились Белову. Он тяжело вздохнул:

– На гармошке-то я играю на слух, а вот по нотам не могу. В молодости мечтал поступить в музыкальное училище в Великом Устюге, но жизнь закрытила, и стало не до музыки. . .

Неожиданно вспомнил о своём брате Сергее – театральном режиссёре. С восхищением отзывался о спектаклях “Женитьба” и “Мёртвые души” по Гоголю, поставленных им на сцене Московского академического театра имени Маяковского:

– Иной раз думаю: какая культура выше – русская или украинская? Очень люблю украинские песни. Мелодичные, душевные, проникновенные. . . “Миргород” Гоголя – это чудо! Передайте от меня поклон Сергею Николаевичу. . .

Как известно, Белов написал ряд драматических пьес: “Князь Александр Невский”, “Над светлой водой”, “По 206-й. . .”, “Семейные праздники”, “Бессмертный Кощей”. Несколько раз заговаривал со мной о постановках их в столичных театрах, намекая на содействие брата. Не получилось. Та наша встреча оказалась последней.

. . . После похорон Василия Ивановича в родной Тимонихе я позвонил его дочери Ане. Говорили больше часа. Она сожалела, что их отношения с отцом в последние годы были весьма натянутыми. Прозвучало нечто вроде исповеди:

– Так бывает: когда люди любят друг друга, но живут как бы в параллельных мирах. Наши интересы лежали в разных плоскостях культуры. Я была далека от деревни, крестьянских забот. С детства увлеклась тяжёлым роком. Это не нравилось папе. Между нами постоянно возникали конфликты. Он хотел, чтобы я имела традиционную семью, а мне претили всякие догмы. Отец слишком поздно взялся за моё воспитание, что-то важное уже было упущено. Он не видел во мне личность, постоянно давил психологически. Вот что заделало! Поскольку у самого было тяжёлое детство, на всё смотрел с недоверием. А изнутри-то шла кипучая энергия, которая не умещалась в строгих рамках. Думаете, легко ему было перестроиться, имея партбилет в кармане? Дорога к Богу получилась трудной. Мы оба оказались упёртыми. Он восстановил в Тимонихе Никольскую церковь, а я по-прежнему осталась приверженницей рока. Но всё же благодарна отцу за то, что привил любовь к искусству. С детства таскал с собой по музеям, выставкам, антикварным магазинам. Дружил с художниками, сам неплохо рисовал. Помог мне поступить в Суриковку. Довольно часто мы вели жаркие философские споры. Добрые зёрна дали какие-то всходы. Когда зимой у него случился инсульт, я заплакала горячими слезами. Что-то надломилось внутри. Виню себя за принесённые ему обиды и надеюсь, что напоследок он всё-таки простил меня. . .

Тимониха укрыта высокими снегами. Замело и дорогу к деревенскому погосту, где упокоился раб Божий Василий. Но это теперь уже не глушь, а ещё одно святое место на великих просторах России-матушки.

ВИКТОР БАРАКОВ

ЛАД И РАЗЛАД

Книга Василия Белова “Лад” и современность

“Лад” представляет собой серию очерков о народной эстетике. Но эстетика без этики не бывает. Национальные этико-эстетические ценности опосредованно связаны с крестьянским мировоззрением и творчеством, сформировавшим облик народа, его язык, характер, который, несмотря на все потрясения, в своей основе остался неизменным. Вот как об этом пишет Василий Белов:

“Культура и народный быт также обладают глубокой преемственностью. Шагнуть вперёд можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов.

Так же точь-в-точь и будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих, то есть без нас с вами. Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас.

Книга не случайно называется “Лад” и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни” (1, с. 7).

В основе лада лежала система православных по своему происхождению ценностей, укоренённых в русском крестьянстве. В древности слово “крестьянин” буквально означало: “крещёный человек”, “христианин” и только потом – земледелец. Поэтому сельчане в советское время были не крестьянами, а колхозниками. Религиозный смысл названия был утерян почти полностью, хотя и в психологии, и в мировоззрении сельских жителей (как и во всем русском народе) в частичном, искажённом виде христианские ценности сохранялись. Они и определяли уклад жизни, который измерялся часами, днями и природными циклами. Бог, природа, Родина, род, семья, дом – всё существовало в гармонии. Можно было сфальшивить человеку, но эта фальшь тонула в общем музыкальном строе общежительного лада. Во время насильственной коллективизации лад был сломан вместе с крестьянством (“Год великого перелома”), колхозный строй ценой огромных лишений и жертв (паспорта, например, не выдавали крестьянам до 1974 года!) был приближен к общинным традициям, но в 90-х были уничтожены и колхозы. Василий Белов в 2002 году сетовал:

“Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущёв-

ские удары, ликвидация малых деревень и тому подобное. И всё это на моей памяти. Весь двадцатый век – непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила окончательно. Советская власть была нормальная власть, даже сталинская власть, и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен” (3).

И сейчас деревню продолжают добывать, считают “неперспективной”, закрывают школы, больницы, да что там – целые районы! Нет денег? – На олимпиаду и мировой футбольный чемпионат деньги почему-то нашлись. Протоиерей Евгений Соколов с возмущением пишет: “Вот наш премьер разразился гневной тирадой по поводу хамства в обществе. Возможно, он забыл (а может, совсем не знает), что грех древнего Хама состоит в насмешке над своим отцом. Хамов грех – это презрение к истории (похоже, премьер не читал наши современные школьные учебники по этому предмету), к традиции, к вере своих предков. Это откровенное глумление над умирающей русской деревней и одновременно проведение бесчисленных мировых шоу за государственный счёт, когда народные деньги сотнями миллиардов выбрасываются на ЗРЕЛИЩА. Можно ли придумать большее хамство? А сколько написано на эту тему статей, и хоть малейшая реакция на них была у наших правителей всех уровней?” (7). Власть даже не скрывает, что сознательно уничтожает деревню, образование, медицину, только слово применяет другое: “оптимизация”.

Сейчас в критике стала довольно распространённой точка зрения, что современная деревня перестает быть основой преемственности, формирования национального характера, хранительницей народных традиций. Но, во-первых, национальный характер и народные традиции – слишком устойчивые во времени явления, которые сохраняются, пусть в изменённых формах, на столетия. Непопулярный ныне В. Ленин сказал об этом так: “Сила привычки – страшная сила”. Повальная эпидемия “дачного” и “загородно-деревенского” ведения хозяйства – следствие не только бедности, но ещё и неосознанного, судорожного стремления сохранить привычный уклад жизни хотя бы в миниатюре. Во-вторых, львиная доля этнографических признаков деревни и основа так называемого “менталитета” переместились сегодня в провинциальную Россию. С одной стороны – Москва, с другой – бескрайняя Россия, по сути, большая деревня.

Что же мы имеем сейчас? Какие ценности мы сумели сохранить, а какие – нет, что вернулось из небытия, а что было утеряно навсегда или на время?..

Прежде всего, надо сказать об отношении к труду.

“Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду.

Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удачи талантливому человеку вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалеющих в труде ни сил, ни времени.

Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой, накосит больше. Так же как и тот, кто умеет красиво плотничать, построит больше и лучше, причём вовсе не в погоне за длинным рублём...” (1, С. 31).

Творческий крестьянский (и любой иной) честный труд всегда был в почёте. Даже торговля.

“Крестьянин и городской простолудин уважали честного торговца, с почтением относились к торговому делу. Потому и попадались частенько на уду к обманщику и выжиге. Пользуясь народной доверчивостью, торговые плуты сбывали неходовой или залежалый товар, да ещё и подсмеивались. Такие купцы относились к честным торговцам с презрением, переходящим в ненависть. Как, мол, это можно – торговать без обмана? С другой стороны, торговец, торгующий без обмана, быстро приобретал известность в народе и оттого богател быстрее.

Многие после этого увеличивали оборот, расширялись. Другие же искусственно тормозили дело, считая грехом увеличение торговли. Последние пользовались у народа особым почтением” (1, С. 54).

Да, честная торговля пользовалась уважением. Но не торгашество! А. И. Солженицын отметил в своей статье о писателе эту мысль В. И. Белова: “Сами торговцы считали увеличение своей торговли – грехом” (8, С. 155).

Частная собственность священна и неприкосновенна – это закон. Но священна она именно потому, что человеку не принадлежит, а является Даром

Божьим. И горе тому человеку, который “не в Бога богатеет”, умножая капитал нечестным “трудом” или используя его в несправедливых целях, для наживы и разврата. Частная собственность, которая украдена, присвоена обманом, “прихватизирована” — не собственность, а воровская добыча. И за нарушение заповедей: “Не укради” — положена кара обыденно-знаменитая: “Вор должен сидеть в тюрьме!”

В народе ценился любой талант: плотника, доярки, мастерового, лётчика, писателя, печника.

“Дом (или хоромы) давал кров и уют не только людям, но и коровам, и лошадям, и всякой прочей живности. И если в духовном смысле главным местом в хорамах был красный угол главной избы, то средоточием, материально-нравственным центром, разумеется, была русская печь, никогда не остывающий семейный очаг.

Печь кормила, поила, лечила и утешала. На ней подчас рожали младенцев, она же, когда человек дряхлел, помогала достойно выдержать краткую смертную муку и навек успокоиться.

Печь нужна была в любом возрасте, в любом состоянии и положении. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома.

Удивительно ли, что печника чтили в народе не меньше, чем священника или учительницу?” (1, с. 49).

Мы боимся признаться открыто в том что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку, точнее, национальное предательство. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Говорит иерей Александр Шумский: “Капитализм в России смотрится, как на корове седло: на корове под седлом далеко не ускакать, да и молока с неё не получишь, потому что корова под седлом вряд ли будет стремиться к повышению надоя. Нельзя не прийти к выводу, глядя на нашу современную Россию, что не предназначена русская земля для капитализма. Перегородочная Европа предназначена, а степная Россия нет. Степная кобылица никогда не станет свиньёй, ничего с этим не поделаешь. Поэтому, как ни крути, социализм является органичной формой русской жизни. Разумеется, я имею в виду социализм без коммунистической идеологии. А вот ещё одно соображение в этой связи. Монархию в России свергла буржуазная революция, и за это русская буржуазия получила возмездие в ходе социалистической революции. Так что винить в русской смуте начала XX века следует, прежде всего, недоразвитый русский капитализм. И сегодня он такой же недоразвитый. И развитым никогда не станет, прежде всего, по моральным причинам” (10).

Важнейшей ценностью в укладе крестьянской жизни была семья.

“Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка” (1, с. 108).

Столетиями вырабатывалось общественное отношение не только к бытовой, но и интимной её составляющей. Честь, совесть, стыд, целомудрие... Это были не просто громкие слова, от этих ценностей зависело нравственное и физическое здоровье народа.

“Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, тоже считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация, и его называли уже не парнем, а мужиком” (1, с. 125–126).

Красота отношений между молодыми людьми питалась иной раз, казалось бы, такими взаимно исключаящимися свойствами, уживающимися в одном человеке, как бойкость и целомудрие, озорство и стыдливость. Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала “горячая” и “холодная” (1, с. 126).

Обратные современные примеры приводить не хочется. Иногда кажется, что наше центральное телевидение возродило печально известное в 20-х годах общество “Долой стыд!” Русские учителя ещё в 1994 году констатировали: “Массовые издания, СМИ и т. д., оказывают зачастую разрушительное влияние на сознание (и подсознание) молодёжи, разными способами стимулируя животные инстинкты, апологию насилия, психологию потребительства, разру-

шая иерархию ценностей, воспитывая цинизм, равнодушие, бессовестность, подрывая и уничтожая в сознании молодёжи основополагающие, социально-необходимые качества: чувство долга, понятие о святине, рефлекс идеала, отношение к труду как к нравственной обязанности, то есть всё то, без чего не может существовать ни общество, ни армия, ни государство, ни нация” (5, с. 337).

От семейно-бытового уклада – прямой путь к святым для нас понятиям: Родина, Вера, Народ.

На **родине** всё было родным, принадлежало к роду. “Ты какого роду-племени?” – вопрошали герои русских сказок.

“Родная деревня была родной безо всяких преувеличений. Даже самый злобный отступник или забулдыжник, волей судьбы угодивший куда-нибудь за тридевять земель, стремился домой. Он знал, что в своей деревне найдёт и сочувствие, и понимание, и прощение, ежели нагрешил... А что может быть благодатнее для проснувшейся совести? Оторвать человека от родины означало разрушить не только экономическую, но и нравственную основу его жизни” (1, с. 108).

По народным представлениям, у каждого человека три матери: родная, крёстная и Мать-Сыра-Земля (Россия). “Земля – лоно предков, последний приют всех живущих на ней людей... Тяжким грехом считалась “матерная” брань, так как ругающийся “матерными” словами бранит свою собственную мать, общую для всех Мать Пресвятую Богородицу и, наконец, Мать-Сыру-Землю” (9).

Почитание земли в русской культуре давным-давно христианизировано. Так, Соня Мармеладова умоляла Раскольникову поцеловать землю и просить прощения у матери-земли (смесь языческих и христианских представлений). Великий грех – сквернословить, плевать на землю, а покинуть Россию – всё равно, что бросить свою мать.

Вера всегда жила в нашем народе. В иные периоды советского времени нельзя было произносить слово “православие” – не беда, ему нашли замену: “духовность”. Василий Белов с благоговением пишет в книге о церковных праздниках, обрядах, иконах.

“Что же объединяет все школы и стили русского иконописного искусства, что делает его цельным, определённым? Отвечать на этот вопрос, вернее, ставить его, опять же как-то не очень уместно... Любой разговор о великих явлениях творчества и художества всё равно будет ограниченным по сравнению с этими явлениями, всё равно никогда не исчерпает всей их сути.

Иначе великое явление не было бы великим.

Тайна художественного творчества останется тайной, сколько бы мы ни раскрывали её. Раскрытая же, разгаданная тайна будет принадлежать науке, а не художественному творчеству” (1, с. 277).

Василий Белов говорил в книге о крестинах как об утерянном обряде: “В настоящее время описываемый обряд почти повсеместно исчез...” К счастью, это Таинство вернулось в нашу жизнь.

“Церковный обряд крещения был обязательным в жизни русского крестьянина. По народным поверьям, душами некрещёных детей распоряжается дьявол. Нередко по смерти ребенка мать горевала не оттого, что его не стало, а оттого, что дитя умерло некрещёным.

Восприемники, то есть крёстный отец и крёстная мать (кум и кума по отношению друг к другу), были обязательны при крестинах. Крестники, как правило, очень любили и чтили их” (1, с. 202).

Русский **народ** – великий философ и поэт, созидатель нашей истории, и оценивать его надо по вершинам, а не по худшим его представителям, как это делает наша центральная пресса, состоящая почти сплошь из людей так называемой “либеральной национальности”. Изменился к худшему не русский народ, а те, кто корёжит его экономическую и культурную основу. Об экономике говорить не будем, у нас и в культуре есть свои чубайсы: Фурсенко, Ливанов и им подобные. Раскол между народом и властью – катастрофический! Трагический раскол существует и в самом народе:

“Наша демократическая так называемая революция разделила русский народ. И старается делить его, дробить на всё более мелкие составляющие. Нас лишают нашей национальной и духовной цельности. А когда душа начинает дробиться, невозможно никакое созидание” (3).

Народ никому не нужен, власть и бизнес живут “по понятиям”, у населения за все эти океанские годы ни разу не удосужились спросить, чего же оно хочет (не провели ни одного референдума!), небезосновательно полагая, как-то будет ответ. . .

Наука презираема, её тонкий верхний слой съедается, как шагреновая кожа, уступая место примитивизму и халтуре – вплоть до потери квалификации. Омар Хайям писал ещё в XI веке:

*В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.*

Нет научного плана развития страны (на самом деле он есть и давно пылится в Академии наук, но властям не до него), а самое главное – нет хозяина, нет воли.

Да что там Академия – к Православной Церкви не прислушиваются наши “богобоязненные верхи”! Где реакция на её заявления о необходимости нравственного контроля над СМИ? Где хотя бы шевеление по поводу рекомендации ввести прогрессивный налог на богатых, как в той же Швеции или Норвегии? Где, наконец, ответ на недавний документ о православном понимании прав и обязанностей человека в современном мире?.. Вездесущее молчание, либо крайне безграмотные, нелепые комментарии.

Не только равнодушные, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование её интересов – главная причина неудач всех реформ в России, начинаемых “сверху”. Единственный путь для нас – действовать самим, возрождать народное самоуправление.

“Новгородское и Псковское вече, как будто бы известное каждому школьнику, на самом деле мало изучено. Оно малопонятно современному человеку. Что это такое? Демократическое собрание? Парламент? Исполнительный и законодательный орган феодальной республики? Ни то и ни другое. Вече можно понять, лишь уяснив смысл русского общинного самоуправления. Мирские сходы – практическое выражение самоуправления. Заметим: самоуправления, а не самоуправства. В первом случае речь идёт об общих интересах, во втором – о корыстных и личных. . .

Ясно, что такое явление русского быта, как сход, несший на своих плечах главные общественные, военные, политические и хозяйственные обязанности, имел и собственную эстетику, согласную с общим укладом, с общим понятием русского человека о стройности и красоте” (1, с. 208–209).

Василия Белова при жизни и после смерти снисходительно, а то и презрительно называли и называют “деревенщиком”: “Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!” (2, с. 45). На самом деле Белов в “Ладе” разглядел в крестьянстве (и не только в крестьянстве!) носителя православного сознания, смертельно опасного для либералов.

Ненавидящий Белова вражеский стан уже в те годы “почти открыто противостоял его родине – России” (2, с. 347). В выборе средств он не стеснялся: “Нам усиленно прививали всевозможные комплексы, – пишет классик. – Враги ненавидели нашу волю к борьбе. Тот, кто стремился отстоять свои кровные права, кто стремился к цели, кто понимал своё положение и осознал важность своей работы, кто защищал собственное достоинство, был для этих “культурников” самым опасным. Таких им надо было давить или дурить, внушая комплекс неполноценности” (2, с. 312).

И всё-таки основу народной жизни сломать невозможно. Никому ещё не удалось и не удастся. Лад может исчезнуть только вместе с народом.

“Даже три века господства кочевников не научили его, к примеру, есть конину или умыть чужих жен” (1, с. 106).

Так что же такое – беловский “Лад” в современности и вечности?..

Как писал Юрий Селезнёв: “Это чрезвычайно ёмкое русское слово действительно являет собой единство многообразия: это и вселенский лад – целый мир, гармония миропорядка; это и лад определённого уклада общественной жизни – жизни в любви, дружбе, братстве, добрососедстве, взаимопонимании; и жизни семейной: лад – это супружество, лада – любимый, милый, желанный человек; и трудовой – ладить – делать хорошо, с умением, вкусом;

лад – это и определённый тип сознания, мироощущения: лад – это согласие, гармония...” (6).

Нобелевский лауреат Александр Солженицын: “Книга “Лад” – драгоценность в русской печатности” (8, с. 155).

Критик Юрий Павлов: “Деревенская проза” есть бытийная, историко-философская проза, она самое значительное явление в русской литературе второй половины XX века. И это та объективная реальность, с которой, подчеркну, никогда не согласятся современные авторы учебников, либеральные критики, журналисты, преподаватели...” (4).

Василий Белов учит нас не падать духом: “Народная жизнь обладает, по видимому, и свойством регенерации, свойством восполнения, как восполняются или даже возрождаются почти что из ничего некоторые растения и организмы...” (2, с. 65).

“Пора, наконец, вернуться к традиционной русской государственности, к традиционным национальным ценностям, – пишет Юрий Павлов. – И творчество Василия Белова – один из краеугольных камней в фундаменте будущего Русского Дома. Необходимо только прочитать и объективно оценить разножанровое наследие великого писателя... Тем, кто болеет за судьбу России, следует помнить следующие слова Белова: “Пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад” (4).

В последнее время власть в нашей стране всё чаще стала прибегать к патриотической риторике. Но это дымовая завеса, “операция прикрытия”, как говорят чекисты. Надежда на “перерождение” власти – иллюзия. Надо помнить слова Василия Ивановича Белова: “Я всей кожей чувствую, что с антинародной властью Россия не примирится ни сегодня, ни завтра” (2, с. 237).

Нас ждут грозные испытания: будущие годы пройдут под знаком национально-освободительной борьбы по возвращению народу власти, собственности и исторической преемственности. Силы для этой борьбы накапливаются именно сейчас. Каким образом содействовать этому – каждый решает сам. Будут ещё поражения, и немалые. Но победа обязательно придёт!

Использованная литература:

1. Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. М., 1982. – 293 с., ил. <http://www.booksite.ru/fulltext/vas/ily/lad/index.htm>.
2. Белов В. И. Раздумья о дне сегодняшнем. Рыбинск, “Рыбинское подворье”, 2002. – 368 с.
3. Молюсь за Россию: беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым. // Наш современник. 2002, № 10. <http://www.booksite.ru/belov/interview/13.htm>.
4. Павлов Юрий. СМИ о смерти Василия Белова // Российский писатель. 2013, 11 февраля. <http://www.rospisatel.ru/pavlov-belov.htm>.
5. Решение IV Всероссийской научно-практической конференции “Филология и школа: преподавание словесности в современных социокультурных условиях и проблемы высшего гуманитарного образования” (19–21 октября 1994) // Филология и школа. Выпуск I. М., ИМЛИ РАН. 2003. С. 337–339.
6. Селезнёв Ю. И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М., “Сов. Россия”, 1983. – 144 с. Писатели Сов. России. <http://www.booksite.ru/belov/seleznyov/8.htm>.
7. Соколов Евгений, протоиерей. Иродово жертвоприношение современных кесарей // Русская народная линия. http://ruskline.ru/analitika/2013/03/30/irodovo_zhertvoprinoshenie_sovremennyh_kesarej/
8. Солженицын А. Василий Белов // Новый мир. 2003, № 12. С. 154–155. <http://www.booksite.ru/belov/creature/22.htm>.
9. Тульцева Л. А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 302.
10. Шумский А., иерей. Мальчиш-Кибальчиш приближается // Русская народная линия. http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/11/17/malchishkibalchish_priblizhaetsya/

АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ВОСЛЕД ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ БЕЛОВУ

О деревенщиках. Совести. Семитомнике

С далёких уже дней прихода к власти Ельцина и по сей день в литературной среде от Москвы и до Сибири слышны нападки на писателей, обозванных ещё “яковлевской” кликой “деревенщиками”. Ряды “деревенщиков” поределели, оставались: Распутин, Куняев, Крупин; недавно ушёл Белов. От сорокалетних слышу: “Вот-де, мол, они и школы не создали, и учеников не оставили, пробавлялись общественными проблемами. Какой из того толк? Зачем Белов сидел в Верховном Совете, а Распутин – в горбачёвском Президентском совете?” Особенно рьяно на эту тему трезвонили либерально-публичные господа и граждане – полистайте подборки газет прошлых лет! – их, правда, старательно изымают из библиотек. Я всегда подавлял в себе желание вступить в диалог, слыша нападки на “деревенщиков”, а прошлой осенью, ожидая проходящий поезд на станции Харовская Вологодской области, в местной газете “Призыв” прочёл статью, которая коротко и очень конкретно ответила на вопросы, во мне скопившиеся, по поводу “деревенщиков” и природы критики, чаще злобной. Прошу перепечатать статью Веры Удаловой – зав. библиотекой семейного чтения г. Харовска.

ОТВЕТ ВЕЛЛЕРУ

Читаю Михаила Веллера, модного нынче питерского писателя. Процесс увлекает. Вдруг спотыкаюсь о фразу, пробегаю её глазами вторично.

Написано: “Распутин, Белов. Хотя ни как писатели, ни как личности они совершенно не изменились. Никогда там не было большой литературы”. Вот такой вывод!

И дальше: “. . . Тот самый недостаток внутреннего потенциала, не дающий выйти за рамки общепонятной литературной традиции, не даёт выйти и за рамки горестной традиции политической”. Это уже приговор. Становится обидно за нашего писателя-земляка. Конечно, Василий Иванович не захочет отвечать Веллеру, он всегда был выше какой-либо пустой трескотни, злобных выпадов, дрызг.

Ответят мои читатели. Летом нашу библиотеку посещают люди из разных регионов России. Вопрос к ним один: “Считаете ли вы книги писателя В. Белова большой литературой?”

Зоя Б. (Архангельск): Белов? Перечитываю “Час шестый”. Наш архангелогородец Абрамов хорош, а ваш харовский самородок ещё лучше.

Татьяна Д. (Шексна): Моя 86-летняя мама читает Белова всю жизнь, а книга “Целуются зори” – настольная. Её герои дают маме жизненную энергию, продлевают её дни на земле.

Марина Н. (Ярославль): Белов – душа русского народа. А любимая повесть – “Привычное дело”. Когда читаю эпизод горестных раздумий Ивана Африкановича на могиле жены Катерины, вышибает слёзы.

Аня О. (Оленегорск): А я люблю Василия Ивановича с детства, с его “Рассказы о всякой живности”. В них доброта, искренность и нравственность. Все те качества, которые сегодня пытаются вытравить из русского народа.

Ольга В. (Харовск): Большой писатель или нет? Для нас, харовчан, он самый большой, да и для всей России тоже. Он выразил в своих книгах наши мысли и чувства, он несёт добро.

Сергей М. (Харовск): Заслуги его перед русской литературой признаны. Он лауреат Государственной премии. За глупости премии не дают. Люблю. Читаю, и детям своим советую купить его книги.

После этих высказываний стало легко на душе. К произведениям Василия Белова всегда был и есть сегодня живой читательский интерес. Они шагнули с нами в XXI век, и жить им долго, до тех пор пока общество не избавится от тяжёлой болезни – дефицита совести.

А как думаешь ты, читатель?

Вера УДАЛОВА,
зав. библиотекой семейного чтения.

Незаменимым пособием для русского читателя в отстаивании творчества В. И. Белова от Веллеров, Быковых, Радзинских, Познеров, Соловьёвых со всеми “Эхами Москвы” и “Комсомольскими правдами” будет вышедший семитомник, собравший его сочинения. Автор месяц жил, держа тома в руках, какую же ему радость доставляли семь “кирпичей”, о которых он мечтал почти полвека!

Я был свидетелем, когда Василию Ивановичу супруга Ольга Сергеевна зачитала письмо депутата Госдумы Грешневикова А. Н. о том, что остановленное финансирование его собрания сочинений возобновлено администрацией Вологодской области. Прикованный к постели, воздев руки к небу, он молвил: “Слава Богу, мы победили!” Издание подготовлено силами вологжан, однако печать осуществлена издательством “Классика”. Неужели в Вологде нет типографской мощности, чтобы отпечатать пятитысячный тираж семитомника? Почему не Вологда получает возврат за вложенные деньги налогоплательщиков? Сегодня том собрания идёт по цене 590 рублей в “Библиоглобусе” на Мясницкой, и найти его не просто: на самом верхнем этаже и под самым потолком.

С волнением просматриваю издание. Охватывает радость: наконец-то впервые появилась полностью трилогия о гибели северной деревни – “Кануны”, “Год великого перелома”, “Час шестый”, – а ведь это главное произведение, с которым Белов рвался к читателю, “Поэма о матери”, пьеса “Семейные праздники”, “Бухтины перестроенные”, “Сказка про Ерша Ершовича”, однажды напечатанная Твардовским в “Новом мире”, “Невозвратные годы”, повествование о Валерии Гаврилине и многие рассказы и публицистические заметки, печатавшиеся только в периодике.

Оппоненты Белова дружно замолчали его роман “Всё впереди”, написанный в стиле киноповести, он кинематографичен в основе своей. Перечитайте роман сегодня! Это основа для душевного фильма, равного “Урокам французского” по В. Г. Распутину и “Калине красной” В. М. Шукшина.

Без огрехов собрание сочинений, тем более – первое – невозможно. Однако о некоторых редакторских вмешательствах, умолчаниях и даже “цензорской правке” адресуюсь к редактору Баранову и составителям примечаний В. Дементьеву и Кокшеновой. Почему публикаторы “окорачивают” авторскую хронологию, а ведь она – основа смысла?!

*С лица земли почти что стёртая,
Оскорблена, разорена,*

*Моя родная, полумёртвая,
Получужая сторона.
В угоду всем друзьям-приятелям,
С которыми поём и пьём,
Неужто в твоего предателя
Я превращался день за днём?*

У них оставлен “пустой” год – 1982. А у автора было 10 октября 1982 года – День колхозника в Тимонихе.

Поэзия Белова практически неизвестна широкому читателю. Она появилась в последнее десятилетие жизни писателя в малотиражных мини-книжках да в “Антологии Харовской поэзии” тиражом 500 экземпляров. А ведь Василий Иванович поступил в Литературный институт в семинар поэта Льва Ошанина, и настоял на его поступлении член Приёмной комиссии поэт Ярослав Смеляков. Я не однажды слышал сыновнюю благодарность Белова Смелякову, сыгравшему заметную роль в становлении его гражданской позиции. Василий Иванович имел намерение собрать все опубликованные стихи и рядом напечатать авторские, без правок, да руки не дошли.

Четвёртый том издания начинается второй частью трилогии “Год великого перелома”. Произведению предпослан эпиграф классика марксизма-ленинизма Фридриха Энгельса, поставленный автором на 374-ю страницу книги. Привожу его, дабы читатели обратили внимание на отношение классика марксизма к славянству и России:

“Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом”.

“...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор”.

Фр. Энгельс

Подарив мне этот том, Василий Белов, написал на титульной странице: “Дорогой Толя! Горд я не всем кирпичом, а одной страницей 374. Белов, 11 декабря 2002 г<ода>”. Почему же эпиграф оставлен вами без комментария в Примечаниях и почему не вспомнили о трилогии, “тиснутой” в одном томе в Вологде в 2002 году (952 страниц – 60 печ. листов)?

История с эпиграфом отчасти отвечает и на вопрос: “Зачем Белов сидел в Верховном Совете?” Пребывая в нём, он надеялся влиять на судьбу своего края. Не его вина, что многое из задуманного не осуществилось (но дорога до Лесопункта отсыпана его хлопотами!).

Белов на заседании Верховного Совета с трудом добивается слова в обсуждении отречения Ельцина. Во время его речи к столу президиума выбегает Жириновский с возгласом: “Гоните с трибуны шибздика!” Иваныч вспомнил: “Я онемел от неожиданных слов и замолк, но откуда-то явилась энергия, и я сказанул ярче, чем было у меня в тексте, правда, потом стенограмму для правки мне не дали, а главред “Известий” Лаптев (орган Верховного Совета), обязанный публиковать отчёты заседаний, на обращение: “Почему не публикуете мое выступление?” – ответил: “Я подчиняюсь не Верховному Совету, а мнению редколлегии, – она в полном составе против публикации Вашего выступления”.

А вот что я видел в “Новостях” Первого канала. Белов начинает фразу и вдруг резко поднимает голову, и в момент, когда он открывает рот, режиссёр передачи делает стоп-кадр и на этом остановленном изображении корреспондент Первого канала с “незабываемой” фамилией Лобков, ведущий репортаж, произносит примерно такой текст: “За отречение президента выступил малоизвестный писатель с севера некто Белов”.

Я смотрел этот репортаж, а по спине жар прошёл, и тут же слышу звон телефона, снимаю трубку. Раздражённый голос вдовы Шукшина: “Ты хоть ска-

жи Белову, чтобы больной не вылезал на трибуну!” Я, не отвечая, повесил трубку.

Вот ведь как умельцы ведут прямой репортаж! Такие события ох как изнашивают душу! А вскоре в Вологде на стенах дома, где живёт семья Белова, пишутся призывы выселиться из квартиры и отказаться от привилегий. Молодые люди бегают с плакатами на ту же тему.

В судьбе Белова последних лет заметное участие принимал тогдашний председатель Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов. С его помощью 75-летие писателя было проведено в зале соборов Храма Христа Спасителя. Это было первое в Российской истории чествование русского писателя в стенах главного собора Православной Церкви. Миронов, даже когда СМИ сообщали о скором смещении его с должности, навестил в Вологде больного Василия Ивановича. Среди сопровождающих присутствовал и владелец “Литературной газеты” Поляков. На встрече он выглядел чужестранцем, не произнесшим ни одного слова.

Однако после смерти Василия Ивановича “Литгазета” немедленно сколачивает бригаду писателей по созданию в квартире Белова музея для изучения его наследия. Помнит он, что похоже повёл себя Л. Аннинский, который, будучи идейным противником Шукшина, взялся после его смерти редактировать роман “Любавины” и писать предисловия к изданиям шукшинских книг. К поляковской артели тут же потянулся Личутин, заявивший, что Белов “его учитель”. Василий Иванович, когда заходил разговор о Личутине, был немногословен: “Читал Личутина, мне хочется править или сокращать его многословие... Петушист, даже Фёдора, ценившего его дар, не слушал” (речь идёт о Фёдоре Абрамове).

Сегодня Поляков вручает Личутину премию имени Дельвига (почему бы не Тютчевскую?). Деньги немалые за то, что Личутин всячески унижает журнал “Наш современник”, столько лет достойно защищающий русское слово. По жизни получается, что Поляков “финансирует” Личутина как своего сторонника в лютом противостоянии с Куняевым, защищающим общеписательскую переделкинскую собственность. Чего тут не понять? Поляков уже узаконил в собственности переделкинский участок, а у Личутина пока литфондовая аренда. Личутин, ты же русский, в капиталистах не усидишь!

В мае сего года в новостях прошла информация: в Переделкине сгорела дача, принадлежащая прозаику, литературоведу, автору исторических романов, исследователю литературы русского зарубежья, первому публикатору писателей Шмелёва, Зайцева, одному из призванных исследователей творчества Бунина, Куприна и многих других, Олегу Николаевичу Михайлову. Огонь поглотил и самого хозяина.

Буквально за пару месяцев до трагедии, будучи в Москве, писатель Виктор Лихоносов позвал меня навестить Олега Николаевича, такой визит надо было протоколировать на видео, но я был так ошарашен увиденным и услышанным, что даже фотоаппарат не открывал.

Собрание раритетных изданий, автографов, рукописи, подготовленные для архива РГБ, — дом-музей! Поражала энергия, эрудиция, памятьливость хозяина.

— И как же ты здесь в лесу на окраине один? Как бережёшься? — удивлялся Лихоносов.

— У меня есть чем отбиваться! Надоели ходки с предложениями уступить участок. Я-то доживу, а Переделкино в опасности. Наследники Айтматова не покидают дачу. По какому праву Поляков одним из первых оформил общественную собственность в частную? Евтушенко — тоже собственник!

И Олег Николаевич возлагал серьёзные надежды на новое руководство Литфонда и жарко призывал писателей не молчать.

Заканчивая заметки, приношу особое благодарение составителям за публикацию пьесы “Семейные праздники”, верю, что у пьесы будет долгая сценическая жизнь. Действие пьесы развёрнуто на фоне расстрела Белого дома в 1993 году. Впервые она опубликована в 1994 году в журнале “Москва” (№ 10). К 75-летию писателя в 2007 году, проходившему в Вологодском областном театре, артисты МХАТа имени Горького, возглавляемого Татьяной Дорониной, дали один спектакль по его пьесе на юбилейном вечере (главную роль прожил на сцене настоящий мастер Николай Пеньков). Зрители, затаив дыхание, следили за происходящим на сцене. В тишине, казалось, зал, как

единый организм, узнавал семейную и гражданскую участь юбиляра. Овация была нескончаема. Весь зал был на ногах, а когда из-за кулис на сцене появился Василий Иванович, стало тихо, никто не шевелился, и он произнёс: “Сегодня я почувствовал себя немножко драматургом”. Гром аплодисментов. И эту единственную постановку пьесы проигнорировало вологодское телевидение, не записав её многокамерной фиксацией. На наше обращение руководитель местного телевидения с кавказским акцентом отрезал: “Нэт плёнки”.

Не могу умолчать о завещании. Теленовости, сообщив о смерти писателя, попутно заявили, что согласно завещанию он будет похоронен на родине, а ведь письменного завещания Василий Иванович не оставил! В 1996 году Белов обустроивал могилу матери Анфисы Ивановны, Александр Саранцев и я помогли ему установить ограду, собранную из якорных цепей, тогда он только закончил восстановление храма, расположенного рядом с погостом.

В те дни Василий Иванович твёрдо настаивал, чтобы мы, живые, помогли ему лечь рядом с матерью. В 2004–2005 годах Василий Иванович приезжал в родной дом ещё без посторонней помощи, а в его деревне уже три зимы все дома были пусты. В одно из посещений сгорела его столетняя баня, и он, придя в Гридинскую, констатировал: “Ещё одно поколение сменится, и моя Тимониха исчезнет”. На предложение перенести прах матери в Прилуцкий монастырь он тогда ответил: “Попытка перенести Рубцова в Прилуки поссорила меня с властью светской и церковной. Будь как будет. Рядом с Батюшковым и меня не пустят”.

После этого разговора никогда и ни от кого я не слышал о завещании. Монашествующий художник, побывавший у него в последний год его земной жизни, рассказывал: “Прощаясь, я поднял руку к небу со словами: “Встретимся там!” – на что Василий Иванович, улыбнувшись, показал рукой в поле: “Я здесь хочу быть ещё долго”.

Домашние не говорили ему об ограблении храма городскими собирателями старины, а случилась смерть, и СМИ сообщили, что писателя угнетало известие о жителях, обворовавших его дом в Тимонихе и храм. К чему эта неправда?

Поздним вечером, после сообщения о смерти писателя, Тихон Сретенский, совершив литию, созвонился с Вологодским владыкой архимандритом Максимилианом и получил благословение на погребение писателя в Прилуцком монастыре; присутствовавшие на молебне писатели В. Н. Крупин и В. Г. Распутин по телефону сообщили об этом жене писателя Ольге Сергеевне и услышали из её уст твёрдое решение: хоронить на родине. Звонили и другие почитатели писателя, среди них был и Н. С. Михалков, однако силы протестующих и желающих поскорее его забыть, активно ссылавшихся на несуществующее завещание писателя, убедили семью построить “Ясную Поляну” в Тимонихе. Кто её посетит в двухстах километрах от Вологды на заросшем дурниной погосте?

Семитомник – вечный, настоящий памятник умершему в декабре 2012 года Василию Ивановичу Белову, похороненному на обезлюдившей родине, в Сохте, укрытой непроходимым снегом с волчьими следами по февральскому насту зимой и ноющим звуком мошки, комарья и оводов летом...

Василий Белов и его мать Анфиса Ивановна достойны быть похоронены в Вологде рядом с поэтом Батюшковым.

31 октября в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве открылся XVII Всемирный Русский Народный Собор “Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа”. В работе Собора приняли участие видные политики, писатели, иерархи Церкви. Церемонию открытия возглавил патриарх Кирилл. Среди массы интереснейших выступлений редакция журнала выбрала два — патриарха и председателя Конституционного суда В. Зорькина. Тексты выступлений взяты с сайта vrns.ru.

КИРИЛЛ

Святейший Патриарх Всея Руси

СЛОВО НА XVII ВСЕМИРНОМ РУССКОМ НАРОДНОМ СОБОРЕ

Сегодня мы вынесли на обсуждение очень глубокую и важную тему: “Россия — страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа”. Позвольте мне с самого начала сказать, что под Россией следует подразумевать культурное многонациональное образование в совершенно конкретных исторических и географических измерениях, которое связано с Древней Русью. В каком-то смысле Россия — это синоним Руси. Сегодня мы имеем иную геополитическую реальность, когда на просторах этой исторической России возникли самостоятельные государства, многие из которых также являются наследниками этой исторической Руси. Поэтому, когда я говорю о России, я всегда подразумеваю это великое цивилизационное пространство. Но поскольку сегодня в ходе Собора многие вопросы мы будем рассматривать применительно к Российской Федерации, то под Россией мы будем подразумевать, в первую очередь, Российскую Федерацию — с её проблемами, с её надеждами, с её взглядом на будущее.

По существу, самой формулировкой поставлены три тесно связанные друг с другом задачи. Первая: осмыслить место России в судьбе человечества. Вторая: предложить гармоничную форму общественного устройства. И третья: по возможности дать прогноз на завтра, заглянуть в будущее. Каждая из этих фундаментальных задач могла бы заслуживать отдельного обстоятельного разговора, но совершенно очевидно, что они не могут быть поставлены в отрыве одна от другой.

Размышляя над этими задачами, позволю себе обратиться к 20-летнему опыту размышлений, который мы накопили в рамках Всемирного Русского Народного Собора.

Каждый христианин в своей жизни задаётся или, по крайней мере, должен задаваться вопросом: “Что, Господи, Ты повелеваешь мне сделать в жизни? Каков замысел Твой обо мне и о моей жизни?” Но тот же вопрос можно

поставить и о человеческих сообществах: например, каков замысел Божий о России? Что Бог повелевает нам как наследникам, продолжателям Единой Святой Руси и традиций Русского мира совершить в то время, которое Он нам дал? Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? Двенадцать лет назад, в 2001 году, на VI Соборе, который имел тему “Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох”, мы уже обращались к этому вопросу. На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Едва ли у кого-то из людей, серьёзно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения.

Одно перечисление выдающихся имён русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди, такие как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии – яркого, самобытного направления в гуманитарной науке – не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку своё слово? Неслучайно, что и сегодняшние мыслители и политические деятели обращаются именно к мудрости тех, кто сформировал корпус этой замечательной религиозной философии конца XIX–XX века.

Безусловно, ещё более вескими аргументами, нежели философские работы и теоретические выкладки историков, являются реальные дела, то есть исторический опыт России, её выдающиеся достижения в культуре и технике, её способность давать неповторимый национальный ответ на вызовы времени, её уникальная роль в переломных моментах человеческой истории.

Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат.

Однако на VI Всемирном Русском Народном Соборе этот вопрос был поставлен мной по-иному: можем ли мы по-прежнему считаться великой цивилизацией, сохранили ли мы это право? Ведь наши финансовые ресурсы во много раз меньше финансовых ресурсов Запада, а демографический потенциал многократно уступает потенциалу Индии или Китая.

Этот вопрос остаётся актуальным и сегодня. Хотя за минувшие полтора десятилетия в России произошли позитивные сдвиги, в частности, в экономике и в демографии, но они ещё не вполне убедительны для тех наших соотечественников, которые утратили или утрачивают веру в творческие силы своей страны и своего народа. И здесь мы вступаем в смысловое пространство, где действуют совсем иные аргументы, нежели размеры накопленных материальных богатств и численность людских масс.

Ценность любой цивилизации – не в том, во сколько миллиардов долларов оценивается её совокупный продукт за истекший год, и не в том, сколько у неё приверженцев на сегодняшний день. Ценность любой цивилизации – в том, что она несёт человечеству. И перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствованиях, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?

России как стране-цивилизации есть что предложить миру. Это наш опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений. Не было на Руси народов-господ и народов-рабов. Россия никогда не была тюрьмой народов, здесь не было народов первого и второго сорта. Не в этом ли кроется глубинное народное противление фашизму, который предлагал совершенно иную концепцию межнациональных отношений? Но кроме того, мы как цивилизация имеем особый опыт многополярного и многоукладного бытия. Мы имеем традицию самоограничения, столь важную в обстановке надвигающегося дефицита ресурсов и острого экологического кризиса. Это концепция нравственных ценностей, не позволяющая девальвировать институт семьи и разрушить жизненные ориентиры личности, а также Богом определённые отношения между мужчинами и женщинами.

Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении многих веков, является идея человеческой солидарности. Со

времен Крещения Руси слова Спасителя о том, что “нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15:13), подобно камертону, настраивали мысли и чувства наших предков на служение евангельскому нравственному идеалу. Иван Александрович Ильин, представитель той самой философии, о которой я сказал выше, определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его “организованным единением духовно солидарных людей”. Эта модель человеческих отношений восходит к тому образу Церкви как тела, который мы находим в посланиях Святого Апостола Павла: “Членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не нужна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге” (1 Кор. 12:20-25). Слова Апостола открывают замысел Бога о человеке и любом человеческом объединении: мы все призваны к братскому сотрудничеству и к заботе друг о друге.

Однако в современном мире преобладает иная модель устройства общества – это модель конфликта. В его основу положена система перманентных противостояний, конкуренций и борьбы, якобы неизбежных и необходимых для прогресса. Нашим идеалом, напротив, является солидарное общество, общество социальной симфонии, где разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками. И конкуренция в таком солидарном обществе поощряется как соревновательность, но не как борьба за выживание. Святой Сергей Радонежский научает нас “воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего”. Основой для совместной жизни и совместных действий является фундамент общих, базовых ценностей, в том числе и тех, которые попытался сформулировать XV Всемирный Русский Народный Собор в 2011 году.

Стремление к солидарности определяет весь исторический путь России, связывая воедино разные эпохи. Солидарные ценности пронизывают все пространство отечественной культуры. Потому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта.

Когда мы говорим о России как об особой цивилизации, мы не просто констатируем факт, но сознаём своё историческое призвание, формулируем задание на будущее для себя и своих потомков. Уже упомянутый мной Николай Яковлевич Данилевский отмечал: для того чтобы “цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью”. Однако сегодня, в XXI веке, одного лишь политического суверенитета явно недостаточно для защиты цивилизационных рубежей и для достижения адекватной роли той или иной цивилизации в мире.

В итоговом документе XVI Всемирного Русского Народного Собора, имевшего тему “Рубежи истории – рубежи России”, отмечалось, что сегодня уместно говорить не только о суверенитете государственных границ, но и о суверенитете гуманитарного пространства – пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития. На этом фоне создание собственных инструментов познания – социологических, политологических, культурологических – становится задачей огромной важности. Вот почему Всемирный Русский Народный Собор может и должен стать интеллектуальным центром, собирающим вокруг себя людей, способных ставить и решать подобные задачи.

Ещё одной и, пожалуй, высшей ступенью утверждения суверенитета России как уникальной страны-цивилизации является суверенитет духовный. В его основе лежат ценности, разделяемые моральным большинством нашего общества. “Больше всего хранимого храни сердце твоё, потому что из него источники жизни” (Притч. 4:23), говорит Слово Божие, и это верно как в отношении отдельного человека, так и в отношении народа в целом. Не раз в истории России страна поднималась из руин благодаря тому, что люди сохраняли веру и сознание своего долга перед Богом, друг перед другом и перед потомками. Но ни экономика, ни наука, ни оборона, ни культура невозможны

там, где люди утратили мотивацию для служения друг другу, утратили сознание неоспоримых обязательств по отношению к обществу, в котором они живут. Такое общество, где люди теряют мотивацию к взаимодействию друг с другом, распадается на атомы, чему во многом способствует гипертрофированная идея индивидуализма, которая действительно является вызовом и антиподом идее солидарного общества. При этом солидарное общество никогда не должно подавлять индивидуальность, потому что оно сильно только взаимодействием свободных людей.

Безусловно, люди разных взглядов и убеждений не всегда понимают общественные ценности одинаково. Есть оттенки и нюансы, есть пространство для дискуссии, для диалога. Невозможен, однако, никакой диалог с теми, кто эти ценности грубо принижает, высмеивает, топчет, кто разрушает межнациональный и межрелигиозный мир.

Сегодня отрицание ценностей стало одним из самых опасных проявлений сил духовного разрушения. В этой ситуации защита ценностей — это защита нашего духовного суверенитета. Те, кто в своей одержимости гордыней и эгоизмом возносят себя над обществом, разрушая его ценности, должны получить очень ясный ответ, созвучный внутреннему голосу большинства нашего народа, — ответ интеллектуальный, волевой, духовный, деятельный.

Святитель Николай Сербский свидетельствует: «Если мы оглянемся на жизнь русского народа от святого князя Владимира до сегодняшнего дня, то увидим, что он шёл по пути, на который вывел его дух и пример его крестителя». Эти слова — не просто метафора. Общациональные базисные ценности, о которых, в частности, говорилось на XV Всемирном Русском Народном Соборе, глубоко укоренены в национальном характере русского народа. Формируясь на протяжении веков под влиянием православного христианства, они и поныне являются социально-психологической доминантой, залогом мира и согласия в нашем обществе.

Очень часто те, кто отрицает наши святыни и ценности, переносят свои чувства и на русский народ, являющийся главным творцом нашей цивилизации, носителем её идеалов. Эти силы словно пытаются поддержать всё, что может его ослабить, разделить, мировоззренчески и морально дезориентировать. Похоже, что эти круги больше всего на свете боятся настоящего возрождения русской цивилизации, возрождения на основе веры, соединённой с жизнью, с социально значимым действием.

Сейчас, на Всемирном Русском Народном Соборе, мы должны ясно и недвусмысленно сказать: симфония этносов, которая придаёт нашей цивилизации неповторимый облик, невозможна без участия в ней русских. Диалог народов, призванный внести гармонию в межнациональные отношения, не достигнет цели без присутствия в нём русских голосов, русского фактора. Полагаю, что Собор является достаточно зрелой и влиятельной организацией для того, чтобы представлять русский народ на площадках межнациональных дискуссий.

Миллионы русских людей, дорожащих своей идентичностью, должны почувствовать, что их чаяния получают живой отклик, в том числе на бытовом, повседневном уровне, в том числе на уровне диалога с властью, которая должна быть голосом народной души, исполнительницей её надежд, ожиданий, мировоззренческих предпочтений.

Давайте признаем очевидное: развитое самосознание и единство русского народа — это незыблемое основание целостности России и единства нашей полиэтничной цивилизации. В свою очередь, игнорирование интересов русских людей, вытеснение русского вопроса из публичной сферы ведёт к лавинообразному росту маргинальных и агрессивных проявлений.

Очень опасной может быть перспектива отчуждения русских и, прежде всего, русской молодёжи от государства, государственных структур, руководства бизнесом. В недалёком будущем это может стать крупнейшим фактором нестабильности, несущим угрозу фундаментальным основам нашей цивилизации. Столкновения, которые произошли недавно в московском микрорайоне Бирюлёво, показывают: глухота власть имущих к требованиям народа, нежелание искать совместные решения проблем чрезмерной миграции и связанного с ней криминала, а также подчас вызывающего поведения приезжих уже сейчас выводят ситуацию на грань критической черты. Если позиция русского большинства и дальше будет игнорироваться, в выигрыше останутся толь-

ко разрушители России, провокаторы с обеих сторон, не оставляющие попыток столкнуть лбами этносы и религии.

Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть её “Россией без русских”, лишённой национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира.

При этом хотел бы подчеркнуть, что ни один человек, принадлежащий к другому народу в России, не должен быть ограничен в своих правах, в своих возможностях. Одним из непеременимых условий межнационального согласия должно быть, во-первых, осуществление права народов нашей страны на этнокультурное развитие, при этом государствообразующий русский народ не может быть исключён из этого процесса. И во-вторых – формирование многонациональной гражданской и цивилизационной общности, осознание всеми людьми, принадлежащими к различным этносам и народам, своей сопричастности к единому обществу, к единой стране, чтобы каждый мог гордиться тем, что он является гражданином свободной России.

Мы знаем: духовные и ценностные ресурсы, которые вручены нашему народу, нашей стране и всей семье народов России, не раз определяли путь человечества на решающих исторических перекрёстках, в осевые моменты времени. Так было прежде, так должно быть и в будущем. Поэтому важнейшая задача Всемирного Русского Народного Собора, общая задача для всех нас, собравшихся здесь, – сохранить и приумножить цивилизационное наследие, которым мы сегодня обладаем, передав его идущим нам на смену поколениям. Благодарю за внимание.

ВАЛЕРИЙ ЗОРЬКИН

Председатель Конституционного суда РФ

НА ПРИНЦИПАХ ПРАВОСЛАВНОЙ СИМФОНИИ

Судьбу своей страны можно воспринимать по-разному. Можно сосредоточиться на внутренних процессах, настаивать на независимости этих процессов от всего, что происходит в мире. И зачастую для этого могут быть самые серьёзные основания. Но рано или поздно этот подход демонстрирует свою недостаточность. Значит, мы возвращаемся к тому, что называется глобальным контекстом. Глобализация – термин популистского плана – часто дополняется другим определением, которое предпочитают использовать только компетентные эксперты и представители так называемой глобальной элиты – “глокализация”, то есть соединение в происходящем глобального и локального измерения. Если глобальное измерение носит очевидный характер, то локальное приходится детально осмысливать. Например, сопрягая это измерение с заявлениями крупнейших международных интеллектуалов уровня Генри Киссинджера.

В действительности, что значат его слова о “крахе вестфальской системы”? Именно вестфальская система определила содержание понятия “национальное государство”, “национальный суверенитет” и т. п. Все те понятия, которые являются фундаментом современного права, и международного, и конституционного. Если вестфальская система действительно *приказала долго жить*, то правовой фундамент мира расползается. И что дальше?

Должны ли мы уходить в поиск иных принципов равновесия или жить в беспонятном мире? Все сегодняшние конституции являются производными от вестфальской системы и её основополагающих понятий. Создавая конституцию, наполняя её определённым содержанием, пытаюсь соотнести внутреннюю специфику страны с глобальным контекстом, мы всё время исходим из ключевого понятия “нация”. Недопустима даже мысль о демонтаже этого понятия. Главная международная структура, благодаря которой соблюдаются пусть и несовершенные, рыхлые, не безусловные, но жизненно важные для всех нормы международного права, называется Организация Объединённых Наций.

Мы с напряжением следим за судьбой Европы. Но о какой Европе идёт речь сегодня? Есть древний спор между Европой наций и Европой-территорией. Президент России с полной внятностью заявил, что суверенитет страны должен быть поставлен во главу угла, и все мы поддерживаем это важное замечание. Но суверенитет в его классическом понимании предполагает обяза-

тельное наличие нации и национального государства. В контексте же глокализации подразумевается превращение национального государства в конгломерат территорий, а нации – в союз племён и субэтносов.

В преамбуле нашей Конституции, 20-летие которой мы отмечаем в нынешнем году, говорится: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость её демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации”.

Как человек, стоявший у истоков конституционного строительства, могу ответственно заявить, что изначально в проекции этой преамбулы предполагалось сказать ещё и об исторической роли Православия в формировании российской культурной общности. Но эти слова были вычеркнуты, подобно тому как из документов, призванных построить объединённую Европу, исчезли первоначально содержавшиеся в них строки о христианских истоках европейской культуры. Подчёркиваю, что говорю здесь не о религиозной идентичности, а об идентичности культурной и, следовательно, распознаваемой в государственно-правовом контексте. Если у нас нет этой общей идентичности, то что есть?

Я никоим образом не призываю недооценивать иные религиозные идентичности, населяющие нашу страну. Для всех ясно то, что сформированный на нашей территории союз народов был построен на принципах православной симфонии. Такая система предполагает, что каждый религиозный голос бесконечно ценен для человечества и должен быть обозначен и услышан.

Позволю себе напомнить заочную полемику великого русского поэта Фёдора Тютчева с объединителем Германии, “железным канцлером” Отто фон Бисмарком. На знаменитое высказывание Бисмарка “Кровью и железом будет объединена Германия” Тютчев ответил следующими, не менее известными словами:

*Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью.
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней.*

Вопрос, что прочней, до сих пор остаётся открытым. В нашей очень непростой истории и железа, и крови хватало. Однако несомненно, что Россия – это одна из редчайших развитых стран мира, где культурное разнообразие народов сохранилось не в этнографическом варианте, а в своей исторической глубине и полноте. Причём и в имперское, и в советское время оно сохранялось под знаком православной симфонии. Огромная слабозаселённая страна удержаться только железом и кровью от распада просто не могла, её удерживало поле тяготения, создаваемое христианством, задаваемая русской культурой единая идентичность.

Триумф глобализации, который нам настойчиво внушали и о котором продолжают говорить до сих пор, не состоялся. Более того, исследователи мировых процессов отмечают, что циклические глобальные кризисы с каждым разом разворачивают человечество от глобализации к восстановлению национальной идентичности. Альтернативные модели будущего многополярного мира почти всегда рассматривались не как перспектива создания на планете многочисленных супергосударственных монстров, а именно как система союзов национальных суверенных государств.

Модель глокализации, которая доминирует при строительстве в формате Европа-регион, даёт явный сбой. Под давлением миграционных процессов региональные идентичности гаснут, но при этом возвращаются идентичности национальные. Причём всё чаще – в острых и грубых, ксенофобских и праворадикальных формах, взывающих к полноте национального суверенитета.

Оказывается, что для организации здоровой структуры глобального мира пока ничего лучшего не придумано, кроме национальной идентичности, построенной на классическом единстве культуры, истории и образа жизни. Как не придуманы и какие-либо иные правовые конструкции, кроме национальной конституции, способные обеспечить надёжное существование государства.

Убеждён, что построенную на вестфальских принципах мировую систему суверенных государств, объединённых в ООН, рано сдавать в архив.

Процесс распада СССР для России стал очень болезненным, поскольку новая страна, став правопреемницей прежней, настолько радикально изменила государственный, экономический и социальный строй, что не сумела в полной мере унаследовать и устойчиво воспроизвести прежнюю российскую симфоническую идентичность. Это обстоятельство создаёт очень много проблем и в сфере государственного управления, и в сфере правопорядка и защиты конституционных прав граждан.

Только на пути восстановления преемственной симфонии народов России находится решение большинства наших стратегических проблем. Однако о таком восстановлении нельзя просто грезить. Для него надо очень много, сосредоточенно и ответственно работать.

БАТЫРОВ Ким — технократ советской школы. Он прошёл большой путь от трассового инженера до первого заместителя генерального директора СЭВовского объединения “Интернефтегазстрой”. Строил магистральные газо- и нефтепроводы по всей стране — от Тюменского Севера до Карпатских гор, а также в Ираке и в Ливии... Эта статья — итог его долгих размышлений о первопричинах экономических бед России.

КИМ БАТЫРОВ

ГОСУДАРСТВО И МОНОПОЛИИ: КТО КОГО?

Неприметно, без привычных либеральных псалмопений миновала двадцатилетняя годовщина печально знаменитого указа президента Б. Ельцина “О свободе торговли”. А ведь именно с этого злополучного, спроворенного анархо-либералами “свободного рынка”, ни в одной развитой стране на самом деле не существующего, и накатило лихо, и стал развиваться нескончаемый свиток “институциональных” потрясений, разорений и дефолтов. Сумасбродный декрет о “свободе” торговли обернулся утратой целостности народного хозяйства, разрушением товарного и денежного обращения в стране.

“Волшебная рука” рынка по Адаму Смиту вместо обещанного “младореформаторами” равновесия спроса и предложения породила неудержимый рост оптовых и розничных цен. Спрос падал, заводы стояли, спекулянты жировали... Разразился неслыханный катастрофический спад развитой экономики в мирное время. Ничего подобного мир не видывал. Страна обнищала в одночасье. Однако головоотяпский с виду “прыжок в рынок” вполне предсказуемо обернулся сказочной поживой для вчерашних “теневиков”, проворных “новых русских”. Декрет о свободе торговли явился на поверку актом зачатия незаконнорожденных “саблезубых тигров” — российских ретро-монополий образца 2013 года.

Колупаевы и Разуваевы легки на помине?

Обособленный, узкий круг этих алчных монополий на наших глазах попросту пожирает производительные силы страны. В “лихие 90-е” “саблезубые тигры” покуда ещё были меньшинством. Им противостояли выходцы из советской технократии. Они распоряджались основными фондами промышленности и держали осаду “монетаристов”. Взбунтовавшийся Верховный Совет тоже встал поперёк незаконных ельцинских указов. Против авантюрного упразднения госрегулирования товарных и денежных потоков выступали и прагмати-

ки в самой власти. Возглавил их председатель Совета безопасности Скоков. Увы, плетью обуха не перешибёшь. “Рыночный экстремизм” возобладал. В воцарившемся хаосе сплошных неплатежей, бартерных обменов, тёмных сделок с лицензиями на экспорт сырья сколачивались состояния. Воскресшие из небытия щедринские Разуваевы и Колупаевы с откупной от Госимущества прибирали к рукам за сущие гроши доходные промыслы и оборонные заводы. Мелкая сошка тоже вкусила прелестей “монополюки” в своём околотке.

Избавившись одним махом от пут “директивного” распределения товаров, услуг и кредитов, никакого справедливого и равновесного рыночного порядка в экономике “реформаторы” не обрели. Как и предостерегали мы, прагматики, уже к порогу дефолта 1998 года и производители, и потребители оказались под железной пятой горстки народившихся сверхмонополий. Под сурдинку “дерегулирования” по лекалам МВФ. Олигархические монополии пережили встряску дефолта. Экспортеры нефти разом ещё и нажились на четырёхкратном падении курса рубля. В “нулевые” олигархические кланы завершили раздел рынков и творят теперь ценовой произвол. Монополисты обложили “яском” каждое предприятие реального сектора и все домохозяйства.

Запад, с самого начала благоволивший “младореформаторам”, навязавший монетарную идеологию “реформации”, с довольством поглядывал, будто бы со стороны, как анархо-либерализм последовательно разрушает экономику новой России. Но, глядишь, по мере того как российские сырьевые монополии набрали силёнок и завладели изрядной долей мирового рынка энергоносителей, стали, алюминия, полиметаллов, западный деловой мир и правительства всполошились. Дескать, не по чину берут скоробогачи из сырьевой периферии!

Говорят, на чужой каравай... Да не тут-то было! Пробил час, когда бенефициаров тёмных залоговых аукционов 90-х годов потеснили служивые, призванные на воеводство питерскими. И потихоньку “отжали” “рыжих” из числа тех, кто слишком нахально выбился в рокфеллеры и впал в кураж. Служивые учредили квазигосударственные корпорации в нефтянке, ВПК, авиа- и судостроении... Кто-то до сих пор тешит себя надеждой, что смена титулов собственников и есть национализация. На поверку закрытые и неподотчётные госкорпорации зиждутся на завете незабвенного Бориса Березовского: неважно, кто номинальный собственник “актива”. Вполне довольно держать в своих руках капитал, выручку, обороты, дивиденды, подряды и цены. И едва ли заправилы госкорпораций уступают “саблезубым тиграм” в стяжании барышей.

В вагончике на задворках Павелецкого вокзала...

Ныне, когда бездна между “дворцами и хижинами” разверзлась точь-в-точь как при последних Романовых, несправедливое “африканское” распределение национального дохода вызывает уже не сетования и ропот, а настоящую ярость.

Главный же, невосполнимый ущерб обществу от двадцати лет господства монополий – в крайнем упадке, вырождении и “опрощении” народного хозяйства. Угасание промышленности происходило на фоне невиданного нефтедолларового пиршества на потребительском рынке. Даже нижние слои ударились без оглядки в горячку жизни взаимы. Замирение общества, подобие классового мира продлилось все нулевые годы.

Если по радищевской традиции из гламурной, хмельной и праздной Белокаменной податься в прозябающие русские губернии? И там “алтын” богатеньких и нищая копейка неимущих в злом раздоре. И лишь “удельные княжества” “Газпрома”, “Лукойла”, “Русала” и прочих монопольных “герцогств” – редкие островки путинского “процветания” на нефтедолларовую манну небесную. Немногим нанятым счастливицам из местных живётся сытно – на зависть остальной “голытьбе”. Ещё одна межа, которая разделила даже близкую родню. Между тем опросы социологов показывают, что общество всё ещё склонно мириться за мелкие подачки – да не оскудеет рука дающего! – с ретивым праволиберальным “уклоном” власти. В этой юдоли многие пригреблись. Мнимая защита от “саблезубых тигров” со стороны президента Путина кажется им единственной порукой. Нет, чтобы постоять за себя самим! Ещё древнегреческий философ Горгий наставлял, что в мире политики бытует “логика обо-

льщения”. Людям хорошенько внушили, что сразу за порогом “Ашана” – только руку протяни, не плошай! – вожделенное “общество потребления”. Доверившись рыночной благодати, мы всем миром, дескать, избавились навсегда от постылой экономики дефицита. Потерпите, граждане, скоро и вам обломится хороший ломоть. Обыватель, перебивающийся на медные деньги, не перестал суеверно надеяться на чудеса рыночной конкуренции, “метафизическое” превосходство её над “директивным” распределением земных благ. Это и есть та самая “логика оболъщения”. Утрата чувства реальности в умах – прискорбная явь. Вот как долго нам аукается память о постылых табачных и мясных дефицитах 80-х годов.

Советская плановая система была оболгана, отдана яковлевским агитпропом на поругание. Старая площадь кому мостила дорожку? Будущим “саблезубым тиграм” – “кооператорам” и “теневикам”!

Глава будущей “семибанкирщины” тогда всё ещё скромно обретался в вагончике на задворках Павелецкого вокзала. Там располагался его офис, где автору этих строк, в бытность его первым заместителем гендиректора объединения “Интернефтегазстрой”, довелось вести с Ходорковским переговоры по поводу одной, как оказалось, сомнительной “негоции”. Прямо-таки по Чичикову, вкрадчивой. Дело касалось вложений финансовых ресурсов “Интернефтегазстроя”. Настойчивое “деловое” предложение нувориша о сделке я, поразмыслив, отклонил: ни за какие коврижки мне не по пути было с этой публикой.

“Картели, синдикаты, тресты”

Рык плотоядных “саблезубых тигров” стоит в ушах. А нас на разные лады уламывают не поминать олигархов лихом. Дескать, больём поросло времечко, когда, не обладая ни своим, ни заёмным капиталом, ловкачи выправили у Чубайса в Госкомимуществе купчие. Да, фальшивые, признают псалмопевцы либеральных реформ. Зато – нет худа без добра, сограждане! – “ничейные” якобы основные фонды обрели новых рачительных хозяев. А “грешок” кражи по сговору будто бы искуплен торжеством “эффективного собственника”.

Все эти аллилуйи “цивилизованному” менеджменту “саблезубых” на поверку – пустая похвальба. На мой взгляд, технократа советской школы, неспособность профанов и выжиг, как бы высоко их ни занесло, справляться с долговременными и масштабными инвестиционными проектами у них на роду написана. Вот пример. Крупное Бованенковское месторождение газа на Ямале разведано ещё в советское время, когда “Главтюменьгеологией” руководил легендарный Фарман Салманов. Бованенковское должно восполнить убывающую ресурсную базу страны. Денег у “Газпрома” – прорва. Как, впрочем, и долгов. И что же? Два десятилетия минуло, а Бованенковское месторождение так полна и не освоено. И никакая Счётная палата там не уследит за вакханалией затрат. “Рыночники” распоясались кто во что горазд. Так, строящаяся железнодорожная ветка на Бованенковское обошлась уже заказчику – “Газпрому” в астрономические 123 миллиарда рублей! Расследование обнаружило, что вместо железобетонных мостовых переходов на трассе, по проекту Ленгипротранса, “экономные” подрядчики применили стальные трубные конструкции. И это на вечной мерзлоте! Дело получило огласку в СМИ. “Случай” вполне рядовой. Обыкновенное торгашество и плутовство в многомиллиардном бизнесе. Свежо предание и про освоение высоких западных стандартов ведения бизнеса.

Зато уж “молчаливое большинство” сполна ощутило на своём семейном достатке руки загребущие отечественных монополистов: продавцов электричества, горючего, продовольствия, ипотек, коммунальных и транспортных услуг. Спираль дороговизны всё круче... Ни тебе обещанного изобилия отечественных товаров, ни животворной конкуренции, побивающей дороговизну. Ни доступа малого и среднего бизнеса на монопольные местные потребительские рынки. Зато и домохозяйства, перебивающиеся с хлеба на квас, и предприниматели средней руки на горьком опыте убедились, что воцарившиеся, куда ни кинь, *ретро-монополии* – враги свободной конкуренции.

Из коловращения предприимчивости, ловкачества и алчности с неизбежностью возникают *“картели, синдикаты, тресты и слившиеся с ними капиталы*

какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков”. Словно про нашу явь – не в бровь, а в глаз! – сказано! Нелицеприятное суждение принадлежит русскому экономисту Михаилу Аничкову – автору позабытого соотечественниками фундаментального труда “Война и труд” (1900). Инженер Аничков предостерегал, что стремительная монополизация экономики царской России, переживавшей на рубеже веков золотушный бум, неминуемо обернётся глубоким падением ВВП, банкротством тысяч предприятий, резким сжатием совокупного спроса. И как в воду глядел! На календаре осень 2013-го... На постигнет ли “саблезубых” злополучная судьба русского компрадорского капитализма накануне падения дома Романовых?

Убогая душа частного интереса

А был ли шанс у промышленников нашего поколения не отдать экономику в полон ватаге выжиг-монополистов, невесть откуда взявшихся? Да, полагаю, такой разворот событий не был заказан. Чтобы оценить первоначальный расклад сил в российском предпринимательстве, следует вернуться в середину 90-х. Тогда смычка окольных интересов желторотой высшей бюрократии и будущих олигархов ещё не достигла теперешней – не разлей вода! – слитности. На переломе времён новоявленные монополисты ещё не довели с той силищей, как нынешняя, к примеру, “Роснефть”. И всё-таки одним лишь рвением тогдашнего Антимонопольного комитета с произволом монополистов уже было не сладить. Требовались меры институционального, законодательного порядка: нужно было вывести антимонопольное ведомство из подчинения главы правительства, наделить его самостоятельными, неприкосновенными полномочиями. Другими словами, без оглядки, “согласований”, грозного окрика с самого “верха”... И строго по букве антимонопольного законодательства вести расследования, приглядывать за ценовой конъюнктурой на рынках, плутнями монополистов. Применять сполна кары и санкции по каждому случаю картельного сговора. И, тем самым, воспрепятствовать поползновениям к образованию олигополий. Все эти меры с 30-х годов прошлого века жёстко применяются в антимонопольной практике властей Соединенных Штатов.

В кругу наших промышленников прошла молва про некую Аналитическую записку Антимонопольного комитета Президенту России. Выдвигалась инициатива создания нового устава и предоставления полномочий антимонопольному ведомству по примеру сильного антитрестовского законодательства развитых стран.

И чем же увенчалась “проработка” челобитной в недрах Краснопресненской? Изгнанием с должности главы Антимонопольного комитета! Что – выиграло ретивое, круговая порука, иерархия бюрократии одержали верх? Похоже на то. Но в глубинной подоплёке развязки интриги таилось кое-что покрупнее обычной бюрократической косы, которая нашла на камень. Воистину, востала убогая душа частного интереса! О ней столь нелестно отзывался Карл Маркс! Так ведь, как на грех, во главе правительства восседал не управленец-государственник, а живое олицетворение пресловутого монополизма – бывший глава и покровитель “Газпрома”.

В золотые годы моей работы в нефтегазовом строительстве мне пришлось иметь дело со многими руководителями Министерства газовой промышленности СССР. Во времена министров Кортунова и Оруджева Мингаз находился на высоте. Хорошо отлаженной структурой отраслевое министерство вошло и во вторую половину 80-х... Но уже тогда кое-кто положил глаз на сокровища газовой монополии. А когда Ельцин с ватагой “младореформаторов” разогнали Совмин и Госплан СССР, карты и раскрылись. Правда, ещё когда во главе Совмина находился Николай Рыжков, Мингаз из госструктуры преобразовался в госконцерн на обособленном балансе. Перестроечная новация вызвала у меня смутное сомнение. Не увяз ли коготок? При необузданном, напролом прущем самоуправстве Ельцина “Газпром” в одночасье преобразовали в акционерное общество со смешанным капиталом. В какой-то момент у государства, когда хватились уже при Президенте Путине, не оказалось в собственности даже контрольного пакета акций крупнейшего монополиста!

Как бы то ни было, в бедственные для экономики 90-е годы “Газпром” удерживал целостность пошедшей вразнос экономики. Однако и тогда уже он управлялся как “рыночная”, закрытая монополия структура. Миллиардные обороты “Газпрома”, контракты, распределение прибыли, списание миллиардных “недоимок” Украины до сих пор покрыты тайной... А “ЮКОС”, “ЛУКОЙЛ”, “Норникель” и прочие монополисты-киты в то смутное время и вовсе превратились в заповедники крупного частного капитала. Ведущие акционеры, владыки новоявленных “феодов”, одни – на виду, другие – в тени, – отрезанный ломоть для бывшего владельца – государства.

Правительство, в котором в “лихие 90-е” сплошь заседали лоббисты монополистов-сырьевиков, получающих щедрую природную ренту, уж позаботилось, чтобы антимонопольное ведомство и впредь влачило пристяжной к колеснице власти.

К 2000 году всевластие монополий стало вопиющим. Век бы им, бенефициарам “первоначального ограбления”, жить – не тужить. Но вот незадача! После смены караула в Кремле, ухода на покой “всенародно избранного”, “либералы” и воротилы-сырьевики почували неладное. Затюканные государственники в госаппарате, напротив, обнадежились, что в Кремле наконец-то даст о себе знать твёрдая рука: Владимир Путин приструнит-де монополистов, вернёт государству первенство в экономике. И впрямь, старшина гильдии олигархов оказался под судом за налоговые прегрешения, а тучный монополист “ЮКОС” низвержен и “раскулачен”. Активы опального Ходорковского перешли под руку государства. На поверку оказалось, что олигархам лишь дали понять, кто в доме хозяин. Засилье и владычество в экономике страны узкого круга монополистов с годами нисколько не убавилось. Скорее, напротив. Соответственно, пошли в рост сверхприбыли. Ныне совокупный капитал “саблезубых тигров”, пожалуй, превышает казну государства.

Пока монополии жируют, скудная норма прибыли в обрабатывающих отраслях промышленности и аграрном секторе снижается по мере взвинчивания монопольных цен и тарифов. Зло – в самой *первородной* сущности монополизма. Но эта ключевая тема – запретная в дискурсе правящего истеблишмента и масс-медиа, вытянувшись в струнку перед своими владельцами-олигархами. Про эту тёмную подноготную речистые обличители путиномики высказываются лишь обиняками и звонкими лозунгами.

“Ветхозаветная” монополия воскресла!

“... Сверхталантливый мошенник может вызывать восхищение, но отнюдь не монополист”. Это пронизанное иронией суждение принадлежит американскому экономисту Джону Гэлбрейту. К слову сказать, в своей классической монографии “Экономические теории и цели общества” он поддразнивал рыночных фундаменталистов: “Приверженность Марксу продолжает оставаться признаком мужественного, раскрепощённого мышления”. Гэлбрейт – создатель теории “постиндустриального общества” глядит в корень: “Там, где имеется монополия, происходит эксплуатация общества в виде более низкого уровня производства, чем это возможно, но по более высоким ценам, чем это необходимо”.

Учёный исходил из реалистической посылки, что на Западе времена классических монополий остались в далёком прошлом. Рузвельтовские антитрестовские законы подорвали и ограничили их самовластье. Президент Франклин Рузвельт, спасая капитализм от капиталистов, ввёл жёсткое государственное регулирование в американской экономике. Времена “баронов-разбойников” вроде Пирпойнта Моргана – область преданий. Послевоенная кейнсианская революция перевоплотила капитализм. Общественное богатство от владельцев наследственных состояний перераспределилось к выгоде нового среднего класса.

... Кто бы мог помыслить, что воскрешение “ветхозаветной”, вот именно “хищнической и гнивающей” монополии произойдёт не где-нибудь, а в бывшем СССР! Этот разворот вспять колеса Истории, обороты которого накручивают наши монополисты-барышники, продавцы нефти, газа, никеля, алюминия и проч., грозит стране катастрофой хозяйства и социума. Россий-

ское общество намеренно держат в неведении, что за монополии у нас столь скоропалительно народились?

Горстка монополистов прибрала к рукам сырьевые отрасли, сверхдоходный экспорт энергоносителей, внутренние цены, движение капитала в экономике. И даже – неявно – размер вывозных пошлин на сырьё и ставки подоходного налога. Это не преувеличение, но основа основ так называемой “энергетической империи”. Наглядный и вопиющий пример: метаморфоза Министерства путей сообщения. Как только государственное МПС, с полутора-равековой традицией, преобразовали в акционерное общество, начался взрывной рост тарифов на грузовые и пассажирские перевозки. Себестоимость и состав издержек РАО “РЖД” покрыты мраком. Даже нарицательная, в пересчёте на твёрдую валюту цена билетов в купейном вагоне у нас теперь вполтину, а то и вдвое выше, чем в Германии и Италии. Монополисты срезают подмётки и друг дружке. РЖД заламывает высокие тарифы за перевозку грузов, а крупные клиенты – металлурги, словно в отместку, обзавелись даже собственным подвижным составом.

Избавиться от тарифного произвола “саблезубых тигров” – напрасная погуга. Они монополисты на всех переделах, от руды до металла, энергоносителей, электроэнергетики, грузовых перевозок явочным порядком предъявляют друг другу завышенные, произвольные оптовые цены и тарифы. А в концовке этого состязания в дороговизне – бесправный потребитель с тощим кошельком.

Алчность становится добродетелью, когда служит другим

Речистые менторы подменного либерализма с Мясницкой в один голос готовы поручиться, что бизнесы “Еххон” и “ЛУКОЙЛа” типологически одинаковы. Свежо предание! У “продвинутого” Романа Аркадьевича, распоряжающегося нажитым капиталом как вздумается, повадки в бизнесе отнюдь не Билла Гейтса, а щедринского Разуваева: “Захочу – с кашей съем!” И никто хозяйчику не указ. В громадной “Сибнефти” лондонский сиделец был и владелец, и всемо голова. Неспроста, на потеху всему Сити, в Высоком суде Лондона, где рассматривалась “ябеда” Березовского на бывшего подельника по бизнесу Абрамовича, возникли непреодолимые “лингвистические” трудности. Никак не давался перевод с новорусского на деловой английский. Прения сторон из-за этой закавыки обернулись морокой и конфузом. Оказалось, в Британии в обиходе деловых людей и стряпчих нету таких словечек, как “плата за крышу”, “доля”, дележка наживы “по понятиям”...

И дело вовсе не в показной добродетели и щепетильности джентльменов. Тут еще бабушка надвое сказала... Загвоздка – в сущностном. На Западе на рубеже 70-х годов прошлого века свершилась “революция управляющих”. Владение и управление крупными миллиардными корпоративными активами разделились. Крупнейшими корпорациями давно уже управляют не акционеры, а технократы – иерархия наёмных менеджеров. Инвестиции, накопления, стратегия, дивиденды, ставки на фондовом рынке – всё это в ведении не титульных собственников и акционеров, а высшего эшелона менеджеров. Корысть, жадность, даже скопидомство в нравах и повадках дельцов большого бизнеса никуда не подевались. Но, по Гэлбрейту, путеводной звездой современной крупной корпорации является уже не *барыш*, а стабильность и рост. Соотношение ценностей бизнеса “старых денег” сместилось. Узкий круг технократов во главе транснациональных корпораций (ТНК) лишь условно представляет волю акционеров. В наше время держателей акций – многие миллионы душ. Крупнейшие игроки фондовых рынков – пенсионные фонды. У них в трастовом ведении находятся сбережения десятков миллионов домохозяйств. А в руках технократии в правлениях крупнейших транснациональных корпораций – распоряжение капиталом и стратегия на десятилетия. Вот и Гэлбрейт подмечает с бесподобной иронией: “Алчность становится добродетелью, когда служит другим”.

Стало быть, возвращаясь мыслью в царство “саблезубых тигров”, единовременное владение и самовластное управление крупной монополией горсткой физических лиц – чисто российский печальный анахронизм. Наши олигархи, в одиночку или тесным кружком, вольны взашей прогнать с годового собрания взбунтовавшихся, до нитки обобранных акционеров.

Разъяренная нищета и несправедливое богатство

Дворянин и либерал иной складки — не чета теперешним! — Михаил Аничков предостерегал российских капиталистов, что *“разъяренная нищета непременно обрушится на несправедливое богатство”*. И вот как ещё он их увещевал: *“... Творец “Фауста” показал, что никакие утехи эгоизма не могут дать тех наслаждений, которые дарует созерцание плодов труда, беззаветно потраченного на благо ближних”*. Нравственный порыв действительно не чужд духу здорового производительного предпринимательства. В кругу же наших забывших монополистов столь тонкие “гётевские” материи — “не формат”.

Не только нравственная, но и интеллектуальная глухота, окаянство “саблезубых” и их обслуги с Краснопресненской и Охотного ряда делают всех нас, общество, их заложниками. Кризис накатывает, экономика чахнет, казначеи скребут по сусекам... Однако либеральный “трендец” власти непоколебим. Если не считать малых потачек “этатизму”, то бишь госрегулированию, и вздыханий по поводу гипотетического, на вершок, отступления от одиозной плоской шкалы подоходного налога. Противящееся гнёту “саблезубых” большинство отечественных предпринимателей, занятых в реальном секторе экономики и на сельской ниве, видят единственное спасение в решительном развороте от бесперспективной рентной модели экономики, прикованной к “бочке” — баррелю нефти, — к товарной, производящей. Когда доля добавленной стоимости в ВВП преобладает, общественное мнение на стороне промышленников.

Однако начётчики от либерализма в правительстве и стоящие за их спинами олигархи сомкнули ряды. Некейнсианскую альтернативу отвергают с порога. Тащат “телегу” по колдобинам старой колеи. Долго же они пребывали в предвкушении жареного петуха! И лишь нынешней осенью, похоже, в Кремле спохватились и заметались. И было из-за чего: нулевой рост ВВП, рецессия перевалила через порог.

Собака на сене — обличье монополиста. Загвоздка в том, что для этой породы дельцов и прислуживающих им “слуг двух господ” вроде Медведева, Кудрина и Дворковича, промышленная политика — проклятое, чуждое понятие. Производительные силы России для этих субъектов существуют лишь в биржевом, монетарном, отвлечённом смысле. Считаю, экономика в её целостности как организм и объект управления для них — неведомая земля. Когда экономика падает, вельможный бухгалтер-“монетарист” — анекдотичный “лучший в мире министр финансов” — и его “воспитанник” Силуанов никакой иной панацеи не изобретут, кроме дальнейшего “дерегулирования”, распродаж и урезаний государственных трат, щедрых подношений и поблажек олигархам.

Монополист тоже не лыком шит, рыскает... Когда планка барыша понижается, места себе не находит. А цены на алюминий и чёрные металлы падают: “РУСАЛ” недосчитался барышей, Дерипаска грозит закрыть “убыточные” заводы, добиваясь от правительства поблажек... Бароны нефтянки в “шоколаде”, цены высоки, но где, в каких заморских офшорах оседает выручка от экспорта — тайна за семью печатями. Между тем технологии нефтепереработки у наших нефтяных монополий до последнего времени оставались дотопными. Выработка нефтепродуктов на НПЗ, как считают некоторые эксперты, имеет отрицательную рентабельность. В сравнении, конечно, с экспортом сырой нефти и мазута. Всякий имеющий хозяйственную сметку сообразит, что основной капитал проедается, а барыш сиюминутный — неодолимый искус монопольных владельцев “нефтянки”.

“Исполнительный комитет буржуазии” или междусобойчик “сырьевиков”?

...Авиабилет Москва-Сочи в советском “Аэрофлоте” стоил 28 рублей. И 300 долларов эконом-классом у частных авиакомпаний ныне. Дерут с пассажиров втридорога и... разоряются. Владельцы заштатных авиакомпаний сетуют, что монопольные поставщики авиакеросина по миру их пустили, задрав цены до поднебесья. А почему, к слову, горячее на бензоколонке в Нью-Йорке дешевле, чем в Москве? Отчего в урожайный год наши аграрии продают перекупщикам пшеницу за бесценок, а прибравшие к рукам экспорт

зернотрейдеры, которые не пашут, не сеют, не жнут, – жируют? Почему картошка в Москве в засушливый год – по 50 целковых, а рядом, в Калуге, – 25 за кило? Не в том ли завышка, что палата рыночных мер и весов в нашей монополевой насквозь экономике разладилась вконец?

Западные монополии, даже такие могущественные, как “Siemens” и “Boeing”, как огня, боятся санкций антимонопольного законодательства. А оно воистину драконовское – и в США, и в ЕС. И если парочка корпораций, тем более явная олигополия, уличены в ценовом сговоре, делёжке рынка, плутнях с курсом собственных акций на бирже – пиши пропало! Тень на репутацию, миллиардные штрафы, грань разорения... В нашем Гуляй-Поле куда более тяжкие прегрешения монополистов сходят им с рук. Государство лишь пожурит и ... прощает.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) – робкая сирота во властной иерархии. Монополисты творят ценовой разбой средь бела дня, а ФАС знай себе “расследует”. Когда случаются поглощения, слияния компаний и возникает у всех на виду сверхмонополия, как, например, “Роснефть”, напроць подминающая рынок, благословение – с самого верха. А ФАС – что та болонка, которая иной раз и погонится за слонком... Штрафы не слишком обременительны для тугой мошны монополистов.

Что слишком уж пенять донкихотам из ФАС! Дюжина крупнейших монополий и есть теневая власть в сегодняшней России.

Вторая волна мирового финансового кризиса неминуемо захлестнёт и наш утлый *petro-state*. Вместе с тем, кроме сумятицы на глобальных рынках, есть и иная, укоренённая первопричина уязвимости, шаткости экономического порядка в России. Порок его в том, что у нас за двадцать годков псевдолиберальных “реформ” так и не народился даже какой-никакой, пусть плохонький государственно-монополистический капитализм – по Ленину. Силком и обманом нам навязали кое-что похуже и никчёмней. Государственная власть в сегодняшней России никакой не “исполнительный комитет буржуазии”, а междусобойчик “сырьевиков”. Потому-то большая часть предприятий обрабатывающей промышленности, среднего и малого бизнеса стонут под непосильным гнётком всего дюжины сверхмонополий. Управы на “саблезубых” – никакой!

Уверен, глиняную запруду “путиномики” на пути девятого вала мирового экономического кризиса рано или поздно прорвёт. И тогда – прощай “нулевые”! А власть латает Тришкин кафтан федерального бюджета, чередуя всё новые поборы с пособиями “на бедность”.

Чтобы и волки были сыты, и овцы стрижены.

Кислая мина бомонда

... Всякий раз в начале года правительство, как по маслу, давало добро на очередной рост тарифов на газ, электроэнергию, горючее, транспортные услуги... В среднем на 15–20%. Не замораживные, как это повелевает в кризисную годину хозяйственный и рыночный интерес, а очертя голову – гонка! Ценовой диктат сверхмонополий и есть умалчиваемая, но коренная причина безудержной инфляции, падения ёмкости рынков, мёртвой зыби в реальном секторе экономики. И непосильной дороговизны всего и вся для бедолаги – конечного потребителя.

Инфляция в наших пенатах имеет *немонетарную* природу. Это доказательное утверждение экономиста Сергея Глазьева никто из записных “монетаристов” не опроверг. Всё равно, либеральное крыло правительства Дмитрия Медведева одержимо гнёт прежнюю линию. А Центробанк тщется налегает на “монетаристское” дышло – сжатие денежной массы.

Другой “конёк” – тотальная приватизация доходных активов. Лакомое занятие! Наивно полагать, что теми, кто верховодит на Краснопресненской, движет лишь одержимость очумевших от “либерализма”. Подоплёка куда более прозаическая. За ней скрывается корысть узкого круга “сырьевиков” и близкой чиновной obsługi. Власть в лице бюрократии, похоже, не столько повязана с заправилами монополий, сколь помыкаема ими. Краснопресненская и Охотный ряд превратились в присутственные места, где сырьевики обделывают свои делишки. Сановники – доверенные лица и приказчики монополистической узурпации власти, – действуя рука об руку с “саблезубыми”, по накатанному пути подвели экономику к нулевому росту ВВП.

Воистину, те, кто перераспределяет национальный доход прямоком в мощну “верхних 10 тысяч”, живут словно в зачарованном царстве. Где-то между Барвихой и поместьями в округе Лондона – втором, не чета Питеру, стольном граде “новых русских”. Неудивительно, что на последнем Петербургском экономическом форуме либеральный бомонд с кислой миной воспринял резкие, хотя и вполне риторические, но поперёк “либеральным” святам высказывания президента Путина. Президент недвусмысленно высказался за государственное регулирование как последнее средство остановить падение ВВП. Зримая перспектива рецессии, оскудения казны, урезания социальных выплат вызвала острую озабоченность президента и прагматиков в правительстве.

“У России осталось всего пять лет на структурные реформы”, – таков был жёсткий посыл экономической концепции Сергея Белоусова в бытность его главой Минэкономразвития. Затраты на структурный маневр он оценивает в 7,5% ВВП ежегодно. При нынешних 3% от щедрот “сырьевой модели”. Красноречивый факт: сбережения населения составляют 30% ВВП, а инвестиции – лишь 20%. Барыши сырьевиков утекают в офшоры и расточаются на паразитическое потребление. “Саблезубые тигры” с 90-х годов успели вывезти за бугор почти триллион долларов барыша! Облава на заначки чиновников и дельцов, имеющих тайные счета в офшорах, в сравнении с жёсткими финансовыми карами президента Обамы против неплательщиков налогов – янки выглядит лишь притворной PR-акцией.

Грезят по Морозовской стачке?

Итак, отечественная экономика захвачена и подмята узурпаторами-монополистами. Чего же тогда удивляться, что у нас нет ни нормы прибыли, ни межотраслевого перетока капитала, ни обоснованного ссудного процента. Ничего из арсенала заправкой рыночной экономики у нас так и не проросло, не прижилось. Кроме купли-перепродажи, спекуляции акциями, фантастических сочинских смет и наглой инсайдерской “ренты”... Да ещё – публично восхваления алчности как добродетели.

Поскольку в новой России равенство участников рынка товаров и услуг подменено вотчиной, а конкуренция – диктатом “саблезубых тигров” – хозяев *ретро-монополий*, весь остальной бизнес выживает лишь Божьей милостью. Хлопотно до крайности производить с прибылью товары с высокой добавленной стоимостью. Наша экономика ни дать, ни взять – феодальная. “Сеньоры”, “офшорная аристократия” по Суркову, цепко держат доходный сырьевой экспорт. Монополисты второго, третьего разряда – губернские и уездные рынки. Мазурики из остепенившихся бывших “братков”, подрядившиеся поставлять коммунальные услуги, обложили нестерпимыми поборами домохозяйства. Вотчина на вотчине сидит и вотчиной погоняет! И всем кублом монополисты заедают жизнь стране.

Самый дешёвый из ресурсов у нас – людской труд. Дешевизна рабочей силы покрывает неэффективный и вороватый менеджмент частных корпораций. Почему главный “пономарь” РСПП – профсоюза олигархов” – Юргенс настырно выступает против введения, вместо жалкого и смехотворного теперешнего, цивилизованного минимума почасовой оплаты наёмного труда? Потому что это прямое посягательство на сверхприбыли! А настырные поборники “вольного” найма рабсилы уже в открытую помогают введению 60-часовой рабочей недели. Грезят, что ли, по Морозовской стачке при царе-батюшке? Алчность олигархов поддаёт жару в социальную напряжённость, и без того достаточно накалённую.

“Игра в бирюльки” и “конвульсии богатства”

Дж. Гэлбрейт презрительно называл экзерсисы неолиберальных ортодоксов-теоретиков в духе Хайека “игрой в бирюльки”. “Утопический либерализм стремится завершить историю”, – подметил и известный французский экономист П. Розанваллон. По поводу недолгого торжества “тэтчеризма” на Западе он предсказал, что дело непременно обернётся не “триумфом, а конвульсией богатства” – сокрушительным крахом “казино-капитализма”.

Плохи дела, и менялы из Федерального резерва без усталости надувают вялую американскую экономику, как цыган клячу: печатают без счёта доллары. Ни дать, ни взять, подобную *“монету-воровку”*, по едкому замечанию Джона-тана Свифта, чеканили и наводнили ею подневольную Ирландию бессовестные откупщики при английском дворе.

Америка балансирует на краю новой Великой депрессии. Практичные янки того и гляди забросят старые рейгановские святцы за мельницу. Всё заметнее в западном истеблишменте голос неангажированных мировыми менялами экономистов, таких как нобелевский лауреат Пол Кругман. Его резкая статья в *The New York Times* красноречиво озаглавлена *“Паника плутократов”*.

Экономисты, примыкающие к неокейнсианскому направлению, ныне числятся и в советниках Белого дома, уравнивая долгое засилье гильдии мега-спекулянтов с *Wall Street*. Запад по ходу затяжного кризиса финансовых институтов волей-неволей вырабатывает новую экономическую и политическую модель. В ней роль государства возрастает, а владычество *“мировых денег”* во главе с ФРС – лишь представить такое – дух захватывает! – ограничат законодательно. Неокейнсианский тренд оспаривает либеральный, хоть мировые менялы всё ещё держат *“вожжи вкруть”*. Политические лидеры даже правого политического фланга порой вещают такое, что хоть святых выноси. Президент Саркози недвусмысленно потребовал в самый разгар кризиса 2008 года установить контроль над базовыми ценами на сырьё в мировом хозяйстве. У наших *“сырьевиков”* тотчас ушки на макушке!

Зато в последнем во всём белом свете оплоте подменного *“монетаризма”* – в Белокаменной, – как ни в чём не бывало, власти пособляют *“саблезубым тиграм”* – монополистам присваивать львиную долю прибавочной стоимости в экономике и изрядную – нефтяной ренты. *“Монетаристы”* и их *“саблезубые”* покровители храбро мчат на всех воронных к экономическому коллапсу.

...Что грядёт? Есть предчувствие, что в России производительное предпринимательство и *“саблезубые тигры”* непременно сойдутся стенка на стенку. Всё, что есть ещё здорового и ответственного в российском бизнесе и политике, имеет общий интерес сплотиться, чтобы перехватить политическое главенство *“сырьевиков”*. И в качестве первой меры смены курса вынудить власть на введение действенного, без поблажек и поддавок олигархам, антимонопольного законодательства. Под стать тому, что применяется в Европейском Союзе.

Таможенный союз *“сырьевикам”* не ко двору...

Таможенный союз учреждён и действует! Ещё не так давно об этом и помыслить было нельзя. За соглашением о Едином экономическом пространстве (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана проглядывает совершенно новый контекст построения рынков и конкуренции производителей. Участниками ТС провозглашено, что вектор и цель интеграции – Евразийский Союз, созданный по образцу Европейского. Что ни говори, это праздник на нашей улице – поборников развития реального сектора экономики. И – совсем плохое предзнаменование для *“саблезубых тигров”*. Статус-кво *“сырьевой периферии”* мирового хозяйства – самое выгодное для них дело.

Таможенный союз создаёт новую реальность: свободное движение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. И – неслыханное дело! – постепенную передачу суверенных полномочий участников общего рынка *наднациональным* органам. Нашим олигархам-сырьевикам, завязанным на внешние рынки, перспектива Евразийского Союза не ко двору. *“Сырьевики”* накопили большие капиталы, рвут построения из Отечества прочь. Их заветная думка – сделать свой бизнес транснациональным. Душа в душу с *“саблезубыми тиграми”* и туземные *“монетаристы”* в верхах – подручные Фининтерна. Обе стороны, по умолчанию, политические ненавистники Евразийского Союза.

Гротескное и непровержимое подтверждение тому – громкая политическая интрига вокруг каверзной попытки олигарха Сулеймана Керимова уловками с рыночными ценами разорить партнёра – *“Беларуськалий”* – и прибрать к рукам его активы. Недружественное поглощение партнёра по бизнесу – вполне в духе монополиста с тугой мощной.

Притча про Свинью и Жёлуди...

Олигархам призрак СССР так и мерещится. Великодержавие для “офшорных” денежных мешков — блажь и растрата. Им подавай “дешёвое” государство.

Заглядывая вперёд, спросим: если в зрелом Евразийском Союзе антимонопольное законодательство станет сильным и действенным, не покажется ли “саблезубым тиграм” небо с овчинку? Сегодня трудно и вообразить, чтобы раследования картельных сговоров наших нефтяных магнатов вёл не кроткий ФАС, а наднациональная комиссия... Если слепая корысть сырьевых монополистов перестанет довлеть над российской политикой, не окажемся ли мы в иной реальности?

...На Петербургском экономическом форуме Президент Путин нежданно-негаданно огласил худую весть для наших монополистов — баловней власти: с 2015 года рост тарифов инфраструктурных монополий правительство решилось ограничить. “Саблезубым тиграм” придётся умерить свою прожорливость.

Отсрочка до 2015 года — поблажка со смыслом. Президент будто остерегается дразнить быков. Зато уж кудринскую вотчину, Минфин, Путин вверх в лёгкую оторопь, заявив о волевом решении потратить на инфраструктурные проекты половину неприкосновенного “Кощева клад” записных “монетаристов” — Фонда национального благосостояния. Политический маятник дрогнул и пришёл в движение.

...В заголовке моих заметок дилемма: “Государство и монополии — кто кого?” Не слишком ли круто? Ведь “бенефициарам” уже сложившегося олигархического строя — нефтяным, алюминиевым, никелевым и прочим — нет никакой корысти покушаться на его основы. Им бы его только лелеять и холить. Ретро-монополии и бюрократия нефтегосударства дружно жируют на природной ренте, похищенной у общества. Корпоративный бизнес “сырьевиков” и коррумпированную бюрократию водой не разлить. Им ли судьба столкнуться на узкой дорожке? Как тут не вспомнить притчу про Свинью и Жёлуди...

На Дерипасковской банкет продолжится?..

Есть прямые улики несовпадения и подспудной вражды монополий и “властной вертикали”. Как только — гром среди ясного неба! — правительство решилось на неслыханную дерзость — замораживание тарифов естественных монополий, последовал ответ — публичный, скорый и “брутальный”. Монополисты словно нож приставили к горлу посягнувших на их сверхприбыли: посулили неминуемые беды и кары всем участникам рынка и хранителям казны. Руководство “РЖД”, словно в отместку, вознамерилось вчетверо урезать инвестпрограмму 2014 года. И заодно избавиться от “убыточных” пригородных перевозок. Газпром пригрозил увольнением 300 тысяч (!) человек, занятых в производстве, и прочими драконовскими мерами “оптимизации” издержек. Между тем, рентабельность внутренних продаж “Газпрома” высока — 26%. Про какие такие “убытки” речь? Монополии впервые выдали свое потаённое безразличие к интересам общества, экономической стабильности, судьбам миллионов, на которых падут тяготы кризиса. Они, глядите-ка, не рядятся с правительством, а попросту его шантажируют! Выходит, и Президент, без воли которого замораживание тарифов не стало бы в повестку дня Краснопресненской, им тоже не указ?

Ретро-монополии — теневая власть. Сколько власти — столько и ответственности? Ничуть не бывало! Неспроста я выше уже обмолвился про “исполнительный комитет буржуазии”. Увы, нету, шаром покати, такого властного субъекта в путинском нефтегосударстве. А есть лишь узкое сообщество, по самоназванию — “офшорная аристократия”. Для нее, безродной, российское общество, государство, соотечественники — седьмая вода на киселе.

Между тем экономический и социальный кризис сплетаются в тугой узел. Промышленное производство свёртывается, бюджеты трещат по швам, свирепствует дороговизна... Но ретро-монополии ни в какую не хотят поступиться сверхприбылью, даже если источники её на внешних рынках пересыхают. Увы, “наверху” нет властной десницы, которая могла бы образумить, унять алчность “саблезубых тигров”. Все три ветви власти выказывают робость, оглядку и безрукость. А то и нарочно заводят караса за камень, потому что в этом пиршестве их тоже не обнесли.

Президент, похоже, отчаялся остановить скатывание экономики в долгую рецессию “монетарными” припарками. И решился-таки на “реверс” нескончаемой все прежние годы гонки тарифов и цен так называемых естественных монополий. Тяжкое их иго на глазах гасит последние очаги роста в промышленности, разоряет, сгоняет с рынка средний и малый бизнес, обирает до нитки домохозяйства. И нет другого средства ослабить мёртвую хватку кризиса, как дать окорот алчности монопольных “феодов”. И вот первый, сколько помним, вызов ретро-монополиям негаданно случился.

Когда Президент велел ограничить рост их тарифов величиной годовой инфляции в экономике, многие ушам своим не поверили. Пока суд да дело, “храбрый портняжка” из Минэкономразвития, даром что из “монетаристов” первого призыва, выступил с инициативой и вовсе “заморозить” тарифы монополий сроком на год! Неужто? Ударили по мошне “саблезубых”? Да не тут-то было... Маневр с “замораживанием” оказался с подвохом. Это хорошо проглядывает на примере регулирования тарифов в электроэнергетике. В её акционерном капитале велика доля олигархов. “Замораживание” стоимости электрической энергии – фактически удешевление для промышленных потребителей – “дуплетом” сопровождали другой коварной новацией. На Краснопресненской придумали и проталкивают законопроект о введении “социальной нормы” потребления электричества миллионами домохозяйств. Говорят обиняками о скопидомской норме в 50 киловатт, а всё, что сверху, – по двойному тарифу. Выходит, издержавшегося оптового покупателя миллиардера Дерипаску, алюминиевые заводы которого жгут прорву электроэнергии, заморозка тарифа озолотит, а домохозяйка Марья Ивановна – раскошеливайся?

По одной этой проделке “государственных семинаристов” ясно как белый день, за кем в сегодняшней России сила и господство, именно политическое, а не безличная “власть денег”.

Сдаётся мне, что ретро-монополии прямиком влекут нас к новому 29-му году, но уже в родных пенатах. В тот роковой год прошлого века капитализм старой формации провалился в тартарары, воротилы-монополисты и банкиры с *Wall Street* свергли Америку в Великую депрессию. Американский истеблишмент раскололся. Ненавистники Нового курса лишь спустя более полувека поквитались с обидчиком – президентом Рузвельтом. Однако антитрестовские законы последнего всё-таки надолго облачили монополистов-лиходеев в смирительную рубашку.

Вопрос на засыпку: наши власть имущие, когда наступит Судный день, на что-то подобное сподобятся? Если тяготы кризиса экономики – безработица, падение покупательной способности и спроса на рынке, сиротские пособия неимущим, померкнувший призрачный свет в окошке – станут совсем нестерпимыми и гроздыя гнева нальются... На чью сторону они, власть имущие, встанут? Вопрос вполне риторический.

На мой взгляд, только национализация базовых отраслей и природной ренты способна покончить с гнётом над обществом расцветшего пышным цветом цивилизационного казуса – воскресшей после катастрофы СССР ретро-монополии – хищнической, незадавшейся и узколобой.

Из всех наших политических партий только КПРФ выдвигает программное требование национализации. Сказать по правде, при сегодняшнем раскладе настроений в нашем расколотом, неприкаянном обществе национализация – угроза для “саблезубых” скорее умозрительная. Но стоит ли зарекаться? А скажите-ка, какой провидец мог в угарном 1991 году, когда возбуждённые толпы простаков вдруг усомнились в ценности и даже реальности общенародной собственности на средства производства, и в дурном сне мог бы узреть физиономию скоробогачей из российского “списка Форбса”?

Национализация – не социализм, а только социализация основных фондов экономики в рамках капиталистического порядка. Будем стоять на почве реальности. Национализация куда не является горячим чаением общества. Но, как говорится, ещё не вечер.

... У американского писателя О’Генри есть рассказ-аллегория – “Трест, который лопнул”. Сюжет про то, как в захолустном городишке, отрезанном от внешнего мира бурным наводнением, двое пришлых жадных проходимцев сообразили скупить питейные заведения. И возникла маленькая “монополька”. Дельцы обчистили карманы страждущих, взвинтив многократно цену порции виски в своих заведениях. Мораль рассказа О. Генри имеет самое что ни на есть непосредственное отношение к самоедской натуре монополизма наших “китов”: “Всякий трест несёт в своём сердце семена своей гибели”.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Расслоение общества

Социальная справедливость является вечной ценностью. Она, как и неравенство между людьми и группами людей, существовала всегда, во всех обществах. Вопрос, который уже многие столетия будоражит общественную мысль, состоит не в том, может ли человечество полностью освободиться от неравенства, а в том, насколько социально приемлемы и допустимы его конкретные формы, как соотносятся они с общественными представлениями о справедливости. Здесь возникает и следующий вопрос – о роли государства в минимизации социальных неравенств, выравнивании шансов людей в соответствии с их устремлениями и способностями.

Проблемы социальной справедливости и предложения неравенства лежат в основе религий человечества. С особой остротой они притягиваются русской культурой и русским Православием. В 2008 году на Архиерейском соборе РПЦ митрополит Кирилл, будущий Святейший Патриарх Всея Руси, справедливо отметил:

“Реализация экономических прав не должна приводить к формированию такого общества, в котором пользование материальными благами превращается в доминирующую или даже единственную цель существования социума. Одно из назначений экономических и социальных прав заключается в том, чтобы предотвратить конфронтационное расслоение в обществе. Такое расслоение противно заповеди о любви к ближнему. Оно создаёт условия для нравственной деградации общества и личности, порождает отчуждение людей друг от друга, нарушает принцип справедливости.

Важной ответственностью общества является забота о людях, неспособных обеспечить свои материальные потребности. Так, доступ к образованию и жизненно необходимой медицинской помощи не должен зависеть от социального и экономического положения человека”.

Позиция РПЦ в вопросе о социальной справедливости основывается на многовековой гуманистической традиции христианства, восходящей к Новому Завету. В Евангелии от Матфея говорится о том, как Спаситель призвал богатого и нравственно положительного молодого человека: “Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение своё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною” (Мф. 19, 21). Известно, что обладатель имения не решился следовать призыву Спасителя, на что Христос сказал своим ученикам: “... Истинно говорю вам, что трудно богатому войти

в Царство Небесное; и ещё говорю вам: “Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие” (Мф. 19, 23-24).

Хотел бы привести ещё и слова Иоанна Златоуста, который пронизательно и наставительно сказал: “Если бы не было богатых, то и не было бы и нищих”. Любовь к богатству извратила и ниспровергла всё, истребила истинный страх Божий. Отсюда происходит безумие, от этого свободные люди делаются хуже рабов. Не можете, — сказано, — служить Богу и маммоне (Лк. 16, 13).

Вопрос о неравенстве и социальной справедливости всегда лежал, как уже было сказано, в основе религиозного учения. Эта мысль никогда не гасла. И если уже общепринято, что национальная идея требует изменения своего содержания в каждый период жизни общества, то проблемы неравенства и социальной справедливости остаются постоянными по своей сути. Каждая эпоха сохраняет положительные черты, составляющие душу народа, национальный характер, отбрасывает всё наносное и нежизнеспособное, обогащается новыми идеями.

Принципы справедливости лежат в основе не только церковного учения, но и всей общественной мысли Руси. В 1552 году при митрополите Макарии новгородским мудрецом Нестором Селиверстовым было “составлено сочинение”. В главе “О праведной жизни” он восхваляет правителя, который живёт по заповедям Господним, по отцовскому завещанию и по христианскому закону... будучи властью наделён, судит всех одинаково и нелицемерно, и справедливо, независимо от того, богатый или бедный, ближний или дальний, известный или неизвестный, и довольствуется доходами праведными, и слугам своим так же поступать велит”.

Ту же, в сущности, тему двумя столетиями позднее развивает Иван Посошков (1652–1726 год) в своих “Размышлениях о скудости и богатстве”. “Понеже не то царственное богатство, ежели в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, аще синклит Царского Величества в златотканых одеждах ходит, — утверждает этот сподвижник Петра Великого, — но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ по местностям богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внешними одеждами или позументным украшением; ибо украшением одежды мы не обогатимся, но государства обогатятся, из коих те украшения привозятся к нам, а нас во имени теми украшениями истончают”.

Таким образом, мыслитель-самородок выступает против богатства, роскоши и расточительства. Главное для него — умеренность и достаток.

Тема неравенства и социальной справедливости была глубоко освещена в трудах российских учёных более позднего времени. Среди них философы В. С. Соловьёв, Н. Ф. Фёдоров, Н. А. Бердяев, писатели Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и многие другие.

Закончить свои размышления о природе и путях социальной справедливости я хотел бы словами нашего выдающегося философа XX века Н. А. Ильина, который писал: “Нам необходимо понять, что справедливость не даётся в готовом виде и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливо-го строя, который оставалось бы только ввести (“анархия”, “социализм”, “коммунизм”, “кооперация”, “фашизм”, “корпоратизм” и т. п.). Безнадёжны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость”.

Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо “раз навсегда”. Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении”.

В этой статье я специально останавливаюсь на вечной ценности — социальной справедливости. При любом наборе объединяющих общество идей она, как уже говорилось, должна занимать центральное место.

Как известно, статья 7 Конституции Российской Федерации декларирует социальный характер развития нашего государства. Основной Закон определяет не только права, но и обязанности граждан и самого государства, в том

числе его социальную ответственность перед обществом и человеком. Приветствуя такую направленность Конституции, следует иметь в виду, что это благородные цели, которые должны свято выполняться всеми членами общества и, в первую очередь, руководством страны. Для этих целей во многих развитых странах существует целая система контроля за выполнением злободневной государственной программы. Это и оппозиционные действующему режиму партии и общественные структуры, и Парламент, и многие другие, но главное – гражданское общество. Эти структуры должны тщательно отслеживать действия находящихся у власти лиц и не давать им возможности идти вразрез с седьмой статьёй Конституции.

Всё это теоретические рассуждения. В реальной жизни многое складывается иначе... Несправедливо, чтобы хороший человек и лентяй жили в равном достатке. Несправедливо, чтобы талантливый специалист имел материальное положение, равное с посредственным работником. Несправедливо, чтобы герой и человек обыкновенный наделялись равным количеством благ. Это реалии социальной жизни людей и не считаться с этим нельзя. Но в то же время, чтобы хозяин жил во дворце, а работник голодал – это тоже несправедливо. Чтобы один захватил то, что является результатом труда всех, – это также очень несправедливо. Поэтому проблемой справедливости не следует пренебрегать. Несправедливость порождает острую реакцию и может привести к плачевным результатам.

Большое возмущение у россиян вызывает разница в доходах между узким слоем богатой и сверхбогатой части общества, с одной стороны, и остальным, в основном, бедным населением – с другой. Так называемый децильный коэффициент, фиксирующий разрыв между доходами 10% самых богатых граждан России и 10% самых бедных, в настоящее время составляет 16,5. Независимые же эксперты увеличивают эту цифру вдвое. Для сравнения: самый низкий децильный коэффициент в скандинавских странах – в Дании, Финляндии, Швеции он составляет 3–4, в Германии, Австрии и Франции его величина от 5 до 7.

Такое расслоение общества – циничная насмешка над самим понятием социальной справедливости. Основной причиной такого чудовищного социального разлома являются последствия приватизации и дальнейших действий руководства страны для процветания крупного, не всегда справедливого бизнеса. Власть опирается не на широкие массы народа, а только на избранный слой общества.

Создались две полярные группы населения. С одной стороны, сверхбогатая и богатая, с другой – бедная и нищая. На долю первой приходится 15% общей численности населения страны, она аккумулирует 85% сбережений, 92% доходов от собственности, 96% средств, расходуемых на покупку иностранной валюты. Этот социальный слой есть класс крупной, олигархической буржуазии. К нему примыкает средняя буржуазия и мелкая. Вторая социальная группа населения – это наёмные работники и крестьяне – трудящиеся бедняки, представляющие собой эксплуатируемый класс.

Следует особенно отметить, что рост расслоения происходит в условиях финансово-экономического кризиса, когда бедные беднеют, а богатые, наоборот, богатеют. Так, в 2009 году доходы богатых увеличились на 8,6 трлн руб. – сумму, превышающую доходную часть государственного бюджета России. В 2010 году число олигархов увеличилось на 63% и составило 101 – это третье место в мире после США (425) и Китая (115).

Образование в стране олигархического клана – следствие несправедливой приватизации собственности и ожесточённой эксплуатации наёмного труда. Если средняя норма прибыли на капитал в мире составляет 9%, то в пореформенной России – от 25 до 250% и выше. Вместе с тем, сложилось несправедливое положение и в сфере распределения общественного продукта. Всего лишь 2/5 российских граждан формируют свои доходы за счёт оплаты труда. Остальная часть денежных доходов образуется по иным каналам, в том числе и криминальными способами.

Несколько лет тому назад глава института экономики РАН Р. Гринберг заявил: “Как только децильный коэффициент достигнет 10, в стране появляются условия для социальных беспорядков”. Кстати, в царской России, по приближительным оценкам, это соотношение достигло 25–30. Чем это закончилось – известно. Да и сегодняшняя Россия не выживет в состоянии, консервирующем нынешнюю социальную поляризацию.

Для того чтобы показать, как власть страны “борется” против неравенства, следует привести пример о состоянии прожиточного минимума. Ещё в 2006 году была утверждена практически нищенская потребительская корзина. С тех пор она не менялась, хотя по закону это надо делать каждые пять лет. Нынешний премьер, будучи президентом страны, продлил её действие на 2011–2012 годы. Исходя из данных 2011 года, трудоспособный человек имел “корзину” в 6710 рублей в месяц. Экономисты подсчитали, что при таком “достатке” человек должен употреблять в основном хлеб и макароны, мяса же он может позволить себе съесть 102 грамма в день, сахара – 61 грамм, соли, чая, специй – 13 граммов.

Пенсионеров “осчастливили” ещё больше: у них прожиточный минимум в это же время составил 4902 рубля. Пенсионер может позволить себе питаться в день не более чем на 68–69 рублей. Сообщаю для сведения, что в Москве для служебных собак в день тратится примерно столько же.

В то же время недавно в одной из иностранных газет было опубликовано сообщение, что беглый глава “Банка “Москвы”, находящийся в международном розыске, приобрёл самый дорогой британский особняк за 140 млн фунтов стерлингов, что составляет около 217 млн долларов.

Здесь следует сказать о скромных доходах людей в советское время и в “процветающие” годы радикально-либеральных реформ. Высшие должностные лица государства во время избирательной президентской кампании с упоением говорили об улучшении жизни россиян, превзошедший жизненный уровень в Советском Союзе. Им вторила “одобряем-с” придворная и прочая “независимая” экспертная челядь.

Был бы рад, если бы эти славословия оказались правдой. Но реальная обстановка заставляет меня внимательно изучить статистические источники и выводы специалистов в этом вопросе. Приведу выдержку из материала околупридворных “специалистов”: “Объём ВВП в 2009 году по сравнению с 1991 годом составил примерно 108%, и в среднем уровень жизни за этот период не только не снизился по сравнению с советским периодом, как считают многие, но вырос почти в 1,5 раза” (журнал “Вопросы экономики” № 8 за 2011 год, авторы Есин Е. и др.). Трезвые же специалисты говорят, что дореформенного уровня не достигают ни ВВП (87% в 2010 году), ни расходы населения на конечное потребление (81,5%).

Я не останавливаюсь на таких вопросах, как безработица, демография, образование и “утечка мозгов”. Ниже приводится только анализ состояния доходов населения и обеспеченности его жильём.

Потребительская нагрузка на заработную плату в постсоветской России значительно выросла. Если в СССР доступность наиболее насущных социальных потребностей, связанных с образованием, здравоохранением, жилищной сферой, созданием других общественных благ обеспечивалась общественными фондами потребления, то есть соответствующие услуги являлись бесплатными для граждан, то сегодня они в значительной мере обеспечиваются из заработной платы.

Анализ статистических данных позволяет сделать интересные выводы. “Наиболее нуждающихся” – сюда относится категория людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума, – в советской России практически не было. Сейчас их более 17%, число “низкообеспеченных” (от одного до трёх показателей потребительской корзины) выросло с 31,7% в советское время до 53,6% в настоящее время. “Среднеобеспеченный слой населения” сократился почти вдвое и составляет 3,4% численности населения. Можно сделать вывод, что за 20 лет капиталистической трансформации более двух третей населения оказались среди “наиболее нуждающихся” и “низкообеспеченных”.

Ещё одна сторона социальной справедливости. Речь идёт о поведении богатой части общества и отношении к ней большей части населения. Несмотря на закрытость информации об источниках создания богатств, волей или неволей она становится известной людям. Народ не может согласиться с тем, что у него воровским и наглым образом забрали результаты труда многих поколений. Не менее злободневным вопросом является и поведение этих быстро расплодившихся богачей и сверхбогачей.

Вопрос заключается в том, что поведение богатых людей за рубежом резко отличается от поведения наших богачей. Всем известно, что западные богатые люди ведут себя, в основном, очень скромно: ездят на серийных ма-

шинах, одеваются в скромные костюмы, почти все деньги вкладывают в развитие производства. Личное потребление доведено до уровня среднего класса. Никаких демонстраций излишеств, бросающихся в глаза, — таковы принципы поведения среднестатистического европейского миллионера.

Безусловно, что отечественные “денежные мешки” могли бы перенять этот опыт поведения. Но по-прежнему огромные средства богачей из года в год расходуются на предметы роскоши. Своё богатство они выставляют напоказ как признак успешности в жизни, хотя многие из них, как известно, не заработали эти богатства собственным умом, трудом и талантом.

Учитывая, что многие состояния были сформированы благодаря трудам несправедливым, и отношение к деньгам у их обладателей соответствующее. Срабатывает психология временщика: поскорее купить нечто самое дорогое, например, яхты, самолёты, дворцы в престижных местах, ювелирные изделия за пределами стоимости или пуститься в куршавельские загулы.

Всё это видит народ со скромным достатком. Снобизм “новых русских” отталкивает широкие массы людей от этой прослойки общества. И, конечно, ожидать от него одобрения такого положения было бы наивным, наоборот, они обвиняют в этом нынешнюю власть.

Кстати, и в советское время были богатые люди, в основном, подпольные “цеховики”. Но они преследовались законом. Зная это, они вели весьма скромный образ жизни, богатством своим не кичились, а наоборот — скрывали. Очень талантливо изобразили такого человека писатели Ильф и Петров в книге “Золотой телёнок”. Гражданин Корейко Александр Иванович, скромный служащий-счетовод второго разряда, подпольный миллионер, мучается со своими миллионами, зарабатывая 46 рублей в месяц. Этим денег едва хватает для весьма скромной жизни. Своего героя, подпольного миллионера, два талантливых писателя взяли из реальной жизни того времени.

Очевидно, проблему социальной несправедливости надо решать. Вопрос это не новый, он обсуждается много лет, но, как говорят, “воз и ныне там”. “Плоское” налогообложение доходов всех, и богатых, и бедных, кроме раздражения народа, другой реакции не вызывает. Действительно, возникает вопрос, почему скандинавские государства давно идут по пути прогрессивного налогообложения? Проблемы широких масс населения там решаются во многом за счёт перераспределения доходов.

Я не даю своих рекомендаций по прогрессивной шкале налогообложения, но, анализируя многочисленные идеи, можно сделать вывод, что в основном введение прогрессивной шкалы налога предлагают начинать с дохода в 3 миллиона рублей в год и ограничить верхнюю планку 40 процентами. Недавно в СМИ была опубликована заметка, что в Англии снизили верхний предел налога с 50% до 45%, и ликование по этому поводу было грандиозным. В Китае, которым принято восхищаться как успешно развивающейся страной, граждане с уровнем месячного дохода ниже 500 долларов вообще освобождены от налогов (тем самым стимулируется формирование “среднего класса”), а богатые платят их по прогрессивной шкале с верхней планкой в 40%. В скандинавских странах верхний предел составляет 60%.

Если же полученные деньги от сверхдоходов “окрасить” и направить их для решения социальных вопросов (пенсии, дотации детям, жильё для малоимущих и т. д.), то люди поверили бы, что государство беспокоится о них, и это был бы серьёзный шаг к справедливости.

В последнее время в воздухе витает идея введения налога на роскошь. Считаю, что здесь преследуется цель чисто фискальная. На первый взгляд идея заслуживает внимания, но если заглянуть глубже, то она таит в себе и большие недостатки. Во-первых, широкие слои населения делают вывод, что власть по-прежнему не борется с получателями сверхдоходов, мирится с такой несправедливостью. Во-вторых, когда это предложение оформят законом, весьма вероятно, что он будет иметь массу лазеек. Если мы разрешаем богатым людям вывоз денег из нашей страны через офшоры, то почему нельзя зарегистрировать покупаемый дворец или сногшибательную яхту за рубежом? Где грань между теми, кто безумно тратит деньги на дорогие автомобили, ювелирные изделия, предметы роскоши и т. д., и средним классом, накопившим деньги для этих целей? К сожалению, это предложение в нынешнем виде не отвечает призыву В. В. Путина к бизнесу жить “по совести”, не прятать деньги по офшорам и т. д. Вывод таков: над этой идеей надо много работать, прежде чем принимать решение.

Проблемы приватизации

Собственность как экономическая категория во все времена человеческой истории была и остаётся наиболее значимой.

Наука, как известно, выделяет два основных вида собственности: общественную и частную. Исторически исходной была общая собственность. Приватизация представляет собой передачу объектов государственной или муниципальной собственности — земельных участков, промышленных предприятий, средств транспорта и связи, банков, культурных ценностей — в частную собственность.

Организаторы начала приватизации 1990-х годов — Ельцин, Гайдар, Чубайс и компания, — в первую очередь, стремились не к преодолению развала экономики и эффективности её функционирования, а к решению своих политических задач. Идеальный “отец” приватизации прекрасно понимал, что замена государственной собственности частной неизбежно приведёт к замене одного социального строя другим. Правда, в то время “реформаторы” скрывали свои цели. В ход была пущена глобальная демагогия: все трудящиеся станут истинными хозяевами своих заводов и фабрик, будут работать на себя, а не на “дядю” — неблагодарное государство. Лишь потом, когда произошли необратимые процессы, приватизаторы признались в своих истинных намерениях: они хотели похоронить социалистический строй и заменить его капиталистическим.

Если же говорить о приватизации с экономической точки зрения, она целесообразна при двух базовых условиях: во-первых, если обеспечивает более высокую эффективность производства, во-вторых, если не обостряет социальные отношения и удовлетворяет потребностям общества.

Приватизация не отвечала ни юридическим, ни экономическим условиям, но в то же время с восторгом была воспринята спекулянтами всех мастей и разновидностей.

Приватизация осуществлялась “сверху”, в административно-приказном, внеэкономическом порядке. Все критические оценки замалчивались средствами массовой информации, ставшими монопольной вотчиной “реформаторов”. Допускалась лишь хвалебная безудержная пропаганда. Героями стали те, кто больше уворовал жирных кусков во время открытого грабежа, а не те, кто занимался созидательным трудом. Решения Государственной Думы открыто игнорировались. Господин Чубайс нагло заявил, что приватизация будет происходить по указному праву.

Вопреки закону РФ о приватизации, вместо открытия именных приватизационных счетов в 1996 году выдали “ваучеры”. Это ускорило процесс передачи государственной собственности в частные руки и создало благоприятные условия для её разворовывания. Переоценка же основных фондов была проведена только через год и цены на основные фонды выросли в 20 раз. Это значит, что собственность перешла в частные руки за бесценок.

Приведу несколько фактов: 500 крупнейших предприятий России стоимостью не менее 200 млрд долларов проданы за 7,2 млрд долларов. 51% акций моего родного “Уралмаша” были куплены за тысячную долю его стоимости биологом К. Бандукидзе. Ему бы эксперименты на белых мышах проводить, а не быть хозяином и управляющим гигантского предприятия. Позже этот частный собственник в интервью иностранной газете хвастался, что “для нас приватизация была манной небесной... мы приобрели жирный кусок”. Прошли годы, разгромленный и растерзанный завод потерял своё величие. Жизнь постепенно возвращается к нему, но это уже не тот гигант, который знала страна во время войны и в послевоенные десятилетия.

Завод им. Лихачёва (г. Москва) со стоимостью основных фондов 1 млрд долларов продан за 4 млн долларов. Здания и сооружения Московского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности стоимостью в 100 млн долларов проданы за 8 млн руб. и т. д.

В годы реформ значительная доля собственности перешла к отечественным и зарубежным компаниям и физическим лицам, совершенно не заинтересованным в развитии российского производства, и перестала служить интересам общества и развитию России.

Приватизация собственности создала условия для активного внедрения в экономику зарубежного частного капитала, который также за бесценок скупил отечественные заводы и фабрики. Например, зарубежная компания

“Стар” по дешёвке купила контрольный пакет акций АО “Лензолото”, английская фирма “Мардима” приобрела 19% акций АО “Электросила”, около 25% акций этого общества прикупил “Сименс”. Нетрудно представить, какую роль “Электросила” будет играть на традиционном мировом рынке.

Американские фирмы “Боинг” и “Сикорский” купили 28% акций вертолётного завода им. М. П. Миля. Фирма “Боинг” намерена взять под свой контроль производство авиатехники АО “АВИС” (бывший Самарский авиазавод).

Концерн “Сименс” купил 20,8% акций АО “Калужский турбинный завод”, которое разрабатывает и выпускает паротурбинные установки для атомных подводных лодок. Компания “Филипс” приобрела 80% акций Воронежского завода кинескопов.

Не может не беспокоить происходившая очень высокими темпами приватизация предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Если в 1991–1992 годах приватизацией было охвачено всего лишь около 6,5% общего числа предприятий ОПК, то в 1993-м – 25%, в 1994-м – 60%, а к началу 1996 года – более 70%.

Так, около 30% акций Московского электронного завода, куда передана площадка НИИ “Графит”, производящая стратегический графит для военного ракетостроения, принадлежит подставной российской фирме “Граникс”, средства которой были предоставлены связанным с ЦРУ гражданином США. В результате этого НИИ “Графит” под давлением американцев отказался принимать заказ Военно-космических сил РФ и начинает производство изделий для США по технологии “Стелс”.

Здесь приведены только отдельные примеры скупки за бесценок российских предприятий зарубежным корпоративным капиталом.

Первый этап приватизации закончился 1 июля 1994 года. Несмотря на возражения Государственной Думы, Правительство РФ подготовило программу приватизации до 2000 года. При этом приватизации подлежали уже не только объекты производственного назначения, но и объекты социально-культурной сферы, включая памятники истории и культуры.

К сожалению, расчленение государственных систем было продолжено. Была разрушена единая энергетическая система страны. По мнению зарубежных специалистов, она была исключительно эффективной. Длительное время проходили дискуссии по её реформированию. Большинство специалистов, да и производителей не понимали смысла разрушения этой уникальной системы. На решение этого вопроса, как таран, был брошен главный специалист-приватизатор Чубайс, и в результате расчленение произошло. Главным доводом было привлечение частных инвестиций, особенно в генерирующие мощности. Однако никакого потока инвестиций не видно, зато появилась масса противоречий в энергетической сфере, в её взаимосвязях с производством и населением.

Главным “энергетиком страны” наделано столько, что теперь настоящие отраслевые специалисты распутывают его “узелки”. Автор этих размышлений входил в состав парламентской комиссии по расследованию аварии на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Мы воочию убедились в результатах “реформирования” отрасли. Управление этой уникальной гидроэлектростанцией, входящей в первую пятёрку таких станций мира, было низведено до уровня заводского цеха. Зато она обросла массой различных “фирм”: ремонта, наладки, заказа оборудования и т. д. Казалось бы, как это могло случиться после таких аварий и потрясений? Правительство должно было сделать выводы и объявить их стране. Но не тут-то было! Зато с помпой запускался каждый новый агрегат. В заключение этой темы возникает вопрос: во имя чего и во имя кого было содеяно всё это?

Примерно в то же время была проведена реорганизация железнодорожного транспорта страны. Издержек здесь было меньше, так как подготовка соответствующих законов проходила более тщательно, с привлечением специалистов. И тем не менее, некоторые проблемы обострились. Подвижной состав, как и всё остальное, был преобразован в акционерное общество со 100% долей государства. Многие полагали, что, живя по закону акционерного общества, государство в лице ОАО “РЖД” не уберёт контроль за процессом функционирования дорог. Но в октябре 2011 года ОАО “РЖД” продало 75% акций Первой грузовой компании (ПКГ) металлургическому олигарху В. Лисину. При этом делались заявления, что остальные 25% акций ПКГ будут принадле-

жать ОАО “РЖД”. Не прошло и года, как встал вопрос о продаже и этого пакета. Надо полагать, что покупатель будет тот же. В итоге более 20% всех вагонов в России (220 тысяч) окажутся в одних руках. Таким образом, ОАО “РЖД” теряет контроль над использованием вагонов в стране.

В последнее время в Совет Федерации поступает много жалоб на невозможность заказать вагоны для мелких партий продукции среднего и малого бизнеса. Ответ поставщика вагонов один: не выгодно! Или же они выставляют заградительные перевозочные тарифы. Вот так мы “поднимаем” средний класс страны!

Вторым этапом была денежная приватизация. Все деньги были “проедены”, они не поступали на обновление действующих предприятий и строительство новых, то есть новые рабочие места не создавались.

В конце 80-х в предложениях возглавляемого мною Правительства о переходе на рыночные отношения этому вопросу уделялось особое внимание. Учитывая, что у нас не было практического опыта в этом деле, мы тщательно изучали опыт Англии, Франции и других стран. На основе такого изучения и руководствуясь своими аналитическими данными, мы пришли к выводу, что в руках государства должно находиться, на первых порах, около половины материальных ресурсов страны. Главным образом, в пользу такого заключения свидетельствовало то, что крупные госпредприятия должны были служить каркасом рыночной экономики, позволяющим не дать разрастись рыночной анархии, и через их деятельность можно было проводить необходимую политику управления экономикой страны. В “лихие 1990-е” всё пошло наоборот: безудержная и неразумная приватизация всего и вся по американским рекомендациям сделала своё чёрное дело.

Сегодня звучит призыв практически устранить государство из экономики. Чем же руководствуются при этом? Неолибералы чикагской школы в 1990-е годы говорили, что на советских предприятиях трудящийся работал как чисто наёмный работник, он не был заинтересован в результатах своего труда. Большой ошибкой советского руководства было то, что оно доступным языком не объясняло народу, что общественные социальные фонды страны, направленные на решение их жизненных потребностей – образование, жильё, медицину, культуру и т. д., – формируются по результатам их труда. Народ, получая многочисленные блага, считал всё это само собой разумеющимся, а вот лишний рубль с доходов предприятия надо было бы дать! Рыночные либералы внушали, что если работник будет участвовать в распределении прибыли, то работать он будет осознанно и гораздо эффективней. На деле всё это оказалось блефом.

Ещё один довод авторов радикальных экономических реформ – это более эффективное управление негосударственными компаниями. Как известно, я сам выходец из директорского корпуса, четверть века отдал крупнейшему предприятию страны, флагману отечественного тяжёлого машиностроения – “Уралмашзаводу”. В те и в последующие годы я был знаком со многими директорами предприятий. Были среди них и очень сильные, были и слабые. Реальная жизнь расставляла всё на свои места.

В нашей системе подготовки кадров имелись, конечно, и недостатки. Но, как правило, люди проходили все ступени роста, они вырастали в высококвалифицированных специалистов, и я не могу поверить, что менеджеры, поставленные “управлять “денежными потоками”, более эффективно управляют производством, чем специалисты, знающие его изнутри.

Я полагаю, что бывший директор Норильского комбината В. И. Долгих, дважды Герой Социалистического Труда, ныне – депутат Государственной Думы, был управленцем не слабее, чем нынешние акулы бизнеса. Разница только в том, что он заработал там только Звезду Героя, а нынешние руководители всех рангов стали или миллионерами, или миллиардерами. На Новолипецком металлургическом заводе из мастеров в директора завода вырос ныне покойный С. В. Колпаков, впоследствии министр металлургии. Он так же блестяще руководил предприятием, сделал его передовым по технической оснащённости. Кстати, более половины современного оборудования на его предприятии было уралмашевским. Сейчас же предприятие находится в руках олигарха-миллиардера.

Во время выборной президентской компании 2012 года один из кандидатов в президенты во время дискуссии на телевидении сказал, что он спасал

Норильский комбинат: люди не получали заработную плату, предприятие останавливалось и т. д. На что ему следовало бы ответить: не надо разрушать то, что создано поколениями советских людей, тогда не потребовалось бы и спасать.

Ещё об одном аспекте справедливости. В период предвыборной кампании В. В. Путин в одном из выступлений высказал предложение вернуться к злополучным залоговым аукционам. В глазах населения эта операция власти страны до сих пор вызывает острую реакцию. На “аукционах” за бесценок были проданы жемчужины нашей экономики. Было такое ощущение, что как алкоголик продаёт свою рубаху, так и государство в то время передавало ведущие предприятия нужным людям, прекрасно зная, что оно их никогда не выкупит обратно. Это были заводы, в которые государство вкладывало колоссальные средства, новейшую отечественную и зарубежную технику и технологии.

На самом деле деньги крайне нужны были для избирательной компании Ельцина, рейтинг которого к тому времени упал до низшей точки. Кто об этом открыто сказал тогда, да и сейчас?

Суть идеи залоговых аукционов была проста: правительство через Госкомимущество РФ выставляет на аукцион пакет акций государственного предприятия. Располагающие денежными средствами, включая бюджетные, банки и финансовые компании предоставляют правительству кредит под залог этого пакета в сумме, равной его рыночной стоимости. Договор заключается на 3 года, и если правительство не погасит взятого кредита, компания или банк-залогодержатель имеет право продать заложенный пакет акций на рынке.

И снова вернёмся к Норильскому горно-обогатительному комбинату “Норильский никель”. В результате “закулисной” сделки в декабре 1995 года ОНЭКСИМ-банк захватил контроль над комбинатом, получив в залог 38% привилегированных и 51% голосующих акций за баснословно низкую цену — 170 млн долларов, между тем активы комбината, по оценке независимых экспертов, составляют более 4 млрд долларов. Известно, что на долю “Норильского никеля” приходится 20% мирового производства никеля и кобальта, 42% — платины и других металлов платиновой группы, значительная доля мирового производства меди. Резолюция Госдумы от 17 февраля 1996 года о сохранении государственного контроля над комбинатом правительством была проигнорирована. В конечном итоге, этот комбинат стал инкубатором отечественных долларовых миллиардеров.

Недавно вышла в свет книга известных “специалистов по приватизации” П. Авена и А. Коха “Революция Гайдара”.

Я позволю себе полностью привести диалог между П. Авеном (П. А.), Альфредом Кохом (А. К.) и Анатолием Чубайсом (А. Ч.). Речь идёт о проведении залоговых аукционов:

“А. Ч.: В этом смысле моя позиция вообще такая не экономическая. Я до сих пор считаю, что залоговые аукционы создали политическую базу для необратимого разгрома коммунистов на выборах 1996 года. Это же были настоящие “командные высоты”, крупнейшие предприятия страны с “красными директорами” во главе. И этого одного достаточно, чтобы считать аукционы позитивным явлением... Результаты выборов достигнуты в значительной степени благодаря залоговым аукционам.

П. А.: Тут я с тобой согласен. Если считать, что цель оправдывает средства, то залоговые аукционы помогли. А сейчас в аналогичной ситуации ты сделал бы залоговые аукционы?

А. Ч.: Конечно.

П. А.: Фантастика. Это полбеда, что вы продали эти предприятия дешево. Так этими аукционами вы сломали представления о справедливости. Вот это — беда!

А. Ч.: Какая трагедия: мы сломали представление о справедливости, которое жило в голове у Авена! Так я это переживу. А представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией. Алик, скажи ему...

А. К.: Расставание с советским культом справедливости, Петя, — это была плата за рыночные реформы. И за приватизацию, в частности.

А. Ч.: Да, это было неспасаемо”.

Безусловно, это на редкость откровенный разговор “отцов” экономической политики Б. Ельцина. Здесь без тени сомнения высказаны истинные це-

ли залоговых аукционов, а то, что у народа раздавили представление о справедливости, — это пустяк! С кем считается-то — с людьми?.

Конечно, за полтора десятилетия не было возвращено государству ни одного из десятка ведущих предприятий страны. Будем надеяться, что “лёд тронется” после заявления в предвыборном обещании нынешнего президента страны.

В своей предвыборной статье об экономике в 2012 году В. В. Путин большое внимание уделил дальнейшей приватизации в России и уменьшению доли государственного сектора в экономике. Новое правительство страны, ещё не успев сформироваться, немедленно взялось за это дело. Его первые шаги были направлены не на выработку стратегии развития экономики, а на дальнейшую “большую” приватизацию государственной собственности. Такое поведение нового правительства настораживает. Чувствуется, что дальнейшее движение пойдёт по уже проторённой дорожке. Трудно поверить в это, но, к сожалению, первые шаги правительства не вызывают оптимизма. Положение становится всё тревожнее.

Правительством утверждён четвёртый этап приватизации до 2016 года. Он охватывает свыше 850 предприятий. Предлагается приватизировать, к примеру, не только “дочек” РЖД, но и в целом весь комплекс с продажей контрольного пакета. Надо отдать должное В. И. Якунину: он выступил против. Он-то прекрасно понимает, чем это грозит его компании.

В настоящее время в воздухе витает мысль по расчленению “Газпрома”. Хочу напомнить, что за счёт экспорта газа мы получаем порядка 70 миллиардов долларов, или 30% бюджета России. “Газпром” является практически единственной отраслью народного хозяйства, которая сохраняет некую целостность и находится под контролем государства. Вот её-то и пытаются разделить на куски и использовать для обогащения “предпринимателей”. Но нельзя забывать, что “Газпром” является народным достоянием, оплотом отечественной промышленности.

Судя по первым шагам правительства, можно сделать вывод, что идея дальнейшей приватизации государственных активов живёт и будет жить дальше. Это касается таких компаний, как “Аэрофлот”, “Россельхозбанк”, “РусАгро”, “Росагролизинг”, “Севморфлот”, “Роснефть”, “Сбербанк” и т. д. Будет продан пакет акций “Уралвагонзавода”, продолжится дальнейшая распродажа “Роснано”, “Зарубежнефти”, “Русгидро”, “Интер-ОАО” и т. д. На мой взгляд, совершается большая стратегическая ошибка.

Говоря о новой “большой приватизации”, следует подчеркнуть, что она существенным образом отличается от предыдущей. Разговор идёт о продаже государственных активов в электроэнергетике, транспортно-коммуникационных, производственных и иных госкорпорациях. Хочу отметить, что автор этих строк был в числе тех, кто в своё время поддержал создание госкорпораций. Мы надеялись, что раздробленная экономика с погибающей отраслевой наукой возродится и станут конкурентоспособными как у нас в стране, так и в мире.

К сожалению, наш оптимизм просуществовал недолго. Два года назад начались атаки либералов-экономистов на эти структуры. Сейчас их включили в “скорбный” список приватизации до 2016 года. “Реформаторов” не останавливает даже пример “самой” демократической страны в мире — США. Говоря на всех перекрёстках о приватизации крупных компаний, американцы, тем не менее, сохранили национальный контроль над морскими портами, гражданской авиацией и т. д.

Ещё одна проблема

Во многих странах приняты законы о приватизации и национализации. На мой взгляд, это естественный процесс. Конституция РФ допускает экспроприацию для государственных нужд “при условии предварительного и равноценного возмещения” ущерба их бывшим владельцам. Более того, такая практика широко применяется во многих странах. Например, в послевоенной Великобритании были национализированы газовая промышленность, чёрная металлургия, добыча угля, железнодорожный транспорт и электроэнергетика. В 1980-е годы во Франции национализированы десятки частных банков, авиационные заводы, металлургические предприятия. Закон о национализации недавно принят в Казахстане.

На протяжении всего периода новой рыночной экономики России я не знаю ни одного факта национализации, зато каждый год, как уже было сказано, принимаются конкретные решения по приватизации. К сожалению, каждая новая власть современной России начинает с шаблонных рекомендаций: приватизация, коммерциализация социальной сферы, отказ государства от вмешательства в экономику и т. д. Казалось бы, можно и нужно менять эту заезженную пластинку. Но не тут-то было!

Чёткого ответа правительства страны, какие весомые причины побуждают его настойчиво проводить эту линию, несмотря на отрицательное отношение к ней общества, нет. Реальная логика государственного управления говорит о том, что управлять государственной собственностью и экономически, и политически эффективнее. И тем не менее, делается всё наоборот. Целеустремлённо и настойчиво. Об этом свидетельствует следующий факт. Если в 1990 году в России удельный вес государственного сектора составлял 91%, а негосударственного — 9% всех основных производственных фондов, то в 2009 году эти индикаторы равны 22 и 78% соответственно. Сторонники частной собственности говорят о якобы большей её эффективности по сравнению с государственной. Однако не дают ни теоретического, ни практического обоснования этой точки зрения. В действительности же имеются противоположные факты. Так, во Франции государственные предприятия в 1,4 раза эффективнее частных. Американский экономист и политолог, Нобелевский лауреат по экономике Э. Остром в многочисленных трудах своих убедительно доказывает преимущества коллективной формы собственности. Коллективные отношения становятся всё более актуальными в развитых капиталистических странах, где возрастает количество предприятий, на которых работники одновременно являются и собственниками.

На “заре” приватизации основным (легальным) доводом в её пользу было то, что работник предприятия будет работать более эффективно, так как он работает “на себя”, будучи акционером предприятия.

На сегодняшний день выверенной статистики по доле работников-акционеров в капитале приватизированных предприятий страны нет. Имеется точная цифра на конце 1994 года — время окончания ваучерной приватизации — 50%. В настоящее время существуют лишь экспертные оценки, и в соответствии с ними доля работников-акционеров в акционерном капитале приватизированных предприятий страны снизилась до 4%.

И какую политику могут проводить эти люди на своём предприятии?

В своё время известный учёный-офтальмолог С. Н. Фёдоров настойчиво занимался теорией и практикой так называемых “народных предприятий”. Суть его предложений состояла в том, что наиболее эффективным является предприятие, принадлежащее только тем, кто работает на нём. Этот вид деятельности широко применялся в США. У нас же после смерти академика С. Н. Федорова всё застыло на цифре 200. Правительству стоило бы заинтересоваться этим направлением в системе управления, может быть, часть неудовлетворённых жизнью людей стала бы настоящими хозяевами, а не мифическими собственниками акционерных обществ.

Вопрос отторжения человека труда от реальных результатов его труда сейчас очень сильно беспокоит специалистов современной экономики. Все призывы к социальной ответственности бизнеса, в лучшем случае, заканчиваются спонсорской деятельностью и прочими подачками, что во многом вызывает ещё большее раздражение в обществе.

Отторжение наёмного работника от результатов его труда ведёт к потере его престижа, а на фоне взяток, коррупции, мошенничества и т. д. — к росту социальной напряженности в обществе, потере авторитета власти.

Специалисты реального сектора экономики страны настойчиво работают над этой проблемой. Предлагается до 30% собственных активов любого коммерческого предприятия, независимо от формы его собственности, закреплять за трудовым коллективом. Это создаст реальные условия его участия в управлении предприятием. Увеличится доля трудового коллектива в доходах предприятия, экономическая и финансовая деятельность которого станет прозрачной.

Предлагаемые меры дают ответ на главный вызов современного общества — справедливого распределения доходов между теми, кто их создаёт, и теми, кто их распределяет, то есть эти меры устраняют противоречия между

трудом и капиталом. Если они будут осуществлены, откроется новая – бесконфликтная перспектива социально-политического развития общества.

Ещё об одном аспекте несправедливости

Речь пойдёт о жилищном вопросе. Такая проблема была и в советскую эпоху. Но то, что произошло за прошедшие 20 лет радикальных реформ в России, в СССР в принципе быть не могло! Средняя обеспеченность жильём в 1991 году находилась на уровне 16,4 кв. м на человека. В 2000 году она выросла по сравнению с 1991 годом лишь до 19,2 кв. м (прирост составил 17%), а в 2010 году – до 22,6 кв. м.

Сухие цифры статистики не в полной мере отображают истинную картину. Несколько выше говорилось об опасном расслоении населения, нечто подобное происходит и в жилищной сфере. В советское время все жили примерно в одинаковых условиях. Сейчас же положение изменилось, 90% населения не могут иметь необходимого для жизни жилья. Так как государство, в отличие от советского времени, практически ушло от предоставления людям бесплатного жилья, сейчас население вынуждено его покупать. Но как может человек с зарплатой в 20 тыс. рублей купить жильё, если средняя цена одного квадратного метра в 4-м квартале 2009 года составляла 47,7 тыс. рублей на первичном рынке и 52,9 тыс. рублей – на вторичном. Строительство жилья в кредит тормозят непомерно высокие банковские проценты. С другой стороны, в бизнес-сообществе существует повальное стремление строить сногсшибательное жильё за городом. Кто-то вкладывает в него заработанные не совсем честным путём богатства, а другие искренне верят, что они обязаны так жить. Подобное происходит и в городах, особенно в Москве, Санкт-Петербурге, где возводятся настоящие дворцы с огромнейшей площадью. Поэтому статистика об обеспечении одного человека жильём – это “средняя температура по больнице”.

Низкие доходы основной части населения и большие трудности в обеспечении жильём и другими социально-экономическими нормативами не могли не сказаться на рождении детей. За 18 лет (1992–2010) разница между числом родившихся и умерших в России составила 13,1 млн человек. Сохранение этой тенденции может привести к тому, что численность населения страны к началу 2030 года может сократиться до 130–135 млн человек. Следует напомнить о том, что в 1950–1990 годы численность населения РСФСР выросла со 100 млн до 150 млн человек.

Только благодаря миграционному приросту население за последние 20 лет сократилось не на 13 млн, а примерно на 5 млн человек.

Особенно обезлюдели как раз те территории, где и так проживало меньше всего россиян: в Сибири население сократилось на 7,3%, а на Дальнем Востоке – на 19,9%. Понятно, что для нашей страны с колоссальной территорией, протянувшейся почти на 10 тыс. км с востока на запад и на 1600 км с севера на юг, имеющей сопредельные границы с 18 государствами и играющей значительную геополитическую роль в современном мире, численность населения в 143 млн человек крайне недостаточна, особенно с учётом неравномерности его пространственного распределения по территории страны.

* * *

В представленной читателю статье освещены только некоторые злободневные проблемы, в основном экономического характера. Вопросы социальной справедливости (и несправедливости), естественно, охватывают практически все сферы жизни общества, о чём писали наши мыслители.

Говоря об экономических проблемах нынешней России, следует более широко подойти к этому вопросу. В первую очередь, нужно учесть настроение народа и его реакцию на очередную волну приватизации.

Люди только начали успокаиваться после грабежа “лихих 1990-х” годов. Но они категорически против продолжающейся распродажи государственной собственности. Правительство страны, безусловно, информировано о настроении людей, но действует демонстративно и напористо, словно оно не понимает, что сегодня ещё живы миллионы людей, которые, не считаясь со временем и здоровьем, создавали мощь государства. Работая на “Уралмаше”,

мы радовались, когда наша продукция уходила из ворот завода, — это и доменные печи, и прокатные станы для новолипецкого завода, магнитогорского металлургического комбината, череповецкой “Северстали”. Это и буровые установки для нефтяных и газовых скважин, и экскаваторы для угольной и горной промышленности. Плоды труда многих поколений тружеников пожидают “новые русские” миллиардеры. Поколению же, создававшему эти богатства, даже спасибо не скажут, наоборот: день и ночь льётся с экранов телевидения и через динамики радио грязь на советское прошлое, а большинство пенсионеров влачат нищенское существование. Вот вам и справедливость в отношении своего народа!

За приватизацию в 1990–1998 годов Япония получила 46,7 млрд долларов, Австралия — 48 млрд долларов, Италия — 63,5 млрд долларов, Великобритания — 66 млрд долларов, Бразилия — 66,7 млрд долларов. Россия — ... 9,7 млрд! Доход от приватизации на душу населения составил у нас 64 доллара, а в Австралии, например, — 2560 долларов.

Практика и характер приватизации в России предопределили особенности накопления богатства олигархическим слоем частных собственников. В России крупнейшие состояния, созданные интеллектуальным трудом, составляют лишь 4%, в то время как в Англии — 63, в США — 80%.

С учётом отношения общества к этой проблеме целесообразнее было бы полностью отказаться от дальнейшей распродажи государственной собственности. Ведь процветают же Франция, Германия и другие западноевропейские страны, где доля государственного сектора составляет более 50%.

Хотелось бы ещё остановиться на одном вопросе “справедливости”. В последнее время идёт систематический “вброс” идеи изменения пенсионного дела. Предлагается увеличить возраст выхода на пенсию мужчин и женщин, отменить пособия за вредные условия труда. И вносят эти предложения “остепенённые” специалисты. Им бы поработать в шахте на километровой глубине!

Идёт тотальная коммерциализация сферы образования. Мы всегда гордились своей образовательной системой, сейчас же скатились на 30-е место в мире. По уровню здравоохранения, которым мы также гордились, скатились на 130-е место. А ведь эти сферы жизнедеятельности формируют “человеческий капитал”, в том числе и интеллектуальный потенциал современного государства.

Прошли президентские выборы 2012 года. Казалось бы, народные волнения надо гасить выполнением предвыборных обещаний. Но происходит всё прямо наоборот. Демонстративно объявлена “эпоха непопулярных мер”. Вместо приостановления процесса примитивизации производства, дезинтеллектуализации труда и социальной сферы страна и дальше скатывается в разряд *развивающихся государств*. Различные подсчёты специалистов показывают, что реально проводимыми преобразованиями пользуется никак не больше четверти населения страны.

Весь мир отслеживает социальный климат общества и принимает меры по смягчению прессы несправедливости. Так, в США после Второй мировой войны была развёрнута большая программа перевода военных заводов на мирную продукцию и переобучение за счёт государства миллионов людей на мирные профессии. В 1960-е годы началась масштабная борьба с бедностью, была введена мощная система льгот в пользу нацменьшинств. В 1970-е годы стала реализовываться медицинская программа для престарелых и бедных. Кстати, янки многое почерпнули из практики Советского Союза. Эти и другие программы были направлены на поддержку того, кто по разным причинам проиграл в рыночной экономике.

Экономический кризис 2008-го и последующих лет показал исчерпанность “праволиберальной” философии хозяйствования. Пример тому — экономическая политика американского президента и заметное “полевение” общественного мнения в странах Европы. Пора и нам, наконец, отказаться от ошибочного понимания “правильного” капитализма.

Отказаться от замены идеи справедливости идеей потребления!

Об этом всё чаще и чаще стали говорить. Это свидетельствует о том, что проблема не только созрела, но и становится взрывоопасной. Так, предста-

витель Патриарха Русской Православной Церкви недавно высказался за переход от общества потребления к обществу достаточности.

По просьбе журналистов я дал свой комментарий. Привожу его без сокращений: “Идея мне близка. Одновременно хочу заметить, что она не нова. Эта мудрая теория существует довольно давно. Обращались к ней и в современной России.

Ещё лет 20 назад известный драматург Виктор Розов выступал на страницах газет на тему необходимости ограничения уровня потребления, говорил о том, что достаток должен быть разумным. Противники его “клевали”, парируя, что, мол, для каждого свои границы разумного, например, для бомжа – это бутылка водки.

Между тем, разумные люди понимали тогда и понимают сейчас, что общество потребления, господствующее в мире, тянет всех нас в бездну, поэтому придерживаться надо именно разумного достатка. Нужно искоренить стремление к вещизму, которое заслоняет собой всё духовное.

Но возникает вопрос: как эту теорию воплотить на практике? В этом направлении, думаю, должны работать и СМИ, и учёные. В своих статьях и передачах они должны неустанно повторять, что земные ресурсы ограничены, что человек не может жить духовно пустым, нацеленным только на пополнение своего кошелька, иначе человечество ждёт вырождение, и разбазаривание природных богатств поможет ему в этом. . . Если людям постоянно об этом говорить, они задумаются – не сразу, конечно, лет, может быть, через 20, но всё-таки опомнятся.

Считаю, что этой теме в своих проповедях должна уделять внимание и Православная Церковь. Пусть она покажет пример, как можно довольствоваться малым.

Кстати, при экономике достаточности в какой-то степени может быть реализован принцип социальной справедливости, так как отпадает потребность в огромных домах, дорогостоящих машинах, яхтах, то есть люди повернутся к вечным ценностям, к тем, которые, как правило, больше близки отнюдь не состоятельной части общества”.

Не успел представитель Церкви высказаться о смене общественной парадигмы, как на РПЦ обрушился шквал критики. “Либерально-демократическая” пресса завопила, что Церковь призывает создавать рабов, которыми легче манипулировать. Вот тебе и Конституция с социальной направленностью!

Подводя итог, нужно сделать вывод, что идея справедливости и социального развития оказалась предана и продана в ельцинские времена. Произошла великая криминальная революция, “удар рублём”, как метко охарактеризовал это время Солженицын.

У нас общество с левыми традициями. Сколько угодно можно бросать камни в социалистическую идею, но для большинства населения страны она жива. В основе её живучести – социальная справедливость. Идея справедливости встроена в идеологию левых и никогда не была встроена в программы либералов. Таковы, в общих чертах, мои размышления о природе справедливости в обществе.

НАРОД, ВЗЛОМАВШИЙ СИСТЕМУ

*Критик Андрей РУДАЛЁВ беседует с писателем Сергеем ШАРГУ-
НОВЫМ о событиях октября 1993 года и его новом романе*

Андрей РУДАЛЁВ: Прошло бурление разговоров, связанных с двадцатилетием событий октября 1993 года. Сказано было много, но в то же время — как будто и ничего. В сухом остатке — ощущение, что страсти до сих пор не улеглись или их так театрально преподносили. Противники тех, кто выступил на стороне Верховного Совета, и спустя годы не жалели желчи, не стеснялись в эпитетах и определениях, как будто основная их задача состояла в том, чтобы вновь закричать тему, назвать всех красно-коричневыми и мерзавцами. Часто эмоции били через край, как будто включили те достопамятные глушилки, которыми необходимо было пресечь поступления любой взвешенной информации, трезвого взгляда на события. Глушили, как будто понимая, что это всего на несколько дней, а дальше этот вопрос вновь уйдёт с актуальной повестки до следующего юбилея. Сергей, удовлетворён ли ты осмыслением тех событий спустя двадцать лет, по крайней мере, тем, как события октября 1993 года преподносили в СМИ?

Сергей ШАРГУНОВ: Во многом сознательно разговор о произошедшем тогда уводили в тупик. Федеральные каналы и официоз не могли проигнорировать эти события, но контролёры дискурса были обеспокоены тем, чтобы всё подать в нужном для себя ключе, вплоть до прокручивания бесконечных шаблонов о страшных погромщиках с арматурой.

А. Р.: Проблема в либеральном дискурсе, или всё-таки общество до сих пор не переварило те события, не осмыслило их?

С. Ш.: Общество в известной степени манипулируемо, и здесь важно, что до сих пор эта тема остаётся табуированной, запретной. Очень многие “прогрессивные” журналисты и иже с ними хотели бы как-то проскочить мимо этого события. Именно к этому сводится информационная и культурная политика последнего двадцатилетия. Так, многие преподаватели рассказывали мне, что на экзамене студенты не способны отличить 1993 год от 91-го, притом что способны рассказать о том, что было в XIX веке или веке XX. Надо понимать, что этот парадоксальный феномен есть результат сознательной информационно-культурной политики по замалчиванию произошедшего тогда.

А. Р.: На твой взгляд, в чём состоят основные причины этого табуирования?

С. Ш.: Люди, декларировавшие свою верность идеям демократии, конституционности, правам человека и плюрализму, на деле изменили им. Они

даже не считают нужным соблюдать принцип толерантности, который сами объявили базовым. Своих оппонентов они за людей и вовсе не считают!

Конечно же, мы все живем в условиях этого затянувшегося двадцатилетия. И политические, и экономические обстоятельства наших реалий — это прямое следствие событий 4 октября 1993 года. Кому-то это сложно признать, а кто-то просто не хочет этого делать. Показательно то, как эти события осмысливались в информационном поле. На Первом канале был показан фильм, снятый кремлёвским журналистом, о том, что во всём виноваты “красно-коричневые гады”. На канале “Россия” была программа, где собрались невнятные и непонятные отставники, которые готовы до сих пор вцепиться друг другу в горло, и в чём суть конфликта — так и не объяснили... И, наконец, была некоторая периферийная попытка сделать объективное расследование на канале НТВ со стороны журналиста Чернышёва, который впервые для российского телевидения показал тех баррикадников людьми. За это его мгновенно подвергли мощнейшей обструкции на интернет-партсобрании. Все акулы и перья накинудись на него и стали орать, что он мерзавец, конъюнктурщик. Хотя в чью пользу могла быть эта конъюнктура? Был ещё фильм молодых ребят на телеканале “Дождь”, где по-человечески говорили о защитниках Дома Советов. Этот взгляд нынешних двадцатилетних обнадёживает, потому что они понимают главное: нарушать Конституцию, расстреливать людей — нехорошо. Это заставляет нас вспомнить о том, что Борису Ельцину противостояли не только и не столько “суровые мракобесы”, как их именовали СМИ, но депутаты Моссовета, демократы первой волны, такие же ребята, как и эти журналисты.

А. Р.: Сергей, девяностые вообще многими драматическими событиями памятны для нашей страны. Был Беловежский сговор, была кровь в Чечне, людей обирали ваучерами, унижали их человеческое достоинство, а под шумок мародёры делили собственность преданной ими страны. На твой взгляд, чем все-таки принципиально выделяется из цепи всех этих событий именно октябрь 1993 года?

С. Ш.: Беспредельным беззаконием. Беловежский сговор — это, конечно, сговор. Верховный Совет хоть и ратифицировал эти соглашения, но не Съезд, и это одно из действий, которые не могли простить Съезду и его председателю. Попытка роспуска Государственной Думы в 1996 году была связана именно с денонацией беловежских соглашений. Это была болезненная тема для новой власти. Собственно говоря, события 93-го года — это ещё и попытка дать бой, постоять за единую страну. Степень этого разрыва тогда была ещё не очевидна. Огромное количество людей, в том числе разумная часть общества, не восприняли сразу Беловежье как окончательный приговор Советскому Союзу, они предполагали, что это новая форма союзного договора.

Да и ваучерная приватизация в стране, и шоковая терапия находились под контролем Парламента. Он не был противником рыночных реформ, но предлагал делать это медленнее. Будем объективными: тогда у демократов был кредит доверия в стране, поэтому они имели право на проведение таких реформ. Но демократы, в том числе и Съезд, столкнулись с тем, что есть один узурпатор, который слепо выполняет то, чего от него требуют “друзья Билл и Коль”, тогда и возник этот конфликт.

В России всё-таки было разделение властей. Был Парламент, Конституционный суд, Президент, а тогда всё это было переломлено через колено, и возник абсолютизм олигархического толка. Это как раз произошло в 93-м году.

А. Р.: Был допущен произвол, после которого “всё позволено”?

С. Ш.: Да, дальше можно было делать всё, что угодно, потому что кто сильнее, тот и победил. Это было всем продемонстрировано. Несогласные? Вот вам ОМОН! Ещё больше не согласны? Вот вам танки! И кончен разговор! Таким образом, была задана повестка на все последующие двадцать лет, и в России всем было продемонстрировано, что власть готова не считаться с законом.

А. Р.: Ты говоришь о кредите доверия, который в те годы был у демократов. Но ведь большим упрощением и неправдой будет сказать, что в октябре противостояли друг другу “красно-коричневые” и демократы. Это ложная установка, которую нам навязывают двадцать лет. В 93-м году произошёл “момент истины” для демократического лагеря, и острота накала борьбы тогда — следствие водораздела внутри этого лагеря.

С. Ш.: Так получилось, что среди них выделились и начали стремительно набирать вес те, кому была дорога Россия и её судьба. Они не очень любили советскую систему, хотели обновления, но при этом думали о благе страны и понимали, что она должна быть самостоятельной силой в мире. Они думали и об обычном человеке. Я не боюсь идеализировать. Считаю, что такие люди, как Михаил Астафьев, Илья Константинов, Виктор Аксюциц, Михаил Челноков, Сергей Бабурин и многие другие, которые были избраны на волне демократического движения, не порывали с основой русской жизни, они не были компрадорами. Была и другая часть демократов, которые сразу сказали, что для нас существует только Запад и интересы крупного бизнеса, а народ пускай вымрет, и Россия уйдёт с мировой арены. Будем сдавать территории, будем сдавать позиции. Это разделение внутри демократического лагеря оформилось в течение года – полутора лет. . .

Если сейчас будут честные выборы, то подобное разделение тоже возникнет. Условные Навальный с Удальцовым могут оказаться в расстрельном Парламенте. “Сколько нам открытий чудных” может предоставить путь свободных выборов, потому что многие люди эволюционировали на глазах. Они приходили, разрывая красные флаги, и первыми воздевали триколоры, а потом сталкивались с практикой так называемых реформ и начинали задумываться о своих избирателях в глубинке. Стали они размышлять о том, что происходит, почему такая политика, почему мы сдали наших соотечественников в республиках, почему рижские омоновцы посажены в тюрьмы с согласия Кремля? . . . Таким образом, Иона Андронов, который был доверенным лицом Бориса Ельцина, вдруг становится настоящим державником и освобождает рижских омоновцев и встречает на границе Сергея Парфёнова. Вот он, конфликт! По линии Кремль – Белый дом, патриотизм или компрадорство. Сейчас эту тему пытаются всячески замазать. Как будто нет очевидности, как будто не было этого противостояния, как будто не было понятного разделения по всем вопросам. А это разделение было.

А. Р.: Однако оппоненты не хотят этого признавать, для них всё, что связано с Верховным Советом 93-го, – зло. Этакая тёмная погромная стихия, страшное наследие тоталитаризма.

С. Ш.: Надо понимать, что большинство парламентариев – это своего рода обыватели. Они сначала повторяли лозунги либералов, потом увидели плоды происходящего и, конечно же, у них начало поворачиваться сознание. Не нужно забывать, что это был тот самый Парламент, который сделал Ельцина Ельциным, наделил его огромными полномочиями. А что касается либеральной интеллигенции, то они ни слышать, ни знать ничего не хотят. Чистая агрессия. Вот уж погромщики с арматурой, в самом деле! Любые аргументы отменяются: расстреливать–убивать, мрази-животные. Больше всего их бесит интеллектуальное оппонирование и попытка говорить на уровне фактов. Они хотят рассуждать на уровне эмоций, при этом сея мифы. “Они убивали милиционеров!” – например, орут они. “Я видел из окна, как там 2 октября. . . – заливается соловьём один из либеральных журналистов. – Мой сын кричал: “Папа-папа, они убьют его. . .” На самом деле, 2 октября на Смоленской площади не был убит ни один милиционер. Это есть в протоколах. Там действительно было зверское избиение мирных граждан свердловским омоном, но это не имеет значения для квазиинтеллектуала. Если выгодно, значит ОМОН уже становится братом, а старушки и ветераны, которых бьют, – это страшные погромщики с кольями и заточками. Все определяется с точки зрения выгоды.

Не хотел бы разговор направлять исключительно на политическую стезю, хотя в этом вопросе принципиально, думаю, что наш Верховный Совет – это люди, избранные на самых ярких, самых честных выборах в 90-м году. И к ним рано или поздно придут, обратятся, и тогда эти седовласые старики, быть может, окажутся единственной легитимной силой в нашем обществе.

А. Р.: Сергей, для меня начало 90-х – время действия твоего романа “1993” – время многоголосое, пустоголосое. . . с какофонией и мешаниной в головах. . . Быстротекущее, как песочные часы: тогда резво скакали “600 секунд”, умные головы до всеобщего счастья отмеряли 500 дней. В мешанине тех лет было всё: от ваучеров, баррикад и танков до Конституции, инвестиционных фондов и легендарного трехбуквенного МММ. Хаос, который искал хоть какого-то подобия порядка. Казалось, что всё само собой куда-нибудь

да выведет, и обязательно к лучшему, тем более, что каждому дали лотерейную путёвку в жизнь – ваучер.

В те годы я заканчивал школу, поступал в университет. На всё происходящее смотрел со стороны своего Северодвинска. Но уже тогда мне показалось, что символом тех лет стала “Будка гласности”. Она появилась на Красной площади за два года до знаковых октябрьских событий 1993 года. В неё по очереди заходили люди и в объектив камеры выкладывали всё, что у них на душе. “Будка” слала обращения к власти, стране и всему человечеству, транслировала размышления о судьбах, речи о настоящем и будущем, вплоть до призывов, которые сейчас можно охарактеризовать как экстремистские. “Будка” давала полуминутное ощущение сопричастности простого человека всему тому, что происходит в стране. Эту сопричастность многие люди по-настоящему чувствовали и верили, что держат руку на пульсе. Было ощущение, что всё в твоих руках и всё можно изменить, а для этого достаточно открыть людям глаза. Твои-то уже открыты!

Голоса были музыкой того времени, иногда они перебивались лязганьем гусениц и танковыми выстрелами, как в 91-м и 93-м. Голос воспринимался тем самым архимедовым рычагом, с помощью которого, как наивно полагали, многое можно изменить, достаточно только проявить волю и заявить об этом. Что-то подобное ловил в своё время Александр Блок в поэме “Двенадцать”.

Многоголосие, шум времени есть и в твоём романе “1993”.

С. Ш.: Моя книга – не сборник листовок, я не делаю никаких политических выводов, пытаюсь показать людей, в том числе разных взглядов. И эти люди, которые думали, что на что-то могут повлиять, они шли, с одной стороны, на Останкино, чтобы донести свою правду до страны, с другой стороны, они, поверив тогдашнему Останкино, пошли на защиту Моссовета с портретами Ельцина. И те, и другие были идеалистичны. Что бы ни говорили о девяностых, да, это, конечно, время больших потрясений, но это и время больших надежд и больших идеалов. Именно поэтому моя задача состояла именно в художественном изображении того времени, я старался избегать однозначных оценок. Это заметили все, включая самых ангажированных махровых критиков. Роман – всё-таки рассказ о людях. В центре книги – история обычной семьи, простых людей, их отношений. Одновременно это история социального краха: человек занимался ракетами, был электронщиком, а превратился в простого электрика. Важно было показать, что люди естественным образом могли быть закручены в водоворот событий. Им тогда казалось, что история рукотворна, что нет этого отчуждения государства от обычного человека.

Во многом это было наследием советского проекта, он был пропитан идеей народовластия. На самом деле это не было фикцией, не надо говорить, что всё это бред. Можно было пожаловаться на любую ситуацию, и была обратная связь. После письма в газету многое менялось. Я знаю десятки примеров, когда приезжал журналист в ту или иную местность, и всё: убирали плохого начальника. Можно было пойти в райком, обком – была абсолютная обратная связь. И в этом смысле система Советов была важна тем, что создавала огромное количество органов самоуправления на местах.

Люди воспринимали Перестройку как обновление социалистического проекта, и главный лозунг, с которым выходили в конце 80-х – начале 90-х годов: “Вся власть Советам!” То есть у людей было желание сделать народовластие реально действующим механизмом. На этом в своё время возвысился академик Сахаров. С этим шёл Ельцин, который говорил: да мы за социализм, но без привилегий, чистый, свободный от всего ложного и наносного. Он рассуждал так: я езжу на трамвае; меня тошнит, когда я беру бутерброд с осетриной...

Про многое из этого мы забыли, как забыли и о том, что надо жить одной жизнью со страной.

А. Р.: Твоего героя Виктора Брянцева зовут “ватный богатырь”. Ему и людям, подобным ему, подрубили крылья, или он был изначально не способен как-то себя проявить, реализовать – этаким созерцатель обломовского типа?

С. Ш.: Сложно сказать так об этом герое, ведь “ватным богатырём” его называет соседка. Это такой злобный женский взгляд на героя. Потом за ней подхватила и его супруга. В этом есть что-то от вайны полов и женского кинжального огня. На самом деле, он трудяга. Он тянет семью, он умница, он мастер. Человек, сделавший себя сам: был моряком, стал учёным, потом смог спокойно работать с трубами в подземелье. В нём есть лёгкая обломов-

щина, которая может сочетаться с подвижничеством. Это такой Илья, которые не всё время лежит на печи, он трудится, а потом приходит домой, раздевается до семейных трусов и заваливается на печь. Это нормально. И тут, когда он заваливается на эту печь с газеткой, чтобы решать кроссворды, заглядывает соседка и начинает рассуждать о том, что он “ватный богатырь”...

Конечно, в Викторе есть все нормальные мужские качества, но он сломлен личностной ситуацией. Оглушён. И в конечном итоге, он оглушён временем, социальным сломом внутри семьи, внутри общества. Под конец он оказывается фатально оглушён и выстрелами, и тем, что на его глазах убивают людей. Люди того времени на самом-то деле были советскими непугаными идиотами. Наша Россия на самом деле была более европейской страной к началу Перестройки, чем сейчас. Отсюда, кстати говоря, пресловутые столкновения с милицией, с ОМОНОм. Люди не думали, что их за это потянут в тюрьму. Было нормально выражать свой протест. Было ощущение внутренней свободы. И пойти к телецентру, потребовать выхода в эфир, чувствуя на это право, было тоже нормой. Бандитский расстрел собравшихся – вот начало наших нынешних несчастий.

А. Р.: Важный момент в твоём романе, что Виктор идёт по жизни в постоянном ожидании чуда, ещё с детства...

С. Ш.: Это не только советская история. Это русская история. Ожидание чуда – это русское. Оно отразилось в его странной любви к жене. И в том, как он оказывается вдруг увлечён происходящим в стране и тем, что он, сорвавшись из дома, угодил в эпицентр конфликта. В нём есть адекватность, нормальность. Если бы обстоятельства сложились иначе, жена бы по-другому вела себя, наверняка бы он остался дома, как и огромное количество русских людей, которые всегда были на грани. Кто-то перешёл эту грань, и их много среди погибших. Я видел их лица, биографии читал. Обычные люди, которые вдруг срывались и попадали под пули снайперов. А большинство-то осталось дома! Собачились с женой или решили выпить лишний стакан, посидеть у телевизора, сжав кулаки. Он мог бы быть в этом большинстве, но всё же примкнул к меньшинству тех, кто ринулся в бой.

Ожидание чуда было свойственно всем людям, которые выходили тогда на улицу. 3 октября – для кого-то это день погрома, а для кого-то – праздник чуда. Это прорыв гражданами всех оцеплений, это освобождение Парламента людьми, которых избивали столько дней. Это ощущение победы. Вот оно, чудо безоглядное! Неизвестно, что впереди, но понятно, что впереди не что сказочное.

Шальное ощущение, что будет эфир, будет возможность передать привет своему городу, посёлку, кто-то споёт песню, и будет всё совсем новое, другое. Всеобщее ликование, объединившее и красных, и державников, и демократов-народников – вот что такое 3 октября! И конечно, всё это было подавлено системой, которой они противостояли.

Другое дело, что огромное количество интеллигенции опасалось этой “тёмной” стихии – они поддержали расстрел. И уже после событий интеллигенция либерального толка оказалась не способна к откровенному разговору. Вместо него она предлагала игру на эмоциях. Здесь хотелось бы добавить, что у нас нет настоящих либералов, нет настоящих демократов. Такие люди, как Максимов, Зиновьев, Синявский, даже Лимонов – это вольнодумцы. Забытое слово. Остальные слова очень дискредитированы.

А. Р.: Можно сказать, что именно после 1993 года у власти чётко прослеживается боязнь улицы, открытого разговора, когда люди предъявляют власти свой счёт. Стали усиленно навязывать мысль, что политика не делается на площадях, что туда выходят только горлопаны, крикуны да погромщики, а все решения принимаются в тиши кабинетов. Эта кабинетная политика, кабинетный разговор с народом и стал стилем правления последнего времени. Справедливости ради следует отметить, что и народ, крайне униженный в девяностые, оглушённый выстрелами и танковыми залпами, сам не очень стремится говорить во весь голос, как-то проявлять себя. А ведь это крайне необходимый и цивилизованный способ предъявления своих требований. Отсюда у власти создаётся иллюзия практически безграничного волюнтаризма, *карт-бланш* на любые свои действия. Отсюда кабинет даже самого мелкого чиновника, клерка становится чуть ли не центром мира, где творится мистерия власти.

Ещё один важный момент относительно твоего главного героя. Виктор Брянцев, он ещё и бессмертие ищет, и в октябре 1993-го он увидел, что люди, вышедшие на улицу, тоже находятся в поисках этого самого бессмертия...

С. Ш. Поиск бессмертия — это и есть тот поиск чуда, желание преодолеть границы реальности, земные удерживающие границы бытия, что свойственно русской мечте. Здесь рядом и справедливость, и высшая свобода. Об этом писал и Николай Лосский, и Николай Бердяев. Невидимый Жан-Поль Сартр тоже был с этими людьми 3 октября, потому что русская свобода во многом экзистенциальна, связана с ощущением бренности этого мира. Как писал Александр Блок: “У поэта всемирный запой, и мало ему Конституций”. Конечно, Конституция была поводом для конфликта, но в принципе, это ещё было глубоко поэтическое действо — всё, что было связано с драмой 93-го года.

А. Р.: Твой герой умирает на пике событий. Инсульт, от которого умер Виктор Брянцев, — это всё-таки случайное явление, но была ли у него возможность выжить и что бы с ним произошло дальше? Что стало бы с человеком его типа, которого унижали, растапывали его гордость — она была присуща простому человеку в Советском Союзе. Он был инженером — представителем высшей касты, а его закинули под землю. Он приложил руку к созданию лунохода, а новые реалии заставили его чинить трубы...

С. Ш.: Мне пригодились репортёрские навыки, перед глазами были примеры людей, с которыми я общался, расспрашивал их, отчасти зарисовывал их. Знаю и относительно благополучные примеры семей, которые были в бедности, в тяжёлом положении, но они прошли эти девяностые. Думаю, что Виктор работал бы на аварийке и дальше. Не уверен, что он стал бы челноком. Но конкретно в этой ситуации, возможно, там был бы конфликт и развод. Причём не исключаю, что Лена с её взбалмошностью и сама бы могла внезапно рвануть из семьи. Хотя — как знать... Это вопрос для меня открытый.

Знаю людей, которые оказались закрученными вихрем 93-го года, и с тех пор никогда не выходили на улицу. Вот в чём я почти не сомневаюсь, так это в том, что Виктор после расстрела Белого дома не стал бы больше никогда уличным активистом. Он бы не ходил уже на митинги, может быть, даже остался бы глубоко равнодушен к президентским выборам 96-го года. Я знаю таких людей, которые были по-настоящему опалены событиями того времени, и Виктор оказался оглушён, контужен, по сути, этими залпами. Знаю большое количество людей, которые в начале девяностых с порывом бросились против несправедливости, и на моих глазах они полностью увяли. Они даже спустя годы не были готовы принять ничего, в том числе новую оппозицию. Как будто отрезало. Кто-то ещё пытался барахтаться, но в основном это были люди, которые ушли с улицы, потому что их угостили свинцом.

А. Р.: Оставались ли у твоего героя силы, чтобы не спиться, не опуститься, не уйти дальше под землю?

С. Ш.: При внешней мягкости у Виктора есть стержень. Он бы точно не спился. Но многие его друзья-бедолаги, у которых идеализм был не настолько ярко проявлен, могли бы спиться. Кувалда или Клещ, например. Как знать...

А. Р.: Прошло двадцать лет. Как изменился человек такого плана, как Виктор, семьи, подобные его семье?

С. Ш.: Появился Петя — безусый белоленточник, внук Виктора, который никогда не видел своего деда. Он стихийный патриот, социалист и демократ, хочет справедливости. Он ищет её в интернете, при этом не может до конца разобраться, что же хорошо, а что плохо. Пётр оказывается закручен новыми событиями, где-то фарсовыми, а во многом игровыми. Но захваченный игровыми событиями Пётр попадает в реальную тюрьму.

Появляются новые правдоискатели, и они той же системой показательно караются. Пётр — мечтатель. В нём может быть есть что-то лунатичное, но я думаю, что в нём присутствует и такая офицерская косточка: в нём есть представление о чести и о мужестве. Важно, что это продолжение пути русского человека. А русский человек, как говорил тот же Лосский, — максималист, его природа — поиск справедливости, желание бороться с подлостью. Он может быть менеджером среднего звена, сидеть в корпорации и до поры до времени демонстрировать лояльность, а внутри у него всё может клочкотать. Поэтому я думаю, что русского человека невозможно закатать. Другое дело, что есть ещё русская страсть к порядку. Это порыв хаоса, который хочет быть

окольцован порядком. Это такая глубоко диалектическая, таинственная и даже мистическая тема: желание жить в сильной стране и при этом абсолютная вольница в душе. Во многом это проявилось и в 93-м году, и вообще за последнее двадцатилетие.

У меня не вызывает сомнения, что русская стихия ещё рванёт, и книга “1993” – это книга-предупреждение, книга-предчувствие и книга-размышление о судьбах русских людей. По-настоящему то, что произошло в 93-м году, не осмыслено. Мне было важно разыскать неизвестную правду о сентябре-октябре 93-го, покадрово восстановить происходившее тогда. Здесь пригодился опыт работы в парламентской комиссии по расследованию тех событий и общение с близкими погибших. Кстати, 3 октября у мэрии была ранена сотрудница “Нашего современника”, и эта мимолётная страшная сценка есть в книге. Есть и стихи Наташи Петуховой, барда и спелеолога, расстрелянной с женихом Алексеем Шумским у телецентра.

Ещё было важно создать семейный роман об обычных людях. Роман о деле: всё-таки там достаточно много сказано об их работе, в том числе об аварийной службе.

А. Р.: Помню, ещё лет семь назад, когда Александр Проханов приезжал в мой родной Северодвинск и побывал на предприятии “Севмаш”, то говорил, что нужен роман о таких заводах, о таких людях. Это гигантский пласт жизни, этих людей наша литература долгое время будто не замечала. Вот лично тебя не напрягают сравнения с соцреализмом, с производственным романом?

С. Ш.: Мне кажется, что этого не хватало литературе, обществу. Нам не хватает рассказов о том, как сейчас живёт завод, например, “Севмаш”, на который ты меня водил и на котором были яркие, интереснейшие люди. Помню своё общение с ними. Точно так же, когда был в Челябинске, сразу отправился на Челябинский тракторный завод. Сейчас это не описано, этого нет в литературе. Такое ощущение, что в центре прозы, как это пошло с начала девяностых, оказывается альтер-эго автора – рефлексирующий интеллигент. Пишут о журналистах, о литераторах, а учителя, офицеры, инженеры, врачи, рабочие и крестьяне – их как будто бы не существует. Но в реальной-то жизни они есть! Обращение к ним не должно быть наигранным. Мне кажется, что у меня эти люди получились достоверными. Почему бы и не написать о тех, кто вокруг и кто на самом деле составляет большинство.

“ОТ НАРОДА ЗАВИСИТ ВСЁ”

Самое дорогое, что может желать для себя издатель литературного журнала, — это услышать слова благодарности от своих читателей. Этим благодарным словом народным не обделён и наш журнал. Не для собственного самолюбования мы публикуем несколько раз в год на своих страницах живое читательское слово. Это наша связь с читателем, с его мнением о литературе, обо всей нашей жизни. Мнение народное, в конце концов, решает всё. Это знал ещё А. С. Пушкин, вкладывая слова “сильны мы мнением народным...” в уста одного из своих героев. Народ же нашей России — это не бессловесное стадо, как, может быть, полагают создатели псевдокультуры, к сожалению, заполняющей ныне телеэкраны и страницы глянцевого журналов, и горе-политики, ставящие свои эксперименты над нашим народом, над его долготерпением. Нет, наши люди читают серьёзные журналы, наши люди мыслят и мучительно ищут в своих размышлениях выход из сложных ситуаций нынешней жизни, выход не только для себя, но и для всей страны, для России. Пусть кому-то размышления наших читателей покажутся наивными, а нам они дороги, они нам важны, без них мы и не мыслим нашей творческой работы, потому что мы понимаем, что “...от народа, творца истории, в конечном счёте, зависит всё, если он не полагается на иных “творцов”. Трудно не подписаться под этими словами. Эти слова наших читателей придадут нам сил, заставляют верить в лучшее будущее нашего народа, всей нашей России.

“НАШЛА СВОИХ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Отвыкнув в последнее десятилетие от привычного прежде чтения литературных журналов, я недавно прочла несколько номеров “Нашего современника”. Обрадовалась, когда нашла среди авторов своих единомышленников.

Мне кажется, положение дел в нашей стране развивается так же, как это происходило в своё время в Англии и Франции, где после реставрации Бурбонов, по выражению Талейрана, вернувшиеся к власти господа “ничего не поняли и ничему не научились”. Научился народ, и грядущие революции обошлись уже без гильотины.

XX век страшнее, и Россия — не Франция, но и у нас эта историческая закономерность проявляется в том, что за революционными потрясениями следуют контрреволюционные, но возродить отвергнутый революцией социальный строй уже не удастся. Часть революционных преобразований возвращается под давлением народа, от которого, творца истории, в конечном счёте, зависит всё, если он не полагается на иных “творцов”. Трудно быть оптимистом, ведь катастрофически падает уровень народного образования и просвещения; новые, якобы “научные” догмы тиражируются СМИ и усваиваются детьми едва ли не с дошкольного возраста. Но из того, что в области техники Запад обогнал нас, не следует, будто он преуспел и в области фундаментальной науки.

Радует пробуждающийся интерес к истории России и СССР. Возможно, история науки (например, искажённая история физики XX века) тоже кого-нибудь заинтересовала бы, если бы на страже корпоративных интересов не стояли редакционные коллегии подавляющего большинства научных журналов, наших и зарубежных.

С благодарностью Вам и Вашим соратникам и наилучшими пожеланиями, искренне Ваша

Светлана Александровна Толчельникова-Мурри
г. Санкт-Петербург

“СКОЛЬКО МОЖНО ВЫСАСЫВАТЬ СОКИ ИЗ НАРОДА?”

Добрый день, здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич и все Ваши коллеги!

Пишет Вам Людмила Семенченко из Волгоградской области. Огромное спасибо, что опубликовали моё предыдущее письмо в журнале, не ожидала! Удалось взять в нашей сельской библиотеке № 6 “Нашего современника”; прочитала часть романа А. Проханова “Время золотое”. А вот № 7 не будет, сказали в библиотеке. А так хочется дочитать! Была потрясена: пишет замечательно, ярко, легко. Если это возможно, передайте Александру Андреевичу огромную благодарность за роман, за то, что не согнулся в 90-е годы, с честью выстоял, когда шельмовали газету “Завтра” и его самого, за то, что не продался, как другие. Мы смотрели “Поединок” В. Соловьёва, и Проханов всегда побеждал! Конечно же, мы, как и все честные люди, были на его стороне.

Нет слов, чтобы выразить сожаление и боль от того, что сделали со страной наши правители, начиная с Ельцина и его команды и кончая сегодняшней парочкой. “Не в ту степь” ведут Россию эти друзья!

Я, бывший экономист совхоза, с болью вижу: сельское хозяйство России погублено, а ведь по большому счёту – это основа экономики. Миллионы гектаров брошенных земель, а результат? Чеснок из Китая, свёкла из Польши, огурцы из Турции и т. д. Своим селянам не дают работать, разоряются фермеры – их задушили налогами, высоченными тарифами. Госдотаций практически нет.

О Путине у нас, людей из глубинки, такое мнение: под личиной “своего в доску” парня скрывается неукротимое властолюбие. На словах он ратует за граждан, а на деле покровительствует олигархам. Посылаю Вам вырезку из “Экспресс-газеты” (№ 965) о Чубайсе, пишут, что “зарплата” у него в “Роснано” около 1 млн рублей в месяц и оплата служебного транспорта – 1,5 млн рублей в месяц. А у простого народа зарплата у нас в провинции – 4–10 тыс. руб., в лучшем случае – 15 тыс., а пенсии?.. Лучше не вспоминать. Сколько же можно высасывать соки из народа, где же совесть? Она у них “не болит”, как говорил В. Высоцкий. Интересно, был бы он жив сейчас, что бы он спел про нынешние времена?..

Вернусь к роману Проханова. Может, я чего-то не понимаю, но мне кажется, что Александр Андреевич, в конце концов, верит Путину, верит в то, что он стал другим. Я с этим категорически не согласна. Идёт третье его “царствование”, а народ стал ещё более бесправным, запуганным, боятся протестовать даже на митингах – ОМОН искалечит. Откуда возьмутся обещанные Путиным 25 млн рабочих мест, если нет производства?.. Это мечты “кремлёвского мечтателя”. В нашей Волгоградской области сельское хозяйство погибло, гибнет промышленность: алюминиевый завод “консервируют”, цены на электроэнергию растут, скоро алюминий будем из Китая завозить. Тракторный завод не работает, металлургический завод “Красный Октябрь” не работает, “Химпром” – тоже, канатный завод – тоже. Неужели глава государства не знает об этом?.. Зато Волгоград готовится к чемпионату мира по футболу в 2018 году! Брошены огромные средства на эту показуху. Вот где “кормушки” для воров!

Уважаемые друзья, простите за многословие, вы и сами всё видите и знаете. Сил вам, здоровья, благополучия!

Станислав Юрьевич, присоединяюсь к поздравлениям с присуждением Вам Патриаршей литературной премии! Здоровья Вам на долгие годы, дорогой наш Человек!

С уважением и любовью

Людмила Анатольевна Семенченко
пос. Береславка Волгоградской области

“ЧИТАЛ НЕ ОТРЫВАЯСЬ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С огромным интересом прочитал роман А. Проханова “Время золотое”. Читал не отрываясь. Блестящий язык, великолепный сюжет. Всё время не покидало чувство личного участия в происходящем. Прекрасно выписанные и легко угадываемые прототипы.

Передайте А. Проханову пожелания здоровья и благополучия.

Алексей Подувальцев
г. Москва

РОМАН О РУССКОМ ГЕНИИ

Уважаемая редакция!

Позвольте мне поблагодарить вас за публикацию в вашем журнале (№ 3 текущего года) романа Анатолия Рогова “Мой гений, мой ангел, мой друг” и выразить автору восхищение его романом.

С какой настойчивостью, теплотой, любовью и мудростью пишет он о поэте Василии Андреевиче Жуковском, тонком лирике, умевшем затронуть самые нежные струны души. Писать о таких людях, на мой взгляд, очень трудно: они не из нашего материального мира, они из духовного царства.

И за то, что автор взял на себя такой труд и познакомил нас с Жуковским, позвольте выразить ему душевную признательность и передать низкий поклон от читателей.

Желаю ему здоровья и духовного творчества!

Л. И. Соколова
г. Москва

“В ЖУРНАЛЕ НЕТ НИЧЕГО ЛИШНЕГО”

Уважаемая редакция!

Очень жду всегда каждого номера, ваш журнал – как спасательный круг для души. Особенно внимательно читаю статьи А. Казинцева (просто изучаю!). В № 5 с волнением и благодарностью прочитала роман давно любимого А. Лиханова. Низкий ему поклон за очень человечную прозу, и особенно – за деятельность на посту председателя Российского детского фонда. Это подвиг!

Спасибо за стихи Ю. Ключникова, И. Тюленева, Д. Кан и других. Да и вообще – в журнале нет ничего лишнего, читаю от корки до корки. 1 сентября хочу отнести знакомому школьному учителю горькую статью В. Троицкого о политике духовного геноцида в школьных программах по словесности. Передайте слова благодарности всему коллективу, авторам журнала и его мужественному главному редактору Станиславу Куняеву.

С уважением

Валентина Ивановна Болошенко
г. Омск

“В КАТЫНСКОМ ДЕЛЕ РАНО СТАВИТЬ ТОЧКУ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С большим удовольствием и стопроцентной солидарностью прочитал Вашу книгу “Шляхта и мы”. Под впечатлением от прочитанного у меня родилась

мысль написать свои воспоминания о Катынской трагедии, связанные с моим военным детством, что прошло в тех местах на Смоленщине. Меня могут спросить: почему я, располагая такими сведениями, столь долго молчал? Отвечу кратко: мои научные интересы находились в другой плоскости. И лишь после прочтения книги “Шляхта и мы”, а затем и ещё нескольких серьёзных и глубоких публикаций на эту тему я загорелся такой мыслью.

Мой отец, Васильков Яков Филиппович, в 1940–1941 годах служил лесником недалеко от тех мест, где произошла Катынская трагедия – погибли польские военнопленные, в основном – офицеры.

Домик лесника, в котором мы жили, стоял на опушке леса у грунтовой дороги – большака, соединявшего г. Смоленск с большим населённым пунктом Ольша. Это западнее Смоленска. Дорога проходила параллельно шоссе Смоленск – Витебск, только немного севернее. А в 1939–1941 годах шло интенсивное строительство шоссе Москва – Минск, и на этом строительстве работали польские военнопленные вплоть до начала войны, до июня 1941 года. Их не успели никуда вывезти. Здесь же в окружение вместе с поляками попали и десятки тысяч советских военнослужащих.

Когда началась война, отец ушёл защищать Родину, но в том же 1941 году его часть попала в окружение восточнее Смоленска, на Днепре, на Соловьёвой переправе. Будучи лесником, он хорошо знал окрестности Смоленска и сумел лесными тропами выйти из окружения и вернуться домой.

В это время оккупанты стали создавать местные органы управления и отца назначили лесничим. Лесной массив, за который он отвечал, вплотную примыкал к посёлкам Красный Бор, Гнездово, Катынь. Осенью 1941 года оккупанты стали приезжать к нам на заготовку дров. Рабочей силой у них были военнопленные. Отец по долгу службы отменял какие-то наряды, смотрел за вырубкой леса и, конечно, разговаривал с заготовщиками дров. Дома он рассказывал, что среди пленных много поляков, да и мы, дети, обратили внимание на необычную одежду военнопленных, носивших к тому же характерные польские офицерские фуражки.

Отец немного знал польский язык, так как в детстве их семья жила в Белоруссии и переехала на Смоленщину, получив ещё до революции по реформе Столыпина землю под хутор в 10–15 км от Катыни. Итак, нет сомнения, что осенью 1941 года в лагерях военнопленных под Смоленском были и поляки.

Летом 1942 года отец бросил работать лесничим, и наша семья вернулась в свою деревню Воронино. Я рассказываю эту историю потому, что она поможет разобраться в Катынской трагедии.

По факту расстрела поляков в Козьих горах имеется две версии. Одна, выдвинутая гитлеровско-геббельсовской кликой: польских военнопленных в 1940 году расстреляли советские спецслужбы.

Другая версия обоснована авторитетной комиссией во главе с известнейшим нейрохирургом Бурденко. Поляки были расстреляны фашистами осенью-зимой 1941–1942 года. Я хорошо помню рождение обеих версий, хотя мне и было тогда 12–13 лет.

В начале весны 1943 года геббельсовская пропаганда развернула вокруг захоронений в Козьих горах (Катынь) огромную пропагандистскую кампанию. Издавались большими тиражами местные газеты, в которых печатались “свидетельские показания” очевидцев: кто-то слышал, кто-то видел, как расстреливали поляков. Мы, местные жители, знали многих из этих “свидетелей”. Это были люди, которые либо полностью продались фашистам, либо деградировали как личности. Но теперь хорошо известно, что многих “свидетелей” фашистские палачи пытали и заставляли давать нужные показания.

Фашисты начали раскопки захоронений, чтобы доказать, что поляки были убиты русскими, и этот лейтмотив тогда звучал во всю мощь в пропаганде оккупантов.

После освобождения Смоленска 25 сентября 1943 года на место расстрелов в Катынском лесу (Козьи горы) была прислана Советским правительством авторитетная высококвалифицированная комиссия по расследованию факта массовых убийств польских военнопленных. Она доказала, что убийство совершили фашисты. И это никто до распада СССР не ставил под сомнение.

Если фашисты утверждают, что польские военнопленные, офицеры были расстреляны в Советском Союзе в 1940 году, то почему они об этом заявили только в апреле 1943 года, а не в августе-сентябре 1941 года? Ведь Смо-

ленск они захватили к концу июля 1941 года и тщательно изучили его западные пригороды, так как здесь разместилась штаб-квартира гестапо (р-н Красный Бор), далее на запад в районе Катынь-Никулино была создана школа абвера по подготовке шпионов и диверсантов. Более того, вермахт здесь, в 5–7 км от места гибели поляков, организовал кладбище своих погибших и умерших вояк. Я лично видел в 1944 году сотни берёзовых крестов с касками, стоящих вдоль железной дороги от Смоленска на запад.

Наконец, здесь было выбрано место для бункера Гитлера. Он намеревался приехать в Смоленск накануне взятия Москвы осенью 1941 года, чтобы лично принять ключи от Москвы. Этот бункер начал строиться осенью 1941 года. Он и сейчас стоит. А кто его строил, может быть, те же пленные поляки?.. Вряд ли гестаповцы оставили кого-то из них в живых. Так что говорить, что гитлеровцы “не знали” о месте расстрела поляков, если оно и было, просто смешно. У них была неплохая разведка, и шпионаж был поставлен на широкую ногу.

Почему же Гитлер с Геббельсом так зарадели полякам в апреле 1943 года, когда начались раскопки могил, почему у них возникла идея раскрутить “польскую карту” с расстрелом военнопленных офицеров, якобы совершённым советскими чекистами, именно в начале 1943 года?

Именно в это время начал происходить коренной перелом в войне. Гитлеровцы поняли, что им не бывать властителями мира. В феврале 1943 года перестала существовать 6-я армия Паулюса на Волге. Почти в это же время потерпела сокрушительное поражение немецко-итальянская армия Роммеля в Северной Африке: там они потеряли, по утверждению Эйзенхауэра, только пленными 240 тысяч человек, а английская и американская авиация стали методичски превращать в развалины целые города Германии.

Гитлеровская клика, генеральская оппозиция, другие круги Германии усиленно искали пути выхода из исторического тупика. А в это время в Советском Союзе и на берегах Темзы шло активное формирование Войска Польского. Нетрудно предположить, что именно в это время в окружении Гитлера-Геббельса и возникла идея разыграть польскую карту. 10–13 марта 1943 года Гитлер прилетал в Смоленск. О чём здесь велись переговоры?.. Сведения очень скудные. Но хорошо известно, что уже в начале апреля того же года, практически сразу после возвращения Гитлера из Смоленска развернулись раскопки польских захоронений. Вернее, ям, в которых находились убитые. Всё это сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Цель этой кампании была многообещающей: фашисты хотели разжечь антирусские и антисоветские настроения среди поляков.

Вторая, не менее важная цель состояла в том, чтобы вбить клин между союзниками. Известно было, что между Сталиным и Черчиллем возникли серьёзные расхождения по вопросу о будущем Польши, её границах. Гитлер и его окружение настойчиво искали пути, которые привели бы к разрыву союза трёх держав антигитлеровской коалиции.

Наконец, нельзя забывать, что к лету 1943 года Гитлер планировал широкомасштабное наступление под Курском, для которого нужна была живая сила. Гитлер настойчиво требовал от своих сателлитов и марионеток формирования новых подразделений для Восточного фронта. Не выпала из поля его зрения и оккупированная Польша.

А ведь в это время в самой Польше гитлеровцы убили, заморили голодом и истязаниями сотни тысяч мирных жителей. Около 5 миллионов поляков были насильственно переселены из западной части Польши на Восток.

После окончания Второй мировой войны все злодеяния фашистов были тщательно рассмотрены на Нюрнбергском процессе. Возникает вопрос: если комиссия Бурденко сделала неправильные выводы, то почему в Нюрнберге никто не опротестовал выводов судей?

С позиций сегодняшнего времени видно, как всё больше грязи и нелепостей приклеивается к этому делу, чтобы очернить нашу страну. Я хорошо помню первый обелиск на месте трагедии. На нём указывалось: “Здесь захоронены 13 тысяч польских военнопленных, расстрелянных фашистами в 1941 году”. Сейчас, говорят, эта цифра выросла чуть ли не вдвое.

Мне рассказывал опытный смоленский историк-краевед Леонид Котов, что он не сомневается в том, что поляки были расстреляны гестаповцами. У него по этому поводу было собрано много фактического материала.

Я поддерживаю мнение В. И. Илюхина, что в начале 90-х годов была создана группа историков, призванная внести свои коррективы в некоторые закрытые документы. Руководил этой группой С. Шахрай. На основе этих “коррекций” и строятся обвинения в адрес нашей страны.

Некоторые историки из этой группы уже ушли в мир иной, хотя они были молоды. Так, внезапно скончался сын моего хорошего товарища смолянина С. Павлюченков. Последние годы он работал в Московском педагогическом университете, получив звание профессора в возрасте 35 лет.

Подводя итог вышесказанному, делаю вывод, что в Катинском деле рано ставить точку. Надо его изучить глубже.

Леонид Яковлевич Васильков,
кандидат исторических наук
г. Москва

“БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА РУБЦОВА!”

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Пишут Вам из г. Нижнекамска в Татарстане. Года три тому назад я вплотную познакомился с Вашим журналом и сделался его постоянным читателем. Сожалею, что это моё знакомство сильно запоздало. Но как издавна говорят на Руси: “Лучше поздно, чем никогда”. Творческие люди, объединившиеся в Вашей редакции, обеспечивают высокий уровень материалов, публикуемых в “Нашем современнике”. Меня радует и проза, и поэзия, и публицистика, и критика. За всеми материалами видится высокий профессионализм редакторов и самих авторов. Без пропусков читаю с неослабевающим интересом все публикации Александра Казинцева, Сергея Кара-Мурзы и других авторов. Весь 2012 год был прикован к Вашим материалам “В борьбе неравной двух сердец”. С нетерпением ждал в очередной раз выхода номера журнала. Страстность и точность Вашей аргументации в отстаивании той или иной мысли чем-то напоминает мне знаменитого критика Д. И. Писарева. Вы проявляете себя как истинный математик (хотя по биографии им не являетесь). Как правило, чтобы убедить читателя, Вы приводите все необходимые и достаточные факты, раскрывающие истину. После прочтения Ваших скрупулёзных заключений мне всякий раз вспоминалось излюбленное присловье математиков: “Что и требовалось доказать!”

С творчеством Николая Рубцова и его жизнью я начал знакомиться с 1981 года, совершенно до того времени ничего не зная о нём. А он, оказывается, к тому времени уже 10 лет лежал в могиле! Полюбил я его с первого прочитанного стихотворения “Берёзы”. Оно и воодушевило меня на изучение его творчества. К настоящему времени прочитал почти всё из него и многое, опубликованное о нём. На моём письменном столе лежит самая толстая книга: “Рубцов: документы, фотографии, свидетельства”. Автор – В. В. Суров. И даже после её выхода выясняется много чрезвычайно интересного из Ваших публикаций. К тому же Вы исправили и некоторые из утверждений М. В. Сурова и других авторов, исследовавших творчество и до обидного короткую жизнь замечательного поэта. Большое спасибо Вам за Рубцова!

О себе скажу: моя биография похожа на биографию Рубцова. Родился я в 1941 году, воспитала меня и мою сестру старенькая бабушка, благодаря ей я не оказался, как Рубцов, в детском доме. Окончил Казанский университет и аспирантуру при нём, 33 года преподавал курс высшей математики в Нижнекамском химико-технологическом институте. Всегда внимательно относился к живому слову. Точность, яркость и образность речи позволяет держать внимание аудитории и вызывает интерес к изучаемому предмету. В местной газете стал публиковать свои материалы о природе, путешествиях и встречах. Изредка печатал и стихи. В 2009 году вышла моя первая книга прозы, в 2010 году я переиздал её, добавив новые материалы. Посылаю Вам оба выпуска книги.

С уважением

Николай Михайлович Матвеев
г. Нижнекамск, Татарстан

“ЧТОБЫ ВЫ РАДОВАЛИ НАС”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам рядовая читательница Вашего журнала. Огромное Вам спасибо за весь материал журнала. Многое, о чём пишет журнал, мне очень дорого. Особенно работы таких Ваших авторов, как Михаил Делягин, Михаил Лемешев, Владимир Смык и многих других. Особое место я отвожу Вам и Александру Казинцеву. Почему? Сергей Иванович Котьяло – главный редактор журнала “Новая книга России” – публикует материалы по православии. И вот – речь Александра Казинцева – именно “луч света”. Его мысли наполняют душу, настолько они конкретны и ясны. Много я его перечитывала и всё восхищалась.

Вам, Станислав Юрьевич, я благодарна за Ваши материалы в журнале и в газетах, за Вашу позицию. Я советский человек, но верующая, и не с 90-х годов, а с пелёнок. В церковь всегда ходила. А теперь все стали “воцерковлёнными” – слово-то какое несуразное! По образованию я инженер-высоковольтник – редкая специальность для женщины. Сейчас мне 75 лет, а в 1965 году, когда я поступала в институт, общественные нравы были иными. Благодаря своей трудной специальности материально я жила нормально. Работала на крупных металлургических и горнообогатительных фабриках – там, где применялось высоковольтное оборудование. При всём том наше поколение имело любовь к чтению. Мы в очередь записывались на собрания сочинений, читали периодику, журналы и классику. Сейчас этому не учат. И вот когда я читаю Ваш журнал, я радуюсь, видя знакомых авторов. Кто сейчас знает Стейнбека? Вы пишете о Джоне Стейнбеке. В газете “Завтра” я вновь встречаюсь с этим именем. “Гроздь гнева”! Станислав Юрьевич! Благодаря Вам я полезла на верхнюю полку (мне очень высоко), достала и прочитала эту книгу. Спасибо, что Вы даже наше поколение возвращаете к этому. А какая разница в восприятии прочитанного в 25 и в 75 лет!

Спасибо Вам огромное! Здоровья Вам и сил! Чтобы Вы радовали нас. Мне очень нравится ещё Владимир Бушин. Скоро ему 90 лет. Дай бог ему здоровья!

С огромным уважением к Вам

Валентина Петровна Мамонова
г. Москва

ЗАКРЫЛИ БИБЛИОТЕКУ...

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Профсоюзной библиотеки, что выписывала “Наш современник”, больше нет. И дело не в том, что содержание её дорого обходится комбинату “Азот” – для комбината это копейки. Просто приглянулось помещению библиотеки новому руководству предприятия для устройства бильярдной и проведения корпоративных вечеринок. Прошлой осенью отстояли половину. Сейчас под видом ремонта очистили комнаты, сдав тысячи книг, приобретённых когда-то на деньги работников “Азота”. Остался без библиотеки целый район, а главное – дети. Вчера по каналу “Россия” слушала репортаж из Пскова, как уничтожаются исторические здания под новодел. Масштабы разные, а боль одна.

С интересом прочла Ваше исследование “В борьбе неравной двух сердец” и отклики на него. Хорошо, что Дербиной в работе отведена самая малая часть. Никуда не деться от разговора о ней. Выбрал её себе сам Николай. “Плохую женщину любил, а сам хорошим парнем был”... В тюрьмах много женщин сидит, которые в нервном срыве идут на убийство своих мужей. Стреляют, убивают чем-то, что в руки попадётся, а вот чтоб душили...

Представить, что она сжимала тёплое горло Николая Рубцова – и ничего в ней не дрогнуло... никакими стихами это не объяснить.

Внимательно прочла отзывы. “Моё” в большей части изложено в письме Татьяны Кузьминской из Сталинграда. А вот полоскание литературного белья не приемлю. Страницы журнала должны быть отданы литературным спорам.

Очень грустно, что после закрытия библиотеки я не смогу больше читать любимый журнал, не открою для себя новых авторов, таких, как И. Дронов, например, о котором много слышала. Оценку журнала дали читатели бывшей библиотеки: на него всегда была очередь.

Всем создателям журнала “Наш современник” вместе с благодарностью желаю счастья и успехов.

Валентина Николаевна Сахарова
г. Северодонецк, Украина

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Долгие, плодотворные годы дружбы связывают МХАТ им. М. Горького с журналом “Наш современник”, одним из создателей которого являетесь Вы, яркий, самобытный талант, наделённый могучим интеллектом, высоким вкусом, богатой эрудицией.

Мы рады приветствовать Вас в день юбилея и заверить Вас, что высоко ценим Ваш огромный вклад в дело плодотворного развития русской словесности.

Примите поздравления от имени всего коллектива МХАТ им. М. Горького, пожелания личного счастья и дальнейшего расцвета Вашего недюжинного таланта.

Уверена, что Ваше разящее перо принесёт ещё много пользы нашему Отечеству.

С уважением

Художественный руководитель –
директор МХАТ им. М. Горького
Народная артистка СССР **Татьяна Доронина**

Дорогой Александр Иванович!

Вместе с моим немецким другом, дипломатом Вольфгангом Грабовски, сердечно поздравляем Вас с юбилеем и желаем здоровья и новых творческих успехов.

Глубоко символично, что в канун Вашего юбилея – как подарок Вам! – вышла в свет книга “Дипломат Юлий Квицинский”. В неё включены воспоминания друзей и коллег, в том числе и Ваше слово о нашем замечательном русском патриоте. Мы знаем, что “Наш современник” щедро предоставлял Юлию Квицинскому свои страницы для публикации его произведений.

Желаем Вам новых свершений в борьбе за возрождение Великой России.

Дипломаты **Владимир Родин**
и **Вольфганг Грабовски.**
Москва, Берлин.

Дорогой Александр Иванович!

С опозданием, извиняясь и каясь, но очень душевно, от всего сердца поздравляю Вас с юбилеем! Желаю Вам самого-самого всего, особенно поменьше на своём пути встречать дураков, и главное – конечно – здоровья, спокойствия, уверенности в себе и в том, что Вы всё правильно делаете. А это так! Люблю Вас! Уважаю! Ценю! Читаю! Восхищаюсь!

Ваша **Тамара Краснова-Гусаченко**
Председатель Витебского отделения СП Беларуси

Дорогой Александр Иванович!

Рада случаю выразить своё восхищение Вашим редким талантом, безусловным трудолюбием и верностью Делу, которому служите беззаветно.

Всегда наслаждаюсь общением с Вами. В юбилейном слове – здоровья, счастья, любви и удачи.

Ваша Галина Ореханова

РОССИЯ ИЛИ “ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ”?

Уважаемая редакция!

Сейчас модно во всём обвинять русских националистов. Даже в патриотической прессе идёт систематическая критика “неправильного” национализма. Но в официозных СМИ давно слышна другая пропаганда – леонтьевых, кургинянов и др. Они с придыханием говорят “империя”, “союз” и с ненавистью произносят “Россия” и “национальное государство”. Но отстаивание интересов того народа, что составляет основу государства, – это и есть путь к истинному патриотизму. И настоящие патриоты должны стремиться к укреплению именно государствообразующего народа. Реалистичная национально-государственная политика могла бы объединить патриотов России разных взглядов и возрастов.

Националистов обвиняют в стремлении “развалить страну”, но, скажем, даже отделение Чечни (её площадь составляет 0,09% территории РФ) не может считаться “развалом” страны. Чечня уже фактически выходила из состава РФ, а её насильственное удержание стоило русскому народу большой крови. Нынешняя же политика “интеграции” Северного Кавказа вызывает, как мы видим, межнациональную напряжённость по всей стране.

Сторонники “империи” дышат ненавистью к нынешней России и русским. Они заявляют, что СССР развалился из-за наличия в нём РСФСР. Звучат призывы не повторять такую “ошибку”: не оставлять русским никакого национального государства.

У ещё не существующего “Евразийского союза” уже есть конфликт интересов с Россией, грозящий ей гибелью. Для сохранения России необходимо ограничить иммиграцию из республик Средней Азии и ввести визовый режим. Но у Путина, к сожалению, приоритет – “евразийская интеграция”. Да, интеграция с братской Беларусью, к примеру, могла бы увеличить наш потенциал. Но “интеграция” в южном направлении приведёт не к величию, а к межнациональному взрыву, отголоски которого мы уже сейчас слышим, примером чему могут служить недавние события в Бирюлёво.

Евразийская интеграция – это опасность для государственного суверенитета, национальной идентичности и территориальной целостности России. Вступление в наднациональный союз – это потеря части государственного суверенитета России. Все решения в таком союзе принимаются консенсусом: одна страна – один голос. Но ведь размер стран и экономик совсем разный. Платит за всё Россия, а соответствующего веса в евразийских структурах не имеет. В такой ситуации важные вопросы будут передаваться на наднациональный уровень, а наши партнёры смогут требовать от России льготных условий и финансирования за нужное голосование.

Сейчас самая большая опасность евразийской интеграции состоит в том, что она парализует борьбу с массовой иммиграцией, разрушающей национальную идентичность России. И в этой ситуации вместо визового режима нам навязывают “интеграцию” со Средней Азией! Такая ситуация может привести у нас к повторению косовского сценария. Но это совсем не беспокоит сторонников новой “империи”, у которых “Россия может быть и без русских”...

За что же должны ратовать патриоты? Первое: за сохранение России, её государственного суверенитета, национальной идентичности и совокупной территории от Балтики до Тихого океана. Второе: против прозападной глобализации. Третье: против “евразийской интеграции”. Четвёртое: за противодействие иммиграционной экспансии из республик Средней Азии и Закавказья (введение визового режима). Пятое: за сбережение русского народа –

как приоритет. Шестое: за независимую внутреннюю политику, в основе которой должна лежать обороноспособность, продовольственная безопасность, государственный контроль сырья и других стратегических отраслей, низкий госдолг и снижающий конфронтацию внешний нейтралитет.

Максим Владимирович Фадеев
г. Москва

СДУВАЮЩИЙСЯ ПУЗЫРЬ КАПИТАЛИЗМА

Уважаемая редакция!

Причиной моего письма стало осознание того, что даже не вторая и не третья волна экономического кризиса накрывает на наших глазах западный мир. Одна за другой “волны” сплошным потоком накатывают на него вот уже пятый год подряд, подтверждая очевидный факт: мы являемся свидетелями **глубочайшего системного кризиса всего капитализма как общественно-го строя, когда в кризисе пребывает не модель, а весь строй.**

И неправомочно “винить” в сегодняшних бедах капитализма какую-то конкретную модель этого строя. Очень ошибаются те представители российской левой оппозиции, которые в своих выступлениях почему-то упорно делают акцент на том, что в кризисе-де оказался “англо-саксонский либеральный капитализм”. Но посмотрите вокруг: ведь в точно таком же глубоком кризисе одновременно оказались не только американская и британская, но и в еще большей мере — прочие европейские экономики, наконец, и японская экономика. А там развиваются очень разные модели капитализма! Результат же один: все они — и тупо-консервативные англо-саксонские страны “либерального” капитализма во главе с США, и так называемые “социально-ориентированные” буржуазные государства континентальной Европы — оказались в глубочайшей долговой яме, и неизвестно ещё, кто глубже! Все они испытывают спад производства, безработица, напротив, растёт, а в Европе мы вообще видим особенно резкое, беспрецедентное обострение социальной ситуации.

Что же “происходит” с мировым капитализмом сейчас, на наших глазах?

Ответ на этот вопрос надо начать с того, что “произошло”, вообще-то, не сейчас и не вдруг. Капитализм как строй, бывший в своё время — в первой половине XIX века, — безусловно, передовым по сравнению с насквозь прогнившим феодализмом и подробно описанный К. Марксом в “Капитале”, уже к началу XX века фактически исчерпал себя и существовал в основном за счёт двух факторов. **Во-первых, благодаря нещадной эксплуатации огромных колониальных территорий.** Например, согласно данным, приведённым известным советским историком и дипломатом В. Трухановским, население Великобритании составляло 37 миллионов человек, в то время как население её колониальной империи — 370 миллионов. В среднем, таким образом, на каждого англичанина, шотландца и валлийца работало 10 жителей колоний¹. Несколько меньше, но также весьма показательным было соотношение между “белыми хозяевами” и населением зависимых стран во французской, германской, нидерландской колониальных империях.

Вторым фактором, поддерживавшим на плаву капиталистическую систему, стали периодически вспыхивавшие войны за передел мира, названные империалистическими. Они приводили к огромным людским потерям, но одновременно таким вот варварским способом постоянно “вспрыскивалась кровь” в экономику ведущих западных стран за счёт гигантских военных заказов. Это ли не было убедительным подтверждением правильности вывода о неизбежности загнивания капиталистической системы на её высшей, империалистической стадии, к каким бы пропагандистским ухищрениям лидеры и идеологи капитализма ни прибегали?.. При этом эффекта от таких встрясок для экономики ведущих капиталистических стран хватало ненадолго.

¹ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. 3-е изд. М., Международные отношения. 1982. С. 38.

Особо показательна здесь врёменная передышка по окончании самой масштабной и самой кровавой из всех до того пережитых человечеством войн – Первой мировой, вызванная победой одного капиталистического лагеря (страны Антанты) над другим (государства “Тройственного союза”). Этой передышки хватило не более чем на 10 лет, и это несмотря на то, что победители принялись взыскивать с побеждённых в виде репараций просто астрономические по тем временам суммы. Так, союзники по Антанте намеревались получить от одной только Германии “звонкой монетой”, имуществом, углём, рудой и т. п. в целом не менее 132 миллиардов (!) марок². В результате же обескровливания Германии и издевательства над её народом победители получили Гитлера, но это уже предмет отдельного разговора...

Так вот, ни все эти гигантские суммы, поступавшие от побеждённых в экономику победителей (и, прежде всего, в экономики США, Великобритании и Франции), ни отторгнутые у Германии в пользу все тех же победителей колонии не помогли. “Крах наступил в октябре 1929 года” – это историческое признание принадлежит не кому-нибудь, а самому президенту США Франклину Д. Рузвельту³. Именно в тот “чёрный октябрь” начали один за другим “сыпаться” американские банки, становились банкротами крупнейшие корпорации. Кризис стремительно развился и в Европе, и оба они, подобно сообщающимся сосудам, друг друга подхлестывали. Современники признавались, что мир капитала оказался на грани революции. Таким образом, мы можем сделать вполне обоснованный вывод, что **капитализм как строй стоял на краю пропасти ещё во время Великого кризиса конца 20-х – начала 30-х годов минувшего столетия.**

Тогда его спасло лишь казавшееся абсолютно невероятным для практики частного капитализма широчайшее внедрение в неё методов государственно-регулирувания экономики, а также планирования и прогнозирования. Ведь до той поры капитализм до мельчайших деталей соответствовал характеристике, данной В. И. Лениным ещё в 1915 году: “частная собственность на средства производства и анархия производства”⁴. Так вот, ради спасения основ строя, базирующегося на крупной частной собственности на средства производства, и его политических институтов лидеры капитализма предприняли беспрецедентные для этого строя меры по некоторому обузданию второго из упомянутых элементов – **анархии производства. Перед лицом полной катастрофы произошла коренная перемена экономической политики основных (а со временем – практически всех) западных стран, которая отныне стала сочетать в себе рыночные методы хозяйствования с разнообразными элементами плано-организующего и социально направляющего воздействия на экономические процессы со стороны государства. Причём **почерпнуты эти элементы были из практики реального социализма, развивавшегося в то время в единственной стране – Советском Союзе.** В администрации президента Рузвельта, например, даже не скрывали, что в своей политике по спасению капитализма, получившей название “новый курс”, они учитывали опыт главного идеологического противника – советского социализма.**

Упомянутый “новый курс”, в частности, включал в себя оказание поддержки национальным предпринимателям путём финансового (в виде займов и субсидий), а при необходимости – и прямого государственного административного воздействия; стимулирование частных инвестиций в приоритетные отрасли экономики посредством налоговых льгот; всестороннюю помощь сельскому хозяйству, наконец, прямое государственное регулирование промышленного производства. Кстати, именно с этого момента, то есть начиная с 30-х годов минувшего столетия, мы и наблюдаем ту беспрецедентную бюджетно-финансовую поддержку сельского хозяйства, которая является одним из краеугольных камней хозяйствования во всех странах западного мира. По сути дела, в последние несколько десятилетий **сельское хозяйство на Западе выведено из-под действия законов рынка и развивается при постоянном государственном вмешательстве** как отрасль, представляющая особую, уникальную важность для жизни всего общества. На этом фоне рос-

² История Франции. Под ред. А. З. Манфреда. Т. 3. М., “Наука”, 1973. С. 7.

³ Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. 2-е изд., перераб. и доп. М., Политгиздат. 1979. С. 112.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., “Наука”, 1969. Т. 26. С. 353.

сийская государственная помощь отечественным аграриям на протяжении последних 20 лет – и с точки зрения количественных параметров этой помощи, и с точки зрения её качества – выглядит просто как издевательство над собственным народом.

Далее, именно в 30-е годы в США появляется первый в истории закон о страховании банковских вкладов граждан; вводятся и другие экономические регуляторы. Всё это, подчеркнём ещё раз, было просто немислимо в капиталистическом мире до того, как на него обрушился Великий кризис.

Аналогичные или схожие с ними меры в 30-е годы использовали и коллеги Рузвельта по правящему классу в странах Европы, затем – в Японии. Позднее в той же Японии, во Франции – да и не только у них! – появились, например, и свои “пятилетки”.

Разумеется, всё это не имело ничего общего с каким-либо “переходом” к социализму и ставило своей единственной целью спасение капиталистической системы от краха. Сам Рузвельт, разъяря основную цель своего “нового курса”, напрямую заявлял в беседе с “газетным королём”, известным своими крайне реакционными взглядами Уильямом Хёрстом: “Я борюсь с коммунизмом. Я хочу спасти нашу капиталистическую систему”⁵. Согласитесь, яснее не скажешь!

Но особенно важно отметить, что именно тогда, в 30-е годы, с целью своего спасения класс капиталистов, выражаясь характерным воровским жаргоном одного из деятелей ельцинской поры, осознал, что “надо делиться” с широкими массами населения частью своей прибыли – иначе можно потерять всё! Это осознание подстегнуло правительства практически всех капиталистических государств к серьёзному реформированию **облика** западного общества, приданию ему более “человеческого” лица. На это требовались огромные средства, и с толстосумов стали брать больше налогов – вот почему сегодня практически ни одна из развитых капиталистических стран **даже не подвергает сомнению саму идею необходимости наличия прогрессивной шкалы обложения личных доходов физических лиц**. В условиях действия такой шкалы ставка налогообложения (в процентах) возрастает по мере увеличения суммы получаемого личного дохода. Очень важно подчеркнуть, что споры между представителями различных экономических школ и общественно-политических сил ведутся исключительно по поводу **степени** такого возрастания и **величины предельной** (то есть максимально высокой) ставки. К примеру, далеко не все согласны с конкретной ставкой налогообложения богачей (75% от полученного дохода!), введённой в минувшем году во Франции президентом Франсуа Олландом и его правительством, но то, что **подобная ставка должна существенно отличаться от налога на зарплату уборщицы или школьного учителя, – с этим на Западе просто не рискнёт поспорить никто**.

Так, в тех же США минимальная ставка личного подоходного налога составляет 15%, а максимальная – порядка 35%, в Японии – соответственно 10 и 50%. В Германии же минимальная ставка подоходного налога установлена на уровне 19%, зато максимальная – свыше 50%. И ничего, платят и японцы, и немцы, а тем более – американцы. **Лишь в России, “встроившейся” в хвост капиталистического мира 20 с лишним лет назад, у властей предрасположенных хватает совести продолжать отстаивать “плоскую” 13-процентную шкалу налогообложения как для прохоровых с абрамовичами, так и для людей, чья зарплата не дотягивает и до 10 тысяч рублей в месяц!**

На Западе налоги, получаемые с богатых, стали использовать и для повышения зарплаты самым различным категориям наёмных работников – от рабочих на заводах до госслужащих, – и для самых различных социальных выплат и пособий. По сути дела, заработала широчайшая и разветвлённая система элементарного подкупа самых различных слоёв населения; одновременно таким способом капитализм демонстрировал всему миру свои достижения. Именно благодаря такой системе “социального подкупа” капитализм все последующие десятилетия обеспечивал себе ту самую “стабильность” и “гармонию” в двух с небольшим десятках стран, население которых стали называть “золотым миллиардом”.

Однако очень скоро выяснилось, что такой источник существования капи-

⁵ Author M. Schlesinger, jr. The Politics of Upheaval; The Age of Roosevelt. Boston, 1960. P. 174.

тализма как общественно-экономической системы иссякает. Ему уже противостояла не одна страна, как в 20-е и 30-е годы, а возникшая после Второй мировой войны целая система стран реального социализма. И именно в условиях жёсткого идеологического и политического противоборства с ней Западу необходимо было постоянно доказывать свои преимущества, причём “по нарастающей”, и особенно – в социальной сфере. А как этого добиться, если одним из важнейших глобальных последствий Великой Победы в войне, достигнутой, в первую очередь, благодаря Советскому Союзу, стал полный крах мировой колониальной системы? Капитализм, теряя в 50-е – 60-е годы одну за другой свои ранее нещадно эксплуатировавшиеся заморские территории, вынужден был принять вызов на социально-экономическое соревнование с новым общественным строем в глобальном масштабе в крайне неблагоприятных для себя обстоятельствах.

В самом деле, колоний у ведущих капиталистических держав оставалось всё меньше, соответственно, всё меньше средств для удовлетворения appetитов собственного населения. А они, эти appetиты, всё время возрастали – недаром же говорится, что appetит всегда приходит во время еды! Ведь раздавать все свои доходы населению капиталисты – будь то в Германии, в Бельгии или США, – естественно, не собирались. Между тем, запросы в части бытового потребления товаров и социальных услуг этого самого населения росли буквально год за годом – будь то в семьях рабочих или “среднего класса”. С другой стороны, страны социализма, доказывая всему миру преимущества нового строя, наращивали свой экономический потенциал и, соответственно, возможности развития социальной сферы.

Так, за 35 лет, с 1950 по 1985 годы (то есть до начала губительной “перестройки”) национальный доход стран, входивших в состав Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)⁶, увеличился более чем в 13 раз, а объём промышленного производства – более чем в 22 с половиной раза⁷. Как это выглядит в сравнении с Западом? **Средние темпы роста национального дохода в странах социалистического содружества были в 3 раза, а промышленного производства – в 4 раза выше, чем в развитых капиталистических странах.**

Запад, несмотря на все предпринимаемые Рузвельтом и его последователями меры, терял темпы развития, а страны социализма пусть постепенно, но нагоняли западный мир и в общеэкономическом, и в социальном развитии – будь то непосредственно социальная сфера или производство бытовых товаров. Что же касается предоставления социальных услуг, то, например, организация детского досуга и отдыха в Советском Союзе, на которые, к слову сказать, государством тратились громадные средства, до сих пор может быть признана образцовой для своего времени.

Перед явной угрозой в перспективе проиграть стратегическое соревнование с социализмом послевоенный капитализм прибег к последней возможности для доказательства якобы преимущества своей системы. **Он стал попросту жить в долг, пуская, подобно разорившемуся помещику из русской классической литературы, пыль в глаза окружающим. Западные государства шли на постоянное повышение минимальной оплаты труда, введение дополнительных выплат и пособий, колоссальных субсидий на “благоустройство” уличной инфраструктуры, при этом не думая о том, а как и каким образом за всё это расплачиваться.**

Вот этот-то манящий блеск рекламных огней и товарное изобилие на полках магазинов западных городов (один из современных писателей метко назвал это “западным зном”), относительно высокий уровень зарплат и всевозможных социальных выплат населению десятилетиями кружили головы рядовым гражданам Советского Союза и стран Восточной Европы. А из представителей столичной “кухонной” интеллигенции – будь то в Москве или

⁶ К концу 70-х годов XX столетия в СЭВ входили Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германская Демократическая Республика (Восточная Германия), Республика Куба, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия. Албания, формально продолжавшая входить в СЭВ, с 1961 года фактически прекратила участие в деятельности Совета и его органов.

⁷ Статистический ежегодник стран – членов Совета экономической взаимопомощи. М., 1986. С. 25–34.

Ленинграде, Праге или Восточном Берлине — делали откровенных предателей собственного государства и народа. Ведь все эти выплаты были большими, чем в социалистических странах. При этом мало кто из этих опалённых “западным зноем” задумывался, особенно с цифрами и фактами в руках, о том, что для подобного постоянного “пускания пыли в глаза” западным государствам требовались **такие** расходы, которые были просто не по плечу капиталистической системе. Да, капитализм в тот период — пока ещё! — опережал социализм по производительности труда, но не настолько, чтобы подобные расходы обеспечить.

Проще говоря, на тот момент развития человеческой цивилизации (науки, техники, соответственно, производительности и эффективности труда) никто **в принципе не мог себе позволить** такого уровня потребительской роскоши и комфорта даже в отдельно взятой, наиболее сильной капиталистической стране.

Но действие первого фактора — ограбление колониальных и полуколониальных стран — после Второй мировой войны начало стремительно сокращаться, в распоряжении правящих элит западных стран осталась лишь возможность заимствования. Вот именно этот вариант и использовал Запад для “надувания” искусственного “пузыря” материального благополучия. Иными словами, государства Запада занимали всё больше и больше посредством выпуска всевозможных долговых облигаций, рассчитывая на то, что расплатиться можно будет когда-нибудь потом... А это “потом” всё никак не наступало! Наоборот, денег требовалось ещё больше.

Да, по сравнению с началом XX столетия, когда, по определению В. И. Ленина, “паразитизм капитализма”⁸ на его империалистической стадии проявлялся в “громадном скоплении в немногих странах денежного капитала”⁹ и превращении таких стран в государства-кредиторы, государства-ростовщики, с середины XX столетия ситуация принципиально меняется. Начиная с этого момента у западных стран не то что **лишних** денег не оставалось — их вообще не хватало для постоянно растущего паразитического и незаработанного населением “золотого миллиарда” бытового потребления товаров и социальных услуг.

Так некогда бывшие страны-кредиторы превращаются в **государства-должники**. И в конъюнктурно-политических целях Запад с таким положением соглашался, постоянно увеличивая расходы в течение всех последних десятилетий. Причём англо-саксонские страны буквально соревновались в величине государственных заимствований с европейскими “социально-ориентированными” странами, при этом в первых обывательский спрос на всевозможные товары подкреплялся к тому же практически безразмерным банковским кредитом. Погружение во всё более глубокую долговую яму с каждым годом становилось просто фантастическим. По данным специалистов Российской Академии наук, только за два десятилетия суммарный государственный долг развитых капиталистических стран вырос с 80 до 104 процентов их общего ВВП¹⁰.

Конечно, нельзя не отметить, что попаданию в эту “долговую яму” активно способствовало и одновременное наращивание странами Запада военных расходов. **Гонка вооружений, как известно, сильно подорвала и экономику Советского Союза**, сказавшись на темпах его развития. Однако даже в первой половине 80-х годов, которую “либералы” и “демократы” всех мастей любят именовать “застоем”, среднегодовые темпы роста в Советском Союзе (тогда в советской статистике это называлось “произведенным национальным доходом”) составляли 3,2 процента. **Это ровно вдвое (!) превышает лучшие показатели, которые сегодня фиксируют лишь немногие основные капиталистические страны Запада во главе с США!** Япония же и “зона евро” демонстрируют абсолютное сокращение своей экономики, и прогнозы по ним крайне неутешительны. Здесь уместен вопрос: если экономике СССР не самого лучшего для него периода позволительно именовать “застоем”, то какого определения по такой логике заслуживает состояние дел в современных капиталистических странах?!

⁸ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., “Наука”, 1969. Т. 27. С. 396.

⁹ Там же. С. 397.

¹⁰ Российская газета. 2012. 17 января. № 7. С. 5.

Что же, всем хорошо известно, что жизнь не по средствам рано или поздно заканчивается банкротством. “Пирамида” долгов начала рушиться в 2007–2008 годах, и с этого момента мы наблюдаем разрастание кризиса по всем направлениям. Ещё раньше, с самых первых “нулевых” лет, сталкиваясь со стремительным сокращением “халявной” финансовой подпитки, западные страны начали терять одну позицию за другой в экономической конкуренции с социалистическим Китаем; закрывались предприятия и целые отрасли промышленности, росла безработица. Сегодня же буквально с каждым месяцем, если не неделей, всему миру становятся известными всё новые факты, какой ценой достигались все дутые “успехи” капиталистической системы за последние полвека и сколько ей стоила “пиррова победа” над СССР. Да и то, нельзя забывать главного: не будь страшного, несравнимого ни с чем в мировой истории предательства Горбачёва, Яковлева, Ельцина и всей этой камарильи, никогда не видеть бы Западу и этой “победы”!

Так, по официальным данным МВФ, опубликованным в конце 2011 года, величина государственного долга, например, казавшейся “сверхблагополучной” Бельгии (чья столица – город Брюссель – является к тому же “столицей” всего Евросоюза) достигла 100% величины ВВП страны. Во Франции этот показатель составил 90 процентов, в Италии отношение госдолга к ВВП уже достигло 120 процентов. О Греции нечего и говорить – там этот показатель составляет все 160%¹¹.

“Цитадель” же капитализма – США – увязла в таких долгах, что вот уже который год балансирует на грани государственного дефолта, то есть объявления себя полным банкротом. Только за последние несколько лет – в период первого срока президентства Б. Обамы – его администрация ежегодно увеличивала объём госдолга не менее чем на 1 триллион (!) долларов с одной только целью – не допустить резкого падения уровня жизни многих миллионов американцев, что сразу бы развеяло миф о каком-либо экономическом превосходстве США. Обращаю внимание читателей: **речь идёт именно о резком, катастрофическом падении, потому что, если можно так выразиться, “умеренное” снижение уровня жизни в Штатах продолжается уже несколько лет.**

Очень показательным, что даже президент России В. Путин на встрече с политологами из так называемого “Валдайского клуба” осенью 2012 года вынужден был (правда, осторожненько так, без употребления слова “капитализм”) признать этот факт. “Политическая система [современного капитализма. – **О. Ч.**] всё обещает и не может исполнить, – сказал он, – а граждане [западных стран. – **О. Ч.**] привыкли, что живут на таком уровне...”

Вот так! Они привыкли, значит... А вот теперь на наших глазах или, как модно сейчас говорить, в режиме реального времени им приходится от такого незаработанного, халявного “уровня” **отвыкать**, и отвыкание это происходит в очень жёстких формах. Идёт повсеместное урезание размеров не только социальных пособий и прочих выплат, не только сокращение общенациональных социальных программ, но даже и обычной заработной платы. Одновременно с 2011 года происходит повсеместное повышение налогов (и отнюдь не только на миллиардеров и миллионеров, как во Франции!), вводится платное высшее образование в странах, где о таком пару десятилетий назад и помыслить бы не могли. В Чехии, например, президент В. Клаус – бывший диссидент и ярый антикоммунист – в начале 2012 года договорился до того, что назвал студентов вузов “паразитами общества”! Видимо, не от хорошей жизни при столь милом его сердцу капитализме...

Да, уровень жизни – тот самый, манящий, “западный”! – падает буквально на глазах. Одна из составляющих этого падения – повсеместный рост безработицы. На конец 2012 года каждый четвёртый трудоспособный испанец и грек уже сидят без работы, и это, по всем прогнозам, далеко ещё не предел. Уровень же молодёжной безработицы в этих странах перевалил за 55%, что уже рассматривается как социально-экономическая катастрофа¹².

По экспертным оценкам, **в большинстве развитых капиталистических стран уровень и качество жизни основных слоёв населения в целом за**

¹¹ Strategies for Fiscal Consolidation in the Post-Crisis World. IMF Fiscal Affairs Department Paper 11/04. Wash., 2011.

¹² Российская газета. 2012. 5 декабря. № 280. С. 8.

последние кризисные годы снизились вдвое. Любая глава семейства, любая домохозяйка скажут, что это означает: переход на более низкую социальную ступень существования. Именно это на наших глазах и происходит с капитализмом.

А население на всё это отвечает массовыми акциями протеста, которые буквально сотрясают страны, ещё совсем недавно считавшиеся символом благополучия. И наиболее сильно “трясёт” страны Евросоюза.

Вообще ситуация, сложившаяся на сегодняшний день в Евросоюзе, является одним из наиболее весомых доказательств того, что мы имеем дело не с обычным **очередным** финансово-экономическим кризисом, а с **глубочайшим кризисом всей капиталистической системы.** Ещё более зримо подтверждает это и усиливающаяся угроза распада “зоны евро” – валютно-финансового стержня Евросоюза.

А ведь всего ещё год-полтора назад казалось, что накопленная солидарная мощь 27 стран-членов этого самого “продвинутого” в мире интеграционного объединения поможет – таки в преодолении кризисных явлений. Ведь что ни говори, а сам по себе ЕС и история его становления – действительно наиболее значительное геополитическое достижение всего послевоенного капитализма. И самым свежим примером могло бы стать состоявшееся в декабре 2011 года решение о приёме в ЕС в качестве 28-го участника – Хорватии. Ан, нет! – стоило кризису ещё сильнее “поднажать”, и в 2012 году вновь, как никогда, стал актуальным ещё столетие назад сформулированный В.И. Лениным тезис о том, что межимпериалистические противоречия окажутся сильнее, чем тенденция к дальнейшему объединению материальных и финансовых ресурсов под лозунгом “Соединённых Штатов Европы”¹³.

И сегодня партнёры по Евросоюзу уже на полном серьёзе рассуждают о том, какими наиболее “слабыми звеньями”, скорее всего, предстоит пожертвовать, чтобы спастись остальным. Кто бы мог такое предположить ещё несколько лет назад?

Итак, анализ всего происходящего на современном Западе позволяет сделать только один вывод: этот строй, идеологи и прислужники которого все двадцать последних лет любили рассуждать о его “исторической победе в холодной войне”, элементарным образом **сам надорвался в борьбе с реальным социализмом в СССР и Восточной Европе, угодив при этом в бездонную долговую яму и проиграв – теперь уже в этом мало кто сомневается!** – экономическое соревнование с социалистическим Китаем.

Конечно, всех, прежде всего, интересует вопрос: а что же будет дальше? Очевидно одно: “золото” капиталистического “миллиарда” оказалось фальшивым, и всё большему числу людей становится, похоже, понятным, что “большая капиталистическая халява” завершается.

В октябре 2012 года западную общественность буквально шокировало заявление председателя Банка Англии М. Кинга. В своём интервью газете *Financial Times* он сделал сенсационный прогноз, что жить в условиях кризиса “придётся несколько поколений” (!). Каково, а?! Вот так просто, походя, обречь “несколько поколений” на прозябание в условиях деградации окружающего их общественного строя? Да при этом надеяться, что эти “несколько поколений” будут просто так сидеть и спокойно деградировать вместе с ним? Нет, господа, – Кинг и вся ваша капиталистическая компания, – “отвыкание” сотен миллионов широких масс от “сладкой жизни”, от “халявы”, к которой вы же их сами и приучали десятилетиями, спокойным вряд ли будет.

Ещё В. И. Ленин, выступая на VII съезде РКП(б) 8 марта 1918 года, предупредил соратников по партии, что эпоха “краха капитализма во всём его масштабе и рождения социалистического общества”¹⁴ **будет длительной.** Что идеологи капитализма ведущих западных держав в любом случае не будут сидеть сложа руки и, образно говоря, дожидаться собственной смерти. И, соответственно, предстоит эпоха “гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов”¹⁵. Ленин, таким образом, ясно предвидел в будущем и военные авантюры со стороны западных государств, и много-

¹³ Ленин В. И. О лозунге “Соединённых Штатов Европы”. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., “Наука”, 1969. Т. 26. С. 352.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., “Наука”, 1969. Т. 36. С. 48.

¹⁵ Там же.

численные локальные войны, и попытки свержения неугодных политических режимов, наконец, даже возможности откатов в развитии самих вставших на путь социализма государств. Именно поэтому, подчёркивал Ленин, “сколько ещё этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем (выделено мной. — О. Ч.)”¹⁶.

А разве события хотя бы последних лет не подтвердили полностью правоту ленинских предупреждений? Разве трагическая гибель СССР не свидетельствует о том, что сама правящая Коммунистическая партия донельзя “расслабилась” и пропустила в собственное высшее руководство целую когорту предателей, “сработавших” на интересы капитализма? А разве сегодня не бороздят Мировой океан полтора десятка авианосных соединений США, в принципе готовых ввязаться или поддержать любую международную авантюру — будь то в Ираке или в Ливии? Как говорится, страна в долгах, как в шелках, зато при накопленных горах самого современного оружия! И разве готовый треснуть по швам Евросоюз не тратит, тем не менее, последние деньги, всячески стараясь с помощью наёмного отребья всех мастей свергнуть законное руководство Сирии? И кто знает, сколько ещё военных авантур преподнесет миру всячески стремящийся отсрочить свой окончательный экономический крах капитализм?

Так вот, окончательная судьба капитализма во многом будет зависеть от того, насколько решительно народы, не желающие более ни в каком виде служить “подавальщиком ресурсов” заржавевшему “золотому миллиарду”, будут с ним бороться. И будут ли бороться вообще?.. Далее — насколько едиными будут их действия. Словом, много всяких “если”. И очень много зависит от каждого народа. Вот, к примеру, как долго ещё мы, россияне, будем терпеть откровенных предателей, “утомлённых” “западным зноем” и распространяющих по нашей земле лживые домыслы о “превосходстве” капитализма? Он весь в кризисе, его “пузырь” сдувается на глазах, а они нам, как ни в чём не бывало, талдычат о “превосходстве” его “ценностей”!.. **Но это не то, что грядёт, а то, что уходит**, как говорил один из персонажей романа А. Толстого “Хождение по мукам” накануне Российской революции.

Олег Викторович Черковец
доктор экономических наук,
г. Москва

ЧТО МЫ ПИШЕМ И ИЗДАЁМ ДЛЯ ДЕТЕЙ?

Уважаемая редакция!

Пишу вам о том, что меня волнует как человека, профессионально занимающегося детской литературой. А что такое детская литература? Это рассказы, сказки, повести... Они таят в себе загадку, ожидание чуда, правды, удовлетворяют любознательность ребёнка. Хорошая книга для детей — это целый мир, это соприкосновение с жизнью, познание мира через слово. Книги, роль которых в воспитании детей неопределима, всегда были, есть, хотя и в небольшом ассортименте, и сегодня. Однако в последние двадцать лет прилавки заполнила другая литература для юных, уводящая детей от действительности, в нереальный мир. И что же, имеет ли такая литература спрос? К сожалению, да.

Далеко ходить за примером не надо. Как-то зашла в один книжный магазин. Вижу: стоят два мальчика лет десяти-двенадцати у прилавка с фантазийными повестями и, видимо, прикидывают, какую книжку им купить. Поинтересовалась: о чём любите читать, что смотрите по телевизору и компьютеру, во что играете? Подростки посмотрели на меня с любопытством, один из них сказал: “Читаю про вампиров и драконов, смотрю по телеку “ужасики”, а играть люблю в “стрелялки”. После чего они снова уткнулись в книжку в жуткой обложке. И так грустно вдруг стало мне... Вот они — яркие представители современности... наши дети... К сожалению, порой уже достаточно зомбиро-

¹⁶ Ленин В. И. Указ. соч.

ванные “стрелялками”, фэнтезийными монстрами и “ужасиками” (не раз замечала: даже в общественном транспорте ребяташки не могут оторваться от игр в телефоне). Что же творится в душах таких подростков, каков их внутренний мир? Раньше школьники читали другую, значительно более нравственную, чем сегодняшняя, литературу, смотрели и совершенно иные фильмы... Разве сравнить те книги с наводнившим страну в последние десятилетия чтивом?! Предыдущие поколения воспитывались на добрых книгах и настоящем кино. Не было в то время всей этой литературно-киношной мишуры. А теперь растут девчонки и мальчишки, заглатывающие “лёгкую” литературу, этакие сиюминутные книжки-однодневки (прочитал – и забыл). А если книга ко всему прочему ещё и вредна по содержанию для неустойчивой психики доверчивого по своей природе ребёнка?! Смотрела я на симпатичных мальчишек, повстречавшихся мне в книжном магазине, и с сожалением думала: “Не потерять бы нам это поколение современных, продвинутых в области компьютерных технологий, растущих в обществе потребления и развлечений детей...”

Я глубоко убеждена: если родители не будут прививать своим Сашам и Дашам вкус к настоящей литературе, хорошему кино, ничего путного из подростков не выйдет. Так и хочется крикнуть: **“Пора вам, мамы и папы, обратить взор на своих чад, пора самим привести их в книжный магазин и библиотеку, помочь с выбором произведений литературы!”** Ведь книги играют в становлении личности ребёнка далеко не второстепенную роль. И если они добрые, нравственные, то могут стать даже наставниками. Ах, как же дети в этом своём нежном возрасте нуждаются в умном друге и наставнике, коих среди взрослых порой так недостаёт! Книга может стать и собеседником. Кто из родителей это понимает, тот старается приобщить своего сына или дочь к чтению, интересуется тем, что он или она читает, чем живёт.

Иногда ребята сами втягиваются в приятный процесс чтения. Так было с нашей дочкой Таней. Литературные “университеты” у неё начались после самостоятельного прочтения “Динки” В. Осеевой. Но сначала, когда ей было лет шесть, мне пришлось пойти на маленькую хитрость, потому как она не хотела складывать слоги в слова. Я придумала волшебную Фею, которая “присылала” малышке небольшие письма, написанные крупным печатным шрифтом. Эти послания дочка читала с удовольствием, чего не скажешь о букваре. Ведь письма предназначались лично ей. Она так их ждала! А потом сразу принималась писать ответ. Так, переписываясь с волшебницей, Танюшка научилась не только читать, но и писать. И я считаю, что фантазировать для ребёнка полезно.

Книга должна только положительно воздействовать на ребёнка, будоражить его, волновать, увлекать. Расширять кругозор. Повышать эрудицию. Воспитывать душу. Заставлять думать. Способствовать развитию памяти чувств и просто памяти. Учить чувствовать чужую боль, то есть сопереживать. Есть ли сейчас такие книги современных авторов, и много ли их? Попробую ответить на эти вопросы с помощью небольшого экскурса.

Начну с Международной Московской книжной выставки-ярмарки – наиболее представительного и масштабного книжного форума России. Проходит она ежегодно в начале сентября во Всероссийском выставочном центре. Побывав как-то на ней, вот что я увидела для подрастающего поколения.

Москва неплохо представила свою экспозицию для юных. Было видно, что детские книги – предмет особой заботы московских властей. Наряду с книгами Н. Гоголя, Н. Лескова, А. Чехова, Л. Толстого, в этом разделе был представлен объёмный красочный том под названием “Классные и внеклассные приключения” и прекрасно иллюстрированная книга “Истории родного города”. Эти две книги, выпущенные при бюджетной поддержке Правительства Москвы, по традиции получил в подарок каждый первоклассник российской столицы в преддверии Нового года. Рассматривая книги, я подумала: было бы хорошо иметь подобную литературу и детям нашей Самарской губернии, но непременно с историями о родном крае.

Детские книги были представлены многими московскими издательствами, а также имелись экспозиции из Белоруссии, Китая, Израиля, с Кубани, из других стран ближнего и дальнего зарубежья и из разных регионов нашей страны.

Много было книжек для дошколят, как развивающих, так и художественных. Кстати, одно издательство представило произведения исключительно

русских классиков. Поинтересовалась у его представителей: почему в витрине литература авторов с устоявшейся репутацией и совсем нет книг современных писателей? Ответили мне, что современных надо “раскручивать”, а это финансово рискованно. Возможно. Где же тогда выход? Считаю, и не я одна, что детским авторам, которые садятся за письменный стол, чтобы сделать мир лучше и чище, которые заботятся о будущем страны, нужна всесторонняя поддержка. Ведь книги рассказывают детворе о дружбе, любви, человечности, формируют мировоззрение юных, представление о мире, отвечают на разные вопросы. Поддержка нужна именно качественной литературе! От государства, общественных фондов, рецензионных журналов, Союза писателей России. Необходимо, чтобы детские книги пропагандировались в специализированных СМИ так же, как рекламируется литература для взрослых.

Зашла как-то в Дом книги на Арбате. Произведений в отделе детской литературы, как-то убедилась, много. Опять же – для малышей. Книги все рядные, притягивающие взгляд, разного формата и на любой вкус. Посмотрела: а что же для детей среднего школьного возраста имеется на полках? Оказалось, всего-то один стеллаж с прозой современных авторов (книги на вид довольно блёклые), в основном – зарубежных, и три полки с “фэнтези”. Продавец отдела Мария Борисова любезно ответила на интересующие меня вопросы.

– Книг наших современных авторов в отделе практически нет, – сказала она. – Может быть, их не издают или издают в неинтересном оформлении, и наш Дом книги их не закупает. Сейчас покупатели просят книги красивые и с картинками, с крупным шрифтом. Ведь дети плохо видят. Вот смотрите, – продавец подала мне книгу. – Эта книжка неинтересно оформлена. Шрифт мелкий, обложка серая... Притом что дети сейчас мало читают, а некоторые совсем не берут книги в руки, разве они откроют такую книжку?! Картинки для детской книги обязательны! И чтобы они были не тля-ляп, а достойные. Тогда будут такую книжку читать. Из того, что мы получаем, из современных писателей, хорошо берут Аннику Тор. Зарубежный автор. В её книжках жизненные истории. Сказки надоели. Сказки дети уже не хотят читать. И родители их не покупают. Про поцелуи, про вампиров тоже не хотят родители своим детям приобретать, а просят книги про жизненные ситуации. Пусть написана книжка о послевоенных годах, но в ней о жизни. И дети такую книгу читают с удовольствием. Сколько мы им предлагали, потом приходят и благодарят нас. Особенно если книга написана хорошим языком. У нас современных авторов, в основном, зарубежная литература. Из наших хорошо пишет Мурашова. Например, её книга “Класс коррекции” – про коррекционную школу. Сабитова тоже пишет про жизненные ситуации. Андрей Жвалевский и Евгений Пастернак... Вот и всё! Современной прозы для детей 12–14 лет – нет! А “фэнтези” – это так, проглотил и забыл. Настоящей литературы мало. Её и зарубежной немного. Если спрашивают из современных писателей для 12–13-летних подростков – у нас отдел для детей до 14 лет, – то и предложить нечего. Дефицит. Мы садимся просто в лужу, не знаем, что посоветовать. Просто из пальца высасываем. Ну, да, Жюль Верн есть, но не все хотят его читать. Книг – море, а читать нечего! Ну, почему не издать хорошую книгу за 300–400 рублей? За эти деньги в нашем магазине книги берут. Но их нет! Мы не можем ничего предложить. Есть “Карлсон” в десяти изданиях, пять книг “Приключения Гулливера”... Их надо читать, я согласна. Но вот на возраст 10–13 лет – просто провал! Детям остаётся читать “Метро”, то есть более взрослые книги. В них – про конец света, Апокалипсис, крысу-мутанта. Там – что угодно, но только не то, что желательно читать нашим детям. Эти книги читают взрослые. Для них – пожалуйста! А для ребёнка, когда у него идёт формирование личности, мировоззрения, книг просто нет. Также большой дефицит художественной литературы по русской истории. Праздновали юбилей Бородинской битвы. Приходят люди к нам, спрашивают книги о сражении, а у нас нет ничего. Единственная книга вышла про Бородино, стоит две тысячи рублей, уходит “на ура”. Книга красивая, с разными окошками. Да, дорогая. Но родители покупают, тратят, чтобы ребёнок знал историю своей страны. Нет книг про космос, про Гагарина, других космонавтов. В школе задают выучить стихотворение о Гагарине, а о нём стихов нет. Была когда-то давно одна книжка о первом космонавте, ушла с прилавка хорошо. У нас в стране есть достижения, но дети о них не знают, потому что про это не пишут.

– В западных странах о каждом национальном герое издадут по несколько книг. В наших магазинах нет ничего ни о Суворове, ни о Кутузове...

– И о Великой Отечественной войне для подростков тоже нет книг. Они есть, но только для взрослых. А родители просят книги про наших героев. Была однажды: “Дети – герои войны”. Хорошо покупалась. В школах стали на это обращать внимание. Были годы, когда русская история была не нужна. А сейчас она востребована. Читают старые книги: “Сын полка” Катаева, Льва Кассила. Самый сложный возраст – это дети 12–13 лет. Их к взрослым книгам не отправишь, и детские не дашь. Поэтому они берут разную ерунду, типа фэнтези. А вот для малышей добрых книг у нас много.

– А стихи? Как дети относятся к стихам? – интересуюсь я.

– Стихи они не особо читают. Да и взрослые – тоже. Предлагаешь Пушкина – кривятся. Это странно, ведь в Дом книги приходят дети и родители, которые читают, или родители, которые хотят, чтобы их ребёнок любил литературу.

Моё мнение по поводу наличия, точнее, отсутствия, в магазинах книг наших современных писателей, адресованных подросткам, в очередной раз подтвердилось. В Сызрани ситуация та же, что и в столице. И в подмосковных городах Солнечногорске и Зеленограде в книжной сети магазинов “Буква” картина похожая. Каков же вывод? **Нужно больше издавать книг для детей среднего школьного возраста, причём с реалистичной тематикой.** А детским авторам – писать добротные книги, завоёвывая эту сложную возрастную аудиторию. Кстати, и на Международной ярмарке для 9–13-летних мальчишек и девчонок книг современных писателей было представлено крайне мало. Таких, у героев которых подростки могли бы поучиться доброте, воспитанности, трудолюбию, уважительному отношению к старшим, к памяти предков, к ровесникам, к истории своей страны.

Подросткам нужны произведения с реальными историями и проблематикой детской жизни, проблематикой сегодняшнего дня. Чтобы они могли на жизненных ситуациях видеть, что хорошо, а что плохо, отличать добро от зла, видеть, как, споткнувшись, герой встаёт и идёт дальше, как не пасует он перед трудностями. Пусть такие книги учат расставлять жизненные приоритеты, учат взаимодействию детей со взрослыми и сверстниками, а также показывают, как должны правильно выстраиваться взаимоотношения в семье. Если такая литература у нас есть, надо её рекламировать, устраивать встречи с авторами, проводить различные презентации, конференции. Чтобы эти книги могли конкурировать с заполонившими ныне прилавки модными “фэнтезийными” повестями и романами, “космическими эпопеями”, сказочными повествованиями про драконов и вампиров, с экранными “лёгкими”, порой вредными сериалами. Так давайте же с помощью высококачественной литературы (и не важно – аудио- это или обычная книга) будем отрывать детей от компьютерных “стрелялок”, возвращать их в реальный мир.

Немного скажу о воспитательной роли школы в жизни детей. Современному поколению юных слово “пионеры” малознакомо. А ведь два десятка лет тому назад практически все школьники состояли в организации красногалстучных. С приходом в 90-х годах перестройки стали говорить о том, что пионерия и комсомол были навязаны партией, что сейчас это неактуально и никому не интересно. В итоге этих организаций не стало. Долго взрослые не знали, на чём же теперь строить воспитательную работу с детьми (многие не знают до сих пор, предлагают детям лишь развлекательную программу в кафе по праздникам). Прошло время, и опыт показал, что идеи, заложенные в пионерии, были не так уж плохи, даже наоборот: школьники реализовывали свои способности и таланты, учились ответственности и коллективизму, умению дружить, ценить труд, приобретали лидерские качества и организаторские способности, гордились своей страной. Нет смысла перечислять всё, чем занимались советские пионеры, – полезных дел было много. По итогам их деятельности присваивались звания “правофланговая дружина” и “правофланговый отряд”. Получить их хотели все школы, все пионерские отряды. И в этом своём стремлении ребята подтягивали и совершенствовали пионерскую работу, а значит, становились лучше, делали её ответственнее, трудолюбивее. Была мотивация, был налицо и результат. Почему я вспомнила те времена? **Правильно было тогда построено воспитание детей, писали для них хорошие книги, песни, ставили за-**

мечательные фильмы. Не потому ли предыдущие поколения были нравственнее, милосерднее? Не навредить бы нынешним детям новыми книгами с жуткими сюжетами, развратной *попсой*. . . Вот о чём болит душа! Не навредить!..

Наталья Бондаренко, журналист
г. Сызрань Самарской области

ОПЫТ СЕРДЦА

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”!

29 ноября этого года исполнится 75 лет замечательному русскому писателю, жителю Твери, родом сибиряку Михаилу Григорьевичу Петрову. О нём я и хочу написать.

Писатель и публицист Михаил Петров уже более сорока лет живёт на тверской земле. Именно здесь, в Твери вызрел его талант, именно тверская провинция в прошлом и настоящем стала для него главным открытием: самобытность и незаурядность русского писателя родили здесь, в неизвестных деревнях и весях, в малых городах немало замечательных произведений. А созданный им, известный на всю Россию журнал “Русская провинция” много лет был главным литературным камертоном не только у нас в Твери, а и на Псковщине, и на Новгородчине, и на всём Северо-Западе России.

Думается, причиной всему – сибирская закваска, деревенское детство писателя. Именно сибирская родина, его *alma mater* дала ему интуитивное и природное знание жизни, стала его первым жизненным университетом, духовно важным ориентиром. И теперь, спустя десятилетия, она по-прежнему для него – ключ к познанию глубоких проблем современности. Это всё – и в его творчестве последних пяти лет. Это и книга повестей “Сансер и другие истории”, книга “Вотчина или Отечество?”, рассказы и очерки, напечатанные в “Литературной России”, “Сибирских огнях”, “Нашем современнике” и других изданиях.

Случалось слышать, как читатели после знакомства с книгами М. Петрова сравнивают его стиль с теми авторами, кто ближе и понятней им, говорят, что он похож на Шукшина, похож на Чехова, похож на. . .

Действительно, как мастеру прозы Михаилу Петрову удаются вещи в духе преемственности добрых традиций русской литературы: богатство проблематики, языковое своеобразие, психологическая сложность образов героев. Это происходит, наверно, тогда, когда страстный публицист, обличитель всех общественных неправд и краевед-патриот уступает место вдумчивому глубокому художнику, создающему национально окрашенные образы и характеры героев. Да, именно так: татарин у М. Петрова – это татарин, казах – это казах, еврей – это еврей, русский – это русский. Здесь видны и национальные бытовые привычки, и своеобразие речи, и отношение к ближнему: всё так, как сложилось и задано генетической природой. С другой стороны, он создает образ героя ещё одной “национальности” – сибиряка.

Писатель М. Петров, безусловно, настолько патриот своей родины – Сибири, насколько и философ, и её исследователь. Сибирь ему стала тем дальним камертоном русской истории, по которому не раз уже сверялись стрелки исторических часов, как по некоему безусловному *Гринвичу*, некоему эху, когда “если у вас запюют, то у нас подхватывают”.

Таковым писателем видится и поход Ермака как начало последовавших за ним имперских завоеваний, и второе “покорение” крестьянской Сибири, но уже советской властью. Здесь нет случайных ретроспективных *взглядываний*, но есть пристальное художественное исследование целого пласта социально-психологических отношений того или иного сибирского села – этой крепости России.

А сколько местных словечек мы открываем в “Сибирских хрониках”! Это и “вехотка”, и “боурсаки”, и “притужалъник”, и “малахай”, и “сельница”, и “богатина”, и “подёнка”, и “кошма”. Описания степной сибирской природы богаты у писателя метафорами и лиричными сравнениями: “Смолотый на ледяных жерновах полярной ночи, просеянный сквозь хвойные сита урмана и нежные мхи Васюганских болот, был похож этот сухой слюдяной снег на тончайшую муку-сеянку: прокатится над степью тонким пушистым валом, запорошит её све-

жим слоем — и опять тишь”, или вот: “В открытой степи ветер подхватывал лёгкий снег, вздымал вверх, игриво отпускал, замирая, будто мышкующая лиса”.

Обречён на поиски грёзы — жар-птицы ни во что не верящий герой повести М. Петрова “Сны золотые”. Это советский литератор семидесятых Юрий Нечаев, приехавший в Москву когда-то из северной глубинки, как и сам писатель — из сибирской. Его судьба видится как раз продолжением судьбы такого мечтателя Сени. Человек, оторвавшийся от деревенских корней, так и не может обрести себя вне того общественного и природного мира, который с детства питал и строил его душу по законам неписаной гармонии. Даже название повести “Сны золотые” со временем приобретает метафорический смысл. Человек поколения 70-х, интеллигент, “потерянный” в рефлексии, сродни самой брежневской эпохе “золотых снов”. В итоге в 90-х он “проспал” Родину — СССР.

Главные герои повестей и рассказов М. Петрова всегда находятся в нравственном поиске, который близок религиозному: и талантливый самоучка Борис Журавлёв из поколения “дворников и кочегаров” (рассказ “Отшельник Журавлёв”), и бывший фронтовик Василий Тишков, живущий в степи как естествоиспытатель её природных законов (повесть “Мытарь пролетариата”), и строитель Санька Тряпкин из повести “Сто долларов на чёрный день”, и многие другие.

И сама литература для писателя М. Петрова — вдумчивый духовный поиск. Это попытка нащупать и соединить *времён связующую нить* для такого религиозного народа, как русский. И мы видим, как писатель обращается в своём творчестве к представителям различных поколений советского народа. Это прикосновение к хранимой вере в Бога — знак медленного пробуждения религиозного чувства советского человека. Оно как скрытая до времени духовная родина, которая всегда была и для советской полуграмотной колхозницы, и для умствующего советского интеллигента или атеиста. И, как и любовь, которая “никогда не перестанет”, она может открыться каждому из них внезапно и сильно.

Духовные поиски стали стержнем. Герой — писатель Юрий Нечаев — страдает от того, что его устные и письменные призывы к свету и гуманизму никак не конвертируются в жизнь. От подобной раздвоенности, от депрессивного и тусклого “сна жизни” Нечаева спасает поездка на родину, общение с простыми людьми из другого, не по-городскому открытого сельского мира, когда-то им покинутого. Он снова чувствует себя его живой частью, необъяснимое раскаяние приходит к нему внезапно, после малозначимого на первый взгляд разговора про веру в Бога, который он слышит, попросившись на случайный ночлег. Он вдруг всё понимает про себя, про свою бестолковую жизнь: “Что я такое, чем отличаюсь от раба египетского? Чем? — Горючие слёзы полились у него по лицу, по вискам. — Или мне плюнуть на всё, подчиниться совсем, думать только о себе да о своей выгоде?.. А, может быть, это меня кто-то испытывает?..” От душевной очерствелости его вылечивает и очищает незамысловатый рассказ тёти Тани, в голодное время в отчаянии чуть было не лишившей жизни себя и троих своих детей. Женщина начала звать к Богу, и все были спасены... И Нечаев чувствует проникновение в свою душу сути жизни, правды, видит пример цельности и любви. Его внутренний крик сквозь слёзы: “Да НЕ СПЛЮ Я! НЕ СПЛЮ!” — воспринимается как катарсис, как почти религиозный ответ своему другу Мишке из столицы, глядющему на народ “сверху”, как и многие в то время на своих московских кухнях. И Нечаев понимает, что провинция не только не спит, она способна “пробудить” любого, кто придёт к ней за помощью.

После вынужденного — в дикие 90-е — молчания писателя и издателя журнала “Русская провинция” М. Петрова мы вновь открываем его прозу. И будь то раздумье или откровение, или правдивая картина жизни, ведущий тверской прозаик открывает этот опыт сердца своему читателю, и мы вслед за ним глядим на мир, на звёзды над головой и в свою душу пристально и испытующе.

Виктория Кузнецова, писатель
г. Тверь

От редакции: Коллектив редакции журнала “Наш современник” присоединяется к поздравлениям замечательному русскому писателю Михаилу Григорьевичу Петрову, в прошлом нашему сотруднику, и желает ему здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов в деле служения русской литературе, в борьбе за русское дело.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ ЕСИН

Жизнь Сергея Есина – это и его собственная судьба, его творчество, ибо он, в отличие от иных писателей, не отделяет свою личную жизнь от своей литературной жизни. У него всё едино, даже в самых придуманных романах, таких, как “Имитатор”, “Соглядатай”, “Маркиз” или “Гувернёр” писательская выдумка, писательский вымысел произрастает из писательского жития. Он внимательно наблюдает за жизнью, он внимательно наблюдает за литературой, театром, живописью, из этих конкретных наблюдений и произрастают его романы.

Когда-то, году в 1969-м, в журнале “Волга” он опубликовал свою первую повесть “Живём только два раза”. Как и положено начинающему писателю того времени, он написал повесть о фронтовике, который работал грузчиком, да к тому же ещё умудрился стать моделью для памятника советскому солдату. Уже конфликтная ситуация, уже момент игры, но пока ещё не своей. Так начинало всё его поколение – с уроков, взятых у старших. Не протолкавшись в московские журналы, все тогдашние “сорокалетние” начинали печататься или в провинциальных журналах, как В. Маканин, А. Курчаткин, В. Личутин, или уже дожидались к сорока годам выпуска своих первых книг.

Сергею Есину ещё повезло. После первой повести в “Волге” был пусть и спустя десятилетие опубликован в самом популярном тогда молодёжном журнале “Юность” рассказ “При свете маленького прожектора”. Ну, а уже с повестью в той же “Юности” под загадочным названием “Р-78” писатель получил первую известность. Читатель постепенно догадывался, что речь идёт о современном Растиньяке-78, ловком и пронырливом таксисте. Но, на мой взгляд, это ещё было лишь началом пути Сергея Есина к самому себе, к своему стилю, к своим героям. Впрочем, уже тогда писатель уделял много времени детализировке, “вкусному” описанию подробностей. Позже это пристрастие к описанию мелочей и подробностей жизни станет фирменным знаком Сергея Есина. От описания одежды до подробного описания процесса приготовления пищи, от путевых впечатлений до метких реплик в адрес друзей-писателей.

Окончательно Есин стал знаменитым в 1985 году, когда в “Новом мире” появился его “Имитатор”. Это уже была его проза с его героями, взятая из окружающей его жизни.

Роман “Имитатор” я бы назвал первым символом писателя Сергея Есина. Самым мощным его *выдуманным романом*. Парадоксально, по писательской технике, по мастерству, по изобретательности конфликтов его поздние *выдуманные романы* гораздо более качественны и напряжены. Но, может быть, даже немного лобовой, простецки игровой “Имитатор” более всего первичен и жизнеспособен, он и выигрывает своим попаданием в десятку, выигрывает рождением яркого художественного типа, что удаётся в жизни далеко не каж-

дому даже крупному писателю. Думаю, сам писатель позже не раз завидовал своему первому роману. Позже он вспоминал: “Написал я много, думаю, книг двадцать. Кроме романа “Имитатор”, написал ещё романы, связанные с деятелями искусства: “Временщик и временитель” и “Соглядатай”, один роман-антиутопию... “Эффект близнецов”. Эти романы были написаны значительно лучше, чем “Имитатор”, но именно “Имитатор” принёс мне, как я уже говорил, популярность, его прочитала вся тогда ещё огромная страна...”

Иногда бывает такое в жизни писателя. Удаётся первая крупная вещь. А потом всю жизнь писатель не может её перешагнуть. Как, к примеру, хороший писатель Павел Крусанов с “Укусом ангела”. Уже десять книг написал, а все помнят лишь “Укус ангела”. Так ранняя проза писателя может убить его самого.

Помню, все околелитературные читатели после выхода “Имитатора” долго спорили, кто же был прототипом: Илья Глазунов, Шилов, Вучетич... Не понимали главного: в романе вскрыт по-современному вечный конфликт ремесленника и творца, крайне обострённый и в наше время.

Серый посредственный ремесленник, используя конъюнктуру и свои связи, становится новомодной знаменитостью. Включите сегодня телевизор, откройте газету – они полны *имитаторов*, так блестяще описанных молодым Есиным. Вся нынешняя Россия переполнена *имитаторами* так что, если и добавлять современные книги в школьную программу, прежде всего, я бы добавил “Имитатора” Сергея Есина. С этим согласен и сам писатель: “Больше всего меня смущает, что “Имитатор”, по крайней мере, на метафорическом уровне, становится сегодня вновь актуальным. Я-то думал, что ушло время, описанные ситуации, типы. Но – наоборот! Проблема выросла, изощрилась. В этом смысле роману, видимо, предстоит, к сожалению, ещё долгая жизнь...”

Может, Сергей Есин и сам со временем устал от успеха “Имитатора”, как ни пытался он завалить это творение грудой новых, блестяще написанных, остросюжетных, почти детективных романов: “Затмение Марса”, “Эффект близнецов”, “Гладиатор”, – но, как трава сквозь асфальт, его “Имитатор” вновь вылезал наружу, поблескивая своими *имитирующими* глазками. Раз уж раскрыл загадку конца XX века, вывел главенствующий тип в позднесоветской жизни, от ЦК до ЧК лишь имитирующий уже давно потерянную веру, так и быть тебе при этом типе наблюдателем. Что Михаил Горбачёв, что Дмитрий Медведев, что временами и нынешний президент – сплошь *имитаторы* и развивающегося социализма, и модернизации, и инноваций, и нынешних нанотехнологий. Ему бы и гордиться надо – Сергею Есину, но талантливому прозаику тесно, хочется вырваться из объятий “Имитатора”. Спасением для Есина стала его собственная жизнь.

Из всего ряда написанных после “Имитатора” *вымышленных романов* я бы выделил явно не схожий с этим рядом роман-антиутопию “Казус, или Эффект близнецов”. Это и на самом деле в каком-то смысле пророческий роман, написанный уже в далёком от нас 1990 году. Тогда он не был никем прочитан, к тому же и вышел в малотиражном журнале “Московский вестник”. Впрочем, даже те, кто прочитал его, скорее всего подумали: “Ну, вот, занесло и Сергея Есина в фантастику!” Я бы сравнил по многим параметрам роман “Эффект близнецов” с романом Евгения Замятина “Мы”, первой блестящей антиутопией XX века, написанной в 1920 году. Кто бы мог подумать, что когда кругом в России царили хаос и революционная романтика, хватало и террора – и белого, и красного, и зелёного, – хватало и разрухи, но не хватало порядка и стабильности, всего лишь через пятнадцать лет всё будет по-другому? Как предвидел европейски образованный инженер и писатель Евгений Замятин, поначалу искренне увлечённый революцией, что прекрасная социальная утопия будет разворачиваться совсем по иному пути? И его *аипоту* – древнейший литературный жанр антиутопии – окажется воплощённым в реальности. Ведь Евгений Замятин действие своего *аипоту* – антиутопии “Мы” – перенёс на тысячу лет вперёд. Житель Монтеррея, мне хорошо знакомый писатель и литературовед из второй эмиграции, мой полный тёзка Владимир Бондаренко писал в предисловии к самому первому изданию романа “Мы”: “Первенство Замятина как писателя-антиутописта, его своеобразие заключается в том, что он коренным образом обновил и видоизменил весь многовековой жанр *аипоту*. Роман “Мы”, написанный, по свидетельству са-

мого Замятина, в 1920 году (“Письмо к Сталину”, июнь 1931), направлен не против литературных проектов счастливого социалистического будущего, не против воображаемых грядущих бедствий; нет, он направлен против самого этого *социалистического будущего*, вполне возможного и уже сделавшего первый шаг к своему осуществлению. Вот почему, несмотря на импрессионистическую, почти сюрреалистическую манеру письма, роман “Мы” производит впечатление жуткой реальности...” И на самом деле, Евгений Замятин предвзвешивает логику законченного порядка: “...как могло случиться, что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии. Огромнейшая великолепная сила художественного слова тратилась совершенно зря. Просто смешно: всякий писал о чём ему вздумается. Так же смешно и нелепо, как то, что море у древних круглые сутки тупо билось о берег, и заключённые в волнах миллионы килограммометров уходили только на подогревание чувств влюблённых. Мы из влюблённого шёпота волн добыли электричество, из брызжущего бешеной пеной зверя мы сделали домашнее животное; и точно так же у нас приручена и осёдлана когда-то дикая стихия поэзии”.

Вот и Сергей Есин точно так же в далёком 1990 году, спустя 70 лет после Замятина, когда ещё царил перестроечный хаос, когда никто из политиков не мог знать, кому достанется власть, как будет развиваться Россия, с писательским предвидением описывает нынешнее царство стремления к путинскому порядку и стабильности. Конечно, можно говорить о влиянии на Есина и замятинского “Мы”, и романов Хаксли и Оруэла, но уж предвидеть и предсказать путинскую стабильность в 1990 году не мог бы, пожалуй, никто. Здесь уже заметно не влияние Евгения Замятина, а заметна их одинаковая сила предвидения будущего. Это уже не провокация писателя, не имитация и не стилизация — это угрюмый поход в будущее. Думаю, сегодняшние критики, не разглядев даты написания, поспешно назвали бы этот роман пародией на нынешний режим. Конечно, писатель Мамай похож на самого автора, но кто тогда его бывшая жена, одна из властительниц страны Ламара? Явно выдуманный образ. Да и само описываемое в романе “замечательное время, ныне называемое временем великого равновесия и плодородной стагнации” разве не схоже с нашей действительностью? Ну, уж никак в 1990 году не мог писатель назвать Михаила Горбачёва, управлявшего в то время страной, “Впередсмотрящим, руководившим в строгих рамках Усовершенствования” всего и вся, вплоть до Службы Культуры Речи.

Ну, а то, что страна при этом реально не развивалась и “военно-экономический потенциал Республики был полностью уничтожен”, власть особо не интересовало. Главное, чтобы все граждане выполняли все указания. Народу давались зрелища, за интеллигенцией строго следили, обрабатывая их в Лагерьях по Самоусовершенствованию. У нас пока таких лагерей нет, но модель Счастливого Общества как следствия самого жёсткого порядка, явно проглядывает. И если в литературе мы будем искать и находить параллели с романом Евгения Замятина, то в реальной жизни мы будем находить совсем другие параллели с Обществом Стабильности. И здесь уж Сергей Есин явно первичен и первороден. Увы, первична и есинская модель антиутопии будущего при явном разладе государственной экономики и промышленности, при полном отказе от развития. По крайней мере, у Замятина его казарменное государство активно развивается, запускает ракеты в Космос, в Будущее, и этот пусть и тоталитарный Космизм был создан в 1920 году, в период полной разрухи!

Есинское государство Будущего, огородив себя от всего мира Лазерной стеной, внутри государства всё предельно упростило чуть ли не до Средневековья. А потому оно обречено на разрушение и забвение.

Вот такая странная антиутопия была написана Сергеем Есиным в далёком уже 1990 году. Продолжать свои антиутопии он не стал. Может, испугался собственных предсказаний.

Вроде бы Есин — один из самых книжных писателей, в его прозе можно найти отголоски и русской прозы девятнадцатого века, и европейской прозы века двадцатого. Но при этом он любую свою *книжность* переформатирует по-есински, через свою жизнь, через свои мысли, через свои дневники. Он — тончайший наблюдатель не только нашего быта, нашей социальной действительности, но и нашей культуры, нашей литературы. К примеру, вылупилась из гнезда “проза сорокалетних”, и Сергей Есин сразу же пишет “Мемуары сорокалетнего”, уже привязывая всю эту прозу к своему герою.

Зрелый Есин, уже достигший высокого мастерства, уже умеющий писать в любом стиле и на любую тему, именно уходя от своего имитатора, рванул-ся в документалистику и полудокументалистику. Это был его настоящий побег от “Имитатора” и других подобных романов.

И своего серьёзного, чисто есинского читателя (в частности, и меня) он приобрёл для чтения совсем другой, невыдуманной, филологически-дневниковой прозой. Впрочем, прозу-то он всё равно выдумывал, по-писательски дофантазируя даже в процессе писания своих знаменитых “Дневников” или романов, базирующихся на собственных воспоминаниях автора, таких как “Твербуль, или Логово вымысла”, художественно осмысливающих явление Литературного института, где он ведёт монолог и от имени студентки, подрабатывающей на панели, и от имени охранника, являющегося заодно и массажистом, и от своего имени – от имени многолетнего ректора этого уникального учебного заведения.

Таким же сумасбродным, невыдуманным, но и не совсем документальным стал и его “Сезон засолки огурцов”, посвящённый писательской жизни. Он искренне полюбил воспоминательную и даже критическую прозу, с удовольствием отвлекаясь от своих выдуманных героев и погружаясь в размышления о власти слова, о загадках русской литературы. Сам Сергей Есин считал, что эта любовь к филологической прозе пришла к нему с возрастом. Я подозреваю, что таким образом писатель блестяще сбежал от своего “Имитатора”, не желая продолжать серию имитационных, временительных, губернёрских сочинительных романов.

Пусть их любят читатели, пусть их переиздают десятки раз издатели. Да и сам Сергей Николаевич высоко ценил, к примеру, свой выдуманный роман “Затмение Марса” – о начале перестроечного времени, о ловком журналисте, пишущем одновременно и в левые, и в правые газеты. А также он ценил романы о ловком таксисте, о ловком журналисте, о ловком губернёре, обслуживающем богатых стариков и сопровождающем их на Кипр... Но ведь это всё – новые имитаторы. Ату их, ату!..

Он вполне логично пришёл к публикации своих художественных “Дневников”, сделав их главным центром своей прозы, ибо его дневниковые герои – это вполне разумное и художественно завершённое развитие его героев литературных. Завистники Сергея Есина ещё после его нашумевшего “Имитатора” называли его самого имитатором. Он в чём-то им и был, так же как был и губернёром, был женщиной, стоящей в дверях и воющей от бессилия по ночам, был временщиком, был и остаётся согладатаем, и даже – не побоюсь этого слова! – был Титаном? то бишь самим Владимиром Ильичом Лениным. Все его выдуманные и невыдуманные герои взяты из него самого, из его обширной культуры, из его логических конструкций. И отрицательные, и положительные герои несут в себе частицу самого Есина, а уж он-то сам несёт в себе десятки самых странных и замысловатых характеров.

Читатель спросит: а зачем я так рекламирую именно есинские “Дневники”?

Во-первых, хоть краткое слово о них надо сказать, чтобы понять самого писателя.

Во-вторых, “Дневники” завершают всю прозу Сергея Есина и подробно повествуют обо всех ранних романах. Хочешь понять все его ранние романы, заинтересовала тебя интрига “Эффекта близнецов” или “Затмения Марса” – обращайся к “Дневникам”.

В-третьих, как ещё можно назвать “Твербуль” или же “Сезон засолки огурцов”? И размышляя над “Дневниками”, я размышляю заодно и над этими романами, сравниваю их, стараясь установить сходство и отличия.

И в-последних: я же пишу о писателе в целом, о его житье-бытье независимо от того, что из его творений вошло в его собрание сочинений. Да и читателю, наверняка, нужен такой целостный портрет писателя. А уж выводы свои из прочитанного он сделает сам.

Пожалуй, из всех наших писателей Сергей Есин наиболее европейский писатель. Так и представляешь его где-нибудь в парижском предместье или на набережной Большого канала в Венеции что-то пописывающим, что-то подсматривающим, о чём-то не спеша беседующим. По сравнению с ним любой Владимир Маканин или Андрей Битов, а тем более Василий Аксёнов, главные наши либеральные кумиры, – отчаянные русаки, шумно спорящие, шумно пишущие, экзальтированно переживающие за весь мир. Какие они ев-

ропейцы? Вы посмотрите на крутого либерала Евгения Попова, крутого бородастого русака из Сибири, и сравните его с европейским от головы до носков и туфель, рафинированным, высокообразованным Сергеем Есиным. Кто же из них – европеец?

При всём своём европеизме Есин умудрился стать членом редколлегии глубоко русского журнала “Наш современник” (впрочем, побывав до этого членом редколлегии самого либерального и космополитического издания “Знамя”), регулярно печатается в газетах “Завтра” и “День литературы”. Что этого европейца притягивает в наших отчаянно русских изданиях? Может быть, как раз тот русский простор и русская воля, которых не хватает деликатным европейцам? Именно из русской среды он берёт своих героев, и того же имитатора, сделавшего себе репутацию на писании портретов больших начальников, и того же гувернёра, сопровождающего богатых стариков на Кипр, и русских туристов, отдыхающих в Хургаде, и русских писателей, приезжающих учиться в немецкий Марбург. Да и свой собственный образ берёт он из своей же русской среды и ставит в центр своих “Дневников”.

Сергея Есина надо включать от “Нашего современника” во все культурные делегации, отправлять на все фестивали, пусть смотрят наши эстеты на представителя якобы лапотного домотканого кособокого журнала для русских леших. Любой Чупринин рядом с ним выглядит архангельским провинциалом.

Он и в самом деле Мастер слова, мастер сюжета, мастер композиции, мастер типажа. Такого мастерства, такой культуры частенько не хватает иным нашим стихийным высокоталантливым русским писателям, надеющимся на русское “авось”. К тому же Сергей Есин – культурный мастер. Такой, какой и окаёмочку к роману сделает с блеском, и окантовочку, и цитату поставит, куда надо.

Пожалуй, такими же европейцами были лишь Евгений Замятин и Владимир Набоков в XX веке. Больше и назвать из русских писателей некого. Отсюда и его “инаковость” во всём. Впрочем, он её и не скрывает. “Я думаю, что несмотря на моё абсолютно русское – а впрочем, кто чего знает? – происхождение, я бы тоже оказался инаковым...” Он таким и оказался.

В каком-то смысле меня даже удивило в своё время, что журнал “Наш современник” взялся публиковать его повесть “Стоящая в дверях”. Это чисто есинская повесть и по стилистике, и по сюжету. Я понимаю, что привлék автор своими жёсткими социальными наблюдениями за жизнью “новых русских”, впервые изображёнными типажам героев ельцинского режима, теми, кто готов уже был урвать из ломавшегося государства всё, что можно. Видно, как корёжит героиню повести, некую Людмилу Ивановну, сотрудницу одной из либеральных газет (за которой просматривается “Литературка” ещё тех либеральных, первоперестроечных времён), попытка героев ГКЧП остановить разгром державы, как искренне ненавидит она всех сторонников советской власти. Это была разоблачительная повесть, потому и не понравившаяся ни Валентину Осколку, ни Евгении Щегловой, разгромившей повесть в “Литературке”. Потому и напечатали радостно её в журнале “Наш современник”. Но по стилю, по мотивации и сюжетности, конечно же, повесть выпадала из типичной прозы “Нашего современника”. Уже даже явно, с подчёркнутой изысканностью написанная, с московской интеллигентностью да ещё и от имени женщины средних лет со всеми её эротическими переживаниями. Думаю, редакторы журнала немало размышляли: по социальной проблематике, по остроте поставленных проблем, по разоблачительной сатире ельцинского режима и его лизоблюдов это было прямое попадание **в яблочко**. Ну, а уж есинское мастерство перевоплощения, его метафизичность и театральность, яркую акварельность манеры простили мастеру. Тем более так современно звучит начало повести: “Писатели, как известно, – это граждане, которые в основном выступают по телевидению. Конечно, иногда они и что-то пишут, но кого, собственно, интересуют их скучные и монотонные писания, когда даже самый сногшибательный роман можно во многих телевизионных сериях просмотреть по волшебным волнам голубого эфира?...” Её героиня так и простоит в дверях, в соплях и восторгах от перестройки, пока сама не окажется не у дел во всех смыслах. Как оказалась не у дел и вся перестроечная интеллигенция времён 1991 года, молившаяся на кумира Ельцина и его подголосков. Но Сергей Есин и при описании этих либеральных процессов, этих восторженно-поверхностных героев не перешёл к лубочной или грубовато-социальной манере

письма, даже едкая и убийственная сатира в адрес ельцинского режима выдержана у него в европейском изысканном стиле. Герои страдают от собственного бессилия. “Когда все в квартире угомонились, Людмила Ивановна легла в свою постель, накрыла голову подушкой и тут сделала то, о чём мечтала ещё с утра, с собрания, нет, с того часа, когда Казбек ей объявил, что он уходит от неё к сыну Султанчику и его маме, — Людмила Ивановна всласть и во всё горло завывала...”

Вот и пришёл конец всем перестроечным мечтаниям и о якобы романтическом кавказце, и о счастливой дочери, и о своей судьбе...

Сергей Есин выдерживает свой европейский стиль во всём, от письма, от названия книг до размеренного спокойного стиля лекций и выступлений, от всегда выдержанного стиля в одежде до деликатности в самых жарких полемиках. При первом знакомстве почти у любого возникает предположение, что Есин из очень интеллигентной, а то и из аристократической семьи — откуда-то возник же этот культурный есинский стиль? Оказалось, из его глубоких крестьянских корней. Как пишет он сам: “У меня крестьянская, рабочая семья. По линии матери — глубокие, глубокие крестьяне. По линии отца всё несколько туманнее. Его мать, а моя вторая бабушка была из семьи владельцев хлебных ссыпок на Северном Кавказе. Тем не менее мой отец, Николай Михайлович, оказался в четырёхнадцать лет в революции...”

Родился Сергей Николаевич Есин в 1935 году в Москве, в семье военного прокурора. Как всегда бывало в те времена и в таких семьях, не обошлось и без репрессий: сначала в 1937 году арестовали его деда-железнодорожника, уже в годы войны, в 1943 году попал в лагеря и отец, военный прокурор. Как рассказывает сам писатель: “В сорок первом году он стоял с револьвером на Заставе Ильича, когда было бегство из Москвы. И, по преданию семейному, остановил несколько машин, которые останавливать было нельзя. Поэтому его через два года убрали. Отец попал в лагерь, а прокуроры, как известно, в лагерях не живут. На него пошли. Отец взял того человека поперёк туловища и ударил головой о шконку...”

Жили, как и все в те годы, голодно и холодно, но с большой мечтой за пазухой. Такая мечта была и у маленького Сергея. Мечтал стать писателем. “У меня был такой угол между письменным столом и этажеркой. И вот в этот угол я повесил портретики из “Огонька” — лауреатов Сталинской премии. И купил какой-то цветочек в горшочке. У меня там был детский столик. Я цветочек поставил на этот столик. И сел играть в писателя...” Вот так до сих пор и играет. И ведь правильно про себя написал, он и впрямь по-серьёзному всю жизнь играет в литературу. Игра в жизни и игра в искусстве. Можно ли писать сильную прозу без игры? Очевидно, есть великие писатели, всё всегда делающие всерьёз. К примеру, Александр Солженицын. Но и Александр Проханов, и Эдуард Лимонов, и Захар Прилепин, и наш Сергей Есин, как в своё время и Александр Пушкин, и Михаил Лермонтов, без игры точно не могли и не могут.

Играл, когда учился в Московском университете, когда попал в литобъединение к Павлу Антокольскому, когда работал в кино, в театре, в Художественном фонде. Вот и доигрался до “Имитатора”, где искусствоведы ни одной искусствоведческой ошибки не нашли. Значит, хорошо играл в Художественном фонде, общаясь с художниками.

Его дневниковая проза — это тоже игра с читателем. Сергею Есину надоело отдавать весь свой дар тончайшего наблюдателя своим не очень любимым героям, и он сам стал в своей зрелой поздней совершенной прозе главным её героем.

Кто-то поморщится: излишнее честолюбие. Но писателя без честолюбия вообще не бывает. Если уж ты замахнулся на создание своей вселенной, то и величие замысла должно ей соответствовать.

“Дневники” свои Сергей Есин издаёт регулярно, в них дотошно описывает свою жизнь на фоне русского общества, и жизнь русского общества в фокусе зоркого наблюдателя. “Дневники” пишутся дерзко и откровенно, как и положено дневникам, которые пишутся для самого себя. Этские одиночные исповеди. Но, конечно же, эти “Дневники” изначально написаны с учётом широкого читателя, это своеобразный роман всей его жизни с реальными и в то же время выдуманскими героями. Написано всё абсолютно искренне, как пишется любая хорошая проза, но в этих “Дневниках” автор не столько разбирается

с собой и со своими ощущениями людей и событий, сколько вовлекает в этот разбор своих читателей. И тут уж все упоминаемые автором живые и известные лица превращаются и в имитаторов, и в *соглядатаев*, и в *губернёров*...

Может быть, поэтому, несмотря на иногда предельную жёсткость оценок, ни изданные “Дневники”, ни сам автор не встречали отпора и неприятия конкретных, подсмотренных им в жизни персонажей. Те, к счастью, понимали какую-то потусторонность якобы своего изображения. Я и сам не раз становился таким полуотрицательным героем его “Дневников”. Вот, к примеру, один из пассажей: “Абзац с этой интересной мыслью начинается с панегирика статье Володи Бондаренко. Я хорошо с ним знаком, и, наверное, статья интересная, но Володю я уже несколько лет не читаю. Он, кстати, давний выпускник Литы. Он такой разный, такой бескорыстный и такой расчётливый, что теряюсь и не знаю, каким акцентам из его высказываний верить. Я также не уверен в его врагах...”

Если всерьёз поверить этому высказыванию, то я могу в своём предисловии писать всё, что угодно, всё равно Сергей Есин меня не читает. С другой стороны, интересно написать и посмотреть, каким же акцентам из моих суждений о писателе Сергее Есине он поверит. И если он доверил мне писать предисловие к собранию его сочинений, значит, тот “дневниковый” Володя Бондаренко – слегка вымышленный герой. Вот этим проза Есина и интересна – соединением откровенного вымысла с дерзкими высказываниями писателя о своих братьях. Это нечто подобное поздней прозе Валентина Катаева, его откровенному автобиографическому повествованию “Алмазный мой венец”. Но старый мастер хоть прикрывал своих героев слегка вымышленными, легко узнаваемыми, но псевдонимами. У полувымышленной прозы Сергея Есина все герои носят свои имена. И, переходя от его условно художественной прозы, скажем, романа “Маркиз”, к условно “дневниковым” записям, умный критик любого направления, от упомянутого здесь, часто нелицеприятного Сергея Чуприна до Валентина Курбатова, от Павла Басинского до Капитолины Кокшенёвой, в конце концов, поймёт условность самого перехода от дневников к прозе и обратно. Критиков – любых! – Сергей Есин традиционно недолюбливает. И может быть, за дело. Серьёзные критики – и левые, и правые – его почти не замечали. Не попадал он в их послужной список, разве что впроброс, между делом. А зря.

Очень любопытный феномен в русской литературе XX века. Впрочем, автор сам так хорошо и добротнo анализирует свои произведения, что критику часто уже нечего делать. Вот и раздаются в его сторону разные недобрые реплики. Как правило, незаслуженные.

К перечню есинских типажей я бы ещё отнёс один, чисто есинский, – *стилизатор*. Он и сам стилист замечательный, и умело стилизует свою прозу в любой манере. Я с упоением, к примеру, читал его умный двухслойный роман “Марбург” – о зарубежной поездке русского филолога в немецкий старинный город. Конечно, там в центре повествования находится и сам автор, и его любимая и смертельно больная жена, и даже его любимая собака, и мне было интересно читать просто о них, без всяких выдумок и додумок. Но уж если герой летит в Марбург, то куда уйти автору от своих знаний об этом немецком центре науки, куда уйти ему от моего холмогорского земляка Михайлы Ломоносова, который учился в Марбурге, и от Бориса Пастернака, который тоже учился в Марбурге?.. Разное время, разные русские великие поэты, вот уж где можно разгуляться изощрённому стилизатору! К тому же и два направления, два стиля как бы соприкасаются друг с другом: кондовый русский глыбастый державник восемнадцатого века и весьма либеральный космополитический поэт века двадцатого...

Роман “Марбург” я бы назвал вторым знаковым произведением писателя Сергея Есина: предельно выдуманный “Имитатор” и предельно достоверный “Марбург”.

Пусть чуть прикрыты псевдонимами и сам Есин, главный герой романа, ставший филологом, профессором Алексеем, и жена его, смертельно больная, ставшая по воле автора оперной певицей Саломеей. На самом деле это всё та же, предельно откровенная “Исповедь” Руссо. Всё-таки я ценю её выше всех дневниковых томов. И пусть “Дневники” его становятся историей всего нашего времени для историков и настоящего, и будущего. Я – не историк, а литературный критик. Предпочитаю “Марбург”. Это обязательное форматирование

в виде лаконичного романа, эти тысячелетние каноны, как в иконописи, от которых и отступить нельзя. Есть начало, есть композиция, есть стройный сюжет, есть финал. И жизнь героев становится уже твоей жизнью. Ты переживаешь с ними, болеешь с ними, страдаешь с ними. При этом никуда не уходит и документализм, не уходит и чистая филология. И что бы ни писали его лютые недоброжелатели о его мнимой учёности, прочитав в “Марбурге” блестящие главы и о поэте XX века Борисе Пастернаке, и о поэте века XVIII Михаиле Ломоносове, я готов ещё раз присудить автору докторскую степень. Заслужил.

Тем и привлекает роман “Марбург” знакомых с русской культурой людей: органичным соединением филологической культуры автора с его меткими социальными наблюдениями над жизнью России и Германии. И трагической любовью двух главных героев, одна из которых неизлечимо больна, терпеливо страдает и думает, как бы избавиться от страданий мужа, а второй, помимо своих профессорских занятий, лекций о Ломоносове и Пастернаке, ещё и ежедневно, как может, спасает свою жену – лекарствами, лечением, заботой. Я как-то совсем по-другому после чтения этого романа увидел Сергея Есина, зауважал его как человека. Знать-то мы все, литераторы, что-то об этом знали. Но так детально и прочувствованно, так по-человечески жалостливо и сострадальчески описать больную жену и тяготы её ежедневного существования, описать их великую любовь – для этого надо быть не просто мастером письма, для этого надо и в самом деле так любить свою вторую половину!..

Своеобразным продолжением “Марбурга” стала последняя книга Сергея Есина “Валентина”, посвящённая его умершей жене. Но там господствует поминальный тон, там идут воспоминания и ностальгические признания стареющего писателя. Это, скорее, его память, памятник, сотворённый в издательстве “Академика”. В “Марбурге” перед читателями предстают два живых страдающих, страстных сильных героя, не вспоминаемый, а живой и мощный женский характер, подчиняющий себе чересчур умного мужа-профессора. К тому же это чисто русский характер, из тех, что “коня на скаку остановит...” Автор и сострадает любимой, и любит свою живую героиню.

И на фоне этого сплетения-переплетения двух человеческих судеб, этой обнажённости чувств и эмоций лишь филологической, культурологической поддержкой полураздавленному всеми своими проблемами главному герою становится и командировка в древний немецкий учёный город Марбург, где когда-то в разное время учились и Михайло Ломоносов, поморский богатырь, создавший всю русскую науку (да и литературу тоже), и еврейский чувствительный интеллигент, ставший великим русским поэтом Борис Пастернак, и все тонкие и точные рассуждения нашего героя об их великих судьбах. Думаю, это похоже на то, как в трагические моменты человек для снятия излишнего напряжения с головой погружается в музыку Моцарта или Бетховена, или даже в джазовые рапсодии Дюка Эллингтона.

Вот так и Марбург с его великими русскими литературными героями, с классическим ломоносовским стихом “На взятие Хотина” и с не менее классическим стихом Пастернака “Марбург” (оба стихотворения написаны в Марбурге) становится отдушиной для главного героя. Не о немецком городе этот роман и не о русских гениях, хотя и о них тоже. Это же как интересно, раз уж подвернулась такая командировка, сравнить эпическую величавую поэзию Ломоносова, его дерзостную державную судьбу и лирическую поэзию Пастернака (“...а в Марбурге / Кто, громко свища, мастерил самострел, / Кто молча готовился к Троицкой ярмарке”), его поначалу благополучную, затем тревожную, и впрямь “самострельную” судьбу, а через них – и всё движение русской литературы от Ломоносова до Пастернака (далее-то пока ничего переломного и не было!). И сколько же раскидано по Европе таких городов с русским прошлым: от Венеции до Вены, от Парижа до Марбурга...

Думаю, со временем Сергей Есин станет почётным гражданином этого города. Глядишь, появится там и улица его имени. Роман будет переиздаваться, рано или поздно доползёт и до Германии. И наверняка полюбит марбургским немцам. А через немецко-писательский фон они и до судеб главных героев доберутся. Понравится им и немецкая дотошность во всех описаниях: улиц и людей, снадобий и закусок, долгой любви и тяжёлой болезни. И конечно, не любовь к царям и государям объединяет Ломоносова и Пастернака, а их общее, хоть и с разницей во времени, пребывание в Марбурге, их принадлежность к великой русской поэзии.

Можно ведь и впрямь было Сергею Есину остаться в Марбурге навсегда, как предлагала его больная жена, готовая лечь в богадельню для бывших актрис. Но не было бы тогда ни романа “Марбург”, ни писателя Есина, каким мы его любим и знаем, не было бы и напряжённого, на всю жизнь, любовного романа. . .

В своей беседе с писателем я спросил Сергея о романе: “В “Марбурге”, конечно же, увидят тебя самого и твои старческие стенания, рефлексию, постоянные мысли о смерти. Тем более, что они в романе и в самом деле плавленствуют. Это твой итоговый роман, и самый рефлексивный. Подводя итоги, ты сам же спрашиваешь: зачем всё это? И нужна ли эта жизнь с её вечными проблемами и переживаниями? Не легче ли умереть?”

Есин ответил: “Смерть меня привлекала всегда. . . Если ты не задумался о смерти, значит, этот день для тебя прошёл даром. Первая часть романа “Марбург” биографична, но только по фактуре. А выполняется она совсем другим, крайне обобщённым смыслом. И потому ссылки на меня бесполезны. А сейчас я пишу очень озорной роман. Героем романа будет Литературный институт. Заранее жду увидеть постные и обиженные лица, не понимающие, что роман-то не о них, а о людях вообще. Так и “Марбург” возник из моих постоянных поездок в этот город, с которым мы дружим институтами. Встречи, совещания, симпозиумы, а художественный-то материал копится. Писательство — это же физиологическое состояние. Разбух этот художественный материал, прорвало, я и придумал сразу какой-то сюжет. . . Люблю героев своего последнего романа “Марбург”: и Ломоносова, и Пастернака, и жену профессора Новикова. Безумно люблю собаку, которая была списана с моей. Увы, она умерла, не успев прочитать о себе”.

Может быть, из всех документальных произведений Сергея Есина я ценю больше всего этот роман ещё и потому, что он далёк от писательских мелочей, которыми иногда перегружены “Дневники”. И потому, что писатель не перегружает документальный роман ненужным, излишним, на мой взгляд, вымыслом, как у него случилось, к примеру, в “Маркизе”, где покойный француз маркиз Астольф де Кюстин, автор легендарных заметок о России 1839 года, вновь появляется в России в наши дни и ведёт нас уже по кругам нашего русского ада образца 2007 года.

Я бы предпочёл обойтись прямой есинской публицистикой, какой бы дерзкой она ни была. К сожалению, на этот раз маркиз не ожил, и мы получили достаточно верное описание нравов и порядков современной России, приглушённое присутствием чересчур книжного выдуманного маркиза.

Тут уж я предпочту новые “Дневники” 2009 года, написанные с неподдельной, живой интонацией, или же предельно искреннюю его книгу, довольно неожиданную для нашего времени, — о Владимире Ильиче Ленине “Смерть титана”.

В чём коренное отличие автобиографических книг Есина от книг, к примеру, Эдуарда Лимонова, тоже описывающих его собственную жизнь? Может быть, на сегодня это два наших наиболее талантливых художественных документалиста. Есин точно и зримо, с присущей ему детализировкой описывает мир вокруг себя, и это мир российской интеллигенции. Вот это и объединяет и выдуманную, и документальную прозу писателя — мир интеллигенции. У Лимонова интеллигентов почти нет — солдаты, тюремщики, работяги, революционеры и бунтари. Их миры почти не соприкасаются. Да и самого Эдуарда Лимонова трудно представить в образе профессора Литературного института. Так же как трудно представить профессора и эстета Сергея Есина где-нибудь в окопе или в тюремной камере.

Хотя, увеличивая масштаб, обнаруживаем их схожесть. Оба они и в жизни своей, и в прозе своей — русские государственники. Да и мужество своё Сергей Есин проявлял не один раз в самые тревожные для государства моменты: и в 1991-м, и в 1993-м, и в 1996 году. Помню, когда Пётр Палиевский, будучи чиновником Института мировой литературы, побоялся в 1993 году дать положительный отзыв на мою статью в газете “День”, из-за которой в ельцинское лихолетье на меня и газету возбуждали уголовное дело (его до сих пор стараются многие оправдать, мол, спасал безопасность ИМЛИ!), Сергей Есин, будучи ректором Литературного института, спокойно подписал такой отзыв и тем самым спас и газету “День” от закрытия, и меня от ареста. Впрочем, позже я как-то упрекнул писателя в излишней осторожности в прессе,

на что Сергей Есин вполне справедливо ответил в своих “Дневниках” за 1998 год: “Володя Бондаренко только забыл, что Сергей Есин – единственный среди многочисленных свободных патриотов государственный чиновник. И не боится из-за выступлений это маршальское место потерять <...> Я всё-таки из тех, кого возьмёт себе любой лагерь. Я сам выбрал себе путь и свою судьбу, в том числе литературную. Я знал, что в том, демократическом лагере, где есть, конечно, и первоклассные писатели, такие как Василь Быков и Астафьев, в этом лагере мне было бы денежнее, престижней, свободней. Но я сделал свой выбор. А вот понимают ли мои коллеги по протесту, что в отличие от большинства из них каждое моё слово вредит мне” (С. Есин. На рубеже веков. М., 2002).

Сделаю небольшое отступление. Есин абсолютно прав в своих замечаниях. В наше время (как, впрочем, и почти в любое другое) в России писателю и в самом деле выгоднее, престижнее, вольготнее оказаться в либеральном, прозападном лагере. Тут и Запад поддержит всегда, и свои в обиду не дадут, и большинство чиновников, раболепствуя в душе перед Западом, скорее всего, западника и русофоба защитят, пошлют его на очередную международную ярмарку, как посылали много лет подряд швейцарца Михаила Шишкина, пока не напоролись на его протест.

И когда такие писатели, как Сергей Есин или Захар Прилепин, несмотря на все выгоды либерализма, тянутся в национальную русскую литературу, значит, душа заставляет их так поступать. Иногда иные наши государственники не хотят этого понимать и готовы любую художественную широту толковать как измену России.

Вот и скептическое отношение наших критиков к писателю Сергею Есину тоже часто того же свойства. Никаких художественных или литературоведческих претензий к нему нет, но, мол, больно много он себе позволяет.

А талантливый русский писатель и должен себе позволять очень много. Даже то, что он позволяет себе печатать свои “Дневники”, часто осуждают. А вы напишите лучше! Иногда надоедают (особенно читателям-мужчинам) житейские мелочи, но вдруг из этих мелочей вырисовывается смелая и дерзкая позиция автора. Более того, из мелочей вырисовывается вся наша угрюмая российская действительность, трудная, но в то же время родная, не чета марбургской или венецианской. Если, читатель, вы не хотите переезжать во Флориду или в Ниццу, беритесь за есинские “Дневники” – окунётесь в свою жизнь...

Иные критики удивлялись, зачем писатель так подставляется в “Дневниках”, демонстрируя себя не всегда с лучшей стороны. Впрочем, это тоже литературный приём. Писатель пишет для читателя, хочет достичь нужного эффекта. И добивается его всеми средствами. Писатель признаётся: “Я – Стрелец. Механическая гадалка, выдавшая мне за доллар или два гороскоп в Нью-Йорке, утверждала, что в моём характере есть авантюрист и исследователь, боец и писатель”.

Так и есть. И хороший авантюризм есть в его “Дневниках”, и талант исследователя присутствует в “Марбурге”, или во “Власти слова” – боец, – конечно, не окопный, но литературный, – опытный и жёсткий, смелый и дерзкий. А талант писателя объединяет всё это вместе.

Сначала писатель считал “Дневники” как бы черновиком своей прозы, проверкой мысли и сюжетов, потом они стали собственно прозой. Он исследует сам феномен интеллигенции со всех сторон и на самых живых и конкретных примерах. В его выдуманной прозе господствует тема предательства интеллигенции, в реальных “Дневниках” о предательстве напрямую не говорится, но и идеализации не предвидится, даже в описании друзей и коллег по работе. Нет и прямой политической позиции, за что его не раз упрекали его соратники-патриоты. Он, действительно, в разные моменты своей жизни, как и герой его романа, был то правым, то левым. Но это, скорее, по отношению к литературе: в борьбе девяностых годов его позиция была однозначна. Можно только удивляться, как он удержался на посту ректора Литинститута, особенно в дни расстрела Дома Советов в 1993 году.

Он и в самом деле пишет с молодой энергией. Даже ошибается с молодой энергией. И весело описывает свои ошибки в дневниковой прозе. Но если описаны уже десятки ошибок, это тоже становится блестящим литературным приёмом. Проза ошибок. Проза бессмертной любви. Проза мужского

одионочества. Бесстрашная проза. Проза об интеллигенции, написанная законченным интеллигентом. Нынче это – уходящая натура во всех смыслах. Тем более важен опыт самоидентификации и обобщения.

Подводя предварительные итоги, Сергей Есин признаётся: “Но всё-таки, может быть, самое главное, что я написал – это “Дневники”. И третье: я полагаю, что мои романы ещё не прочитаны. Я абсолютно уверен, что нашу эпоху будут изучать по тому, что я написал... (улыбается)...”

Сергей Есин из тех писателей, которые всю жизнь работают, заняты конкретным делом, а уж в свободное время пишут свою прозу. Конечно, такое деление жизни на две или три части усложняет писание романов, но приносит и реальную пользу. В беседе со мной Сергей Есин сказал: “Володя, помнишь знаменитое высказывание Сомерсета Моэма: “Не бросайте работу – лучшего наблюдательного пункта вы никогда не найдёте”. Это хороший наблюдательный пункт. Жизнь даётс я один раз, надо очень точно ею распорядиться. В какие-то моменты у меня были фантастические сбои. Лет пять я писал какие-то монографии, увлёкся педагогической деятельностью, к которой склонен. В научном плане я тоже человек писучий. Готические замки романов ушли в сторону, надо было приводить в порядок институт. Бороться за здание, за землю. В это же время я писал роман о Ленине. Я ценю этот роман. Несправедливость всегда действует на писателя. Ленин оказался самой обижённой фигурой в советской истории. С ним поступили так же, как раньше поступали с царями. Николай Первый – только Палкин. Александр Третий – пьяница. Николай Второй – слабак, сдал государство. Вот так же презрительно стали писать о Ленине. В знак протеста я взялся за свой роман. Роман писался трудно, конечно, мешал институт. Работы много, возвращался домой усталым. Не до вымысла. Но роман дописал, и взялся за дневники, которые тоже меня безумно увлекли...”

Вот это и есть гордость писателя Сергея Есина. Гордость, что назло всем антисоветчикам он не порвал с ленинской темой, подобно сотне ленинских летописцев. Своему приятелю он признавался в начале 2000-х годов: “Я ведь и за Ленина сегодня взялся по той же самой причине; когда я писал о нём раньше, я противопоставлял его духовный аскетизм, его аскетическую жизнь жизни сегодняшних вождей; когда я написал роман сегодня, я хотел сказать о том, как быстрые демократы погубили неплохую идею” (“День литературы”, 2003, № 4).

Роман о Ленине написан от первого лица. То есть Сергей Есин взял на себя смелость стать на время Лениным, чтобы понять его психологию. И ему это во многом удалось.

Вообще-то Сергея Есина надо считать удачливым писателем. Он состоялся. Русский европеец Сергей Есин достойно вошёл в литературу XX века. Достоянно продолжает трудиться в новом столетии. Его всегда интересно читать образованному читателю.

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

*заслуженный работник культуры России,
народный поэт Бурятии*

ИЗБРАННИК ДУХА

К 210-летию со дня рождения и 140-летию со дня кончины Ф. И. Тютчева

Из всех русских поэтов Фёдор Иванович Тютчев, пожалуй, меньше, чем кто-либо, заботился о своей литературной известности. Он начал печататься, как и многие другие писатели, в молодости: двадцати трёх – двадцати четырёх лет уже публиковал свои стихи в альманахах “Уrania” и “Северная лира”, а затем – в журналах “Русский зритель”, “Галатея”, “Атеней”, “Телескоп” и других. Хотя эти издания в тогдашней России были негромкими, творческому самоощущению молодого поэта ничто не могло повредить: к его стихам проявляли внимание в разных редакциях.

Да и сам Тютчев, вероятно, сознавал, каким даром владеет. Среди первых же напечатанных произведений были и те, что позднее вошли в число его шедевров: “Весенняя гроза” (“Люблю грозу в начале мая...”), “Летний вечер” (“Уж солнца раскаленный шар...”), “Бессонница” (“Часов однообразный бой...”), “Утро в горах” (“Лазурь небесная смеётся...”), “Сны” (“Как океан объемлет шар земной...”), “Последний катаклизм” (“Когда пробьёт последний час природы...”), “Цицерон” (“Оратор римский говорил...”), “Весенние воды” (“Ещё в полях белеет снег...”), “Silentium” (“Молчи, скрывайся и тай...”)*.

Но Ф. Тютчев как-то очень уж небрежно относился к собственному сочинительству, не придавая ему никакого значения: “...возвращаюсь к моим виршам, – мимоходом писал он в одном послании. – Делайте с ними, что хотите, без всякого ограничения или оговорки, ибо они – ваша собственность”. И там же: “...я сильно сомневаюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вам послал, заслуживало чести быть напечатанным, в особенности отдельной книжкой”.

А между тем, он любил поэзию как дело, знал её могучее воздействие на людей. Известный переводчик Семён Раич, приглашённый родителями юного Фёдора в качестве наставника сына, сумел разглядеть в нём поэтические способности и сделал многое для того, чтобы развить их. “С удовольствием, – писал он позже, – вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весной и летом, живя в подмосковной, мы вдвоём с Ф. И. выходили из дому, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений поэзии!

Около года никому не показывал я опытов моих в переводах**, кроме Ф. И. Тютчева, вкусу которого я вполне доверял: необыкновенно даровитый от природы, он был уже посвящён в таинства поэзии и сам с любовью зани-

* Первый вариант этого стихотворения был опубликован в газете “Молва” в 1833 году, а затем, в новой редакции, – в пушкинском журнале “Современник” в 1836 году.

** С. Раич переводил тогда сочинения Вергилия.

мался ею; по тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом. . . ”

Способности Тютчева с детства были поразительными. В шестнадцать лет он поступил на словесное отделение Московского университета и уже через два года закончил его. Определился в Государственную коллегию иностранных дел и был направлен в русскую дипломатическую миссию в Баварии.

В нашей критической литературе очень подробно живописуют, как А. Пушкин через вторые руки получил из Германии рукопись стихов Ф. Тютчева, пришёл в восхищение от них и вскоре напечатал в своём журнале “Современник”. Но при этом скупое и невнятно объясняют читателю: как же это тридцатидвухлетний дипломат, оторванный от родины уже тринадцать лет, вдруг создал стихи, поразившие великого Пушкина? Как это строки “безвестного”, чуть ли не “начинающего” автора (по многим публикациям выходит так) оказались написанными с высочайшим мастерством, европейским кругозором, глубоким знанием античного и средневекового искусства? И как это автор вдали от родины не только не забыл родной культуры, русского языка, но и показал искусное владение этим языком и кровную связь со всем, что так дорого всякому русскому: с природой, сказками, поверьями, бытом Отечества? Не это ли ощущаешь, читая присланные с чужбины строки:

*Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?*

Или другое, которое, кажется, можно написать лишь среди глухих русских просторов, болезненно переживая их необжитость и неухоженность:

*Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен по дороге тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!*

Так как же Тютчев написал это в чужих краях, девятнадцати лет оставив родные пенаты?

* * *

Он с детства любил учиться. К рассказу его домашнего учителя С. Раича добавим свидетельства университетского товарища Тютчева Михаила Погодина, впоследствии известного историка, профессора, редактора журнала “Москвитянин”. Погодин вёл дневник и во многих записях рассказал о своих беседах с приятелем.

“1820 г<год> (заметим, что Ф. Тютчеву только семнадцать лет. — **А. Р.**). 9 августа. Разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо. . . Ещё разговаривал о бедности нашей в писателях. Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? О препятствиях у нас к просвещению. Тютчев прекрасный молодой человек!”

“13 октября. Говорил с Тютчевым. . . о русской словесности, о влиянии, какое словесность одного языка имеет на словесность другого, о немецкой словесности, о преимуществе её пред французскою, об образе преподавания. Мерзляков* должен, сказал Тютчев, показать нам историю русской сло-

* А. Мерзляков — профессор университета, поэт, автор знаменитой песни “Среди долины ровныя. . .”, а также нескольких романсов.

весности, должен показать, какое влияние каждый писатель наш имел на ход её, чем именно способствовал к улучшению языка, чем отличается от другого и проч. Это правда”.

М. Погодин упоминает разговоры с товарищем о молодом Пушкине, “о свободном и благородном духе его мыслей”, об оде его “Вольность”. Тютчев восхищался поэмой “Руслан и Людмила”, высказывал суждения о Лессинге, Гёте и Шиллере, советовал Погодину перевести на латинский язык “Слово о полку Игореве”. Автор дневника неизменно подчёркивал: “Тютчев имеет редкие, блестящие дарования”.

И вот этот человек, закончивший университет со степенью кандидата словесных наук, попадает в Европу. Он дружески общается с выдающимся немецким философом Шеллингом и Генрихом Гейне, переводит его стихи, а также произведения Гёте и Шиллера, со жгучим вниманием следит за политической и духовной жизнью ведущих европейских стран. Иван Аксаков, написавший биографию Тютчева, утверждал: “Он уже и в России учился лучше, чем многие его сверстники – поэты, а германская среда была ещё способнее расположить к учению, чем тогдашняя наша русская, и особенно петербургская.

Переехав за границу, Тютчев очутился у самого родника европейской науки: там она была в подлиннике, а не в жалкой копии или карикатуре; у себя, в своём доме, а не в гостях, на чужой квартире”. Поэт, по словам Аксакова, в познании нового “не только никогда не знал пресыщения, но и сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза. Это был пламень, мгновенно пожиравший всякое встречавшееся ему и им самим творимое явление мысли и непрерывно вновь сам из себя возгоравшийся...”

Братья Иван и Пётр Киреевские, встречавшиеся с Тютчевым в Мюнхене в первые годы его пребывания там, были покорены, как признавался Пётр, его “умом, образованностью и необыкновенной добротой”. Иван в 1830 году, при отъезде поэта в отпуск на родину, писал: “Желал бы я, чтобы Тютчев совсем остался в России. Он мог бы быть полезен даже только присутствием своим, потому что у нас таких людей европейских можно счесть по пальцам”.

Но при всём том все привязанности поэта оставались русскими. Его постоянной, неослабевающей страстью было постигать Россию, осмысливать любое событие – политическое, общественное, литературное – с точки зрения его пользы или вреда для своей родины. “Хоть я и не привык жить в России, – писал он родителям из Мюнхена, – но думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченным тем, что до неё относится”.

Возьмите его наиболее известные стихи о природе, написанные до 1844 года, до возвращения в Россию. Впечатление такое, что они созданы на родине. И дело не в каких-то приметах русского пейзажа; как раз особых, свойственных нашей природе, примет-то в тютчевских стихах нет. Но есть что-то, что трудно определить одним словом, – некое воодушевление, очарованность, которые испытывает русский человек при виде родных снегов, весеннего половодья или расцветшего луга. Не скажешь: чисто русский пейзаж, но скажешь: чувство, которое рождается картиной, – родственное, многократно пережитое.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

*Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...*

*Они гласят во все концы:
“Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!”*

*Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..*

Ещё в начальной школе учили мы наизусть стихотворение Фёдора Тютчева «Весенняя гроза». Но если бы учительница сказала: «Дети, эти стихи написаны в Германии, молодым русским поэтом, который совсем юным уехал туда. Наверное, он тосковал о родине и написал стихотворение как воспоминание о ней», — такое объяснение было бы чуждо и непонятно любому ребёнку. Какая Германия, когда каждое слово в «Весенней грозе» — про нашу деревенскую грозу!

Современники говорили, что Тютчев до конца своих дней сохранял привычку прочитывать всё самое интересное, что появлялось в отечественной литературе. Он пишет из Мюнхена: «...я с истинным наслаждением прочитал три повести Павлова*, главным образом, последнюю. Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был в особенности поражён возмужалостью, совершеннолетием русской мысли... Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...»

Тютчев выписывает журнал «Современник», постоянно просит родных и знакомых прислать ему из России книжных новинок. А вернувшись домой, ищет пропущенные им публикации. Так, он, зная неохоту П. Вяземского одалживать кому-либо книги, слёзно просит у него «несколько русских книг, например, один или два тома Гоголя, последнего издания, где находятся отдельные произведения, с которыми...» он «ещё не знаком».

Особый интерес проявил Ф. Тютчев в годы заграничной службы к родному фольклору и древнерусской литературе. На эти сокровища у него был свой мудрый взгляд. Как это не раз случалось с поэтом, осознать богатства отечественной культуры помогла именно европейская жизнь. Он писал П. Вяземскому: «...враждебность, проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая услуга, которую она в состоянии нам оказать. Это, положительно, не без Промысла. Нужна была эта с каждым днём всё более явная враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя. А для общества, так же как и для отдельной личности, — первое условие всякого прогресса есть самопознание».

Вторая четверть девятнадцатого века как раз и стала для причастных к русскому искусству и культуре временем осознания своего духовного родословия. Произошёл гигантский всплеск интереса к самобытному народному творчеству, к нашей древней литературе. Вышли в свет знаменитые «Древние стихотворения, собранные Киршей Даниловым», памятник литературы XV века «Сказание о Мамаевом побоище», несколько исследований фольклориста И. Сахарова «Песни русского народа», «Русские народные сказки», «Сказание русского народа», «Русские древние памятники», началась публикация полного собрания русских летописей. Появились подвижники национальной культуры: братья П. и И. Киреевские начали собирать образцы отечественного фольклора, доктор В. Даль приступил к осуществлению своего звёздного замысла — созданию «Толкового словаря живого великорусского языка». Многие поэты и прозаики увлеклись обработкой народных сказок и песен, созданием собственных песен, близких к фольклорным. Это подвижничество талантливых людей не могло пройти мимо внимания Фёдора Тютчева. Помните, как просил он М. Погодина перевести «Слово о полку Игореве» на латинский язык или как восхищался пушкинской поэмой «Руслан и Людмила»? Подтверждение тому, что пристрастие Тютчева студенческой поры к творчеству родного народа не угасало, а разгоралось, пришло к нам от немецкого писателя Э. Варнгагена, с которым молодой русский дипломат подружился в Мюнхене. Соотечественник Гейне записал в своём дневнике: «С необычайным знанием дела рассказывал Тютчев об особенностях русских людей и вообще славян; он выказал возвышенный исторический взгляд на старинные несогласия и борьбу между церквями латинскою и греческою, о наречиях, нравах и формах правления; сообщил о новых открытиях в области русской средневековой литературы, особенно в духовной; также по части летописей, песен и былин.

*Речь идёт о повестях прозаика, ровесника Тютчева Николая Павлова «Именины», «Аукцион» и «Ятаган», вышедших в 1835 году.

Всё кажется новым, как было одно время и у нас с Нибелунгами, миннезингерами*” и т. д.

Для каждого писателя, пожалуй, сомнительной похвалой будут слова: “Он хорошо знает родной язык”. И всё же корифеи нашей литературы по-особому, виртуозно владели родным языком, прекрасно знали его изобразительные, живописные возможности.

Тютчев принадлежал именно к таким мастерам слова. Получив, к примеру, новое стихотворение Петра Вяземского, своего старшего друга, он советовал автору: “... я полагаю, что лучше будет в стихе: “И нет конца твоим стрелам...” – поставить так: “И счёту нет твоим стрелам...””, – по той причине, что конец стрел может, пожалуй, означать острие стрел, и в таком случае фраза оказалась бы несколько двусмысленной”.

Рассказывали, что Лев Толстой, чародей прозы, как-то вспоминал: “Когда я жил в Петербурге после Севастополя, Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришёл ко мне. И тогда, я помню, меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах, говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне своё одобрение по поводу моих “Севастопольских рассказов”, особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нём удивила чрезвычайно”. С книгой Тютчева в руках мы полностью согласимся с выводом историка и философа Юрия Самарина, дружившего с Фёдором Ивановичем: в русском языке поэту “удалось отыскать... такие тонкости, такие богатства и средства, которые в нём были, несомненно, но которых никто не подозревал”.

Осенью 1854 года, когда Россия вела тяжелейшую войну с Турцией и союзными с нею Англией и Францией, Тютчев взывал, как к могучей духовной опоре, к родному языку – и какие слова нашёл поэт в его глубинах! Эти строки могли удесятить силы наших отцов в Великую Отечественную, они ещё не раз укрепят детей России в чёрные години:

*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...*

*Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попуценьем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...*

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

*Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!*

*О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

Закljučая эту часть разговора, хочу отослать вас ещё к одному современнику поэта – к Ивану Аксакову, мужу старшей дочери Тютчева Анны, автору биографического очерка о Фёдоре Ивановиче. Подтвердив в очередной раз,

* “Песни о Нибелунгах” – немецкий народный эпос о нибелунгах, обладателях чудесного золотого клада. Миннезингеры – средневековые немецкие поэты, “певцы любви”.

что Тютчев в общении часто говорил по-французски и даже многие статьи, адресованные зарубежному читателю, писал на этом языке, Аксаков убежденно заявлял: “А между тем, стихи у Тютчева творились только по-русски (выделено автором. — **А. Р.**). Значит, из глубочайшей глубины его духа была ключом у него поэзия, из глубины, недостижимой даже для его собственной воли; из тех тайников, где живёт наша первообразная природная стихия, где обитает самая правда человека...”

Ну, а как же без этой потаённой силы, без “природной стихии” в душе могли бы родиться строки, ставшие образом самой России, её точным пластическим слепком:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

*Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.*

*Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

* * *

В мае 1836 года Иван Гагарин, сослуживец Фёдора Ивановича и большой поклонник его поэзии, атташе в Мюнхене, отозванный в Петербург, передал в журнал “Современник” рукопись стихов Тютчева. Они вызвали радостное одобрение А. Пушкина, В. Жуковского, П. Вяземского. Шестнадцать произведений Александр Сергеевич сразу же поместил в третьем томе своего журнала за тот год и восемь — в следующем, четвёртом. Пётр Плетнёв, продолживший после гибели Пушкина издание “Современника”, рассказывал: “Ещё живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мыслей, яркости красок, новости и силы языка. Во всём была ощутительна свежая кисть художника. Он каждому предмету сообщает ясный образ, привлекательное положение и удивительную грацию”.

В этой оценке тютчевских стихов не зря на первом месте стоит “глубина мыслей”. Тютчев продолжил русскую философскую лирику, в которой уже так много сказал и сам Александр Сергеевич, и его предшественники и современники: Г. Державин, К. Рылеев, Е. Баратынский, К. Батюшков, Д. Веневитинов, П. Вяземский. Но он не просто продолжил их линию, он создал поэтический мир, в котором царила Мысль.

Даже стихи о природе, даже стихи о любви к женщине — строки любого лирического монолога Ф. Тютчева одухотворены мыслью, освещены ею; они рождают у нас ощущение, что картину природы или возвышенное, а то и мучительно болезненное чувство рисует поэт, ищущий в них духовную сущность. В самом деле, прочтите:

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землёю
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всём*

*Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья!*

Сокровенный смысл пейзажа, связь природы с чувствами и настроениями человека — всё это занимало не только русскую, но и мировую лирику во все времена. В мировой поэзии составят тома стихи, которые передают голос “мыслящей” природы. Но для Тютчева это — непреложная истина, постоянно присутствующая в его стихах. Для него любое явление природы таит в себе мысль — вечную и живую, до поры скрытую и неизреченную.

*О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..*

*О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..*

Вы скажете: да, философски осмысливать жизнь природы — это способность, а может быть, и обязанность поэта. Но стихи о любви — какая философия может сопутствовать этому чувству, глубоко личному, часто трудно объяснимому и такому богатому в своих проявлениях? Стихи Тютчева — доказательство тому, что и этому переживанию может сопутствовать размышление, тоже очень личное и в то же время поучительное для читателя, обогащающее его, отмеченное высшим знанием человеческой души. Ярче всего эта черта тютчевской лирики проявилась в строках, обращённых к Елене Александровне Денисьевой, необыкновенной женщине, которая была на двадцать три года моложе Фёдора Ивановича. Их любовь, их дети, рождённые вне брака, — всё это принесло обоим много и страданий, и счастья.

Стихи “денисьевского” цикла отмечены мучительными, смешанными чувствами небесного блаженства и вины поэта перед любимой женщиной, вины, конечно, мнимой:

*Играй, покуда над тобою
Ещё безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь...*

*Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идёшь — я ухожу.*

*Я слышал утренние грёзы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слёзы, —
Нет, это всё не для меня!*

*Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей вине...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом, до рассвета
Нам смутно грезившемся сне.*

Здесь переплелось всё: роковое слияние и роковой поединок двух любящих душ, отречение от молодости одного и страстный, так оправданный эгоизм другого, незаслуженный позор чистого существа и терзания опытного, благородного сердца, дикая молва толпы и святое право двоих на счастье... И над всей этой трагедией и окрылённостью человеческих судеб слышатся благословение небесного судьи, его мудрые глаголы:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

.....
*Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суетловью
На поруганье предала.*

*Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн, и жертв, доступных ей.*

*Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Её спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!*

.....
*Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...*

Мы редко сопоставляем личные качества поэта и его стихи. Бывает иногда, что провозглашаемое автором совсем не согласуется с его поведением. Тютчев был человеком, который свято соблюдал единство слова и поведения. В стихах и письмах он представлял себя даже в худшем свете, чем был в жизни. Высочайшая нравственная требовательность к себе, постоянно ощущаемая вина — всё это составляет чувственную основу «денисьевского» цикла стихов и всё это окрашивает их в трагические тона. А если прибавить к этому, что строки о личной драме поэта написаны с большим эмоциональным накалом и с полной искренностью, то станет понятно, почему они уже полтора столетия так жаляще действуют на читательские сердца.

Вот что писал Фёдор Иванович одному из близких людей в декабре 1864 года, через несколько месяцев после кончины Е. Денисьевой: «Я помню, раз как-то в Бадене, гуляя, она заговорила о желании своём, чтобы я серьёзно занялся вторичным изданием моих стихов, и так мило, с такой любовью созналась, что так отраднo было бы для неё, если бы во главе этого издания стояло её имя — не имя, которого она не любила, но она. И что же — поверите ли вы этому? — вместо благодарности, вместо любви и обожания я, не знаю — почему, высказал ей какое-то несогласие, нерасположение, мне как-то показалось, что с её стороны подобное требование не совсем великодушно, что, зная, до какой степени я весь её («ты мой собственный», — как она говорила), ей нечего, незачем было желать ещё других печатных заявлений, которыми могли бы огорчиться или оскорбиться другие личности. За этим по-

следовала одна из тех сцен, слишком вам известных, которые всё более и более подтачивали её жизнь и довели нас: её — до Волкова поля*, а меня — до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке... О, как она была права в своих самых крайних требованиях, как она верно предчувствовала, что должно было неизбежно случиться при моём тупом непонимании того, что составляло жизненное для неё условие. Сколько раз говорила она мне, что придёт для меня время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния, но что будет поздно. Я слушал — и не понимал. Я, вероятно, полагал, что, как её любовь была беспредельна, так и жизненные силы её неистощимы — и так пошло, так подло — на все её вопли и стоны — отвечал ей эту глупую фразой: “Ты хочешь невозможного...”

А вот как те же чувства проявились в поэзии:

*Есть и в моём страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнёт, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.*

*Вдруг всё замрёт, слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землёй, как труп, лежит оно.*

*Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.*

*И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый чёлн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.*

*О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял её, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —*

*По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям, и судьбе, —*

*По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.*

Не удивительно, что в одно время с приведённым стихотворением Фёдор Иванович пишет другое, адресованное его тридцатилетней незамужней дочери Дарье, выпускнице Смольного института и фрейлине императрицы. Судьба Е. Денисьевой как будто пророчит поэту драму его дочери, и он спешит ободрить её, высказать ей своё желание “...посвятить себя тебе, моё бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, — эту жажду любви, которая у тебя, моё бедное дитя, осталась неутолённой”. А рядом стихи, посланные ей. И, конечно, читателю, вечности:

* Волково кладбище в Петербурге.

*Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...*

*Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!*

*Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском...*

* * *

Недалёкие критики нередко так судят о поэтах: “Он был чиновником, а это несовместимо с поэзией”. Или: “Он слишком увлекался политикой, событиями текущей жизни — это портило его стихи”. Но служили многие поэты, даже и великие. Службе государственной (т. е. чиновничьей), военной, издательской, редакторской отдали дань и Державин, и Крылов, и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев, и Некрасов, и Блок, и Твардовский... Их души хватало и на это; причём их талант часто проявлялся и в службе. Увлечение политикой тоже не вредило великим поэтам. Возможно, благодаря этому появились бессмертные творения русской лирики: пушкинские “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”, многие стихи Некрасова и Тютчева, “Скифы” Блока, другие произведения отечественных поэтов.

Пример Тютчева наглядно показывает, что разнообразие его интересов и занятий вовсе не шло во вред творчеству. Поэт не тяготился ни службой, ни погружённостью в европейскую политику, скорее наоборот, отдавался “не поэтическим” заботам со всей страстью своей гениальной природы.

Пётр Плетнёв, которого мы уже цитировали, пенял современникам: “В литературе нашей смотрят на Ф. И. Тютчева только как на одного из лучших поэтов. Но молодое поколение писателей успело уже убедиться, какой тонкий и высокий критический ум соединялся в нём с поэтическим талантом... Если бы когда-нибудь можно было, в дополнение к небольшому числу изданных им сочинений присоединить всё, чем он увлекает внимательный ум как публицист, как философ, как историк и даже юрист, то, без сомнения, в его лице представился бы нам замечательнейший человек нашего времени не только по таланту и уму, но и по обширности современных знаний”.

А публицист Владимир Мещерский, внук Н. Карамзина, с детства видевший Тютчева и в доме своих родителей, и в доме великого деда, писал: “Политика и поэзия в самом широком значении этих двух понятий были сущностью его жизни — политика мировой всецелой жизни человечества и политика как совокупность вопросов, живо и горячо затрагивающих интересы России и устраивающих её будущность. Наряду же с политикой стояла и поэзия, являвшаяся чем-то родственным политике в духовном существе его; и в ней, как в мирной пристани, он находил себе утешение от людей, которые делали политические ошибки, и успокоение от событий, тревоживших его душу”.

И в самом деле, только страстному увлечению событиями российской политики, как и поэтическому таланту Фёдора Ивановича, обязана русская лирика такими жемчужинами (поясним, что в стихотворении, которое вы прочтёте, Тютчев имеет в виду государственного канцлера России графа К. Нессельроде, делавшего ставку на дружбу с Австрией в ущерб отношениям со славянскими странами):

*Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...*

*Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречётся для тебя?..*

*Иль так ты дорог Провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?*

*Не верь в Святую Русь, кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.*

*То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех её царей, —*

*То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орёл Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —*

*Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам её не запрудить!..*

Да и знаменитое:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить, —*

родилось, конечно, в результате долгих раздумий над судьбой собственной “загадочной” страны.

Как любой крупный поэт и мыслитель, Тютчев современен. Не преходящая злободневность, а глубинные основы жизни, увиденные особым взглядом философа и провидца, делают его строки современными. Да, поэт был консерватором, да, он отвергал насилие, но правда, которую он говорил своему народу и царям, была мятежна, взрывна, неподвластна теориям, выгодным власти. У подлинного поэта эта правда не может быть иной. Прочтите, что он адресовал Николаю Первому:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

У Ф. Тютчева есть стихи, которые сегодня читаются как пророчество поэта, как тревога и надежда нашего современника. Приведу только одно из них. Такие стихи и ныне могут нравственно поддержать народ, который вновь страдает и жаждет свободы; уверенность поэта, что она придёт и оживит народную душу, разгонит бесов, — целительна.

*Над этой тёмною толпой
Не пробужденного народа
Взойдёшь ли ты когда, Свобода,
Блеснёт ли луч твой золотой?..*

*Блеснёт твой луч и оживит,
И сон разгонит, и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,*

*Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...*

* * *

Тютчев долго шёл к русскому читателю. После публикаций в журнале “Современник” поэт ничего не предпринял для того, чтобы выпустить свои стихи отдельной книгой. Его строки время от времени появлялись в столичных журналах, но знали их немногие. И лишь в 1854 году редакция “Современника” издала первую книгу поэта. В 1868 году вышел, дополненный новыми стихами, второй сборник — и больше при жизни книг Фёдора Ивановича не публиковалось. Такого примера, чтобы поэт огромного дарования, проживший семьдесят лет, издал только два сборника и оказался почти без внимания широкой публики, в русской литературе, пожалуй, не было. Но с Тютчевым оставалось признание подлинных ценителей поэзии — его великих современников, и это стало залогом того, что, в конце концов, его оценила вся Россия.

Лев Толстой признавался: “Когда-то Тургенев, Некрасов и К^о едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочёл, то просто обмер от величины его творческого таланта”. С тех пор вошедший в славу прозаик не расставался с томиком стихов поэта.

Сохранились толстовские пометки на полях этой книги: “красота”, “глубина” — с одним или несколькими восклицательными знаками. Философская миниатюра “Silentium” (“Молчи, скрывайся и таи...”) стала любимым стихотворением Льва Николаевича; он часто читал её наизусть в домашнем кругу и однажды с жаром сказал: “Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения”.

Николай Некрасов первым в печати высоко оценил талант Тютчева. Приведя в своей статье стихотворение “Как океан объемлет шар земной...”, Некрасов восторгался: “Последние четыре стиха удивительны: читая их, чувствуешь невольный трепет”. А о стихотворении “Осенний вечер” он сказал: “...каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов”.

Иван Тургенев, уговоривший Тютчева выпустить первую книгу и составивший её, выразился категорично: “О Тютчеве не спорят. Кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии”. Тургенев предсказал Фёдору Ивановичу будущую славу: “...такие стихотворения, каковы “Пошли, Господь, свою отраду...” и другие, пройдут из конца в конец Россию и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом”.

Восхищались стихами Тютчева Ф. Достоевский, А. Фет, Н. Чернышевский... В двадцатом веке уже никто не оспаривал право Ф. Тютчева стоять в ряду великих писателей. Мы выросли с его стихами и можем только удивляться: неужели когда-то его не ценили?

Ещё молодым Фёдор Иванович писал: “...я более всего любил Отечество и поэзию”. Но сколько же людей, благодаря стихам Тютчева, научились любить Отечество и поэзию! И сколько ещё научится!

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ЧЕЛОВЕК ДОБРА

Михаил Фёдоров. “Человек чернозёма”. Воронеж, 2012

С творчеством Михаила Ивановича Фёдорова читатель знаком давно. Многим памятны его рассказы о казаках, сражавшихся в Приднестровье в тяжёлое время начала 90-х годов прошлого века, публиковавшиеся в журнале “Наш современник” под названием “Казаки в Приднестровье”. Известны его книги о гражданской войне в России начала XX века, о современных военно-политических конфликтах на Кавказе. Михаил Фёдоров – автор, немало поработавший над темой человека, попавшего в экстремальные обстоятельства, и современная наша действительность даёт обильную пищу для такого рода анализа. Но, думается, автора никогда не оставляла мысль написать большую книгу о Настоящем Человеке – именно так – Человеке с большой буквы, который всей своей жизнью доказал бы, что добро неизбежно одолевает зло, что правда побеждает ложь, что гуманизм и приязнь ко всему живому на нашей обезображенной злом планете – это не миф, а реальная действующая сила. Человек такой нашёлся среди земляков автора – им стал замечательный русский писатель, ныне, увы, уже покойный, в прошлом член редколлекции журнала “Наш современник” Гавриил Николаевич Троепольский. Да, да – тот самый создатель удивительного “Белого Бима – Чёрное ухо”, поразительный рассказчик, жизнь которого вроде бы прошла достаточно мирно – среди тамбовских и воронежских чернозёмов, в спокойном сельском труде. Но так кажется только на первый взгляд...

Создавая биографический роман об авторе “Белого Бима”, Михаил Фёдоров сразу копнул глубоко – в начало прошлого века, в годы первой русской революции, под знаком которой, собственно, и протёк весь XX век в России. И сразу, с первых страниц романа завязываются узелки той драмы, что пройдёт потом через всю жизнь героя, через всю судьбу писателя. Отец Гавриила Николаевича – священник, накануне грозных лет в истории России, получивший сан и по своей доброй воле из губернского Тамбова, “города хоть куда”, как отзывался о нём М. Ю. Лермонтов, направившийся на службу сельского батюшки в чернозёмную глубинку – в Борисоглебский уезд, где в селе Новоспасовка в ноябре грозного 1905 года и родился будущий писатель, “Человек чернозёма”, как справедливо называет его М. Фёдоров.

Родившийся в семье священника, он по традиции обязан был продолжить дело отца – так всегда водилось в священнических семьях, но крутые изгибы российской истории переиначили всё... Гавриил Николаевич окончил в 1924 году сельскохозяйственное училище и большую часть своей жизни работал агро-

номом. Вообще, первая часть романа – это, скорее, повествование об отце писателя, о его семье, жене – добрейшей матушке Елене, о нелёгкой судьбе сельского батюшки, которому пришлось по долгу своей духовной службы Богу и людям немало помесить ногами этого самого южнорусского нашего чернозёма, добираясь по непролазным дорогам от одной церкви до другой – священников не хватало и в те времена, приходилось окормлять несколько приходов. Но при всём при том М. Фёдорову удалось, как мне кажется, написать чело-вечный, удивительно органичный портрет подлинного подвижника, бессребре-ника, необыкновенно доброго и мудрого человека. Отец писателя, его мать, вся их семья – это образец благочинного русского дома, где любовь, добро, совесть, отзывчивость являются необходимыми условиями праведной жизни. Как всего этого не хватает нам сейчас!.. И думается, а не тогда ли и зарождалось в юноше Гаврииле то светлое чувство, что пролилось потом, уже на закате его жизни, на странице “Белого Бима”?. Не те ли детские уроки до-бра, что вынес он от отца, от матери, не они ли и прозвучали спустя три чет-верти века страстной проповедью любви ко всему живому, что так ясно звучит в этой великой книге?..

Тем более несправедливой, неоправданно жестокой кажется судьба отца писателя – священника Николая Семёновича Троепольского. В годы раскула-чивания и коллективизации русской деревни был нанесён смертельный удар всему старинному ладу русской крестьянской жизни и, прежде всего, русско-му Православию – в нём атеистические власти видели главную опасность для новой жизни. В 1931 году борисоглебские чекисты состряпали дело о так на-зываемой “церковно-монархической организации”, куда приплели многих ме-стных священников, да и просто искренне верующих людей. Во главу этого “заговора” был волей следствия определён отец Николай, к тому времени – местный благочинный. И на страницах романа М. Фёдорова со всеми при-скорбными подробностями разворачивается поистине дьявольская интрига, следствием которой стал расстрел без суда летом 1931 года в оврагах под Бо-рисоглебском безвинных людей, в том числе и батюшки Николая, отца Гав-риила Николаевича Троепольского..

Почти до конца его дней над сыном священника будет висеть, как прокля-тие, мрачная тайна судьбы его отца. Местные власти, видимо, испугавшись возмущения народа, держали казнь в секрете, и долгие годы родственники отца Николая всё надеялись, что их батюшка жив, может быть, сослан на се-вер, может быть, вернётся.. Лишь под конец своей жизни Гавриил Николае-вич узнает подлинную участь отца.. Поразительная сцена из романа, когда следователь Степанов, ведший “дело” отца Николая и своей рукой, по сути, определивший ему смертный приговор, вдруг узнаёт в своей жертве того че-ловека, что спас его, раненного в бою чекиста, во время антоновского вос-стания в 1921 году, укрыл от мятежников, от неминуемой расправы. Совесть вдруг поднимается жаркой волной в этом человеке, он не находит себе места после расстрела обречённых и постепенно сходит с ума..

Однако именно оставление властью в тайне всего этого дела, видимо, по-могло детям священника Николая, в том числе и Гавриилу Николаевичу, не подвергнуться репрессиям как детям “врага народа”. Хотя молодой агроном Троепольский никогда не отрекался от своего отца, он успешно работал на опытно-селекционных станциях, где испытывал новые сорта зерновых, помо-гая своей работой становлению колхозной жизни. Первые его литературные опыты появляются тогда же. Сначала – под псевдонимом Лирваг (Гаврил – если читать от конца), а потом и под собственной фамилией “Троепольский” он начинает публиковать свои первые рассказы и очерки из сельской жизни в альманахе “Литературный Воронеж” и местных газетах. В нём просыпается неизбывная жажда творчества, что так свойственна всем, кто твёрдо ступил на нелёгкую писательскую стезю.

Дальше в судьбе писателя Троепольского была война, надолго прервав-шая его творческий путь. Не призванный в армию в силу своих служебных обязанностей – на нём висела ответственность за сортовые семена на опыт-ной станции под Острогужском, которую он возглавлял, он оказался в окку-пации, но выполнил задания советской фронтовой разведки, собирал сведе-ния о расположении немецко-фашистских войск и переправлял их за Дон, протекавший неподалёку от Острогужска. Не раз приходилось ему переправ-ляться через большую реку, бывшую тогда линией фронта, передавать со-

бранные материалы нашим военным и возвращаться обратно в тыл к немцам. Всё это было связано со смертельной опасностью: немцы вешали всякого, кого подозревали в борьбе против них. Часто видел агроном-разведчик трупы повешенных советских людей на улицах Острогужска, но самообладания не терял, в нужный момент мог и заступиться за обречённых.

Душа будущего писателя впитывала трагические подробности войны, не скоро всему этому дано было вылиться на белые листы бумаги, а когда вылилось, то не было на тех листах крови и грязи, мерзости и похабщины – в русском писателе, сыне земли-кормилицы, в конечном итоге победил Человек, способный впитать всё зло, всё добро нашей нелёгкой жизни и найти слитки золота и в душах людей, и в природе. “Золото, золото – сердце народное...” – не раз рефреном звучит некрасовская строка на страницах романа, и неслучайно.

Первую литературную славу Троепольскому принёс 1953 год, когда в мартовском номере журнала “Новый мир” вышли в свет его новые рассказы. Александр Трифонович Твардовский сразу подметил незаурядный талант писателя из глубинки, и страницы его журнала с тех пор были широко открыты для прозы Гавриила Николаевича. И так продолжалось всё время, пока Александр Трифонович оставался во главе этого издания. Он стал подлинным литературным отцом для Троепольского, любовь к этому человеку Гавриил Николаевич пронёс потом через всю жизнь и посвятил ему главный свой труд – повесть “Белый Бим – Чёрное ухо”, которую опубликовал уже в журнале “Наш современник” в 1971 году. “Наш современник” и стал его истинным духовным оплотом. С 1976 года он – член редколлегии журнала.

Так уж сложилось, что в большую литературу Троепольский вошёл уже зрелым человеком. В 1954 году его приняли в Союз писателей СССР, а ведь ему уже было почти 50 лет. Как утверждает М. Фёдоров, отношения его с воронежской писательской организацией складывались непросто, он всё-таки на всю жизнь остался “Человеком чернозёма”, а не литературным функционером по натуре, да иным он и не мог быть – время вырастило его, как хлебный колос из пашни. Никогда в жизни Гавриил Троепольский не участвовал ни в какой “литературной борьбе”, не добивался ни чинов, ни званий, ни наград, хотя по заслугам получил в 1975 году Государственную премию за “Белого Бима”. Он всю жизнь оставался очень рассудительным русским писателем, словно продолжая традицию корневой, почвенной нашей литературы, знающей правду земли-матушки, всё примиряющей, всё успокаивающей в себе.

Верно, он был очень похож на своего отца-священника и неслучайно роман М. Фёдорова заканчивается высокой нотой: уже на склоне дней, будучи всемирно известным писателем, Гавриил Николаевич добился раскрытия секретных архивов, из которых было извлечено дело его отца, пересмотрено, и доброе имя священника Николая Семёновича Троепольского вновь вернулось к людям. Сын оправдал своего отца! Разве это не достойный итог жизни?..

*В декабре Михаилу Фёдорову исполняется 60 лет.
Редакция журнала “Наш современник” поздравляет автора
и давнего друга нашей редакции с этим замечательным юбилеем!*

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

БЕЗ ЛИТЕРАТУРЫ

21 ноября рано утром, как когда-то в советские времена, в Кремль на очередной съезд советских писателей, только гораздо дальше от центра, аж на границу с МКАДом, в здание Университета Дружбы народов подтягивались писатели. А с ними и учителя, издатели, журналисты, артисты, телеведущие. В большой зал набралось около тысячи человек.

Независимо от цели встречи и места её проведения, я рад был этому событию, ибо имел возможность вновь увидеться с Олжасом Сулейменовым, Борисом Олейником, китайским славистом Чжэн Тиу, французским славистом Рене Герра, главным редактором газеты “Единение” в австралийском Сиднее Володей Кузьминым, да даже и с москвичами из другого Союза писателей Сергеем Чуприниным, Русланом Киреевым, Анатолием Кимом, Евгением Рейном, с кем мне редко приходится встречаться. Тут же и наша активная молодёжь: Сергей Шаргунов, Герман Садулаев, Андрей Рудалёв, Дмитрий Новиков, Алиса Ганиева, Всеволод Емелин... Они и сами не могут разобраться, кто из них в каком союзе состоит.

Инициаторами встречи выступили родственники и потомки классиков русской литературы. Честно говоря, была в этом какая-то искусственность. В чём-то прав Эдуард Лимонов, который, отказавшись от участия во встрече, сказал, что он бы послал к родственникам и потомкам какого-нибудь своего потомка. Эти потомки и сидели на сцене, оставив в центре место для Путина. Они и вели в процессе собрания главную дискуссию друг с другом: Достоевский спорил с Солженицыной, в какой из тюрем хуже сидеть, а Наталья Дмитриевна Солженицына дружески общалась с Александром Шолоховым. Елена Пастернак выступала против любого объединения писателей, и было непонятно, зачем она пришла на эту встречу. Вёл встречу советник Президента Владимир Ильич Толстой.

Ехидные либералы во главе со Сванидзе сразу же окрестили участников этой встречи “детьми лейтенанта Шмидта”. Но, скажу честно, дух встречи, её смысл был совсем в другом. Потомки были лишь красивой вывеской мероприятия, которое могло бы стать переломным в истории нынешней России.

Кремль решил провести некое объединяющее Российское литературное собрание, соединив и писателей из разных творческих союзов, и учителей литературы, и книгоиздателей, и журналистов, и даже артистов театра и кино – всех, кто хоть как-то связан с литературой. Пригласили славистов со всего мира, прессу. Слетелись литераторы со всей России. Денег не пожалели. И потому закралась у меня надежда, что и впрямь задумали нечто

серьёзное, объединяющее всю российскую литературу воедино, возрождающее единую российскую книготорговлю, поднимающее преподавание русской литературы в школе и вузах на самый высокий уровень.

У иных участников было мнение, что руководство России по-сталински решило, как в 1934 году, объединить все ЛЕФы, РАППы и так далее в единый творческий организм и сделать это новое литературное сообщество центром духовного единения страны, центром будущего развития её. Другие думали, что это поляковская группировка хочет таким образом сменить власть в литературном руководстве. Третьи решили, что действует “яснополянская мафия”, в которой числили меня чуть ли не “серым кардиналом”. Слухи ходили самые разные.

Если бы и впрямь было решено создать некую общую писательскую Ассоциацию, объединяющую все творческие союзы, я был бы только рад, о чём неоднократно и писал. За это на меня набрасывались мои патриотические оппоненты: как мы можем находиться вместе с нашими врагами? Как могут сидеть в одном правлении, к примеру, Станислав Куняев и Станислав Рассадин? Как объединить патриотику и либерализм?

Да не надо их объединять! Мои молодые или позабывшие прошлое оппоненты забывали, что те же Куняев и Рассадин сидели десятилетиями в одном правлении Союза писателей СССР — и ничего! И великая литература была, и никто не заставлял Куняева мыслить по-рассадински и наоборот.

А вот реально после такого объединения государство могло бы оказывать развитию литературы самую существенную помощь, да и писатель впервые почувствовал бы себя человеком в нынешнем обществе — это несомненно. Ведь пока в перечне российских профессий профессия “писатель” и даже просто “литератор” — не значится. Юридически мы в нашей стране — никто, не существуем. В своём выступлении на этой встрече наш Президент Владимир Путин, по привычке ругая советское общество, вдруг вспомнил Иосифа Бродского: “И пенсий нет. Согласен. В этой связи даже невозможно получить средства в случае болезни. Да, это реальная проблема. Но когда Иосиф Бродского, о котором вы вспомнили, высылали, и шёл судебный процесс, его судья спросил: “А что, вы ничем не занимались? Ничего не делаете?” Он говорит: “А я поэт”. Она говорит: “А кто вас назначил поэтом? Кто вам сказал, что вы поэт?” Тоже, понимаете, далеко не всё было в порядке...”

Но Иосиф Бродский хотя бы не числился тогда ни в Союзе писателей, ни даже в каком-нибудь профсоюзе литераторов — чиновникам было за что зацепиться. Сегодня будь ты даже членом десяти творческих союзов, для чиновников ты — никто. Тот же самый тунеядец! Разве что не высылают в Архангельскую область...

Государственная Ассоциация могла бы восстановить все литературные объединения при заводах и институтах (через которые, кстати, проходили и тот же Иосиф Бродский, и Николай Рубцов, и многие другие), пробить по примеру США ставку “поэт при университете”, куда бы каждый год назначали нового признанного поэта, выделяя ему грант на приличное годичное нормальное проживание, могла бы заставить наше телевидение восстановить беседы с писателями и критиками о современной литературе в самое престижное время на всех ведущих телеканалах. Много чего она могла бы...

Но на этом *распиаренном* Российском литературном собрании ничего подобного высказано не было. Если честно, нашу встречу нельзя было даже назвать литературным собранием, ибо это была лишь дежурная встреча Президента со своими избирателями, в данном случае — с писателями, журналистами, учителями литературы и книжными издателями. Да и вопросы, как правило, были согласованы заранее, отрепетированы. Никаких вольных выступлений. Впрочем, и выступающих, вернее, задающих вопросы Путину было не так уж много. Дали слово телеведущим Александру Архангельскому и Игорю Волгину, главному редактору “Литературной газеты” Юрию Полякову, главному редактору “Свободной прессы” Сергею Шаргунову, председателю Союза писателей России Валерию Ганичеву, ректору Литературного института Борису Тарасову, директору издательства “Эксмо” Олегу Новикову, актёру Сергею Безрукову.

Вот, пожалуй, и всё. Ни Сергею Есину, ни Владимиру Личутину, ни Олегу

Павлову, ни Дмитрию Новикову, ни Всеволоду Емелину, ни Александру Сегеню, Павлу Крусанову из Питера слова не давали. Отмолчались и Валентин Распутин, и Валентин Сорокин, и Евгений Рейн...

Как таковой современной русской литературы как бы и не было на этом собрании, а были лишь функционеры и руководители секций, кандидатуры которых были согласованы в администрации Президента. К примеру, нашей секцией критики руководила Ирина Барметова. Я ещё до собрания спрашивал у организаторов: что, ни одного критика не нашлось? Не подходил патриот Бондаренко, пригласили бы Сергея Чупринина, Евгения Сидорова, Павла Басинского. Мы хоть мало-мальски в литературе современной разбираемся. А кто такая Ирина Барметова? Когда-то она была младшим редактором в моём отделе критики, такая красивая молодая девушка, за которой я даже пробовал приударить. Со временем она стала главным редактором журнала "Октябрь". Очевидно, она способный менеджер, но за всю свою жизнь она не написала ни строчки! Какой критикой она может руководить? Найдите Андрея Немзера, Льва Данилкина, даже Наталью Иванову – было бы с кем поспорить о литературе! И я уверен, в этом выборе выступающих дело было не в их национальностях или идеологических пристрастиях, просто со всеми главными редакторами в Кремле хоть изредка общаются, инструкторы по культуре связываются с ними, все – проверенные клиенты. А мало ли что может наговорить Владимир Личутин, допусти его к Президенту? Мало ли что скажет Олег Павлов? Мало ли куда занесёт Всеволода Емелина?

Потому никого из ведущих критиков с вопросами к Президенту не подпустили – ни Сергея Чупринина, ни Капитолину Кокшенёву, ни Льва Пирогова, ни, естественно, Владимира Бондаренко, а ведь мы именно о современной литературе и её положении задали бы вопросы Президенту. Российское литературное собрание обошлось полностью без современной русской литературы.

Первого ряда литературы там просто не было. Еле уговорили придти Валентина Распутина, который решил отмолчаться, а после собрания не знал, куда себя деть. О нём все как бы позабыли. Не хотел идти и Владимир Личутин – тоже едва уговорили. Второй ряд литературы не был допущен к выступлениям. Зачем собирались?

Стремясь к объективности, я не скажу, что собрание прошло впустую. Очень по делу поговорили о преподавании литературы в школе, о возвращении школьных сочинений, очевидно, займутся и проблемой переводов литературы малых народов России – на собрании было достаточное представительство всех национальных литератур, от якута Николая Лугинова до чеченца Канты Ибрагимова. Думаю, хоть как-то займутся большой проблемой книготорговли, всё-таки найдут льготы для книгоиздателей и владельцев книжных магазинов, число которых стремительно сокращается по всей России. В малых районных городах их уже просто нет. Но тогда это не литературное собрание, а учительски-книготорговое, издательски-переводческое. Они должны быть рады, но какую литературу они будут поставлять на рынок, по каким книжкам учить детей – об этом не говорилось.

Я не верю в реальное улучшение современного литературного процесса ещё и потому, что воочию убедился, насколько Владимир Путин не приемлет органически любую идеологию общества. Раньше я думал, что это просто общие телевизионные слова, предназначенные западным слушателям. Нет, никакой общей идеологии, то есть комплекса государственных или национальных идей: Президент бежал от идей, как чёрт от ладана! Он не раз повторял, говоря о литературе: "По поводу творческих союзов. Вы понимаете, почему это произошло, мне объяснить не нужно. Так сложилось после развала Союза, после того, как все решили, что идеологические начала творческих союзов должны быть ликвидированы, и на самом деле это правильно. Но вместе с водой, как в таких случаях говорят, и ребёнка выплеснули, поддержка всем творческим союзам испарилась. Хотя её можно было бы деидеологизировать, но в каких-то формах сохранить..." Он даже не подумал: а возможна ли хоть одна яркая талантливая книга без идей?

Белых, красных, зелёных, даже голубых, но идей. Идей авангардных и идей традиционалистских. Президент как бы и зовёт писателей выступить

в поддержку рушащегося государства, но так, чтобы они при этом не высказывали никаких идей. Сам себе противоречит!

С одной стороны, Президент утверждает полную деидеологизацию общества, отрицает любую главенствующую идеологию нации или государства; с другой стороны, он же говорит: “Такой, что называется, литературной страны, как Россия, в мире, пожалуй, нет, несмотря на те проблемы, о которых я сказал, и известное снижение интереса к книге... Именно мы, без преувеличения, несём ответственность перед всей цивилизацией за сохранение русской литературы, за её сбережение, её колоссальный гуманистический потенциал. Наша задача – привлечь особое внимание общества к отечественной литературе, сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире...”

Я думаю, как можно оказывать идейное влияние в мире при отсутствии любых идеологий? Парадокс. Какая-то явная боязнь этого слова.

И второе, что поразило меня на этой моей первой личной встрече с Владимиром Путиным, ибо *телевизионным* словам я уже давно по привычке не доверяю. А здесь я видел живого человека, слышал его, чувствовал его волнение. И удивился какому-то бешеному антисоветизму, который сегодня уже как-то прагматически и не нужен. Не один и не два раза, говоря о проблемах преподавания литературы в школе и общей культуре общества, говоря о книжной торговле и об интересе к чтению, он каждый раз обязательно добавлял совсем не обязательную антисоветскую реплику. Вот примеры: “Мы не можем создать уравниловку советского времени, когда все получали 120 рублей, начиная от инженера и кончая преподавателем, и все счастливы были. Нет, не счастливы. В конечном итоге и страна-то развалилась. Понимаете, поэтому мы будем делать это и дальше, повышать уровень заработной платы в стране в целом, и вот так выстраивая свою политику в области доходов населения...”

Да не от этого страна развалилась, и не было сплошной уравниловки, доктор наук получал зарплату, как директор завода, высокий специалист, токарь или слесарь высших разрядов получали столько же, сколько и академики. А то, что учитель получал, как инженер, – это и было хорошо и инженеру, и учителю. А сейчас Грефу и Миллеру государство – не частная фирма! – платит миллионы долларов в месяц, а писатель за роман получает тысяч тридцать рублей. Или ему ничего не рассказали про писательские нищие гонорары, или ему Устинова с Акуниным нахвастались своими миллионами? Или это и есть искомая демократия?

О необходимости принять закон о творческих союзах, который переведёт писателей и их деятельность в правовое поле, вовремя сказал главный редактор “Литературной газеты” Юрий Поляков: “На сегодняшний день у российских авторов нет законного права быть писателями и объединяться в союз. Раньше союзы имели свои типографии, издательства, могли этим зарабатывать деньги для страны и на свои нужды. Сейчас писатели не могут получить пенсию за свои труды. Сейчас нужны правовые нормы о творческих союзах и статусе творческого работника”.

Президент в ответе Полякову, с трудом вспоминая его отчество, вынужден был сказать о духовном кризисе общества, о спаде нравственности, о варваризации, но при этом добавил: “Я о чём хочу сказать? О том, что много проблем у нас сегодня, очень много. И кое-что из того, что представляло реальную, основополагающую ценность, мы действительно утрачиваем. Но это совсем не значит, что у нас хуже, чем было в советские времена... Конечно, плохо, что профессия писателя не включена в соответствующий правительственный перечень, в перечень специальностей. Более того, даже дело не в перечне. Дело в том, что и в законодательстве она не упоминается... И пенсий нет. Согласен”.

Тем самым, он как бы признаёт, что всё плохо, но обязательно добавляет: “не хуже, чем было в советские времена...”

И вспоминает о процессе над Бродским, о деле Даниэля и Синявского, и, отвечая Сергею Шаргунову на вопрос о нынешних политических сидельцах, обязательно добавляет: “Не сердитесь, ради Бога, что я на вас напал, защищая нашу молодёжь. Я сам всё время говорю о том, что многое из прошлых лет, связанное с моральным состоянием общества, утеряно... Но разве в советские годы было всё нормально? Разве то морально-

нравственное состояние общества можно считать нормативным, когда Церковь загнали в подполье, а священников сотнями загоняли под лёд, во время массовых репрессий все, в основном, помалкивали. А вот сейчас молодой человек рядом с вами сидит – даже намёка нет ни на какие репрессии, на самом деле...”. И впрямь, рядом с Сергеем Шаргуновым сидел блестящий писатель, священник отец Тихон Шевкунов, автор книги “Несвятые святые”. И впрямь, были же когда-то репрессии, но помнит ли о них Владимир Путин? Может, тогда начнём выяснять, кто же загонял в двадцатые-тридцатые годы “священников под лёд сотнями”? Имеет ли это отношение к советской идеологии, или там кроются совсем иные причины? Какое-то антисоветское кликушество – сводить все репрессии к 1937 году или к истреблению священников в годы двадцатые. Может, опубликуем тогда под текстом Владимира Путина все фотографии тех, кто “священников под лёд сотнями загонял”, как это сделал Александр Солженицын в первом издании “Архипелага ГУЛг”. Но его же за это антисемитом обозвали!

И уже совсем в духе антисоветских агиток: “Но это не значит, что нужно вернуться к прошлому... Мы не сможем вернуть, наверное, способы материального поощрения писателей советского времени, когда писатель получал дивиденды с объёма изданной часто не литературы, а макулатуры, и сегодня это невозможно, сегодня нет таких агиток и так далее...”

Как уж он не любит эту “советскую макулатуру”! Неужели так пропитался ею? Только помалкивает про нынешние рыночные агитки. Конечно, как и в любой литературе, была в те времена и макулатура, но так ли она определяла советский литературный процесс? Не помню этого. Может, всё-таки талантливые почвенники спорили с талантливыми западниками, Иосиф Бродский поругивал Вознесенского, а Юрий Кузнецов – и того, и другого вместе? И читала их вся страна, миллионы читателей! Величие что имперской литературы девятнадцатого века, что советской литературы века двадцатого уже очевидно для всего мира.

Уверен, что и наш век скажет своё слово, но только *вооружившись величием замысла*, как говаривал Иосиф Бродский. Вот этого *величия замысла* русской литературы, мне так показалось, откровенно побаивается наш Президент. В своём ответе Юрию Полякову он сказал: “Только знаете что, я сразу хочу об этом сказать: наша помощь будет исключительно техническая и технологическая, чтобы никто ни вас, ни нас не трогал, не обвинял в том, что создаётся какая-то опять на потребу власти, провластная какая-то структура. Мы с удовольствием поддержим творческих людей, которые хотят объединить свои силы для того, чтобы выполнять, как вы высказались, такую социальную функцию – служение обществу. С удовольствием это сделаем, поддержим, конечно...”

Никакой конкретики: ни о новом законе о творческих союзах, ни о возвращении литературы на ведущие телевизионные каналы, ни о единой книготорговой сети – ни слова.

Разве что неожиданно для многих Президент Владимир Путин решительно поддержал Литературный фонд. Когда кто-то из участников собрания с места сказал: “Дело в том, что мы уже говорили на секции прозы о жалком существовании Литфонда. А нельзя ли вернуться к старой практике отчисления в Литфонд с каждого издания книг определённого процента?” – Президент чётко ответил: “Надо подумать. Не готов сразу ответить...”

То, что Литфонд нужно поддержать, у меня сомнений нет. Какие механизмы поддержки – подумаем, в том числе, может быть, и этот вариант. Ладно, подумаем...”

А ведь и впрямь будет здорово, если некий малый процент с каждой выпущенной книги будет идти в Литфонд или в Союз писателей. Никакой государственной поддержки не надо будет, писатели сами со всем справятся. Государство пусть только контролирует.

Владимир Путин выступил с предложением о том, чтобы сделать в России 2015-й годом литературы, порекомендовав писателям подумать над тем, как лучше всего реализовать эту идею. Дай Бог, чтобы из этого какая-то польза вышла.